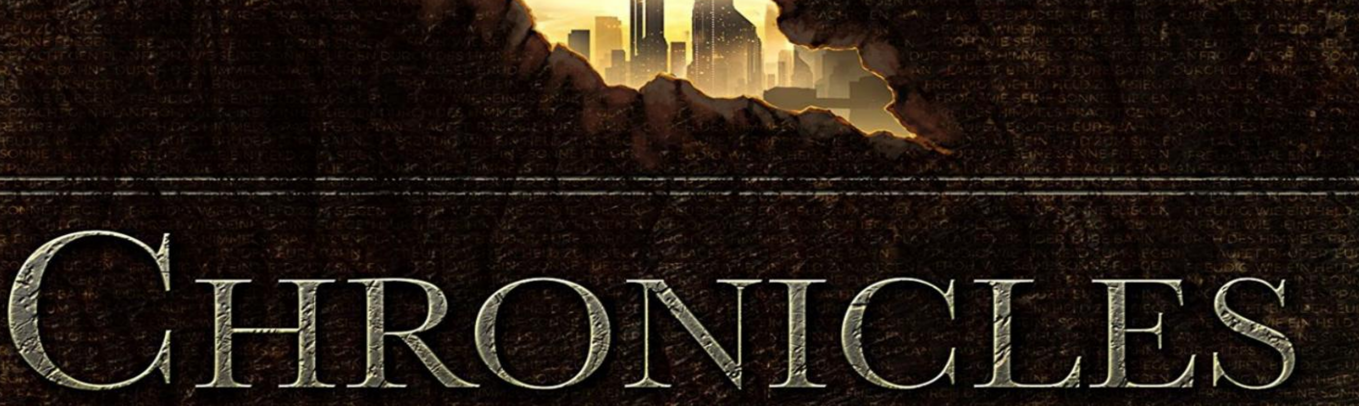

CHRONICLES FROM THE FUTURE

THE AMAZING STORY OF PAUL AMADEUS DIENACH

Based on his Diary Pages

ХРОНИКИ
ОТ
БУДУЩЕЕ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ПОЛ АМАДЕЙ ДИНАХ

На основе его страниц дневника

Под редакцией Ахиллеаса Сиригоса

Это Выход Продакшнс
ISBN: 978-618-82218-0-2
Первое издание Kindle

По сценарию Пола Амадея Динаха
Под редакцией Ахиллеаса Сиригоса

Дизайн обложки Джеффа Брауна
Перевод Элеоноры Кунени
Редактирование перевода Талией Бистикас
Дополнительный перевод Матины Чацигианни

Для жертв греческой депрессии (2009 г.) и миллионов иммигрантов, которые рискуют своей жизнью в Эгейском море в поисках лучшего будущего для себя и своих детей.

Оглавление

Machine Translated by Google

"Сэндс, у нас много телег"

*но мы станем намного лучше вас

Обязательная клятва юных спартанцев по отношению к пожилым [Плутарх: «Ликургос» 21]

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Во введении обычно делается попытка представить суть книги, выделяя наиболее важные элементы истории, которую вы собираетесь прочитать. Мое введение не делает этого. Скорее, я расскажу вам историю о том, как появился этот уникальный текст, о его путешествии с 1920-х годов до наших дней.

Это книга, содержащая дневник человека, который никогда не собирался раскрывать свои слова миру. В нем рассказывается об опыте, которым никогда не делились из-за страха насмешек и недоверия. По мере того, как вы просматриваете его очень личные мемуары, причина секретности вскоре станет ясной: автор утверждал, что жил в будущем, и вернулся в свою первоначальную эпоху, в Центральную Европу 20-го века, чтобы записать подробный отчет, точно изложив что произошло во время его путешествия.

Настоящими героями этой удивительной, правдивой истории являются два человека: Пауль Амадей Динах, автор, и Джордж Папахацис, ученик Динаха по изучению немецкого языка, которому он оставил свои записи - дневник, который вы сегодня держите в руках.

Заведя первые знакомства, приступим к распутыванию их истории шаг за шагом.

Пауль Амадей Динах был швейцарско-австрийским учителем со слабым здоровьем. Его отец был немецкоязычным швейцарцем, а мать — австрийкой из Зальцбурга. Динах отправился в Грецию осенью 1922 года, выздоровев после годовой комы, вызванной серьезной болезнью, надеясь, что мягкий климат улучшит его состояние.

Во время своего пребывания в Греции Динах преподавал уроки французского и немецкого языков, чтобы обеспечить себе минимальный доход. Среди его учеников был Джордж Папачатзис, студент, которого Динах ценил больше, чем кого-либо другого. Папахацис описывает своего учителя как «очень осторожного и очень скромного человека, который подчеркивал детали».

Динах, как мы узнаем от Папахациса, родился в пригороде Цюриха и прожил юность в деревне неподалеку от крупной швейцарской столицы. Позже он занимался гуманитарными исследованиями с сильным уклоном к истории культур и классической филологии. Считается, что в конце концов он умер от туберкулеза в Афинах, Греция, или на обратном пути на родину через

Италия, вероятно, в первой четверти 1924 г.

Перед смертью Пауль Динах доверил Папахацису часть своей жизни и души – свой дневник. Не сказав Папахацису, что это были за заметки, он оставил ему простые инструкции, что он должен использовать документы, чтобы улучшить свой немецкий язык, переведя их с немецкого на греческий.

Папачатзис сделал так, как просил его учитель. Сначала он считал, что Дайнах написал роман, но по мере того, как он занимался переводами, вскоре понял, что записи на самом деле были его дневником... из будущего!

На данный момент мы должны прояснить кое-что важное. Считается, что Динах страдал от летаргического энцефалита, странного неврологического заболевания, которое вызывает реакцию иммунной системы на перегрузку нейронов. В первый раз Динах заснул летаргическим сном на 15 минут. Второй раз на целый год...

В течение этого года, когда Динах находился в коме в цюрихской больнице, он утверждал, что вошел в тело другого человека, Андреаса Нортама, жившего в 3906 году нашей эры.

Оправившись от комы, Динах ни с кем не рассказывал о своем замечательном опыте, потому что думал, что его сочтут сумасшедшим.
Однако то, что он сделал, так это записал всю свою память, относящуюся к тому, что он видел в будущем. Ближе к концу жизни он даже прекратил свою преподавательскую деятельность, чтобы иметь как можно больше времени, чтобы написать все, что он мог вспомнить.

Динах описывает все, что он испытал в окружающей среде и людях 3906 года нашей эры, в соответствии с мышлением и ограниченными знаниями человека 20-го века. Это была непростая задача для Динаха. Было много вещей, которые он, по его утверждению, не понимал в том, что видел, и не был знаком со всеми их терминами, технологиями или эволюционным путем, по которому они шли.

В своих мемуарах он утверждает, что люди будущего полностью поняли его своеобразную медицинскую ситуацию, которую они назвали «сознательным скольжением», и рассказали Динаху все, что могли, в связи с историческими событиями, происходившими между 21-м и 40 век. Единственное, чего ему не сказали, так это точной истории 20-го века, на случай, если сознание Динаха вернется обратно в его исходное тело и эпоху (как он это сделал) — они считали, что было бы опасно сообщать ему его ближайшее будущее и будущее его эпохи в

случае это нарушило или изменило ход истории и его жизни.

Читая уникальное личное повествование Динаха страницу за страницей, вы сможете расшифровать то, что он якобы видел в отношении человечества, нашей планеты и нашей эволюции.

Многие могут задаться вопросом – что же происходило с дневником за все это время, с далекого 1926 года до наших дней, почти столетие спустя?

Джордж Папачатзис постепенно переводил заметки Динаха — с его не очень совершенным немецким — в течение 14 лет (1926–1940), в основном в свободное время и на летних каникулах. Вторая мировая война и гражданская война в Греции задержали его усилия по распространению удивительной истории, которая легла на его стол много лет назад.

В канун Рождества 1944 года Папачатзис гостил у друзей в доме, который также использовался греческой армией. Когда солдаты увидели записи Динаха, которые, разумеется, были на немецком языке, они конфисковали их, поскольку сочли их подозрительными. Они сказали Папачатцису, что вернут их только после того, как изучат их содержимое. Они никогда этого не делали. Но к тому времени Папачатзис уже закончил перевод.

Джордж Папачатзис пытался найти информацию о Динахе, посетив Цюрих 12 раз в период с 1952 по 1966 год. Он не смог найти ни его следов, ни родственников, соседей или друзей. Динах, который, как считается, сражался на стороне немцев во время Первой мировой войны, вероятно, никогда не называл своего настоящего имени в Греции, стране, воевавшей против немцев.

После окончания Второй мировой войны и Гражданской войны в Греции Папахацис передал переведенный дневник своим друзьям — масонам, теософам, профессорам богословия и двум немцам-антифашистам, — и после этого, когда все поняли, что у них есть в руках дневник хранился в тесном философском кружке и в Тектонической ложе, в которой он был высокопоставленным членом. Масоны очень серьезно отнеслись к книге, не желая, чтобы информация распространялась среди широких кругов. Они считали книгу почти священной, содержащей мудрость о будущем человечества, и лучше хранить ее только для немногих.

Наконец, после сильных споров, Джордж Папачатзис решил опубликовать «Дневник Динаха». Именно в этот период Греция вступила в самую тяжелую фазу семилетней диктатуры в 1972 году.

кругах, считавших книгу еретической, и падение диктатуры годом позже обрекли первое издание на забвение. Никто не интересовался будущим, когда настоящее было таким насыщенным и жестоким.

Все эти факторы, наряду с трудным языком и грубым стилем заметок Динаха, в которых смешались элементы его прошлого с его опытом будущего, сделали дневник еще более трудным для понимания.
Лишь у немногих хватило времени и терпения расшифровать секретные знания, закодированные почти на 1000 страниц.

Еще одно издание последовало в 1979 году в Греции под названием «Долина роз». Однако книга снова исчезла, и о ней почти не упоминали, за исключением тех немногих, кто знал о ее существовании.

После всей тишины Папачатзис умер, и его семья не пожелала продолжать его работу.

Я должен отметить, что, хотя Папахацис был всего лишь студентом во время получения дневника Дайнаха, он стал очень респектабельным человеком своей эпохи. Он был видным профессором административного права, ректором Университета социальных и политических наук Пантеона, членом-основателем Греческого философского общества и вице-президентом Государственного совета, верховного суда Греции. Он был человеком безукоризненного авторитета, который многим рисковал, публикуя работу Диенаха, и это само по себе свидетельствует о его непоколебимой вере в ее подлинность.

Прошло двадцать два года, прежде чем дневник снова взял в руки независимый издатель Радамантис Анастасакис, который решил переиздать оригинальный дневник в небольшом количестве.

Тогда я впервые обнаружил книгу и начал ее «реставрировать», без сантиментов, которые мешали Папахацису сделать что-то большее, чем точный перевод «священных» рукописей своего учителя. Спустя почти столетие после того, как был написан первоначальный дневник, эту задачу необходимо было выполнить, чтобы 21 ул. читатель века мог действительно понять, что хотел й человек века сказать двадцатый.

Так я и сделал, стараясь не менять содержание, но отфильтровывая ненужные заметки, относящиеся к ранним годам жизни Дайнаха, и подчеркивая его опыт будущего, но более простым языком и без пробелов, которые были в повествовании Дайнаха.

Я пытался сохранить истинную суть его истории нетронутой. Это был мой долг перед Динахом, чьи хроники из будущего полностью изменили мой взгляд на жизнь. Ни больше ни меньше. Моя единственная цель состояла в том, чтобы сделать ее доступной для всех вас, потому что, если опыт Дайнака действительно был реальным, эта книга содержит революционную информацию — то, что масоны ясно признали — и потенциально может радикально изменить ваш взгляд на мир и человечество.

Теперь, когда вы знаете предысторию этой уникальной истории, я просто передам будущее в ваши руки с выдержкой из предисловия к изданию 1979 года книги профессора Папачатзиса, человека, который лично знал Динах:

«Переводчик оригинальных текстов знал Динаха лично. Он считает, что вдохновение и написание этих текстов не были воображаемым творением Динаха, основанным на его образовании и проницательных способностях. Это настоящее явление парапсихологии, связанное с его жизнью. Может быть, он тоже добавил что-то свое, может быть, он не видел и не прожил все те события, которые так ярко описывает и преподносит. Несомненно то, что большинство основных элементов его текстов — это истинные переживания, которые он пережил; он прожил заранее часть грядущего, и с ним произошло метафизическое явление невероятной ясности — явление парапсихологии, которое редко бывает с такой интенсивностью и грубостью. Благодаря ему то, что будет происходить на Земле, начиная с последних десятилетий 20-го века до 3906 года нашей эры, теперь нам известно, по крайней мере, в общих чертах».

А теперь я оставляю вам дневник Динаха, хронику из будущего...

Ахиллеас Сиригос

май 2015 г.

ПЕРВЫЙ ДНЕВНИК

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

2 декабря 1918 г. Я

решил писать понемногу каждый день, чтобы понемногу, от начала до конца, рассказать свою печальную историю.

В течение первых двадцати одного года моей жизни вы могли бы подумать, что я был самым счастливым человеком на земле. С тех пор прошло одиннадцать лет — одиннадцать невыносимых лет. Единственное, о чем я сейчас мечтаю, это о каком-то утешении или о чем-то, что могло бы занять меня.

Кажется, что это было вчера, те счастливые дни жажды нескончаемого блаженства с Анной. Не может быть, чтобы эта любовь имела такой печальный и непоправимый конец, что Анна уже столько лет мертва, что все померкло. Нет, я не могу в это поверить. Целых девять лет без нее...

— Почему ты продолжаешь мучить себя, думая обо всем этом? они спрашивают меня. Я понимаю. Мне нужно закрытие, но его трудно найти.

Вы не знаете. Наша любовь не была обычной любовью. Мы еще учились в школе, когда полюбили друг друга. С тех пор я представлял ее имя рядом со своим.

Тот человек, который принес разрушение в нашу жизнь и отправил ее в могилу, никогда не любил ее! Он никогда не считал Анну своей единственной, как я. Он никогда ничего не видел в ее глазах.

Когда я был молод, я часами смотрел в свое окно, которое выходило на ее. А когда погода была ненастная, тогда я не сдвинусь с места ни на дюйм! Я видел, как спешили люди, улыбаясь при мысли о теплом супе и уютной постели дома, в то время как я желал, чтобы погода сохранялась, чтобы у меня было больше шансов увидеть ее.

«Что сейчас чувствует Анна? Как выглядит этот бесцветный мир в ее глазах?» Я бы подумал.

И когда я увидел ее при свете лампы, держащую вышиванку, моя тоска стала оправданной жизненной целью, моим спасением от одиночества...

Только по праздникам я желал хорошей погоды, потому что буря уменьшала мои шансы встретить Анну и ее семью в парке. Но все же я стал нервничать. Я должен был поприветствовать ее, и ее родителям было бы стыдно видеть, как я краснею от смущения.

Какими счастливыми были последующие дни! Незадолго до того, как ее брат уехал из города на учебу, я познакомился с ним поближе. Он пригласил меня к себе домой, и я действительно ходил много раз. Клянусь богом, мое знакомство с Анной произошло не по моей инициативе. Я бы никогда не нашел в себе мужества. Те, кто любил чисто и сильно в раннем отрочестве, хорошо это знают и глубоко понимают.

В первые дни даже Анна ничего не понимала; она просто с нетерпением ждала моего следующего визита, чтобы каждый раз дарить мне новый подарок: книги о путешествиях или цветные карандаши. Я до сих пор помню, как впервые увидел ее в церкви в белом. «Как ее ресницы сразу выросли такими длинными?» Я задумался. Я также помню, что в последний год моей учебы в средней школе все поля моих тетрадей были исписаны ею.
имя.

Однажды я не мог удержаться, и она заметила мои заплаканные глаза. Мы были в гостиной, перед нами на столе лежала огромная открытая книга. Рядом с ней сидела ее мать. Я никогда не забуду ее взгляд. Он принял форму огромного вопросительного знака. Это было так серьезно — слишком серьезно для ее лет.

Мы не обменялись ни словом и быстро закрыли книгу. Разозлившись на себя, я вытерла глаза, поспешно простилась с ее матерью и выбежала вон. Я плакала, пока не заснула той ночью. Я буду виноват, если больше никогда ее не увижу.

Прошло одиннадцать дней. Однажды рано утром, возвращаясь домой, я услышал шум, доносящийся из гостиной. Я вошел, и — кто бы мог подумать? — Анна была там со своей матерью! Прежде чем я смог собраться с мыслями, мне пришлось поприветствовать дам. Анна была совершенно невозмутима, как будто ничего не происходило. Мальчик никогда не смог бы маскироваться так хорошо, как она! Визит был ее идеей.

Потом пришла моя очередь уходить на учебу. Я отсутствовал год или два. К тому времени, когда я вернулся, она стала настоящей леди. В первый раз, когда я ее увидел, она не разговаривала со мной так, как раньше, и не смотрела мне прямо в глаза. И мой разум стал пустым, как у дурака, неспособного произнести несколько слов, чтобы составить предложение. Я покраснела и ответила на каждый ее вопрос односложно. Но все же я был так счастлив...

Теперь я возвращаюсь в те места, где я встречал ее снова и снова. Что еще мне сделать, чтобы справиться со своим несчастьем? Когда я пишу, мои слезы капают на свежие чернила, размывая буквы. Это нелепо-

Я знаю — 32-летний мужчина плачет, как младенец. Мне уже столько раз говорили, что я сам очень хорошо это знаю. Но, пожалуйста, прости меня.
Я просто несчастный человек, который слишком много пережил в жизни.

Тогда о нашей любви не знал никто, кроме ее лучшей подруги Амелии. Я даже не сказал своей матери, своему лучшему другу, моему герою! Сколько она сама пережила, с моими несчастьями и моими болезнями!
И даже сейчас, на смертном одре, она по-прежнему мое плечо, а не я ее. Я помню тебя, Мать, плачущей по ночам, и меня, не знающего, что делать. Я помню, как ты ходил к ней домой, чтобы увидеть ее, когда она болела, и ее родители говорили тебе, что больше ничего нельзя сделать, никакой надежды. И они не позволили тебе увидеть ее. Они даже не дали мне увидеть ее.

4 декабря 1918 г. Наше

тайное счастье длилось несколько месяцев. Не помню, какой это был сезон. Говорили ли о нас другие люди? Я тоже этого не помню. Единственное, что я помню, это ты. Каждый мой будущий план, каждая моя мысль, каждая моя надежда были сформированы тобой и приняли твою форму.

Потом мне предложили место в этой школе. Я воспринял это как хороший знак и был вполне счастлив, так как был финансово независимым и мог видеться с ней каждые три месяца. Потом прошел еще год. Ее мать умерла. Я, наконец, накопил немного денег, чтобы начать свою жизнь с ней. Она писала мне, что ей очень грустно. Я предположил, что причиной была недавняя смерть ее матери. Я ошибался.

Когда этот человек появился и попросил у отца Анны руки и сердца, ее отец умолял ее согласиться, солгав ей о своем финансовом положении. Он месяцами умолял ее, понемногу сгибая ее волю. Только после смерти Анны я узнал всю правду о том, как ее отец воспользовался ее любовью и привязанностью к нему. Если бы ее мать была жива, она бы почувствовала боль в своем сердце.

Даже сейчас Амелия говорит мне о том, как Анна разрывалась между тем, чтобы сделать своего отца несчастным, и тем, чтобы навсегда разбить собственное сердце, зная, как сильно это заставит ее страдать. Она часами плакала на руках, и Амелия уговаривала ее немедленно уйти из дома, но она никогда не могла сделать этот шаг.

Последнее желание матери на смертном одре — чтобы Анна слушалась отца — запечатлелось в ее сознании и определяло каждое ее движение. И так, из

неправильное понимание долга, она была поглощена идеей жертвы.

Однажды утром я получил письмо от мамы. Брат Анны искал меня. Я встречался с ним. Он попросил моей помощи. Им так и не удалось убедить ее выйти замуж за этого мужчину. «Вы когда-нибудь задумывались о том, как будете жить, в каких условиях? Что ты можешь ей предложить? он спросил меня. Я попросила его уйти, проклиная его, а потом пошла домой и плакала, потому что обидела того, кого она так любила.

Мне удалось увидеть ее пару раз. Она выглядела счастливой. «Не волнуйтесь, они не могут заставить меня выйти за него замуж против моей воли», — сказала она.

На всю оставшуюся жизнь — неважно, как долго она продлится — память о ней в ту ночь, когда я в последний раз видел ее живой, стоящей передо мной, всегда будет свежа и ярка в моей памяти. Она не была грустной. Напротив, она была полна оптимизма. Она смеялась. Я не мог перестать смотреть на нее. Мы были на «нашей» горке. Я прижался губами к ее волосам. Вокруг нас только цветущие ветрянки.

«Достаточно на сегодня... Пойдем назад... Мне нужно быть дома рано», — сказала она.
«В следующий раз, когда мы будем здесь, я сделаю венок из ветровых цветов. Ты наденешь его мне на голову?»

«Пообещай мне, что я увижу тебя снова; что они не собираются тебя сгибать».

«Мы приедем сюда еще, — пообещала она, — клянусь вам, что мы еще вернемся».

6 декабря 1918 г.

Проклятые боли никогда не проходят... Врачи велели мне отдыхать. Что я говорил? О, да! Однажды мама попросила меня отправиться в путешествие. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, почему. Это был период, когда Анна должна была выйти замуж. Не вините ее...

Анна умерла через два года после свадьбы. Она начала терять вес. Муж сказал, что она никого не слушает и не осторожничает со своим здоровьем. Врачи сказали им, что она не должна забеременеть. Она умерла, не успев выкормить своего младенца...

Вернувшись из поездки, я на год стал затворником, ни с кем не контактируя. Мои волосы и борода отросли до груди. Единственной компанией, которую я хотел, была компания Амелии.
Анна была больна, но тогда еще жива.
Однажды днем в 1909 году я услышал стук в дверь.

"Открыть! Это я. Амелия!"

Я сбежал вниз и едва дал ей ни секунды, чтобы отдышаться.

"Что случилось? Она мертва? Скажи-ка!" — спросил я, тряся ее. Ее глаза были красными.

"Послушай меня! Ты должен пойти со мной прямо сейчас. Она хочет тебя видеть.

Амелия сказала мне, что Анна спрашивала обо мне, особенно ночью. И она продолжала говорить, что хочет ветряные цветы. Но только сегодня ее муж позволил Амелии рассказать мне. Сегодня, потому что врачи сказали, что конец был очень близок. Его не было дома. Он специально ушел, чтобы мы не пересекались.

Первой мыслью, которая пришла мне в голову, было то, что я не видел Анну ни разу с момента ее свадьбы. Я не мог думать ни о чем другом. Мы ждали до наступления темноты. Их дом был одним из лучших особняков в штате. Мы с Амелией вошли и направились прямо в ее комнату. Анна сидела в своей постели. На ее иначе иссохшем лице осталась только сладость. Она была одета в шелковое платье и уложила свои длинные локоны в свою любимую прическу. Первым словом, которое она произнесла, было мое имя. Она улыбнулась, выражая столько счастья, сколько еще могло выразить ее лицо. Она протянула руку. Я взял его в свою и начал целовать.

— Ты пришел, Пол! Ты пришел! Я так рада, что ты пришел! Рад видеть вас в последний раз, теперь, когда конец близок... И раз уж мой муж позволил...

Я встал на колени возле ее кровати и попросил ее остановиться. Я сказал ей, что она выздоровеет, и все будет хорошо. Она продолжала тянуть мою руку к своему бледному лицу и губам и вздыхала, как будто с облегчением.

— В последний раз, когда вы ее видели, — сказала Амелия, — когда она поклялась, что вернется, она действительно верила, что сможет... Анна согласно кивнула. «Но потом ей стало хуже, и она не смогла. С тех пор это стало бременем для ее души, и поэтому она просит вас простить ее...»

Я простил ее всем сердцем. Я поцеловал ее волосы, как раньше, и вдруг ее лицо озарилось удовольствием.

Мы дали ей немного отдохнуть, а потом она сказала мне: «Когда я уйду, я хочу, чтобы ты время от времени посещал наш холм. Деревьям и траве может быть чем поделиться с вами. Не забывайте меня. Если ты останешься верен нашей любви и не покинешь меня, я никогда не брошу тебя. Я буду рядом с тобой,

Пол... Рядом с тобой и моим ребенком. Когда бы я ни понадобился, я буду рядом...»

Я проводил Амелию до ее дома, а затем вернулся к себе в полночь, охваченный странной смесью боли и счастья. "Что это?" Я подумал: «Почему я так уверен, что увижу ее снова?»

В среду вечером я увидел ее. В воскресенье она умерла.

17 января 1919 г.

Сегодня утром, в 8:40, исполнилось два года со дня моего пробуждения. Именно тогда я открыл глаза и снова стал самим собой. Я помню, шел снег. Мама лежала на полу рядом со мной и плакала от радости. "Что случилось?" Я спросил ее. Я получил ответ от нашего семейного врача: «Ну, пора уже проснуться! Ты побил все рекорды!»

Видимо, это была какая-то летаргия. Я спала две недели.

Врач в модном галстуке пытался меня подбодрить. У него не только не получилось, но вместо улыбки на его лице расплылась гротескная ухмылка.

Шли месяцы, и я стал чувствовать себя лучше. Я набрался храбрости. В конце концов, человек может привыкнуть ко всему...

«Теперь, когда вы знакомы с моим случаем, — сказал я однажды врачу, — мне не нужно бояться быть похороненным заживо...»

23 января 1919 г.

Четвёртый туманный пасмурный день подряд. Что можно делать в такую погоду?
Друзья больше не приходят ко мне в гости. Я читаю книгу по истории. Начиная с начальной школы, история всегда имела власть унести меня. Я помню, как тогда подумал, что мы все родились в определенном месте и в определенное время по простому совпадению. Мы легко могли родиться в совершенно другой стране, культуре и даже веке, с совершенно другими друзьями, занятиями и возлюбленными. Но мы не могли бы знать ничего из того, что должно было произойти позже, то есть сейчас.

Пытаюсь читать, но заставляю себя. Тогда я по-настоящему увлекался тем, что читал. Уже нет. Сегодня мое одиночество достигло глубочайшей глубины.

8 февраля 1919 г. Я

снова стал видеться со священником. Он никогда не заставлял меня говорить, и это успокаивало меня. Амелия объяснила ему, что мне нужно время. Он уважал это.

Вот почему я пошел. Он сказал, что ему нравится со мной разговаривать. Я сделал то же самое. Разговор с ним всегда был очень интересным. У него был позитивный образ мышления и ясные суждения, свободные от предубеждений и стереотипов. Его ум был сильным и ярким.

Я посмотрел на его библиотеку. У него было почти все: от мистиков Востока и ионийских философов до современных философов западной цивилизации.

«Я вижу, ты пялишься на эти бесполезные книги», — сказал он мне, как будто мог читать мои мысли. «Не ждите от них великих дел. Я прочитал их все. Я знаю все, что было сказано самыми яркими умами всех времен. Но я никогда не почувствую той силы, которую истинная любовь должна вознести на высшую точку знания.
Я никогда не испытаю такой любви».

Он повернулся ко мне. Впервые он, такой благоразумный и тактичный человек, намекнул на Анну, хотя и косвенно. Он ждал от меня помощи, понимания. Он надеялся почувствовать, что такое любовь, пусть даже косвенно.

«Она сказала мне, что будет со мной, что время от времени я буду чувствовать ее близость к себе. С тех пор прошло десять лет. Никогда, ни разу я не получал от нее знака. Ты скажи мне тогда, отче, как согласуется понятие о нетленной душе, о которой ты проповедуешь, с полным отсутствием всякого общения с теми, кто нас так возлюбил?»

«Если вы ищете убежища от моментов боли, мне нечего предложить вам, кроме веры — любой веры. Но давайте сосредоточимся на вас. И я говорю с вами как брат, а не как священник. Если бы я был на вашем месте, я бы не связывал свои надежды и будущее с этим обещанием. Все эти годы вы были поглощены чрезмерными размышлениями в ущерб своему психическому здоровью. Почему? Вы считаете это здоровым или правильным? Разве у вас не было достаточно опыта, чтобы знать, что не следует полагаться на нереалистичные ожидания? Тебе нужен знак? Почему Творение должно открывать вам свои тайны? И почему под единственным предлогом отсутствия знаков вы их вообще отбрасываете? И как вы уверены, что они не были открыты вам, но нашли вас слишком слепыми, чтобы заметить или понять их?

У меня не было контраргументов. Мы посидели там некоторое время друг напротив друга, не разговаривая, а потом ушли.

В ту ночь я молился после очень долгого времени. Я попросила Господа успокоить меня и показать, что мои сомнения беспочвенны. Ничего такого. Но потом я заплакала. я

успел заплакать! Мог ли это быть тот знак, который я искал?

24 февраля 1919 г.

Мысль о том, что я могу уйти из этой жизни, уйти раз и навсегда, поначалу была очень привлекательна. Так много людей исчезает каждый день, людей всех возрастов. Ничего нельзя исключать. Однако мысли о самоубийстве не приходили мне в голову. Я не знаю, была ли виновата моя мать или моя трусость, или, скорее, чистый эгоизм, порожденный этой открытой раной в моем сердце.

Одна только возможность, однако, утешала меня. Я смутно предвкушал разрыв связей. Если она ушла, я пойду с ней. Так просто, как, что. Это была мысль. И она будет ждать меня там, неизменная, и все вернется на круги своя.

ВТОРОЙ ДНЕВНИК

3 года спустя

(дневник Пола Динаха, который он написал, когда вышел из второй комы)

ПРОБУЖДЕНИЕ

16 июля 1922 г.

Подготовка к путешествию вместе со всеми забытыми вещами, от которых я решил избавиться, указали мне путь к моей старой библиотеке, где, спрятанный за рядами книг, был дневник, который я вел три года, с 18 декабря по 21 февраля. Во время моей болезни некоторые друзья занимались домом, особенно после смерти моей матери. Прошлой ночью я сидел и пролистывал его, изредка просматривая некоторые страницы. Читая между строк, я на мгновение заново открыл для себя себя прежнего, которого я давно потерял где-то среди всех невероятных вещей, которые произошли со мной за это время. Я вновь испытал это бесхитростное чувство с таким искренним, чистым трепетом, вдыхая этот чистый аромат верности единственной любви в моей жизни.
Что-то такое редкое. Я уже тогда знал, что это бесполезное занятие, но все же не мог поступить иначе.

Многие вещи во мне теперь другие, изменились. И на данный момент, будучи старым псом, я могу сказать вам, что эти моменты стоили всего.
Они были драгоценны, даже если люди думали, что это не что иное, как следы ненормального темперамента.

О, моя драгоценная Анна... Прости меня. Почему я не думаю о тебе чаще?
Почему твоя память не переполняет меня, как раньше? Но эти невероятные страны, в которые я поехал, изменили для меня все. Ни мой маленький родной город, ни моя первая любовь уже не достаточно велики для меня.

Но это не причина. Не может быть! Если бы это было так, я бы не заслужил твоего прощения. Этот жизненный путь и моя судьба напоминают мне миф, который мне рассказывали, когда я был еще мальчиком: миф о несправедливо убитом человеке. Годы и годы его душа блуждала в пустыне ночи. Вы все еще могли слышать грохот его цепей. Но после того, как правосудие восторжествовало, о нем больше ничего не было слышно.

Мои первые дни назад, два месяца назад, односельчане встретили мой здоровый и изменившийся вид с полнейшим удивлением. Их радость казалась искренней. Большинство из них приняли меня за мертвого. Однако, к счастью для меня, врачи в Цюрихе считали иначе и поэтому позволили мне лежать в постели целых двенадцать месяцев — с мая 21-го по май этого года — и кормили меня через трубку специальной жидкой пищей.

Моя мать умерла до моего возвращения. Она ушла с болью в сердце,

невыносимая боль матери, у которой не было возможности снова увидеть своего ребенка сильным. Все волнение и радость, которые я испытал, вызванные моим психологическим воскрешением, вначале были омрачены моим горем по поводу утраты матери. Мой Господь, прости эту святую женщину и позволь ей упокоиться с миром.

Священник уехал в Италию. Мне до сих пор стыдно за сомнения, которыми я поделилась с ним, за свое неверие: ужасный грех. С другой стороны, он и понятия не имел обо всех невероятных вещах, которые последовали за моей трехлетней борьбой между скептицизмом и раскаянием.

Я пытаюсь отогнать все эти мысли, используя в качестве инструмента энергию, энергию, которой я никогда не мог себе представить. Я постоянно в движении. Я позаботился обо всех вопросах наследства, продал свою землю, в свободное время работаю в поле и стараюсь всегда чем-то заниматься. Но когда наступает ночь и все мои друзья уходят, все эти воспоминания, такие недавние, но в то же время такие далекие, возвращаются и преследуют меня, прежде чем я засну. И когда наступают такие моменты, я не могу не думать о том, что я потерял...

Время от времени мне кажется, что я потерпел крушение в настоящем духовном кораблекрушении. И я не могу никому говорить о своих превратностях; Я даже не могу признаться в этом священнику. То, что я знаю, не может быть даже постигнуто человеческим разумом. Безжизненная бумага, на которой я пишу, больше не просто безжизненный лист бумаги; это мое самое я. И я очень хорошо знаю причины моего твердого убеждения. И никогда, пока я живу и дышу, я не буду бояться, что кто-нибудь будет смеяться над тем, что я испытал и видел своими глазами. И я верю им со всей силой, что осталась во мне.

21 июля 1922 г.

Число моих товарищей по вечернему одиночеству сокращается. Возможно, они правы. Каждую вторую ночь нечего сказать. На данный момент моими компаньонами в большинстве случаев являются мои книги, и я доволен этим. Кто бы мог подумать, что все, что вошло в историю с момента их написания, оправдает ценность их содержания? Мои собственные старые детские увлечения — Шиллер, Гёте, но и более поздние имена, такие как Эйнштейн, Швейцер, Бертран Рассел, Томас Манн и Метерлинк, — я не могу выразить, какое странное чувство вызвала бы у меня встреча с ними. Я — и только я — мог рассказать им о ходе последних лет их жизни, о том, как их дело будет прославлено в истории, об их конце, о том, чего они никогда не знали и знать не могли.

Я сижу у подножия дерева, охваченный безбрежностью существования, блуждающего вокруг меня. И все же я чувствую, что с этого самого места я могу разрезать вселенную пополам и втиснуться в нее!

10 августа 1922 г.

Сегодня вечером я прошел через ад. С одной стороны, я чувствовал желание рассказать обо всем, что я знаю, освобождая свою душу, но с другой стороны, я знал, что должен заставить себя похоронить все глубоко внутри навсегда!

Где ты, Мать? Был бы ты жив, я бы тебе все рассказал! Тебе, все! Я знаю, что ты всегда будешь уважать то, что сейчас является самым священным в моей жизни.

14 августа 1922 г. Два

дня назад я встретил отца Джейкоба на улице. Он вернулся из поездки в Италию. Я поблагодарил его за всю помощь и поддержку, которые он оказал моей матери во время моей летаргии. Я сказал ему, что навещу его послезавтра, что я и сделал. Мы сидели в его саду. Как по-другому было чувствовать себя рядом с ним на этот раз! Все сомнения, которые у меня были раньше, теперь давно развеялись.

«Отец, я уже не тот человек, которым был раньше. Если бы вы только знали об изменениях, через которые я прошла...

Я напомнил ему о своих прошлых мыслях и своих неуважительных выводах и заверил его, что больше не разделяю той же точки зрения, что и я прежний. В то же время, однако, я чувствовал, что не имею права говорить с ним более подробно. Он казался очень взволнованным тем, что вера говорила со мной.

«Я был не прав, отец. Если бы ты только знал все великие вещи, которые существуют». Я внезапно остановился. Тон моего голоса удивил даже меня. Священник смотрел на меня, затаив дыхание.

«Даже самая сильная боль приветствуется, как физическая, так и душевная. Оправдание придет в конце. Ни один вздох не должен исходить из человеческих уст».

А затем наступила минута молчания. Священник заволновался.
Он выглядел так, как будто пытался заставить меня говорить, не спрашивая меня об этом.
Наконец он сказал: «Видишь, сын мой? Это вера!»

— Нет, отец, нет, — ответил я спокойным и уверенным голосом. «Меня изменила не только вера. Вы даже представить себе не можете, что там на самом деле. Человеческий разум не способен осознать ее величие».

Я больше ничего не открывал. Но я уже сказал слишком много, больше, чем я имел право к.

Сначала отец Джейкоб терпеливо ждал, пока я продолжу. Затем он начал спрашивать меня, по-своему небрежно, косвенно. Потом он начал умолять меня. Он называл меня «сын», он называл меня «братом» и напомнил мне о наших прошлых дискуссиях еще зимой 1919 года. Наконец, он утверждал, что грех верить, что что-то может быть исключительно нашим, заканчиваясь как это что-то в конечном итоге станет бременем на моей совести. Я сожалел, что сказал все это и испортил эти священные истины, придав им форму человеческого разума.

Со вчерашнего вечера я думаю, что между мной и священником что-то изменилось, и что наша давняя дружба теперь осталась в прошлом.

16 августа 1922 г. В

такие летние дни небо такое чистое, почти прозрачное, а ветер такой прохладный, что полдень напоминает кристально чистое весеннее утро. Я рад, что отложил на завтра все свои дела, всю бумажную волокиту, всю скучную серьезность будней. Такое утро не предназначено для того, чтобы проводить его в четырех стенах. Следует считать грехом работать в такие божественные дни. Теперь я понимаю, почему мы, все черви этой земли, должны дважды подумать, прежде чем обратиться к божественному. Мне сказали, что все великие вещи, которые нас окружают, находятся далеко за пределами возможностей нашего ограниченного разума. Вот почему маленькие дети радуются пустякам и, исходя из этого, несомненно, гораздо мудрее нас.

Прости меня, Небесный Отец, за недостаток веры.

17 августа 1922 г.

Когда трое людей разговаривают на тротуаре глубокой ночью, естественно, кто-нибудь может их подслушать, как бы ни были тихи их голоса, особенно если чье-то открытое окно находится прямо над их головами.

Полчаса назад я столкнулся с такой досадной ситуацией, когда они не знали, что я их слушаю. Сначала они громко говорили о местных делах. Я услышал низкий голос хозяина гостиницы, характерную интонацию голоса нашего семейного врача и третьего человека, голос которого я

не мог распознать. В какой-то момент они поняли, на чем стоят, и перевели разговор на меня. Они спросили врача, что именно со мной не так, и он прочитал им короткую лекцию о летаргии. Двое других продолжали задавать вопросы, в то время как несколько «ш-ш-ш» прерывали разговор каждый раз, когда кто-то повышал голос.

Тогда идея пришла мне в голову. Я вспомнил мотив из второй части Мессы Рутемира . Раз, два, три раза я проиграл его в голове без единой ошибки. Я мог легко сыграть ее на фортепиано. Я сел на свой табурет с открытым окном, и тут божественная мелодия нарушила ночную тишину, как буря счастья, подлинное выражение знания будущего. Потом я подошел к своему окну. Врач, владелец отеля и третий мужчина все еще стояли и разговаривали, как будто ничего не произошло.
Невероятный! Я думаю, что даже полчища батраков, возивших массивные камни для пирамид, были бы менее равнодушны к звучанию этой мелодии.

Через несколько дней я уезжаю в Афины. Я уже сделал все приготовления. Мне нужен более умеренный климат — в этом со мной согласились медики. Душа моя здорова, но тело мое немощно; туберкулез так и не прошел. Я знаю, что у меня осталось не так много времени. Может пару лет...

НОВАЯ ЖИЗНЬ В АФИНАХ

Афины, 20 октября 1922 г.

Сейчас я чувствую себя так уютно в белом городе. Я привыкла к теплу зимнего солнца, голосам уличных торговцев, запаху хризантем и пыли, поднимающейся от экипажей. Думаю, я отлично впишусь сюда. Но самое большое удовольствие для меня — выйти по вечерам и заблудиться на многолюдных улицах, среди ярких витрин и характерного ритмичного стука резиновых колес телеги. Вы должны быть либо больны, либо сошли с ума, чтобы оставаться дома в сумерках. Никто в этом городе больше не находит удовольствия оставаться дома.

Место плохое. Это видно по множеству нищих на улицах и любезным старикам с их измученными скрипками. Но женщины здесь все ухоженные и элегантные с необъяснимым видом истинного благородства.

Я просто вспомнила, не особо желая, какие-то несправедливые слова, которые Стефан произнес однажды в разговоре, когда задавался вопросом, каково было бы «внезапно очутиться в самом сердце 20-го века, среди самых гордых и непокорных из слаборазвитых и почти нецивилизованные народы Юга», чтобы подчеркнуть, что культурные центры теперь переместились на север. Какие невежественные мнения формируются при отсутствии каких-либо исторических знаний! Я вот думаю, Стефан, мой друг из будущего, при всей своей гордости и привязанности к древней скандинавской крови, текущей в его жилах, легко пришел к неоправданным выводам о «нецивилизованном Юге». Но я, наоборот, хорошо знаю все те излишества, в которые ввергалась эта счастливая раса. И я говорю «повезло», потому что оно ничего не могло бы добиться само по себе. Они были просто представителями другой большой победоносной силы, с разрешения которой они пришли и повторно колонизировали этот измученный континент, который был почти уничтожен роковой войной 87 года (наш 2309 год нашей эры). Именно тогда произошла среднемасштабная ядерная война, уничтожившая всю Европу за исключением Скандинавии. (Затем Европа была повторно колонизирована в основном оставшимися северными европейцами).

А что касается греческой нации, я думаю, что нет более расслабленной нации под средиземноморским солнцем. Если только все не притворяются, включая мою квартирную хозяйку, которая делает все, что в ее силах, чтобы помочь и угодить мне, и маленького восьмилетнего мальчика, который опоздал в школу, чтобы он мог довезти меня до Одеона Ирода Аттика на своем собственный, и даже не

прими совет, который я ему дал.

Не знаю, как остальные, но я мог ходить по самым отдаленным и укромным улицам и районам после полуночи, чувствуя себя в такой же безопасности, как и средь бела дня. Здесь я встретил и достойные нравы, и замечательную местную культуру.

На этих средиземноморских берегах зародилась цивилизация, и я горжусь тем, что живу здесь сейчас. Мне так легко в этой чужой, но такой любимой стране среди чужих. Теперь я прекрасно устроился в своей скромной комнате. Единственное, чего я боюсь, однако, это того, что я снова начинаю чувствовать ту же тяжесть в груди, вызванную сознанием моих сочтенных дней.

Среда, 2 ноября 1922 г. В чужой стране

первые несколько недель довольно трудны. Все — утро, вечер, привычки, то, как вы планируете провести день, — нужно переопределить. Однако я искренне верю, что со временем все станет лучше; и я полагаюсь на заверения г-на Де Ла С, что он порекомендует меня некоторым из своих студентов, изучающих немецкий язык, которых у него предостаточно. После посещения археологической школы с рекомендательным письмом от г-на М. у меня есть все основания для оптимизма.

В последние несколько дней погода напоминает мне о доме, и одиночество продолжает затоплять мой мир и мои глаза. Если я найду студентов для репетиторства, я приму их всех, даже если мне недоплачивают, в надежде наконец встретить кого-то, кому я действительно могу доверять и с кем я могу общаться. Хильда, Стефан, Сильвия, где вы?

В этот вечер я сел напротив Парфенона — с северной стороны — и на несколько часов погрузился в размышления, а мой взгляд ласкал высеченные в скале надписи. Внезапно тихие приближающиеся шаги прервали мои мечтания. Я поднял голову. Это был высокий, внешне образованный молодой человек. Он извинился по-французски. Я представился, и он пожал мне руку, выражая радость по поводу того, что я не пруссак. Это все, что он понял из моего акцента.

«Я понимаю... я очень хорошо тебя понимаю», — сказал он мне. «Когда вы полностью концентрируете свои мысли на этой скале, не позволяя своему уму думать ни о чем другом, вы как будто живете в той эпохе, две тысячи лет назад. Что еще мог увидеть тогда человек, если склонился над этим местом на пару минут? В те минуты эта скала была бы их миром».

Я увлекся и ответил ему: «И через столько же лет будет все так же. Эта земля имеет крепкие и прочные основания. Столько всего произойдет за это время, так много изменится к тому времени, и все же этот кусок скалы останется точно таким же. Это невероятная вещь! Итак, глядя на это и забыв обо всем остальном вокруг нас, не кажется ли нам, что мы живем в будущем на мгновение?

Он обернулся и пристально посмотрел мне в глаза. Я замолчал.

— Вот только, — сказал я через минуту, словно вдруг что-то вспомнив, — разве что тогда вокруг него не было бы решеток. Они бы покончили с ними».

Он посмотрел на меня со странным выражением лица, вопросительным взглядом. Казалось, он немного обиделся не на то, что я сказал, а на простой и уверенный тон моего голоса.

«Мне пора идти, — сказал он сразу после этого, — двери закрываются на закате».

ПРАВДА О ЕГО БОЛЕЗНИ

20 марта 1923 г. Ну

вот, опять. Легкая одышка и небольшой, но постепенный подъем лихорадки каждую ночь возвращались с теми же враждебными намерениями, с той же злобной настойчивостью, намеками на маленькие и коварные трещины во мне.
Конец близок; Я должен разобраться с этим сейчас. С каждой секундой необходимость излить душу становится все более настоятельной. В том возрасте, когда другие люди чувствуют себя молодыми и строят планы наперед, я умираю с безжалостно невыносимым моральным бременем внутри себя.

Все в моем родном городе знают, что врачи ошибались, полагая, что болезнь, мучившая меня четырнадцать дней в 1917 году, больше не вернется, чтобы мучить меня снова. Он вернулся еще раз, но не на пару недель, как раньше, а примерно на двенадцать месяцев. Они помнят, как меня доставили в Цюрих в середине мая 1921 года, и я выглядел как мертвец.
Там все это знают. Чего они, однако, не знают, так это того, что в первый раз, когда я выздоровел, я ничего не помнил из времени моей болезни: для меня это было так, как будто я потерял связь с собой и миром только на секунду, не на две недели. Наоборот, когда я открыл глаза во второй раз, меня наполнили свежие, кристально чистые воспоминания о настоящей 360-дневной жизни, такой недавней и такой яркой в моем сознании!

Вы можете дать любое объяснение, которое вам больше подходит — медицинское, научное или любое другое, — и я приму их все. Только не говорите мне, что это был сон или плод моего воображения, потому что вы никогда не ошибетесь больше! Есть вещи, которые человеческий разум не знает и не понимает. Только если кто-нибудь поставит себя на мое место, он сможет почувствовать мою абсолютную уверенность. Бог мне свидетель, и я говорю Бог, потому что он и только он один может заглянуть в глубины моей души. И он знает, как сильно я уважаю и дорожу его именем.

Послушайте меня, правду нельзя скрыть. Признаки бесчисленны: прежде всего течение времени. Когда человек прожил определенную реальность определенное время, когда видел и трогал все эти осязаемые вещи и их рельефные детали, очень трудно утверждать, что все это было сном, а не действительной частью реальной жизни. То же самое относится и к моему опыту. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я вновь обрел себя, и логично предположить, что эти «воспоминания» размылись или исчезли. Ну, я

заверяю вас, что ни разу за все это время я не сомневался в своем твердом убеждении, что все эти вещи, которые со мной происходили, были случаями действительного живого опыта и что я провел 360 дней реальной жизни в далеком будущем!

21 марта 1923 г.

Мне не лучше. Я думаю, что мое состояние усугубилось неожиданным падением температуры за последние несколько дней. Этот кашель, который вначале, как я думал, пройдет, продолжает мучать мои легкие. Вчера мне не понравилось выражение лица врача. Но что мне еще сказать? Если мне суждено умереть, так тому и быть. После того, что я пережил, что еще мне остается видеть? О том, сколько жизни у меня осталось, будет моя молитва, и этого будет ждать моя душа.

Апрель 1923

г. Вспомнился миф о седовласом отшельнике: когда он был молод, возлюбленная забрала его из монастыря через много лет и заставила провести с ней некоторое время. Перед уходом она надела свое изумрудное кольцо на средний палец его правой руки. Отшельник снова очнулся в этой жизни среди кустов, где он лежал, веря, что видел сон и что все, что он помнил, — золотые фонарные столбы, толстые ковры, по которым он ходил, ее сладкий поцелуй — было частью этого сна. Но, взглянув на свою руку, он вздрогнул; кольцо было там. Позднее это подтвердили и другие отшельники.

Я сижу здесь, смотрю на свои пустые руки и думаю: почему реальность, сколь бы далекой она ни была во времени, не может оставить после себя ни малейшего осязаемого следа, когда сон когда-то мог? Но такие вещи случаются только в мифах и легендах. Если бы, однако, я мог выбирать, какой осязаемый знак я хотел бы найти на себе в мае прошлого года, в окружении врачей Цюриха, это не было бы ни ее изумрудное кольцо, ни ее фотография, ни какие-либо другие ее драгоценные маленькие подарки. Вы можете делать обо мне все предположения, которые хотите, но мне бы очень хотелось найти мою оригинальную рукопись, которую я написал, когда жил в будущем. Вот что постоянно сбивало с толку мой разум. Что случилось с этим дневником? Мне потребовалось огромное количество времени — почти год — и много бессонных ночей, чтобы закончить его. С истинной радостью и неподдельной страстью я записывала на бумагу каждую деталь того, что я испытала в течение каждого дня в будущем. Память об Андреасе Нортаме, в теле которого я жила, и о моих рукописях «Дневник», которые я оставила, прожигают дыру в моем сердце.

Нет нет! Я должен во что бы то ни стало выкинуть из головы эти тревожные мысли:

вера в то, что в этой вселенной нет ничего необратимого и что мы не имеем права измерять все конечными возможностями нашего человеческого разума.
И в конце концов, о чем мне беспокоиться? Однажды, через пару тысяч лет, Андреас Нортам сам напишет эти страницы!

Мое суждение еще достаточно ясно, чтобы указать мне, что эти ошибочные представления толкают меня к праздности и подчинению моей судьбе, моя гибель приближается с каждой секундой. Но я не попадусь в ловушку. Мое сердце может болеть, испытывать трудности и страдать, но, слава Богу, мой мозг все еще силен и работает правильно. Ты, мой Господь, избрал смиренного, неважного человека, человека, который страдал и до сих пор страдает тяжелой болезнью, чтобы показать ему малую толику своих вечных тайн. Именно вы решаете, что нужно делать в каждом случае; Я знаю это, я верю в это. Так что, пожалуйста, дай мне силы закончить то, что я начал, и облегчить мое обремененное сердце. Пусть бумага станет моим духовником и моим спасителем!

Вторник, 24 апреля.

Некоторое время назад моя квартирная хозяйка, потрясающая женщина, постучала в мою дверь, чтобы узнать, не нужно ли мне что-нибудь, и убедиться, что все в порядке. Ну, вы не поверите, но мне вдруг захотелось взять ее на руки и сообщить ей великую весть: теперь я уж точно могу все записать! Потому что в очередной раз мне дали шанс проверить, насколько хороша моя память. После всех невзгод и страданий он все еще здесь! Мне удалось записать на бумагу, слово в слово, целые строфы стихов, которые я никогда в жизни не читал и не слышал, пока Сильвия не продекламировала их мне в ту незабываемую ночь под звездами.

Так что же может помешать мне переписать мои потерянные страницы, мои воспоминания из будущего? Теперь я точно могу! Любое сомнение, которое у меня может возникнуть с этого момента, будет просто необоснованным колебанием, с которым мне придется бороться.

Я не возражаю против этого кашля, разрывающего мои внутренности, или этой лихорадки, сжигающей этот отвратительный скелет тела. Всего этого недостаточно, чтобы омрачить то волнение, которое вызывает у меня перспектива завершения моей работы! Время может быть ограничено — возможно, всего несколько месяцев, — но отныне это будет моим «будущим»; и это будет радостное переписывание рукописей, которые когда-то были готовы, но остались позади. Та же судьба, которая меня обрекла, дала мне теперь, в конце концов, этот уникальный шанс, и я убежден, что смогу запомнить все это, страницу за страницей, если не слово в слово.

Сегодня я не спал допоздна и наслаждался своим вновь обретенным счастьем. Я в восторге! Ничего не будет потеряно; отныне моя короткая жизнь больше не будет пустой. У меня появилась новая причина жить!

Мой случай не имеет ничего общего с вдохновением и творчеством. Я никогда не был благословлен такими дарами, и нельзя потерять то, чего у тебя никогда не было. Мой случай — это случай путешественника, который никогда не рассказывал о своих приключениях и который, наконец, решил нарушить свое молчание.

У меня нет друзей; моя мать умерла. Я совершенно одинок в мире. Так что, кто бы ты ни был, ты, кто каким-то образом однажды окажется с моими рукописями, будь моим другом и почувствуй меня. Не смейся и не издевайся надо мной.
Я многое испытал в жизни. Все, что вы читали, я видел своими глазами; Я прожил это, я прикоснулся к этому, я верю и поклоняюсь всему этому!

Я не вернусь на родину; Я принял решение. Мне не нужны никакие обязательные, поверхностные отношения с соседями. Я просто хочу рассказать свою историю максимально точно; и я хочу сказать это до конца!

17 августа

Сегодня двенадцатый день, а я уже начал об этом писать!
Что же случилось с той смесью изумления и ужаса первой недели, с этим религиозным трепетом при виде всего, что вначале я считал сверхъестественным? Куда делся страх сойти с ума? Все эти смешанные чувства длились гораздо меньше, чем ожидалось. Вот и все; человек ведь ко всему может привыкнуть! Можно привыкнуть к самым невероятным вещам и со временем вернуться к своей повседневной рутине.

(Спустя некоторое время)

Всемогущий Боже, курс, по которому пошла моя жизнь, всегда был запланирован тобой и твоим желанием. Все эти дни и ночи только моя вера не давала мне сойти с ума от этой невероятной реальности, в которой я жил. Помилуй меня, Господи, и не откажи в прощении недостойному рабу Твоему!

(Ночью)

Вот уже три дня, как мне удалось вытащить себя из постели, и я заметил нечто неожиданное: мои боли исчезли, и я мог ходить даже в течение первых нескольких часов. Зеркало теперь единственное напоминание о повязке, которой я до сих пор обмотал голову. А если то, что они говорят, правда? Они должны убрать его послезавтра. Выздоровел ли я тогда?
Может ли это быть правдой? Разве я не умер? Кто мог представить и поверить в такое чудо?

(через три часа - рассвет)

Я даже психологически чувствую себя намного лучше после успокаивающих слов врачей и моей вчерашней встречи с Йоханнесом Ягером. Раньше мои дни и ночи были мучительны. Боль была ничто по сравнению с душевными муками, которые я переживал из-за внутреннего конфликта между миром невероятных вещей, происходящих вокруг меня, и существованием во мне другого мира, мира других воспоминаний, но тем не менее полного и ясного.

Мое зрелое суждение, результат моего возраста, научило меня отличать реальное от нереального, и моя исключительно хорошая память наводняла мой разум образами и событиями из моего прошлого, в мельчайших подробностях, точно так же, как я

жил ими. Я функционировал отлично, насколько я себя помнил. Но так же, как и все сумасшедшие вещи вокруг меня...

Я был уверен, что это был я; на грани нервного срыва, да, но это был я! Однажды, когда я был в присутствии Илекторов, я не выдержал и заплакал, вот и все... И в любом случае, я не думаю, что кто-то может с уверенностью сказать, что он сможет совладать со своими нервами в таких условиях. ситуация.

В последние несколько дней я не видел никого, кроме двух врачей.
Медсестер держали подальше от меня после эпизода с зеркалом, когда я впервые увидел свое новое лицо и пришел в ярость. Новый врач стоял рядом со мной как добрый и искусный целитель, но также и как молчаливый партнер, который всегда избегал смотреть мне прямо в глаза, когда мы были одни, и в его взгляде всегда был намек на волнение.

Позавчера во второй половине дня ко мне в палату неожиданно пришел главврач профессор Мольсен. Он казался более взволнованным, чем обычно. Он велел мне встать и, взяв меня за руку, помог пройти в соседнюю гостиную. В тот момент я понял, что передо мной открывается целый новый мир. Иногда меня одолевает вновь обретенное детское рвение. Я не чувствовал себя таким нетерпеливым с тех пор, как был маленьким мальчиком!

Я постоял у входа некоторое время, глядя на гостиную. Это была необычно большая комната со всевозможными причудливыми — для меня — вещами и высокой прозрачной дверью, из которой открывался панорамный вид на пышную сельскую местность, горные склоны и дальше. Потом я снова начал ходить, но ненадолго.
Через каждые два шага я останавливался и осматривался. В какой-то момент я обернулся и увидел, что врач смотрит на меня с любопытным выражением лица.
Я никогда не забуду этот взгляд, но в тот момент меня ничего не волновало.

Меня поразило не сказочное золото и не драгоценные камни. Там все было сделано из прекрасного хрусталя в идеальном сочетании пастельных тонов; небесно-голубой, изумрудно-зеленый, молочно-белый и розово-красный. Все, от столов и стульев до табуретов и рам, казалось, было сделано из бесцветного металла, по которому непрестанно гармоничными волнами струился мягкий свет. Все было ярко и ясно, даже цветочные горшки и хрустальные веточки распустившихся цветов. Однако если подойти слишком близко, как любопытный ребенок, полагая, что найдешь что-то в этом прозрачном калейдоскопе цветов, осязание исправит это первое впечатление, потому что

поверхности сидений оказались бы мягкими и теплыми.

Врач меня не торопил. Пройдя через гостиную, мы оказались в большом коридоре. Именно там я, наконец, снова увидел людей после изоляции последних дней. Это был просторный вестибюль, который вел прямо на огромную главную террасу. Был полдень, и место было наполнено светом. Врачи и медсестры стояли вокруг и тихо болтали друг с другом. При виде главврача они незаметно отошли в сторону и уступили нам дорогу. Проходя мимо них, я снова услышал, как они шепчут это имя, имя, которое все повторяли все эти дни в моем присутствии: «Андреас Нортам». Я вздрогнул. «Кто такой Андреас Нортам?» Я поинтересовался. Реальность беспощадно разворачивается перед моими глазами во всех направлениях.

Мне остается только принять вместе с врачами происходящее со мной беспрецедентное, превосходящее даже самые смелые мечты самого гиперактивного воображения.

ВСТРЕЧА С ЛИДЕРАМИ БУДУЩЕГО И РАСКРЫТИЕ ЕГО ИСТИННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Через коридор перед очень высокой дверью стояли шесть мальчиков и девочек, которые, судя по их одежде, вероятно, не жили в учреждении. Они только что прибыли. Я видел их всего пару секунд и не имел возможности внимательно их рассмотреть. Это были подростки, все с длинными стрижками под пажа, в почти одинаковых мундирах, тех же пастельных тонов, что и гостиная, и у всех были пояса, вышитые серебряной нитью, и короткие шелковые шарфы, повязанные вокруг талии. Хотя они были незнакомцами, они открыли нам дверь в маленькую гостиную. Внезапно за нами закрылась дверь, и никто мне ничего не сказал, и я оказался лицом к лицу с двумя Илекторами.

Они молча смотрели на меня. Больше никого не было. К моему удивлению, я увидел профессора Молсена, который привел меня сюда, почтительно стоявшего.

Я чувствовал, что мое тело и выносливость подводят меня. Я не знал, были ли они священниками или царями, но эти почтенные фигуры, одетые в белое, своим внушительным видом поразили меня с самого начала. Я рассматривал их как мирную гавань для беспокойных душ. Я хотел сразу им все рассказать.

Я упал к ним на колени и дрожащим голосом среди рыданий рассказал им все. Время от времени я изо всех сил пытался дышать, но мой пыл и тоска были настолько сильны, что я продолжал. Я никогда не чувствовал себя так, даже во время исповеди. Я был так потрясен и расстроен, что не мог вести свой рассказ в хронологическом порядке, но мне удалось понемногу рассказать им всю правду; и я думаю, что тон искренности в моем голосе, в моем нелинейном, но в остальном связном повествовании, мой кажущийся эмоциональный подъем и неподвижность моего заплаканного взгляда не ускользнули от внимания двух старейшин.

Пока они смотрели на меня, их мирные лица начали бледнеть. Никакие слова не могли описать выражение их глаз. Я умолял их поверить мне. Постепенно они начали задавать мне на ломаном немецком языке, на котором я с ними разговаривал, кучу вопросов о месте, где я жил, и о моем времени. Я объяснил все без обиняков. Я мог видеть, как с каждой минутой они все больше были озабочены моим иностранным языком.

Помню, что на мгновение я упал духом и чуть не сломался, но потом как можно точнее возобновил ответы на все их вопросы. Я уверял их в правдивости своих слов, плача от волнения, но

также сожаление, что не в состоянии предоставить им осязаемые доказательства.

В конце концов, эти мудрецы мне поверили! О Боже, они мне поверили! Они подняли меня, посадили рядом с собой и с тем необъяснимым видом глубокого блаженства и крайнего благоволения смотрели на меня и говорили со мной как с равными.

Бог благословит их! Только он может отплатить им за добро, которое они сделали мне в те чрезвычайно трудные и странные минуты.

Я мало что понял из их взглядов на «узкие пределы человеческого познания» или «относительность времени и потенциальное существование одновременных временных интервалов». Не понял я до конца и концепцию «великой и единой реальности, лежащей за пределами человеческого восприятия прошлого, настоящего и будущего».

Но остальное, что они рассказали мне о божественных и человеческих делах, успокоило меня. Они внушали мне такую глубокую безмятежность, такое утешение, что я чувствовал себя спокойнее, чем когда-либо прежде. Они были бальзамом на мою взволнованную душу. Позже, конечно, я добился более глубокого понимания их версии. По их мнению, они имели перед собой «одно из редчайших метапсихических явлений», своеобразное проявление психического состояния, не вполне уравновешенного — в какой-то момент даже названного патологическим, — но не нечто сверхъестественное, выходящее за пределы законов психики. жизни и физического мира.

АВАРИЯ АНДРЕАСА НОРТАМА

Двое старейшин ушли. Я едва осознавал, как быстро пролетело время, и на улице было уже темно. Долины и горы окружали меня. Я слышал теперь знакомую небесную мелодию (их вечернюю молитву), напеваемую детскими голосами, как будто доносившуюся издалека, с другой, потусторонней планеты. По правде говоря, я никогда не хотел, чтобы это прекращалось.

18 августа

(после полуночи)

Два часа ночи. Меня окружает полная и абсолютная тишина, и я встаю с постели, чтобы писать. Мой день прошел безболезненно, и моя нервная система освободилась от напряжения первых дней. Если они говорят мне правду, у меня еще есть надежда оправиться от шока.

Сегодня был тринадцатый день моей новой жизни, тринадцать дней, полных новых переживаний и эмоций. Мои мысли всегда с Богом. Только Он может проявить милосердие даже к грешнику.

Вчера утром я вышел на террасу и наслаждался солнцем. Я долго был один. Я сел и перечитал то, что написал прошлой ночью.

Позже ко мне присоединился профессор Молсен, составлявший мне компанию до полудня. Сегодня он был другим со мной. Он был разговорчив, и мы довольно хорошо общались, за исключением тех моментов, когда он пытался говорить со мной на своем немецком языке. Стремясь узнать больше, я обвинил его в экспериментах над Андреасом Нортамом, не будучи уверенным, что такое подозрение имеет какое-либо право прийти мне в голову. Он энергично отрицал это утверждение с очевидной искренностью.

Позавчера Илектор Джагер сказал мне, что они привезли Нортама в Молсен, получив смертельную травму головы в результате аварии. Он умер на руках Молсена, и только через пятнадцать минут, заморозив его, Молсену удалось вернуть его к жизни. Я ничего не сказал об этом врачу. Я спросил Джагера, почему мне не разрешают свободно разговаривать со всеми, как это делали остальные пациенты, и он заверил меня, что это продлится всего несколько дней. Он также сказал мне, что моя бессонница не повредит мне, пока я провожу большую часть ночи лежа.

Что касается моей жизни, то он не спрашивал меня ни о чем, кроме болезней, через которые я прошел. Я говорил с ним о происшествии 1917 года в

максимально подробно; Я назвал это «видом летаргии».

Днем Джагер нанес мне второй визит. Оба раза его посылали Илекторы. Он так много мне рассказал... Его общество для меня большое утешение. Он говорит иначе, чем врачи; он вкладывает свое сердце и душу в наш обмен.

ПРАВДА: ОБМОНЧЕНИЕ В ПРОШЛОМ (1921 г. н.э.) И ПРОБУЖДЕНИЕ В БУДУЩЕМ (3906 г. н.э.)

Ночью я испытывал сильную ностальгию. Все, что я когда-либо любил, все, к чему я привык всю свою жизнь, вызывало мучительные воспоминания, которые заставляли меня безутешно плакать. Если бы только у меня было что-то здесь из моего собственного места и времени, хоть какой-нибудь неодушевленный предмет, который составил бы мне компанию и заставил меня чувствовать себя как дома.

Осознание невероятно большого временного промежутка тяготило меня. Это дало мне ощущение нравственной бездны, которая во внутреннем мире оказалась гораздо страшнее, чем во внешнем. Мне пришла в голову мысль о намеренном бегстве от жизни. Невыносимый образ, все время проникавший в мои мысли, был моей любимой седой матерью, отчаянно плачущей над безжизненным телом своего ребенка в какой-то больнице в Цюрихе. "Мать!" Я кричал, рыдая: «Мама, я тебя больше никогда не увижу!»

В ту первую ночь перед тем, как я проснулся здесь, лежа в постели в полусне, яркое воспоминание об Анне снова овладело моим разумом. Я провел вечер на нашем любимом холме с ветреницами. Когда спустилась тьма ночи, она нашла меня там. Я вернулся домой, идя по темным и пустынным улицам, чтобы скрыть от мира свои заплаканные глаза.

Я легла на свою кровать, стараясь не издавать ни малейшего шума, который мог бы разбудить мою мать, которая лежала больная в соседней комнате. Последнее время она была истощена. Когда я выключил свет и стало совсем тихо, я слышал ее дыхание, помню. Ее присутствие, ощущение того, что я нахожусь в обществе моей матери, как-то смягчали страдание, вызванное потерей Анны.

Я сгорал от лихорадки. У меня болят глаза, когда я моргаю. Я знал, что рядом со мной стоит миска с водой и полотенце, которое можно смочить и положить на лоб, если понадобится. Но я был так утомлен, что не мог найти в себе силы встать, поэтому я пытался охладить глаза и лоб на своих холодных подушках, все время меняя положение. Затем я помню ощущение медленного засыпания, и я благодарил Бога за это сладкое спасение, даже если оно длилось всего несколько часов.
Последней моей мыслью перед тем, как я окончательно заснул, было то, что на следующий день я посижу под двумя елями.

Однако пробуждение было чрезвычайно болезненным. Я понял, что у меня очень высокая температура. Мой разум сразу же переключился на миску с водой и полотенце. Без

Открыв глаза, я попытался дотянуться до него, но не мог даже пошевелиться. Через некоторое время я потерял сознание от лихорадки.

Эти чередования сознания и бессознательного состояния продолжались несколько часов. И моменты сознания были для меня мучительны. Мне казалось, что я свободно падаю в бездонную пропасть. Агония бездны никогда не покидала меня.

Помню, среди головокружения лихорадки я видел, как во сне, мужчин и женщин, стоящих над моей головой. Я знала о своем положении, то есть знала, что больна, и думала, что меня перевезли в большой город, в другую больницу и что все эти люди были врачами и медсестрами. Больше ничего не было ясно в моей голове. Ой! И моя мать! Я чувствовал, что мамы больше нет рядом со мной.

Потом я подумал, что мне снятся кошмары. — Почему они так одеты? Я поинтересовался. Обстановка вокруг меня выглядела совершенно другой и незнакомой по сравнению с тем, к чему я привык. «Нет, — подумал я про себя, — это не может быть больница». Я моргнул и мельком увидел сельскую местность, небо, оттенки синего и зеленого, смешанные вместе, и розовый свет, отражающийся от хрустальных стен, такой яркий и такой красивый...

Я также помню, как вдыхал ароматный весенний воздух, а иногда и небесную мелодию, доносившуюся до моих усталых ушей. Это напоминало молитву, пропетую детскими голосами. Я мог различить звук арфы. Я никогда в жизни не слышал ничего более мелодичного и необычного, и мне хотелось, чтобы это никогда не прекращалось. А потом я подумал: «Я умер?» Но если бы это было так, почему бы я чувствовал себя больным и лихорадочным?

Еще одна безумная мысль пришла мне в голову: еще в школе я прочитал, что наша любимая Земля может быть не единственной планетой во Вселенной. Но я исключил эту возможность, вспомнив людей, которых видел стоявшими у меня над головой. Они были людьми; они были в нашем роде. А еще я мельком увидел знакомый свет нашего земного неба.

Все эти спутанные и спутанные мысли одолевали мой усталый разум каждый раз, когда я каким-то образом открывал глаза посреди лихорадочного оцепенения. И правда в том, что они не оставили мне неприятного воспоминания. Но невозможно описать то удивление, которое ожидало меня однажды утром, когда я полностью выздоровел и сумел встать с постели, — даже когда я пишу об этом, у меня по спине пробегают мурашки. "О Господи! Это тело! Это тело не мое!» А

молодой человек посмотрел мне в глаза с искаженным ужасом лицом. Я думал, что потерял рассудок. Я звал на помощь. Я почувствовал, что кто-то бежит ко мне.

Я задохнулся и потерял сознание.

ЯЗЫК: СМЕШАННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ И СКАНДИНАВСКИЙ

Когда я пришел в себя, то увидел двух врачей, стоящих рядом со мной со странным выражением лиц и тревожно ожидающих, когда я приду в сознание. Это было, если бы они ловили каждое мое слово. Все остальные вышли из комнаты. Я так нервничал, что едва мог дышать.

"Что случилось?" Я спросил дрожащим голосом: «Я сошел с ума?» И я слышал, как мой голос угасал, но мне удалось произнести: «Где я?»

Потом я помню, как несколько раз выкрикнула: «Мама, мама!» как будто я спрашивал, где она.

И вместо того, чтобы ответить на мои вопросы, эти люди науки просто стояли там, ошеломленные и бледные, как будто мои простые слова лишили их дара речи.
Один из них был молод, лет двадцати-тридцати. Я потянулась к его руке, я умоляла его во имя Бога и его собственной матери, но он дрожал и явно пытался избежать моего прикосновения.

Вскоре после этого пожилой врач повернулся к нему и что-то сказал. «Они иностранцы, — подумал я. Пару минут я просто смотрел, как они разговаривают, смущаясь и пытаясь прийти к логическому выводу. Далёкая страна...
Да... Да... Должно быть. Их одежда, их манеры... Смотрите! А теперь иностранный язык! Я не был знаком с этим языком. Помню, меня поразил акцент этого мужчины. Некоторые слова звучали несколько похоже на наши и имели англо-саксонские корни, а некоторые другие напоминали скандинавские слова, вполне мне знакомые, и поэтому я понимал суть того, о чем они говорили. Пожилой врач, все еще бледный и безуспешно пытавшийся изобразить улыбку, судя по тому, что я мог видеть, сказал другому врачу, что потерял терпение. Молодой врач отрицал это, качая головой. Первый казался глубоко озадаченным. Он повторил мои последние слова с ударением на каждом слоге: «Мать-мама... Мама-мама...» Больше ничего. «Мут-тер... Мут-тер...»

Он схватил меня за руку. Он говорил со мной. Я понял, что он спрашивал меня, не болит ли у меня голова.

«Сейчас меньше, — ответил я, — мне лучше».

Физически говоря, я говорил правду; но я не сказал ни слова о том, что творилось у меня в голове...

— Я хочу увидеть свою мать, — добавил я.

Я заметил, что у меня снова возникли трудности с артикуляцией слов.

Но я списал это на болезнь.

Вдобавок ко всему, о чем я думал, я также был совершенно убежден, что, если я не смогу с собой поделать и начну звать на помощь, они будут обращаться со мной как с сумасшедшим, который разговаривает сам с собой, и тогда у меня не будет шанса узнать о них больше. Но если бы я мог просто увидеть свою мать, — сказал я им, — она помогла бы мне ясно видеть вещи.

И тогда я заметил в них кое-что, что-то, что имело значение и многое объясняло: то, что заставляло их выглядеть такими ошеломленными, было не то, что я говорил, а то, как я это говорил, и язык, на котором я это говорил.
Пока они разговаривали со мной, их широко открытые глаза выражали невероятный трепет, который они испытывали!

Старший снова наклонился ко мне и дрожащим голосом медленно произнес фразу на моем родном языке: «Андреас Нортам, ты меня больше не узнаешь?»

Последние слова, которые ему удалось произнести с явным усилием и некоторым трудом, до сих пор звучат в моих ушах: «Nicht mehr?»

— Я хочу помолиться, — сумел я ответить угасающим голосом.

И тут я снова потерял сознание.

Прошло тринадцать дней. Младший врач пришел ко мне в палату этим вечером и увидел мою подушку, пропитанную слезами. Он пытался утешить меня, но непреднамеренно причинил мне больше вреда, чем пользы. Я говорил с ним о моей матери, которая будет оплакивать смерть своего ребенка, а он говорил мне с совершенно неуместной улыбкой о какой-то истории, похороненной глубоко в прошлом, говоря, что теперь не нужно беспокоиться! Дорогой Иисус! Я не могу поверить во все это! Я не хочу больше видеть этого человека! Я просто не позволю им свести меня с ума! Завтра утром я поговорю со старшим врачом и потребую, чтобы они сказали мне всю правду!

ОТНОШЕНИЯ NORTHAM-JEGER

20 августа.

Сегодня утром сняли повязки. Когда Ilector Jaeger посетил меня, мое лицо засияло! Он крепко пожал мне руку и с явной радостью похвалил и поздравил старшего врача. Я не знал, что восемнадцать лет назад Джагер был учителем Андреаса Нортама. Из того, что мне объяснили, этот ныне известный и широко прославленный духовный человек, этот «выдающийся мыслитель», труды которого ныне широко читаются и чьи лекции в Рейгене посещают тысячи, был тогда еще неизвестен публике.
Он способствовал образованию юного Нортама в течение четырех лет, искренне предлагая ему заботу и любовь духовного отца.

Затем они погрузились в жизненные обязанности и пошли каждый своей дорогой.

Когда высшие Илекторы узнали, кто стоял рядом с Нортамом в качестве учителя и опекуна в его ранние годы, они обратились к нему и спросили, может ли он снова посвятить ему немного времени после обеда. И было очень трогательно видеть уже немолодого мыслителя, пришедшего в одиночестве, без сопровождения унге, молодого помощника, и посвящающего свое драгоценное время тому, чтобы передать то же детское знание тому же человеку — теперь уже двадцативосьмилетнему. -старик, который, по крайней мере физически, напоминал своего духовного сына двадцатилетней давности. Более того, как мне сообщили, он неожиданно воскрес — но уже совсем другим человеком, взволнованным и полусумасшедшим — после пятнадцатиминутного путешествия в страну мертвых. Джагер признался мне, как он обрадовался, когда профессор Мольсен сказал ему, что процесс заморозки был сделан наспех, но как раз вовремя. Его мозг не пострадал ни в малейшей степени.

ПРИЗНАНИЯ

21 августа.

Сегодня впервые Йегера сопровождал Стефан, ближайший друг Андреаса и на три года старше его. Он серьезный молодой человек; Я действительно проникся к нему симпатией.

Джагер позволил ему немного понаблюдать за уроком. Потом я показал ему свои первые сочинения. Я уже начал писать и продолжал писать в его присутствии. Я думал, что он будет впечатлен тем фактом, что я восстановил свои писательские способности еще с первых дней, но Ягер уже сообщил ему о моих прошлых исследованиях Ибсена, о которых я также говорил с ним.

«Это не почерк Андреаса», — было единственное, что сказал Стефан.

Помимо высокопоставленных Илекторов, об уникальном случае Нортэма знали только четыре человека: два врача, Илектор Джагер и Стефан. Я умолял Джагера сохранить это в тайне и не позволить мне стать объектом любопытства в глазах всего мира. Обещал, но добавил еще кое-что, чего я не понял: «Последнее слово будет за Долиной роз; им решать, как долго это будет храниться в секрете от остального мира».

Что касается Стефана, то через несколько дней он начнет приходить регулярно; он может многому меня научить о Нортаме и его жизни. Он говорит, что мне нужно знать все это, прежде чем я открою себя этому новому миру. На ум приходят слова, сказанные Джагером незадолго до отъезда Стефана: «В любом случае семья и друзья Андреаса Нортама разыщут его. Поскольку стало известно о его выздоровлении, что помешает ему вернуться к нормальной жизни?»

Когда мы остались одни, я попросил Ягера рассказать мне, что обо всем этом говорили Илекторы , и рассказал ему, что случилось той ночью, когда молодой врач увидел, как я плачу при мысли о матери. «Попробуйте на мгновение поставить себя на мое место, потому что, поверьте мне, в такой странной и ужасной ситуации стоит рассмотреть обе стороны. Ваш жизненный путь течет нормально и беспрепятственно, в том же темпе, что и всегда. Для тебя изменился Нортам. Для вас это случай «изменения личности» человека, который воскрес после пятнадцати минут клинической смерти, очень редкое парапсихологическое явление, связанное с глоссолалией. Ваш друг — человек, который когда-то был одним из вас, а теперь говорит на мертвом языке. Но я совсем не изменился.

То, что я вижу, это часть будущего. Принимая это во внимание, как я могу не думать, что сошел с ума? Что я сошел с ума?

Я безудержно рыдала. Я был совершенно в море, потому что я не мог поверить, что может быть малейшая трещина в твердых осях времени и пространства, которые я знал. Трещина должна была быть где-то внутри меня. Я должен был быть параноиком!

— Только ты можешь сказать мне правду. Если прошло две тысячи лет, как сказал мне молодой врач, то я схожу с ума. Вы не можете себе представить, как свежо, как недавнее воспоминание о том, как я заснул; такое ощущение, что вчера. Я мог слышать дыхание моей матери; она спала в соседней комнате. Я почти вижу таз с водой рядом с моей кроватью и полотенце с бахромой и сине-зеленой вышивкой. Как будто она сейчас передо мной».

Я смотрел на него в агонии, но Джагер не пытался избежать моего взгляда. Он мог понять большую часть моего немецкого. — Я не думаю, — сказал он, не сводя глаз с вас, — что сокрытие от вас даже малейшей крупицы правды поможет успокоить ваше сердце, но, поверьте нам, мы знаем гораздо больше, чем вы. Мы уже не живем во времена Декарта и Канта. Многое изменилось.
Но не все можно измерить исключительно на основе интеллекта и возможностей простого человеческого мозга. Вы абсолютно уверены, например, что в то время, когда вы ложились спать, как вы говорите, Андреаса Нортама еще не существовало? И ты абсолютно уверен, что именно в этот момент твоя мать перестала существовать?

Его невероятный ответ поразил меня меньше, чем несколько дней назад, когда мне казалось невероятным, что я могу это понять. Что вызвало слезы у меня на глазах, так это то, как этот великий человек говорил со мной, так не так, как врачи. И он говорил со мной на моем языке…

БЕССОННИЦА

23 августа.

Вчера и сегодня были два очень спокойных дня. Днем я писал или разговаривал со Стефаном по утрам и с Джагером днем, а по ночам читал. Я превратился в ненасытного читателя, настоящего книжного червя!

Врачи считают, что попытки вызвать сон искусственно бесполезны.
Более того, недосып в моем случае не является ни фатальным, ни очень вредным, по их мнению.

Ночью мне дают читать, при условии, что я буду отдыхать в постели или кресле хотя бы полчаса, а утром просыпаюсь таким свежим, как будто проспал семь часов. Понемногу я начал понимать и их язык, «универсальный язык», как его называет Стефан, или, как я его называю, «сломанный англо-скандинавский». Этот язык, однако, имеет определенную согласованность между произношением и письмом, так как теперь я могу читать гораздо удобнее, хотя мне часто требуется помощь небольшого словаря.

Мои долгие беседы с Джагером для меня как духовное и ментальное очищение. Под его опекой я перестал искать убежища в воспоминаниях моей прежней жизни. Этот человек сумел посеять семя веры глубоко в моей душе и дал мне новый вид уверенности, на которую я никогда не думал, что способен. Благодаря ему я перестал чувствовать, что живу в чужом теле. Благодаря ему я теперь могу бесстрашно смотреть на себя в зеркало и, как ни странно, где-то под всеми этими чужими чертами различать собственное выражение лица, которое я знала всю свою жизнь.

Сам я ничего не упомянул, но на днях я услышал, как Стефан поделился со мной похожим мнением по этому поводу. «Человек, которого я вижу перед собой, действительно Андреас Нортам, но по его акценту, тону голоса и даже тому, как он выражает себя и смотрит на меня, я могу сказать, что это не он».

24 августа.

Сегодня, как и в любой другой день, Джагер обучал меня артикуляции, красноречию и произношению. Далее мы начнем узнавать об окружающем меня мире. Этот невероятный человек тратит огромное количество своего времени, терпеливо объясняя каждую мелочь, ее использование и функции. Когда я выйду в мир, я должен буду передвигаться самостоятельно и не выглядеть потерянным.

Всякий раз, когда он устает, мы делаем перерыв, и я рассказываю ему разные истории:

о моем родном городе, моей жизни, любви моей матери ко мне… И он увлечённо слушает меня, интересуясь укладом XX века, задавая множество вопросов о наших привычках, даже иногда делая заметки . Кажется, он в восторге от моих вспышек ностальгии.

Я сказал ему, что я тоже был учителем в свое время, и я говорил с ним о моем предпочтении истории. При этих беседах меня охватила великая духовная жажда; мысль об огромной перспективе, внезапно открывающейся в моей области, помогает мне на время забыть о моем положении и заставляет меня дрожать от предвкушения. И эту жажду в моем сердце, всего в нескольких шагах от этого нового и неожиданного Эльдорадо, чувствую только я.

(Посреди ночи)

Я устал. Я часами ходил по террасе в божественной безмятежности ночи. Я чувствую, как во мне пробуждается радость, как будто я слышу, как бьется мое сердце. Меня опять лихорадит? Перспектива новых эмоций, бурлящих во мне, встречается с постоянным смятением моего ума. Смогу ли я перестать зацикливаться на этом невероятном опыте и постепенно привыкну к нему? Смогу ли я снова стать нормальным человеком, который находит интерес к повседневной жизни? Буду ли я достоин новых впечатлений? Я чувствую себя страстным филателистом, которому только что предложили коллекцию марок короля Англии, и он не может дождаться, чтобы изучить ее; или как ученый-классик, который только что получил доступ к Александрийской библиотеке.

25 августа

Сегодня вечером Джагер сказал мне: «Доверься Стефану. Он проведет вас через все, шаг за шагом». Я любезно попросил его дать мне еще несколько книг по истории, и он пообещал, что даст. Он также предложил Reigen-Swage, что- то совершенно новое для меня, тип повествования, который состоит из одновременного сочетания зрения и звука, который вам даже не нужно читать! Их рассказывает голос, и вы видите, как перед вами оживают картинки.

«Послушай меня, — сказал он мне, — и я пересказываю его слова не так, как он их произносил, а так, как я их понимал, — когда скоро придет время и меня больше не будет рядом с тобой, прими вызов и прими вызов». не позволяйте своим мыслям питаться только фактами. Погрузитесь глубже в великие духовные пути, которые теперь открыты человечеству. Вы не получите много пользы от неопровержимых фактов. Постарайтесь не быть ослепленными ими и в конечном итоге проведите часы, наблюдая, как они разворачиваются на Reigen-Swage. Ведь что бы ни случилось,

произошло раньше. История повторяется. Попытайтесь читать между строк и загляните под поверхность простых событий.

Он намекнул на «новые светлые пути», которые приведут к «утолению жажды веков» и облегчению «метафизической боли человечества».

Тем не менее я не совсем в состоянии знать, правильно ли я истолковал все, чему терпеливо учил меня этот мудрец. Это мы, говорит он, проходим мимо, а не время. Мы, человеческие существа с недолговечной биологической судьбой, приходим и уходим. Измерение глубины ускользает от нас. Наши антенны имеют очень ограниченную мощность. Они формируют только субъективные впечатления, совершенно не относящиеся к истинной и объективной «Великой Реальности», Самит , как он это

26 августа

Бывают времена, когда меня пугает мысль об этом огромном неизвестном мире. Я привыкаю жить одной и той же, неизменной и ничем не примечательной жизнью изо дня в день в учреждении и нахожу в этом некоторую радость. Но Стефан говорит мне, что я должна бороться со своей застенчивостью и встретить жизнь, которая ждет меня снаружи.

27 августа.

Сегодня Джагер снова вспомнил юного Нортама. Затем, глядя мне прямо в глаза, он пробормотал: «Я знаю, что Андреаса больше нет с нами; но я всегда буду звать тебя по его имени.

Стефан сказал мне то же самое на днях: «Позвольте мне звать вас Андреас...» И таким был тон его голоса, что любой мог бы позавидовать Нортэму, той непоколебимой вере в понятие дружбы (столь чуждое нам), которая была так сильно связана с его памятью.

30 августа.

Хватило нескольких дней, чтобы все вокруг изменилось! Окружающая среда, люди, обстоятельства; все такие разные! Кто мог представить...

NORTAM'S CIRCLE И ИХ СОЦИАЛЬНЫЙ КОД

1-IX-MDIX (Система датирования меняется. Это наш 3906 год нашей эры, но по будущему календарю это 1509 год)

И снова все рушится внутри меня. Большая часть ожиданий и мечтаний последних дней оказалась тщетной. Знаменитое окружение моей новой жизни, круг общения Андреаса Нортама, похоже, не более чем игривая и беззаботная стайка молодых людей. Однако я начинаю получать удовольствие от всей этой истории. Кто знает, может быть, это просто еще один защитный механизм моего разума...

План на это утро состоял в том, чтобы прогуляться по близлежащему озеру, где был прокат лодок. Молодость, смех, суета, пение. Стефан изо всех сил пытался организовать группу на каждом шагу.

"Хильда! Хильда! Ждать! Нам не догнать! Андреас не может бежать!

Он выглядел несколько раздраженным тем фактом, что его возлюбленная оказалась тем, кто был далеко впереди всех остальных, и именно из-за нее всей группе пришлось ускориться. Идя между ним и Сильвией, другой его подругой, мне было трудно идти в ногу.

«Прости меня, Андреас, — позже сказала Хильда. «Мои мысли были в другом месте...»

Я чувствовал, что должен сказать ей что-то приятное. Я посмотрел на нее. По правде говоря, на нее было очень приятно смотреть. С неловкой улыбкой я сказал, что это не имеет значения и что теперь я чувствую себя достаточно сильным, что было неправдой. Стефан заметил мою усталость и предложил сделать еще один перерыв. К счастью, остальная часть дороги была под гору.

Я сидел рядом со Стефаном на каменной скамье, и мы слушали Акселя и Эрика, которые говорили о красоте весеннего утра, собирая мак.
Сильвия болтала с Арией. Джульетта и Хильда гонялись за парочкой голубых бабочек.

Так это группа друзей Андреаса Нортама? Я разочарованно задумался. Я думаю, что никто не мог ожидать многого от этой группы детей-переростков.

Эти двое двадцатипятилетних, вместе с четырьмя молодыми женщинами и Стефаном ворвались в лечебницу три дня назад, как только врачи разрешили посетителей. Они окружили меня, полные радости, улюлюкали, смеялись и задавали мне тысячи вопросов! Они едва могли содержать

их волнение от того, что я снова стал сильным и здоровым, то есть от встречи с Андреасом Нортамом.

Меня впечатлили их манеры, которые для их возраста сочли бы довольно детскими. Нортаму казалось очень странным иметь такой круг друзей, поскольку я знал, что до аварии он был уважаемым молодым ученым, работавшим в какой-то области прикладной физики — не помню, какой именно — и с неплохие результаты в этом отношении. Фактически, институт, в котором он работал, несколько раз звонил в институт Мользена, спрашивая о его здоровье.

Непреднамеренно я посмотрел на север, за высокие горы, со смутным чувством ностальгии по моей старой родине. Я почувствовал слезу, застрявшую в уголке глаза. В тот момент я ничего не сказал Стефану; он указывал на какие-то виллы вдалеке, бесчисленные дома, сгруппированные вместе, почти как целые государства. Он сказал мне, что во многих местах они сохранили те же самые архаичные имена, как Варен, Черноббио, Белано, Менаджо и другие, имена, которые теперь звучат странно на языке, который так сильно изменился.

Хильде пришла в голову идея спеть песню с остальными девочками. Это была весенняя песня, которую они пели все вместе, куплет за куплетом. Это была веселая песня, которую можно было спеть в кругу друзей. Неожиданно открылось окно, появилась девушка и начала аккомпанировать песне на своей скрипке. Рядом с ней художник, который до этого боролся с палитрой и кистями, вытащил флейту и, в свою очередь, аккомпанировал мелодии.

Как это произошло? Как могли эти люди бросить то, чем они занимались, и настроиться на наш темп и веселье? Я был очень впечатлен этой спонтанной и легкой радостью, их позитивным настроем и их желанием идентифицировать себя с нами! Чувство товарищества распространилось, как будто мелодия песни стала невидимой связью, объединяющей нас! Перед тем, как отправиться к озеру, мы поаплодировали нашим новым друзьям, а они аплодировали нам, как старым приятелям.

Потом ребята начали прикалывать цветы на лацканы девушек. Стефан прикрепил один к Хильде, Аксель к Джульетте и Эрик к Арии. Сильвия смотрела на меня с намеком на улыбку, ожидая моего движения. Дрожащими руками я приколол цветок к ее лацкану, как и другие, и мы побрели вниз по склону, держась за руки, как маленькие дети. Четыре лодки были готовы. Большинство других групп друзей уже заняли позиции и поприветствовали нас, «опоздавших».

прибывшие», поднимая правую руку и махая нам издалека. Белые паруса уже были поставлены.

Я останавливаюсь и наблюдаю за их кодексами поведения. Как объяснил мне Стефан, в этом новом мире люди не чужие друг другу. Вы разговариваете с людьми, которых никогда не встречали, с открытым сердцем, как со старыми друзьями; а они, в свою очередь, отвечают точно так же. У них у всех такое же доброе и спокойное отношение, такая же наивность в манерах, та же доброжелательность, тот же такт, та же теплая товарищеская атмосфера, как будто они все вместе учились в детстве в большом универсальном училище.

Я хотел спросить Стефана о многих вещах. Но как? Если бы я сделал это, то должны были бы быть только мы вдвоем. Он обещал показать мне типичную картину современной жизни. Он знал, что я хочу увидеть и испытать не сельскую местность и праздники, а полную противоположность: большие городские центры, мир работы и обычных людей. И я знал, что эти вещи где-то существуют.

Я также хотел бы знать, было ли это общее поведение, подчеркнутое сильными и очевидными характеристиками детской чистоты, результатом чисто экономических факторов, о которых говорил со мной Стефан, которые с течением времени сумели поднять это равенство, это однородность, до такого высокого уровня. Но, не увидев сначала ее своими глазами во всех ее проявлениях, я не собираюсь верить этой всеобщей сказке с ее безупречными и утонченными манерами и ее неподдельным братством людей, лишенным каких-либо скрытых мотивов.

3-IX

Странная перемена, через которую я прохожу все эти дни, должна быть исследована, если уж на то пошло, с психологической точки зрения. Мое сердце спокойно, и я привыкаю ко всему, что вижу вокруг себя. Это было нелегко. Помню первые дни, когда даже то, как люди одевались, казалось мне странным. Теперь я нахожу свою жизнь все более интересной. Каждая мелочь интригует меня, и я спрашиваю Стефана о стольких вещах, что мне понадобилась бы целая вечность, чтобы все это записать. Но почему я не в силах точно выразить все, что я чувствую? Не уместнее ли было бы, чтобы эта уникальная судьба была дарована ремесленнику-писателю, а не такому, как я, бедному и болезненному учителю? Столько всего нового и разного, впечатлений! Насколько лучше их переписал бы писатель...

Каждый день я думаю о своей матери, единственном источнике привязанности в моей жизни, и думаю, что было бы, если бы она могла быть рядом со мной и видеть все это со мной.

Анна все еще время от времени всплывает в моей памяти, но я чувствую, что моя старая рана каким-то образом начала заживать в моем сердце и уже не болит так сильно.
Затем мой разум переносит меня в другое место: О Боже, как легок вес моих двадцати восьми лет! Как светло! С этой точки зрения я словно повернул время вспять! Глядя на себя в зеркало, то, что вначале приводило меня в ужас и почти сводило с ума, теперь доставляет мне неописуемое удовольствие!

Все относятся ко мне так, как если бы я был Андреасом Нортамом. И я уверен, что никто из них, кроме Стефана, не знает правды. Насколько я понял, старый Нортам был немного выше остальных в своем кругу друзей. То же самое и с Арией, если судить по тому, как они к ней относятся. Арии двадцать пять лет, но когда она говорит, остальные замолкают. И еще я заметил: прошлой ночью, когда она вошла в гостиную виллы, где мы находились, дамы нашей группы встали, как это делали мы, мужчины, — чего в наше время и в нашем кругу общения дамы никогда бы не сделали. Выполнено.

5-IX

Тем временем я многому научился у Стефана относительно моих новых компаньонов. Отношениям Акселя с Джульеттой всего два месяца. Она очень молода, лет девятнадцати-двадцати, брюнетка, хорошенькая и несколько легкомысленная. Она всегда немного неряшливая и с энтузиазмом относится к жизни, а когда остается одна, часто напевает. Аксель - ее первая любовь, и их знакомство началось в один прекрасный день, когда они были в саду, и кисейное платье Джульетты было испачкано, и Аксель поспешил подшить его булавками, пока оно не стало еще грязнее. Аксель довольно хорошо играет на скрипке, хотя если вы спросите Джульетту, она скажет вам, что он скоро станет виртуозом! Тем не менее, у них обоих золотые сердца, и группа не может жить без них.

Что касается Сильвии, я узнал, что Андреас Нортам очень любил ее в течение двух-трех лет, но она никогда не испытывала к нему ничего, кроме простой дружбы и признательности за человека и его работу. Ее сердце может принадлежать кому-то другому, кто знает? Стефан ничего не знает на эту тему, так как здесь никого не интересуют сплетни. Однако, когда я увидел ее в первый раз, у меня возникло ощущение, что я уже видел ее раньше. Потом, когда я остался один, я понял: я вспомнил из-за своих смазанных воспоминаний из больницы.
Она была среди медсестер, и даже посреди моего лихорадочного оцепенения я заметил ее. В ее фигуре было что-то очень грациозное и благородное.

и она выделялась среди других.

Вчера Стефан снова сказал мне: «Эта любовь была очень болезненной для Андреаса. Были ночи, когда его глаза постоянно наполнялись слезами».

Я ответил, что он должен, однако, оценить честность и принципиальность, которые характеризовали Сильвию, которая даже не думала отвечать взаимностью, не питая к нему чувств. «Кто-нибудь другой на ее месте, — сказал я, принимая во внимание репутацию Нортэма, — не возражал бы изображать любовь и привязанность, чтобы быть с ним».

Стефан, сначала пораженный моими словами, ответил: «Почему ты так говоришь? Это было бы вульгарно! Ни одна женщина так не поступила бы!»

Я не должен был открывать рот. Я быстро сменил тему и спросил, что другие говорят о «новом» Нортаме. Он сказал мне, что Сильвия несколько раз упоминала меня за последние несколько дней. На самом деле сегодня утром она спросила его, заметил ли он мой изменившийся взгляд и помнит ли он такое выражение лица Андреаса до аварии. Она также сказала ему, что Андреас ведет себя очень странно, что он кажется необычайно тихим, нерешительным и робким, что его акцент изменился и что он даже с трудом произносит слова.

Я спросил Стефана, что делать, так как невозможно разобраться в бесчисленных новых вещах, приобрести новый менталитет, новые манеры и бегло говорить на языке изо дня в день. Он подбодрил меня с улыбкой и сказал, что все наладится. Их старый друг попал в ужасную автомобильную аварию, и после выздоровления он временно изо всех сил пытался восстановить свои умственные способности; такое впечатление у них.

Будет ли это когда-нибудь причиной того, что они будут любить вас меньше? Нет. Вы сами видите, что они всегда рядом с вами, проявляя к вам такую привязанность».

Я сижу на террасе, и все эти мысли и обсуждения мелькают перед глазами, как движущиеся картинки. Я слышу, как девушки разговаривают и смеются внизу.
Они дразнят меня и спрашивают, как я могу читать и писать в таком шуме.
Солнце почти село, и скоро наступит время «Молитвы заката», которую они слышат каждый день. Я слышу, как они зовут Стефана, прежде чем снова погружаюсь в свои мысли.

Вот странная вещь о Стефане. Похоже, у нас есть связь, связь, которой он не разделял даже со своим ближайшим другом Андреасом Нортамом: одна и та же любовь к истории. Его основным занятием было изучение истории в

вообще и искусства последних тысячелетий в частности. И поэтому наша дружба развивается без особых усилий, даже если во мне нет ничего, что напоминало бы ему об Андреасе — ни их общих воспоминаний, ни их снов...

Что касается связи Стефана с Хильдой, то она выдержала испытание временем. Они счастливы вместе уже более четырех лет, и, похоже, так будет до конца их жизни. Вот это действительно счастливая пара! На самом деле они решили родить ребенка и уже передали свое юридическое заявление партнерам офиса, руководителям демографических служб, которым те, кто хочет иметь единственного разрешенного им ребенка, должны подать заявление. Их очередь наступит примерно через год.

Хильда также иногда помогает Стефану в работе, читает вслух или копирует, хотя сам Стефан говорит, что он не создан для больших дел. Все, что он хочет, это учиться, и все. Он знает, что ему не суждено внести большой вклад в мир исследований, полная противоположность Арии, которая в двадцать пять лет уже опубликовала статьи, на завершение которых ушло пять или шесть лет, и сделала себе имя.

Что касается остальных троих — Хильды, Сильвии и Арии, — их связывает особая дружба, отличная от их дружбы с Джульеттой, возникшей совсем недавно. Последняя, конечно, это знает, но ее это ничуть не смущает, так как она видит, как они о ней заботятся.

Они встретились в канун Рождества восемь лет назад, в Долине роз, в одном из дворцов Лорффов — еще одного правящего класса, похожего на Илекторов , — где они, по словам Хильды, вместе со многими другими девочками-подростками тщательно отбирали среди тысяч за их естественную красоту, одетые в белое и держащие факелы, приветствовали Илекторов на приеме после великой вечерней мессы. Они описывают это как лучшее воспоминание из детства, как мечту, в которую им потом было трудно поверить, что она сбылась.

Наконец-то пришел Эрик! Он держит какую-то ракетку и другие мелкие принадлежности, необходимые для игры или спорта, о которых я еще не удосужился спросить. На нем сандалии, и он голый выше пояса. Он выглядит свежим и взволнованным. Знакомство Эрика и Арии оказалось судьбоносным. Они вместе уже четырнадцать месяцев, и никто не знает, как долго продлятся эти отношения. Эта особенная девушка с ее ранней склонностью к изучению того, во что она верила с детства, сумела в свои двадцать лет присутствовать на раскопках в Америке вместе с великими экспертами, которые,

на смелой интуиции — почти как на вдохновении — аргументировала свои собственные выводы о жизни инков, выводы, которые впоследствии подтвердились!
Эта по своей природе мудрая молодая женщина, чьи взгляды были подтверждены во многих аспектах, которая два года назад выступила с собственными заявлениями перед многотысячной аудиторией в мегаполисе Норфор, у которой в последнее время была целая команда молодых людей, помогающих ей в ее исследованиях, бросила все ради этого темноволосого молодого человека, у которого, может, и было прекрасное сердце, но он не мог вынести ни слова о ее работе. Некоторое время назад Стефан услышал, как он сказал: «Поговори со мной о спорте, поговори со мной о путешествиях, о плавании или о чем хочешь, но не говори мне ни слова о Боге и всех этих древних сокровищах!»

Они готовы идти. Пришло время для молитвы. Я не буду писать до завтра.

ДВУХЛЕТНИЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ СЕРВИС, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

6-IX

Я попросила Стефана оставить меня в покое на день, чтобы я могла отдохнуть. Мне нужно подумать о многих вещах. «Стефан... Стефан, — время от времени говорю я себе, — я думаю, ты ошибаешься насчет чувств Сильвии к Андреасу Нортаму».

Я постоянно критикую себя и слабость своего характера. — Что ты с собой делаешь, бедный сумасшедший? Я думаю: «Однажды ты очень пожалеешь...»

Я чувствую коварное и обманчивое влечение хаоса. «Сильвия... Сильвия...» — повторяю я в голове. Какое странное имя... Люблю произносить его вслух.
Тот факт, что она из другой, более высшей расы, из другой эпохи, придает ей дополнительный метафизический шарм.

Голос разума шепчет мне на ухо: «Будь осторожен, несчастный... Спокойствие сердца так же важно, как здоровье тела; вы оцените его ценность только тогда, когда потеряете его». И правда в том, что я не должен забывать, как важна в моем случае абсолютная безмятежность сердца, и мой долг беречь ее. Бесконечные горизонты познания, лежащие впереди, требуют моего безраздельного внимания и постоянной медитации.

Однако в то же время я горжусь тем, что ни при каких обстоятельствах не должен терять уверенности. У меня не только внешность, но и сердце, и внутренняя мудрость, поэтому, судя по тому, что я видел у всех этих людей, они ничем не лучше меня. Я легко мог бы быть одним из них, не подвергаясь сравнению. Я чувствую, что вхожу в их мир по-настоящему!

7-IX

Стефан избегал возить меня в города и показывать мне жизнь там. Однажды, когда он молча стоял на террасе, я указал на великолепную природу перед нами и сказал: «Какая у вас здесь счастливая жизнь... У вас есть все. Тебе ничего не недостает. Сразу после этого я туманно упомянул продолжительность этого праздника. Сначала он посмотрел на меня, озадаченный.
Потом он улыбнулся и с притворной усталостью и мнимым равнодушием уронил голову на спинку кресла. — О да... — сказал он, глядя куда-то вдаль. «Мне повезло. С семнадцати до девятнадцати лет я находил отличные возможности для работы и занимался хорошим бизнесом. 'Так молод?' ты

может спросить. Да, такой молодой, как бы странно это ни казалось тебе. За два года мне не только удалось вернуть родителям все деньги, которые я им стоила до этого, но и накопить достаточно денег, чтобы обеспечить себе комфортную жизнь до конца дней, которые мне суждено прожить».

Я уловил нотку сарказма в его последней фразе и по-своему показал ему свое недоверие к каждому сказанному им слову. Я улыбнулся и спросил его, почему кто-то так рано бросает такую прибыльную работу.

— Прибыли, которую я получил, было достаточно, — серьезно ответил он. «Настала чья-то очередь заменить меня».

— А какую работу вы выполняли? — спросил я, принимая такую же серьезность тон.

«О, раньше я делал что-то красивое», — вздохнул он с ностальгией. «Часть моей удачи заключалась в том, что мне дали одну из наших самых художественных работ: мы делали гребни. В основном для женщин. Я проработал там два года. Через мои руки прошли миллионы расчесок. Я помню, как думал о том, сколько волос было ими расчесано, о миллионах молодых девушек, которые с удовольствием смотрели на свое отражение в зеркале, надевая их, о миллионах запутавшихся в них косичек. Если бы гребни могли говорить, каждый из них рассказывал бы мне невероятные истории. И я горжусь своими творениями, которые стали результатом двух самых плодотворных и памятных лет моей юности».

Его последние слова были наполнены искренними эмоциями. Но я остался верен весёлому тону начала его монолога: я не хотел проявлять больше доверчивости, чем следует. — Должно быть, это было интересно, — сказал я, снова неловко улыбаясь. «История удачливого и преждевременно ушедшего на пенсию промышленника, безусловно, интересна, если не сказать больше. У других наших богатых друзей была похожая судьба, может быть, даже начиная с ранних школьных лет?»

«Вначале, когда я говорил об удаче, я просто шутил. Дело не в удаче; это учреждение. Вы видите нас сейчас, живущих в комфорте, но все мы, мужчины и женщины, прошли через это. Все люди, которых вы встречали, и все, кого вы встретите в будущем, включая Сильвию, Арию и Хильду, были «партнерами» в возрасте от семнадцати до девятнадцати лет. После окончания основного образования в школе они пошли и зарабатывали себе на жизнь. Они работали в строительстве, в производстве продуктов питания, мебели и одежды, в общественном транспорте, в посуде, машинах, во всем, что вы видите вокруг себя и во всем, что вы можете себе представить. И если их жизнь теперь легка, это потому, что они

посвятили себя всем сердцем в течение двух лет, и это потребовало больших усилий. Таким образом, ни мы не обременяли своих родителей финансово, ни наши дети не будут обременять нас. До нашей «службы» предыдущее поколение работало на нас, мы делали то же самое в свое время, а теперь настала очередь младшего поколения работать для всех».

Если бы я была уверена, что Стефан перестал шутить, у меня было бы тысячу вещей, чтобы спросить его. Но у меня будет время судить, правда ли все это. На данный момент я просто хотел как-то перевести разговор на то, что я собирался сказать. «В любом случае, учитывая мое положение и мое оправданно большое любопытство, я думаю, вам нетрудно понять, что эта атмосфера расслабления и благополучия становится для меня почти мучительной. Вот я и подумал, не могли бы мы как-то заменить эту праздничную атмосферу типичным образом современной жизни... Что касается людей, то я нахожу их все более и более привлекательными с каждым днем — особенно вас и Хильду. Я бы хотел, чтобы ты был со мной все время».
Имя Сильвии эхом звучало у меня в голове. Бывает так, что мы избегаем говорить о том, что нас больше всего интересует...

— Типичный образ современной жизни... — повторил Стефан, постепенно говоря все громче и в веселой манере. — Вы сказали «типичный образ современной жизни»? Ну, для большинства это сейчас самый распространенный образ жизни.
Простая жизнь, в окружении красот природы, беззаботная, веселая, среди приветливых лиц и своих близких... Это жизнь без амбиций и малейшего стремления к посмертной славе, без необходимости совершать великие дела. Отдать Илекторам и Лорфам их большие дворцы от всего сердца, без всяких тайных желаний; жить свободным и, главное, свободным от всякого рода проектов, которые будут постепенно и незаметно для вас порабощать вас на всю жизнь; держаться подальше от любых контактов с институтами нашего времени, хотя их и немного; видеть свою жизнь, протекающую во мраке среди сокровищ сердца и природы, счастливую в своей анонимности, и время от времени предаваться чтению или удовольствию быть чутким поклонником изящных искусств; это образ современной жизни, который вы ищете!»

Было видно, что он был взволнован своими словами. Было очевидно, что он годами строил свой образ жизни исходя из велений собственной психики и темперамента и не позволял ничему и никому это изменить.

— Ты меня не понимаешь, Стефан, — продолжила я. «Это не столько образ жизни, сколько мир в целом и его люди. После входа

это развитое сообщество с его чрезвычайно культурными и утонченными — и «высшими» в этом отношении — людьми, с их безупречными манерами и цивилизованным образом жизни, разве моя потребность видеть, как живет большинство людей, не оправдана?»

— Но мы — «большинство людей», — заявил он среди взрывов смеха — и на этот раз его смех был искренним, детским. — Тебе это кажется таким абсурдным? Да, мы те, кого вы в свое время назвали бы «рабочим классом».
Слушайте, потому что вы, кажется, не понимаете: ну и что, что у нас всего изо дня в день и, в буквальном смысле, ничуть не меньше, чем у величайшего Илектора? Мы заслужили весь этот «ширпотреб». Мы много работали для них в нашей юности.
И, в любом случае, есть такое изобилие, что мы никогда не исчерпаем. Путешествия, развлечения, спорт — все, что мы хотим, — в нашем распоряжении. Однако все виды морального удовлетворения, такие как уважение, слава, признание, похвалы и вообще все почести, предназначены для других». И, понизив голос, добавил поразившим меня серьезным тоном: «Общепринятое мнение о нас таково, что мы «ничего не делаем». И это правда... Что я могу сказать?»

"Какая?" Я спонтанно прервал его, пораженный искренностью его горьких признаний, продуктом его самосознания. «Это мнение несправедливо. Вы выполнили свой долг; Вы выплатили все свои долги обществу!

— И свое они выполнили, — ответил он тем же тихим голосом. «Они тоже работали в свое время. Они с таким же рвением побежали к глотнерам и были назначены на наши современные стройки, лаборатории и мастерские.
Они столкнулись с временным духовным и интеллектуальным недоеданием и жили дисциплинированной жизнью активных «партнеров». Они терпели невыносимо долгие смены и мучительную — для вольных умов — скуку своего труда. Они с радостью завершили свою двухлетнюю службу, как и все остальные. Тем не менее, выйдя в общество с титулом Cives, они не предпочли сидеть сложа руки, расслабляться и наслаждаться тем, что они заработали за свою службу, как это делаем мы, как это делает большинство людей; они имели на это полное право. Вместо этого, без малейшего намека на жажду признания и наград, они пытались что-то сделать из себя, что-то оставить после себя».

«В большинстве случаев, — продолжал Стефан, — это «что-то» было основано на мечтах и чистых амбициях, которые уже начали проявляться в их подростковом возрасте, озарениях, родившихся в последние годы в школе. Но нередко склонности проявляются в более зрелом возрасте. Но в любом случае никто их ни к чему не принуждает. Вот что им нравится, вот где они находят счастье. Некоторые получают удовольствие и удовлетворение от заботы о

дети и больные люди; другие придумывают изобретения и технические приложения, которые однажды сделают нашу жизнь еще проще; другие хотят стать врачами и открыть новые пути в науке.

Все эти миллионы людей, которые ездят учиться в наши крупные духовные центры, знают, что после окончания выбранного ими курса не ждут ни малейшей материальной выгоды, ни профессионального престижа. Многие из них просто сидят и годами слушают одно и то же просто из любви к своему предмету. Многие старые, но никто не может быть моложе девятнадцати лет, потому что высшее образование у нас всегда после «службы» без исключения».

Стефан сказал мне, что большинство этих юношей и девушек приходят послушать великих мастеров, о которых они много слышали с раннего подросткового возраста и которыми они всегда восхищались издалека.
На самом деле некоторым из этих молодых людей посчастливилось стать, пусть даже на короткое время, членами экипажа или последователями этих мудрецов, что называется унге, почетное звание.

Он также сказал мне, что не может полностью согласиться с тем, во что верят почти все, а именно, что на самом высоком уровне, над мудрыми учеными, ведущими мыслителями и учителями, стоят великие художники. «Именно они сегодня привлекают все внимание, признание и признание. Именно они сейчас электризуют толпы. Согласно современным меритократическим убеждениям, они теперь кумиры широкой анонимной публики. Но я думаю, что эти две категории, мягко говоря, несопоставимы».

Он подчеркивал, насколько ценным для человечества был вклад выдающихся людей в науках, особенно в физических науках. Я также помню, как он недоумевал, почему теперь только философские науки приравниваются к искусству.

«Говорят, — добавил он тихо, как будто разговаривая сам с собой, — что только эти науки разделяют элемент «трансцендентности». Но разве физические науки на своем высшем уровне не принимают тот же трансцендентальный аспект, ведущий к философскому мышлению?»

Тут я решил прервать его, утверждая, что пыл, с которым он говорил о «высшем классе», как-то противоречит его предыдущему описанию его простой, беззаботной жизни в безвестности как «совершенно удовлетворительной».
На самом деле я напомнил ему о том, что он сказал ранее:

«Сейчас больше, чем когда-либо, такие люди, как мы, не желающие добиваться профессионального «успеха» и не нуждающиеся в заработке, вынуждены строить свою жизнь вокруг своих возможностей, как они представляются каждому из нас индивидуально. Я совершенно доволен тем, какой я есть, потому что я знаю, что я не был рожден для величия. Правда в том, что творцами рождаются, а не становятся. Если бы, однако, до моего рождения мне дали бы выбор, думаю, я бы пожертвовал этой спокойной и беззаботной жизнью ради мучительного мира созидания».

Он замолчал на несколько мгновений, а затем, дружески и доверительно дотронувшись до моей руки, продолжил с намеком на улыбку. «Я не буду лгать тебе; ни Эрик, ни Аксель не согласны со мной в этом вопросе. Эрик с золотым сердцем выбрал бы прямо противоположное. Что касается Акселя, то он продолжает пилить на своей скрипке, не желая осознавать, что никогда не достигнет того уровня мастерства, который оправдывал бы даже то, чтобы посвятить ей всю жизнь».

Затем он добавил: «Этот откровенный подход, который был верен для искусства с незапамятных времен, теперь применим и к миру науки. И причина в том, о чем я уже говорил: участие в науке — это не профессиональная потребность, которая оправдывает посредственность ради заработка. Нашему универсальному общественно-политическому сообществу нужно не количество, а качество.
Все сводится к следующему: либо ты говоришь что-то действительно стоящее, либо вообще ничего не говоришь!»

Я спросил его, правда ли, что содержание и цель нынешних классовых различий были чисто духовными и если, кроме почестей, которые эти люди неизбежно, как он утверждает, принимают, нет никакой другой материальной выгоды для всех этих престижных мудрецов. и великие художники, или какая-то особая власть над остальными.

«Вы не увидите больше никаких различий, кроме тех, о которых я вам рассказал: любви, уважения, энтузиазма и благодарности. То есть, если вы не считаете материальную выгоду, несколько дворцов и произведений искусства, которые были переданы Долине Роз (их центр обучения) и другим нашим великим интеллектуальным центрам. Эти вещи имеют скорее символическое значение, чем что-либо еще. На самом деле, эти огромные здания иногда даже утомляют их».

«С другой стороны, — добавил Стефан, — в жизни есть еще много радостей: молодость, путешествия, ответная любовь — радости, которыми мы наслаждаемся в полной мере каждый день и которых лишены они, выбирая жертву и созидание, чтобы утолить свою жажду». для знаний. Они не созданы для нашего образа жизни; они не получают

достаточно удовлетворения от этих вещей. То, что могло бы утолить их жаждущие умы, не может быть найдено в этой «окружающей среде».

«Я думаю, что ничто не могло утолить их жаждущего ума; постоянное чувство неудовлетворенности и неудовлетворенности — часть их судьбы, — добавил я, желая показать ему, что понял его точку зрения.

— Единственное, что могло бы, — сказал Стефан тоном глубокой веры, — это Великая Реальность, Самит... Но здесь, внизу, она недоступна. Всякий достойный замысел и форма в искусстве есть не что иное, как попытка прикоснуться к нему, мучительное усилие, полное отчаяния и вместе с тем исступленной надежды! Всякая достойная концепция и форма в искусстве была, есть и всегда будет порождена стремлением к Самиту... Если бы его не было, не было бы и художественного творчества. И если даже величайшие художники никогда не бывают удовлетворены своими произведениями, то это потому, что Самит — это квинтэссенция величайших искусств, точно так же, как бесконечность — это конечное из самых больших чисел, которые мы можем вообразить. Но сейчас я говорю вам о народных знаниях, о чем-то, с чем вы не знакомы...

«Когда ты собираешься поговорить со мной об этом типе знания? Не дадите ли вы мне несколько книг по этому предмету?» — нетерпеливо спросил я его.

«Это тема, на обсуждение которой уйдет много часов. Сегодня у нас мало времени, потому что Хильда скоро будет здесь. Я отвечу только на последнюю часть вашего предыдущего вопроса. Современному правящему классу неизвестно материальное превосходство, как и любая власть над другими. Двенадцать или тринадцать столетий назад, когда еще правили ведущие ученые-физики, понятие «власть» в его первоначальном смысле наказания, принуждения, принуждения все еще было в силе. Но соответствующих правоотношений и имущественных споров тогда, как и сейчас, почти не существовало. Внедрение частных законов и институтов оказалось в значительной степени нереалистичным. Но права и обязанности между гражданами и политической властью по-прежнему должны были определяться множеством модернизированных и эффективных институтов, введенных в действие этими мудрыми людьми в соответствии с новыми потребностями. В конце концов, по прошествии столетий, любые формы принуждения и наказания устарели.

Это общественно-политическое явление недавнее. Это произошло в начале Элдере (Старые времена Элдере начались у нас в 2396 году нашей эры и продолжались 986 лет до 3382 года нашей эры). Ученые добились этого, используя понятие изобилия и

беспрецедентный прогресс в воспитании детей в качестве их инструментов. «Служба» длилась тогда двадцать лет, а до того тридцать лет, но никому и в голову не пришло обижать друг друга или красть у кого-либо, так как никто ни в чем не нуждался».

Я также спросил его, правда ли что-то еще, то, что я случайно услышал, когда попал в аварию, или, точнее, когда Андреас Нортам попал в свою аварию. Я хотел знать, будут ли даже в случае аварии власти принимать во внимание только технические и медицинские переменные, не возлагая на них никакой ответственности.

«Вот тут и вступает в игру образование, как я уже говорил вам ранее. Во-первых, вероятность возникновения автомобильной аварии или любого другого несчастного случая в настоящее время крайне низка. Но предположим, что случилось нечто подобное и возница линзена выжил; не было бы необходимости возлагать вину, потому что такая возможность была бы полностью исключена».

Здесь есть поговорка, как сказал мне Стефан, которая гласит, что современный человек, Троенде , как они его называют, «не может сделать ничего плохого», как британцы говорили о своем короле. Эта реальность стала возможной благодаря глубокому уважению ценности человеческой жизни, заложенному в их совести с раннего возраста. Согласно нынешнему «волковому восприятию», каждый из «твоих ближних» — это «целый внутренний мир», полный мечтаний о жизни, нежности, любви и священных человеческих страданиях, высоких идеалах и широком спектре духовных ценностей, всех размышления о Самите, о котором он говорил со мной ранее. Их внимание к деталям и предусмотрительность, порой доходящая до преувеличения, просто невероятны. Они крайне осторожны, чтобы ни в малейшей степени не оскорбить этот «весь внутренний мир» ни с точки зрения его физического, ни с точки зрения его нравственного существования. Эти люди в высшей степени следовали заповеди «возлюби ближнего своего».

«То же самое касается крайне редкого случая, когда кто-то незаконно заводит ребенка», — продолжил Стефан. «Государство не предполагает, что подобное произойдет по умыслу или по неосторожности, потому что уважение к нашим демографическим институтам исключает такую возможность. В таких вопросах статистика является нашим безошибочным ориентиром: столь низкий процент незаконных рождений не может ни в малейшей степени повлиять или нарушить ни процесс обследования населения, ни ритм жизни. Принуждения и наказания были заменены внутренними законами. По-настоящему цивилизованные люди, люди с «внутренней культурой», не могут сделать что-то неправильное. Даже если вы их заставите, так ск

Рассмотрим, например, вопрос о подписке на «услугу»: если поискать среди миллионов юношей и девушек, то не найдешь ни одного человека, который пытался бы этого избежать! Наоборот, на самом деле. Наши руководители и воспитатели вынуждены должным инструктированием и аргументацией бороться с чувством неполноценности и неоправданными угрызениями совести тех немногочисленных детей, которых ежегодно по состоянию здоровья не принимают в глотнеры. Их великое несчастье происходит не от их болезни или инвалидности, а от того, что они чувствуют себя обузой для своих ближних...»

Он еще раз подчеркнул простоту существующих учреждений, заверив меня, что других, кроме тех, что касаются «обслуживания», проверки населения и контроля движения, не существует.

«Так мало ограничений, — сказал он с явной гордостью, — так мало институтов, и это отсутствие авторитета и принуждения в жизни человека создает огромное пространство для индивидуальной свободы — конечно, всегда в сочетании с самодисциплиной. Сегодня никто не мешает вам путешествовать на другой конец света, говорить и делать все, что вы хотите, верить в то, что вы хотите, так, как вы считаете нужным. Образование — от начального до высшего — данеры, «храмы», Reigen-Swage, театры, парки, пляжи, музеи, больницы, всевозможные учреждения, прогулки, торговые центры, лагери, сельская местность, центры физкультуры и всевозможные виды спорта, все это и многое другое, что вы даже не можете себе представить, все открыто для нас, особенно с девятнадцатилетнего возраста и старше. И помощь статистики также чудесна, когда дело доходит до «распределения»: они поддерживают баланс между спросом и предложением, обеспечивая изобилие всего, отслеживая все глобальные потребности и делая ранние и точные прогнозы».

Я спросил его, как отсутствие какой-либо формы принуждения, как он говорит, совместимо с работой Илекторов и Лорффов.

«Их роль больше регулирующая, — ответил он. «Это больше обязанность, чем политическая власть. Некоторые из этих мудрецов решат, например, окажется ли применение нового технического или технологического развития полезным для производства потребительских товаров, таких как продукты питания и другие товары; другие возьмут на себя работу по регулированию дорожного движения; другие будут определять темп появления нового поколения и так далее. Однако они не вторгались в личную жизнь и не занимались отдельными случаями веками; в этом не было необходимости. Иногда в прошлом им приходилось вмешиваться, и тогда у них была настоящая сила. В том редком случае, скажем, когда кто-то

«слишком плодовиты», они простили бы любое нарушение порядка очередности или количества детей, которое им разрешалось».

Я не удержался и сказал ему: «Вы говорите о личной свободе, Стефан, но вы, кажется, забываете о своих неестественных демографических ограничениях...»

«Потому что, как я уже говорил, это общие правила, а не вмешательство в отдельных случаях. Согласно этому постановлению, те, кто отчаянно хотят иметь ребенка, получат свою очередь вовремя. И не волнуйтесь; каждый имеет право иметь детей! Цель состоит в том, чтобы соответствовать текущему демографическому «коэффициенту замещения», чтобы следующее поколение не оказалось более густонаселенным, чем нынешнее, по всей земле. По сути, это ограничение не так страшно, как вы думаете. Это вопрос порядка и понимания во имя человечества».

«В мою эпоху, которую вы называете варварской, мы были гораздо ближе к природе и к личной свободе».

«Тогда потребность не была такой острой. Кроме того, разделение земли на соперничающие политические и экономические силы, в свою очередь, породило соответствующее соперничество в отношении населения. Опасность перенаселения резко возросла в старые времена. После этого мир отчаянно нуждался в регулировании, и теперь, в результате этого регулирования, мы находимся в точке, когда речь идет уже не о количестве людей, а о качестве. В вашу эпоху баланс населения мира легко восстанавливался вашими войнами и эпидемиями; люди умирали и люди рождались каждый день. Но в нашем мире эти два «решения» давно устарели. Итак, какой у нас был выбор? Если бы мы перестали следить за демографическими показателями, то вся процветающая наука и технические приложения могли бы поддерживать этот высокий уровень жизни мирового сообщества только на короткий период времени, и, в конце концов, они не смогли бы предотвратить его падение. ».

Именно тогда, насколько я помню, в комнату вошла Хильда с букетом цветов. Стефан резко замолчал, и вскоре мы сменили тему.

РОМАНТ С СИЛЬВИИ

8-IX

Я просидел сегодня весь день. С утра я чувствовал себя не очень хорошо, но Хильда позаботилась обо мне и принесла горячий напиток. Теперь я чувствую себя намного лучше. Книги, которые Стефан недавно заказал, прибыли со вчерашней «раздачей». Я сидел с ним и просматривал их, чтобы скоротать время.

9-IX

Я не знаю, что со мной опять сегодня, но я снова чувствую предвкушение великой радости. Что-то мне подсказывает, что я могу увидеть ее сегодня... Всю ночь я чувствовал себя прекрасно. Я ушел очень рано, с этим свежим предрассветным ветерком, и прогулялся по саду и лесу. Не знаю почему, но мне часто хочется выйти и прогуляться в одиночестве в таких безлюдных местах, как эти.

Стефану было интересно, где я, и когда я вернулась, он спросил меня. Я не упомянул ничего, кроме того, как хорошо я себя чувствую. Что со мной? В одну секунду я счастлив, а в следующую мои глаза наполняются слезами. Сейчас, например, мне хочется плакать. И подумать только, что этим утром меня переполняла необъяснимая радость. Даже вид единственного солнечного луча заставил меня улыбнуться.

Что приготовила мне сегодня судьба? Я увижусь с ней? Она собирается присоединиться к группе? Снова считаю минуты... Считаю минуты...

(Ночью)

Ничего... Ничего... Еще раз ничего! Я не понимаю... Она точно знает, где мы собираемся каждый вечер... Все эти дни...

10-IX

В последний раз я видел ее пару дней назад, когда она пересекала парк с большой группой незнакомых мне людей. Они болтали друг с другом на равных, с видимым комфортом и спокойствием. Я подумал, что если бы я был одним из них, то вряд ли смог бы так без устали говорить так долго. Я немного завидовал им...

Они приближались к краю парка, где я сидел, и я не знал, успею ли я хоть немного взять себя в руки. Я был перепачкан, и я был совершенно уверен, что мой цвет лица был пепельным. Между прочим, я боялся, что она

может подумать, что я сижу там с единственной целью увидеть ее. Проходя, она повернулась и посмотрела на меня, как будто только что меня увидела. Она едва поздоровалась со мной, как будто я что-то ей сделал, и не выглядела очень взволнованной, увидев меня, но когда наши взгляды встретились, всего на одну секунду, я почувствовал себя самым счастливым человеком на свете без всякой причины. И тогда я сразу понял, что ее поведение не имеет ко мне никакого отношения. Она просто была в плохом настроении или злилась на себя. Я понял это по намеку на волнение в ее глазах.

Злится на себя... Бывают моменты, когда я думаю, что, может быть, я единственный счастливый член группы. Должен ли я перестать быть таким отчужденным? Может быть, это моя вина? Вся эта робость, отсутствие мужества и неоправданное отношение...

11-IX

Я попрошу Стефана отложить поездку в Норфор, о которой он упоминал прошлой ночью. И подумать только, что совсем недавно только звук этого великолепного места заставил бы меня прыгать от радости!

16-IX

Стефан здесь всех знает. Ему удалось найти своих старых знакомых, интересующихся научными книгами, и поэтому мы обменяли большую часть книжной коллекции Нортэма на некоторые книги по истории, имеющие большое значение, на то, чтобы доставить их вместе с «распространением» потребовались бы целые века. Среди них базовая книга по истории для детей, идеально подходящая для таких начинающих, как я, издание Дюпона, настоящая миниатюра из трех тысяч светящихся в темноте зеленых страниц со стереоскопическими иллюстрациями, мелким шрифтом, который последовательно увеличивался только в конце. часть, которую вы читаете, и полностраничные панорамы.

Я вернулся на виллу поздно ночью. С тяжелым мешком под мышкой, взволнованный моим новым имуществом, я заперся в своей комнате и высыпал свое сокровище на стол. При его виде множество веселых и волшебных воспоминаний детства ожило, словно красочный парад перед глазами!

17-IX

Сегодня это должно было случиться... Сегодня судьба приготовила мне прекрасный сюрприз: я неожиданно встретил ее на обратном пути домой. Мы провели вместе целый час. Сначала она плакала. Тогда я сказал ей, что люблю ее. Затем она положила руку мне на сердце. Я поцеловал ее, и, наконец, мы посмотрели друг другу в глаза... Никто никогда не узнает, что между нами произошло! Благодарить

Ты, Боже, на этот миг! И у меня с самого утра было предчувствие, что сегодня будет большой день!

Она сказала мне, что страдала и плакала перед сном в течение нескольких дней из-за мучивших ее сомнений. Она не знала, что делать. Она была сдержана из-за своего прежнего поведения по отношению ко мне. Но моя непоколебимая любовь, а также тот факт, что после аварии я стал чище, нежнее и с более романтичным настроем — то, что волнует женщин, — поразили ее. Я счастлив! Она сказала мне, что хочет ходить со мной повсюду. Все места, где она побывала, она хочет увидеть снова со мной. Только тогда, по ее словам, простое посещение может превратиться в настоящий опыт; иначе довольны только глаза, а не душа...

18-IX

Я сижу здесь несколько часов, думая о том, что произошло вчера. Я даже не могу читать. Кажется, я мечтаю. Не может быть, чтобы Стефан не понял этого. Вчера был взрыв эмоций; в нем не было места разуму и суждению. Сегодня, после такого сильного стресса, я чувствую себя такой слабой и измученной, что едва могу писать. Мне так много нужно обдумать. Я только что вспомнил то, что сказал Стефан, что как человеческие существа, то есть формы жизни с ограниченными возможностями, мы не в состоянии определить границы «реального» и «нереального» или оценить фактические масштабы Великой Реальности. Невозможно, говорит он, узнать, что скрывается за внешностью, и тем более через призму нашего «детского» темперамента, который часто раздувает простые, человеческие психологические реакции. Как он объяснил мне, теперь они верят, что старая интерпретация «идеализации человеческих инстинктов» просто кажется таковой, и что измерение глубины ускользает от нас, людей. Нынешнее мировое сообщество, не колеблясь, увидит в незначительном человеке, который не внес никакого видимого вклада в жизнь, предвестника великих дел и воздвигнет в их честь статую в Долине Роз, их священном городе.

4-X

Самое захватывающее для меня — это кататься на их летательных аппаратах — линсенах. Сегодня мы отправились в Орту, экспериментальный питомник площадью в тысячу акров, окруженный вязами, в центре которого стояли шесть старинных мраморных сидений. Мы сидели в «нашей собственной гостиной», как в шутку называла ее Сильвия. Теперь она сожалеет, что в прошлом отказала Андреасу в любви и привязанности. Она чувствовала, что

из-за нее они потеряли слишком много времени и упустили слишком много драгоценных моментов. А с другой стороны, посмотрите, в каком я положении: она открывает мне свое сердце, и я ничего не могу ей сказать. Так что я просто сижу, машинально отвечая и используя то немногое, что я знаю о Нортаме от Стефана, чтобы ответить ей. И, в конце концов, чтобы избежать ее постоянных вопросов, я продолжаю говорить: «Сильвия, поверь мне. Я больше ничего не помню».

Мне стыдно за себя. Но Стефан сказал мне несколько дней назад: «Пока другого пути нет. Помните, это вы попросили, чтобы это осталось в секрете.
Но, кроме этого, Розернес Даль — Долина Роз — еще не пришел к какому-либо выводу относительно вашего дела.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ИТАЛИИ: БЕСКОНЕЧНОЕ, ГЛОБАЛЬНОЕ КУРОРТ

Салерно, 6-X

Мы здесь, на юге, только со вчерашнего вечера. Мы намеренно немного задержали его, чтобы избежать огромных толп, стекающихся сюда на «летние праздники». Мы остановились на третьем этаже одного из огромных отелей New Youthsmile. Мы забронировали весь этаж, потому что придут еще шесть друзей. Среди них Дисени, один из самых известных молодых врачей, и художник Сильд, друг Арии, приятный, тихий и скромный блондин лет тридцати, одетый в темную одежду, которая контрастировала с его голубыми мечтательными глазами.

Из того, что я понял из поведения других по отношению к ним, они должны считать врача и художника «звездами» группы, но последние, кажется, понятия не имеют об этом. Они всегда говорят просто, по-земному о разных вещах, но никогда о своей работе.

Увидев с высоты западное побережье Италии, я заметил, что сейчас оно от одного побережья до другого застроено огромными отелями, отчего оно кажется бесконечным курортом. Названия топонимов время от времени меняются, и во многих местах сохранились древние названия, которые сейчас звучат довольно странно рядом с более новыми и поэтичными: Алый берег реки, Побережье радости, Малый Бломстерфор, Голубая лилия, Алмазные камни полуночи, Ресенфарвет. . Однако ни форма, ни содержание этого обширного состояния нигде не меняются; оно бесконечно простирается до горизонта. Там были тысячи исполинских дворцов для путешественников, но ни следа жилых домов, или церквей, или институтов, или школ, и промышленных, и научных объектов — только эти огромные отели и молодежные центры (ларинтеры и цивесхеймы , как их называют), построенные между набережными и парками . , обширные песчаные пляжи и гавани. Каждый из этих дворцов киве — горожан — представлял собой отдельное прямоугольное здание, по периметру украшенное чем-то вроде ярких кристаллов, отражавших солнечные лучи,
И они были такими яркими, что их можно было увидеть с ночного неба.

Архитектурные стили различались, но в целом они были идеально гармоничны. Да, здесь я действительно чувствую, что нахожусь в одном из их крупнейших городских центров. Даже когда я один в своей комнате, в полной тишине, я почти слышу шум и суету миллионов путешественников, посещающих этот огромный морской курорт каждый день.

7-X

И хотя здесь вы чувствуете чистую радость жизни в невероятной степени — по сравнению с нашим временем — то, что они делают, и то, как они это делают, не так уж сильно отличается от нашего. На рассвете я увидел тысячи людей, стоящих возле своих гигантских отелей с хрустальными кружками, наполненными водой и фруктами, и любующихся невероятным видом. Под нами, во дворах и полях, можно было увидеть молодых людей, занимающихся спортом и играми в мяч. Рядом, в парках и на пляжах, люди гуляли, купались и устраивали пикники, совсем как мы.

Мы с Сильвией довольно долго гуляли. Стефан и Хильда были впереди. Она сказала мне, что впервые за эти дни познала себя во всей ее глубине. Она обнаружила в себе какое-то умиротворение, о котором никогда не подозревала. Я не знал, что на это ответить, поэтому просто сжал ее руку и пошел дальше.

«Наконец-то я могу ценить песни! Наконец-то я могу отождествить себя с их значением!» она добавила. Даже смена времен года приносит мне внутреннее чувство радости. Помню, я чувствовал это только до пятнадцати лет. Затем оно исчезло. До нынешнего момента."

Я до сих пор не прикоснулся к ней и не думаю о ее обнаженном теле. Мы оба все еще находимся на той первой стадии глубокой и настоящей любви, когда чувства проявляются исключительно в сердце, а не во плоти.

СУТЬ САМИТА И «ПРЯМОЕ ЗНАНИЕ»

7-Х снова

(после полуночи)

К вечеру вся группа оставила линсени позади и, пройдя через сосны, направилась вглубь страны. Всего нас было четырнадцать человек. Около полуночи и после того, как прогулка закончилась, женщины из группы предложили нам пройти на одну из больших террас, чтобы посмотреть сверху на большое танцевальное представление. Сильвия сказала мне, что сегодня вечером будет невозможно найти время только для нас двоих.

Мы присоединились к остальной толпе, которая не принимала участия в хэппенинге, и сели над огромным танцполом, наблюдая за эффектными и медленными движениями большого коллективного танца.

Я шепнула Стефану, что все это напоминает мне очень своеобразную балетную труппу, но он отрицательно покачал головой. Вскоре после этого он объяснил мне значение символического танца и последовавшей за ним совместной безмолвной молитвы. Он сказал, что если бы у нас была соответствующая одежда, мы все могли бы принять участие. Я считаю, что такое зрелище, такая гармоничная слаженность и великолепие были бы пределом мечтаний даже наших лучших хореографов. Только в наше время эта мечта так и не смогла стать реальностью.

Танцоры-мужчины были одеты в черное, а у танцовщиц на головах были венки из цветов, и они были одеты в официальные шелковые драпированные однотонные кьоле длиной до пола. Они прошли перед нами, каждый со своими хореографическими движениями, как идеально синхронизированное целое, предлагая мне новые, неописуемые эмоции.

Они даже вызывали во мне чувство гордости и эйфории от присутствия в этой уникальной, церемониальной обстановке, не имевшей, однако, ничего общего ни с официальной религией, ни с религиозным принуждением. С тобой говорила сама музыка, звуки, танцевальные движения… Казалось бы, они тоже способны на чувства и ностальгию, как и человеческое сердце. Они говорили об истинной любви, о такой любви, которая может заставить тебя пожертвовать собой… Они также говорили о другой любви, о любви, которая может победить время и заставить тебя жить вечно, ибо тебе нет дела ни до смерти, ни до себя, просто о другом человеке. Они говорили о любви тысячей разных способов, в бесчисленных нежных движениях и поворотах, словно обладали даром человеческой речи!

С другой стороны террасы, похожей на просторную площадь, большая толпа в типичных костюмах унге , всегда сопровождавших важных людей, окружила пожилого человека, которого, как мне сказали, звали Нишефельт. и который был одним из самых выдающихся художников того времени. «Он только что вернулся из Долины роз», — говорили люди. Зильд, художник нашей группы, бывший ученик Нишефельта, сказал, что Лорффе резко изменился с тех пор, как он видел его в последний раз.

Пора было идти. — Мы вернемся завтра, — сказал я Сильвии перед тем, как мы разошлись. «Стоит увидеть все это еще раз, только вдвоем, не так ли?»

Она улыбнулась мне и согласно кивнула. О Боже, на сколько лет вернул меня этот кивок! Это напомнило мне об Анне; каждый раз, когда она кивала, легкий ветерок трепал ее волосы. Признаюсь с угрызениями совести, но это случайное, мгновенное сходство заставило меня снова подумать об Анне. Раньше это имя так много значило для меня...

8-X

Сегодня Стефан заставил меня улыбнуться, придав слишком большое значение моему простому замечанию о современной морали. Я был очень расстроен тем, что Сильвия ушла одна, несмотря на то, что сказала мне, что мы проведем весь день вместе. Вместо этого она решила позагорать на другой террасе с остальными девушками. Итак, единственное, что я сказал, это то, что в прежние времена люди были ближе к природе и наслаждались нежной лаской солнца, воздуха и воды вместе — мужчины и женщины.

Стефан в этот момент ничего не сказал. Лежа на спине, с полузакрытыми глазами и расслабленными мышцами, он наслаждался утренним ветерком, как будто никогда не слышал моих слов. Доктор Дисени, который также присутствовал, подождал некоторое время, чтобы посмотреть, скажет ли что-нибудь Стефан, а затем решил заговорить.

«Это так верно, друзья мои... Мы, кажется, забыли в наши дни, что нагота есть не что иное, как правда природы. Я бы хотел, чтобы мы могли вернуться в те благословенные годы, когда миром правили мастера науки. Каждый раз, когда я читаю эти старые книги, я вспоминаю, какими особенными и просвещенными были те люди, которые завещали нам все эти прекрасно организованные законы и обычаи. В то время молодые люди смотрели на жизнь скорее позитивно и рационально, чем романтично. И мне интересно: мы пошли по правильному пути? Является ли этот поток чувственности и эмоций правильным путем к

посмотреть на жизнь? Не знаю... Если внимательно посмотреть на этих девушек, которые сейчас убегают от нас, как дикие звери, то я уверен, что вблизи они были бы прекрасны, как картины. Но не будем делиться этими мыслями с учителями нашего друга Сильда и поэтами Долины, сумевшими внедрить в головы людей представление о «прелести скрытой красоты».

И именно с этими словами Дисени на время покинул нашу компанию. Рядом группа подростков, не обращая на нас внимания, отдыхала от катания на водных лыжах. Тысячи людей выбрали берег моря местом для отдыха и наслаждения чудесным бризом. Большинство из них были женщинами, большинство из которых были одеты в удивительно теплую для такой погоды одежду.

«Я не хотел начинать разговор перед врачом», — сказал Стефан, прервав мои мечтания. Он наклонился ко мне, чтобы мы могли слышать друг друга, и добавил: «Но я мог бы спросить его, были ли в те благословенные годы, по которым он испытывает ностальгию, чувства той же глубины, что и сейчас, могли ли они достичь того уникально высокого уровня, на котором достичь сейчас».

Он говорил медленно, избегая смотреть мне в глаза, и я догадывался, что он старается не сказать ничего такого, что могло бы намекнуть на мои чувства к Сильвии. Я был уверен, что он понял, что между нами произошло; но он был единственным, больше никем. Но, как я уже говорил, здесь не любят сплетен и не показывают этого, когда что-то знают.

«Тогда он сказал бы тебе, Стефан, — сказал я, — что действительно не было бы большой потери, если бы мир был лишен всей боли и страданий сердечных...»

— Он бы так не сказал, — сказал Стефан. «Что бы он ни говорил людям, в глубине души он знает, как и все мы. Как настоящий Троенде, он твердо верит в проповедь Волков. Поэтому он не мог отрицать, что Липвирх, эта «нежная болезнь сердца», как вы ее однажды назвали, является одним из главных отражений Самита, как и , чистое религиозное чувство, искусство, великие идеалы и вечная духовная жизнь. ценности. Это наследие нашей древней цивилизации и давняя мечта о всеобщей любви. И хотя некоторые могут утверждать, что вид обнаженной женщины не может уменьшить Липвирх, «сердечную боль», исторические данные и прошлый опыт говорят об обратном. Вспомни, Андреас, танцовщиц, их божественные фигуры и рост... Я знаю большинство из них и знаю, что у них не только божественные тела, но и божественные души, достойные максимальной любви. Разве они не выглядели впечатляюще в своих кьолах в полный рост при лунном свете? Сам Сильд сказал мне, что глядя на

они возродили часть счастья, которое он черпал из сказок, когда был ребенком. Разве очарование и величественное присутствие этих женщин не уменьшится, если они будут лежать или ходить среди нас обнаженными?»

Я оставил Стефана без ответа. Его слова о «размышлениях Самита» не давали мне покоя, напоминая нечто подобное, что сказала на днях Сильвия. Я помню, как спросил ее: «Куда все это ведет? Как жаль, что наша любовь пропадает даром, а не длится вечно...»

Выражение удовлетворения на ее лице было не передать словами! Это была смесь радости и гордости!

«Что бы ни случилось, имейте это в виду: неправильно с вашей стороны говорить, что стыдно, чтобы наша любовь пропадала впустую; в этом вся цель! Вот когда ты действительно можешь называть себя благословенным! Эта любовь теперь стала нашим достоянием, что бы ни случилось дальше. Это то, чего у нас никогда не отнять. Теперь это часть другой жизни, другого мира; это часть Самита».

Я повернулась к Стефану и голосом громче, чем собиралась, сказала ему: «Тогда скажи мне, Стефан. Неужели весь этот мир со всей его правдой, о котором говорил врач, всего лишь микрокосм?»

— Нет человека, который верит в обратное, — спокойно ответил он. «И он не ошибся в том, что сказал, что нагота молодого и красивого тела есть чистая правда природы; но это не единственная истина и определенно не самая великая. Я говорил вам, что Липвирх, боль сердца, является отражением Самит, Великой Реальности, о существовании которой мы теперь знаем; мы больше не делаем предположений, мы знаем! Итак, природа, в свою очередь, является еще одним иным отражением Самита. Но сам Самит — нечто превосходное; гораздо больше и гораздо сильнее, чем все его отражения. Даже сегодня, если бы кто-нибудь сказал нам о том, насколько это чрезвычайно велико, мы бы не смогли этого представить. Но никто не говорил с нами об этом; мы видели это своими глазами!
И в этом наше главное отличие».

Мы сидели достаточно далеко от других людей, чтобы нас никто не слышал.
Стефан с минуту молчал, глядя далеко в открытое море. Он выглядел взволнованным, но продолжал. «Мы видели это, и это объясняет неизвестное старшему поколению чувство безмерного счастья, которое с тех пор наполняет наши сердца. Мы увидели это благодаря Нибельвирхе — верховной Вирхе — после тысяч мучительных сомнений, многих слез, многих минут нравственных переживаний.

слабость и отчаяние, и после того, как его веками готовила Долина Роз. И нельзя сказать, что Алексис Волький был каким-то полубогом, который единственный обладал и мог передать все эти чудесные непосредственные знания. Он был простым смертным, как и все мы; только до него Оверсин был чем-то неизвестным миру. Он был первым, кто выдержал «новую вибрацию», оказавшуюся фатальной для многих других; он был первым выжившим».

Доктор Дисени направился к нам сразу после того, как Стефан дал слово, что на следующий день принесет мне несколько книг о Нибельвирхе, Самите , Алексисе Волки и Оверсине. О Боже... Я не мог поверить во все невероятные вещи, которые только что услышал...

(В особняке Стефана)

12-X

(Полночь)

Вот так. Моря больше нет. Мы все вернулись в особняк Стефана вчера утром и уже жаждем вернуться. Они хотели уйти пораньше, чтобы избежать жары, поэтому все пришли уставшими; всем, кроме меня, что я уже привык к бессонным ночам.

По пути на виллу Стефан говорил со мной о том, насколько утомительным является образ жизни тех, кто в настоящее время живет в больших городских центрах. Казалось, он пытался дать мне объяснение, хотя я никогда не могла понять этот скромный и извиняющийся тон, который он иногда принимал, когда говорил. Было ли это признаком скромности? Или это был признак вины за то, что он был одним из членов большинства, которые просто «отдохнули» после его двухлетней службы? Я не знаю. Но он рассказал мне, что и другие люди, в том числе «кивесские рабочие», часто покидали свои города и подолгу жили в сельской местности. Это было привычкой не только «безработных». Никто, говорит он, не может жить в современных, массивных и многолюдных городах вечно.

Посмотри на это! Кто бы мог подумать, что я буду скучать по своей маленькой комнате? Я так хорошо здесь устроился, что начал любить этот знакомый стол, маленький оранжевый комод с книгами, мои глубокие и удобные кресла, мои стеклянные вазы и другие мои немногочисленные вещи — немногочисленные, но явно мои.

Утром мы немного отдохнули, а потом, как и договаривались, пошли на послеобеденную прогулку с Сильвией, сказав Стефану и Хильде, что мы едем на экскурсию.

над озерами.

Мы пролетели над старым Биньяско, глядя сверху на огромный прямоугольный малиновый дворец, Сивесгард , стоявший на западном склоне горы. Я видел много других зданий сверху, в разных местах, но это произвело на меня сильное впечатление своими смелыми цветами, которые полностью контрастировали с обычными пастельными тонами, преобладавшими в этой стране.

С террасы, на которую мы приземлились, я мог видеть висячие сады. Находиться рядом с ними было очень освежающе и расслабляюще. Дальше, на горизонте, молодые мужчины и женщины в отдельных летательных аппаратах, похожих на огромные механические крылья, летали над противоположными горами и вокруг них. Я не знаю, почему я так счастлив, когда я рядом с ней. Даже этот быстрый переход от моря к горам за несколько часов наполнил меня радостью.

На этой огромной террасе и в примыкающем к ней большом центральном зале с огромным аквариумом очень мало людей, даже двадцати. Это огромный контраст с тысячами посетителей на пляжах, с их криками, смехом и играми.

Внезапно Сильвия повернулась ко мне и сказала: «Я думаю о тех местах, за горами, и о том, что там есть еще озера, такие же красивые, как наше».

Мое сердце билось быстро. Местом за горами была Швейцария.
Я ничего не сказал; Я дал ей закончить.

— Мы пойдем туда, верно? Это будет так красиво. Не знаю, что со мной происходит, Андреас, но каждый раз, когда я еду в Швейцарию, я не испытываю особой радости. Я чувствую себя как всегда. Но когда я смотрю на эти места издалека, только издалека, то чувствую меланхолию, почти ностальгию...»

Я ничего не сказал ни Сильвии, ни даже Стефану о своей давней любви к Анне. Каждый раз, когда я рассказываю о своей прежней жизни, я крайне осторожен, чтобы ничего не проговорилось об этой особе, как будто она тайное очарование, которое я хочу оградить от любого чуждого, нечестивого человеческого сердца.

Последние слова Сильвии стали поводом для переоценки этого моего открытия.
Я чувствую, что моя старая тайна все еще недоступна и хорошо охраняется в моей душе, и что никто ничего не знает.

— Итак, что вам напоминают эти места? Я спросил ее.

"Ничего особенного. Вот почему я не понимаю, откуда эта необъяснимая тоска. Мне было четырнадцать, когда я впервые посетил эти места».

— ответила она, указывая на заснеженные горные хребты на горизонте. «И не только у меня нет особых воспоминаний, связывающих меня с этой поездкой, но также, поскольку я был в неловкой фазе подросткового возраста, я помню, как имел дело с тысячей забот и проблем».

— А кто нам сказал, что в прошлой жизни сильные воспоминания не связывали тебя с этим местом? — спросил я ее, отводя взгляд.

— Ну, этого никто не может знать наверняка, — сказала она, ничуть не удивившись. «Может быть, да, может быть, нет... В рамках Самита все возможно. Но мы люди, Андреас, и мы никогда не узнаем всего.

Казалось, ее увлек разговор. Тот факт, что она, казалось, не считала это ни тяжелым, ни бессмысленным, заставил меня углубиться в тему, на мгновение потеряв контроль над собой. — Ты веришь, Сильвия, что человек может внезапно вспомнить случаи из прошлой жизни? Вы когда-нибудь пытались?

Впервые я говорил с ней таким дрожащим от волнения голосом, глядя ей в глаза с выражением любви и верности, словно одержимый божественным вдохновением. Тогда я помню, как сказал ей: «Кто знает?
Может быть, мы только что снова встретились после многовековой разлуки...»

Сначала она выглядела несколько озадаченной моим бессвязным изложением «воспоминаний о предсуществовании», но вскоре она улыбнулась с выражением радостного удивления и нетерпеливого согласия. — Ты так думаешь, Андреас? Это было бы неплохо... Но я бы предпочел вспомнить все, что случилось со мной в этой жизни, прежде чем я доберусь до воспоминаний о предсуществовании. Потому что я думаю, что некоторые случаи из моего детства до сих пор похоронены где-то в моей памяти. Я хотел бы вспомнить их в первую очередь...»

Очевидно, ее слова меня не удовлетворили. Они были несколько неуместны для моей точки зрения. Но я настаивал: «Что бы вы сказали, если бы кто-то вдруг очень ясно вспомнил случаи из прошлой жизни?»

«Что ты имеешь в виду под «что бы я сказал»? Я бы назвал это именно тем, чем оно является: редким метапсихическим явлением».

Я был совершенно сбит с толку всем этим разговором, в отличие от Сильвии, которая, как я уже сказал, вела себя совершенно естественно, поэтому я решил сменить тему. Мы продолжали идти рука об руку по лесу.

Я чувствую, что наша любовь растет день ото дня. Признаков слишком много, чтобы игнорировать их с обеих сторон. Мы больше не можем провести ни дня, не видя друг друга. Наше одиночество становится тяжелее, чем когда-либо, когда мы это делаем. Как я уже прочитал в книгах, которыми снабдил меня Стефан, одним из основных принципов народничества является для троендов «ностальгия по Самиту», «сердечная боль», вызванная отсутствием этого и которое пронизывает все человеческое существование без нашего ведома об этом. У нашего вида эта ностальгия проявляется в виде «благородной боли», такой как предвкушение большой и настоящей любви.

«Голос внутри меня, — сказала Сильвия, прерывая мои мысли, — всегда говорил мне, что придет день, когда кто-то придаст смысл моему одиночеству и моей чувствительности; поэтому мне пришлось ждать. Бывали дни, когда я, одетый, сидел утром перед зеркалом и думал про себя: «Может быть, сегодня...» Но я боялся, что не узнаю его, что не смогу сказать, кто он. был. В конце концов я был прав; это был ты! Почему мне потребовалось так много времени, чтобы узнать тебя?

Затем она начала задавать мне вопросы о моем детстве, имея в виду, конечно, детство Нортама, вопросы, на которые мне было довольно трудно ответить. Она вспомнила, как впервые встретила Нортама в Тебелене во время «Молитвы полевых цветов». Он собирался написать свое имя на одном из окон, затуманенный дыханием, и она остановила его.

«Я был так равнодушен к вам тогда... Я думаю, однако, что впервые я действительно встретил вас, был в институте Мользена, куда я пришел медсестрой, когда я увидел вас израненным и беспомощным, как маленький ребенок. Но хватит об этом. А теперь расскажи мне одну из тех старинных историй, которые ты любишь читать вместе со Стефаном, о лихих принцах и прекрасных принцессах...

Я начал дразнить ее, говоря, что в молодости она, должно быть, пристрастилась к Reigen-Swage и их трехмерным очкам. Она призналась. Что касается сказок о принцах и принцессах, то она любила их с детства.

Я понял, что эти древние для них истории оказывают очень сильное влияние на людей современного Всемирного Содружества. На мой взгляд, причины, по которым они так им нравятся, — это изображения юности и красоты, судьбы и судьбы, идеал «счастья» и все это в сочетании с дополнительным очарованием, которое придает огромная временная дистанция. Понятие «политический

власть», которая им совершенно чужда, уж точно не является одной из причин.

Я говорил с ней о некоторых наших великих именах, таких как Гёте и Пастер, и обнаружил, что она очень хорошо их знает. Затем мы задались вопросом, что должны были чувствовать великие творцы, создавая. Эта тема напомнила о художнике Нишефельте, Лорфе, которого мы видели несколько дней назад. Мне рассказывали, что в детстве, чувствуя в себе священное пламя, он мифологизировал и идеализировал всех великих личностей знаменитых художников прошлых поколений. Он мечтал когда-нибудь стать таким, как они, и самый счастливый день его юности был, когда он был принят в их ученики. Если бы кто-то мог показать ему тогда то положение, которое он будет занимать тридцать лет спустя, он не смог бы вынести такого безграничного счастья. В течение многих лет он не мог отделаться от ощущения, что его произведения посредственны, как бы ни восхищались ими окружающие, потому что они не оправдывали его собственных ожиданий и не могли утолить жажду его сердца. Но настал день, после десятилетий работы, когда он, наконец, достиг своей желанной мечты. Затем уже зрелый мужчина расплакался перед готовой композицией.

Это произведение искусства принесло ему признание и бесконечную похвалу со стороны «Дворцового бульвара». Затем новому Лорффе предложили ту же должность, которую когда-то занимали его учителя в Долине роз, но в гораздо более молодом возрасте, чем они.

По тому, как она говорила о них, было очевидно, что Сильвия преклонялась перед этими поистине великими людьми. А что касается Нишефельта, то она твердо убеждена, что своим невероятным художественным творчеством он обязан жажде и тоске по Самиту. Она утверждает, что если бы этого стремления не существовало, он никогда бы не достиг того художественного величия, которого достиг. Кажется, все связано с Самитом. Я еще не совсем понимаю. Кажется, будто это их Бог, но опять же, это не так. Он кажется «источником всего».

«Интересно, — заметил я, — когда он шел по Дворцовому бульвару и увидел вашу Священную арку, нашел ли он спасение, которое искал тридцать лет? Или, может быть, нет?»

«Конечно, нет», — ответила она. «То, к чему он хотел прикоснуться, было неприкосновенным… Но он действительно наслаждался этим всем сердцем».

«В настоящее время преобладает мнение, что вы должны искренне радоваться и праздновать духовное счастье, которое может предложить эта эпоха, потому что это дар!
Людям необходимо подумать о том, со сколькими проблемами столкнулся мир и

сколько препятствий и ужасных опасностей он преодолел. Они больше не верят, что именно временное расстояние украшает вещи, людей и ситуации и заставляет трудности и проблемы исчезнуть и забыться. В психофизиологические толкования вообще не верят или, вернее, считают их очень поверхностными; даже неглубокий. Они говорят, что «Нибельвирх» дал им истинное, более глубокое объяснение. Благодаря обретению «непосредственного знания» они увидели Самит и, следовательно, Истину. Они ясно видели, что этот свет не принадлежит этому миру...»

Она разговаривает со мной, думая, что я все вполне понимаю, не зная моего истинного положения; и это меня еще больше смущает. Иногда я действительно являюсь собой, а иногда выдаю себя за Нортама; на сколько еще?

«Сильвия, ты когда-нибудь думала, что я могу тебя разочаровать? Что я никогда полностью не выздоровею, никогда не вспомню и никогда не верну себе прежнее себя?»

«Ты лучше меня знаешь, что я не любила старого Нортэма», — сказала она с улыбкой. «Что касается ваших исследований и ваших бумаг, то они ничего не значат по сравнению с человеком с таким огромным сердцем, который у меня сейчас здесь, передо мной!»

Эти ее слова не имели ничего общего со словами надежды и ободрения в первые дни, когда она продолжала спрашивать Стефана, почему я не старалась больше. Я помню, как однажды Стефан застал ее плачущей в одиночестве после обсуждения, было ли мне полезно пойти в Маркфор на курс, который вел очень простой и понятный Аструччи, бывший ученик одного из их великий педагог Гуннар Бьерлин и продолжатель его дела в их учебном заведении. Мне кажется, это что-то вроде спецшкол нашей эпохи, для умственно отсталых, что-то очень унизительное для старого Нортэма. Стефан сказал мне пойти посмотреть, что с ней не так, и когда я увидел, что она все еще плачет, я сжал ее руки, поцеловал ее и сказал ей: «Я не пойду, если ты не хочешь, чтобы я... Я просто не хочу». Я не хочу видеть, как ты плачешь... Я не могу этого вынести.

Мы прибыли на террасу примерно в то время, когда садилось солнце. В какой-то момент по какой-то необъяснимой причине все, кто сидел на террасе, встали и направились ко второму балкону. Все замолчали, и слышно было только щебетание птиц. Мы еще не прибыли, когда Сильвия поманила меня подойти ближе. Мы присоединились к ним, и я был впечатлен религиозной преданностью, которая характеризовала каждого.

поведение, хотя мы были на улице, а не в церкви. Но вдруг я услышал мелодию, действительно очень знакомую. "Это наше! Наш! нашего времени!» Я думал. Потом я понял, что это была партия из 9-й симфонии Бетховена. Сколько бы времени прошло, оно не забыто! Я чувствовал необходимость сказать что-то Сильвии; слово, имя, что-то. Но мне едва удалось подавить в себе крик радости. Только потерпевший кораблекрушение, увидев приближающееся судно, которое его спасет, после нескольких дней в море, может испытать то же, что и я в тот момент: чувство спасения и невероятную гордость. Я хотел, чтобы Стефан был там, чтобы сказать мне, почему, если такое странное варварство характеризовало мое время, современная культура теперь берет свои произведения искусства и превращает их в молитвы. — Слушай, Стефан! Я бы сказал: «Это из эпохи, которую вы называете «доисторической»!»

Симфония играла довольно долго. Уже сгустились сумерки, когда я заметил полные слез глаза двух человек рядом со мной, которые благоговейно слушали, как затихали пророческие слова хора, слова, взывавшие о вере в великую судьбу человечества, слова, которые были написаны более двадцати веков назад...

Радостно , как Его солнца летят
по великолепной карте небес, следуйте,
братья, назначенным курсом, радостно,
как герой, к победе)

Как только наступила ночь, обстановка вокруг нас полностью изменилась. Мы уже собирались уходить, потому что сказали группе, что пообедаем все вместе, как услышали первые молодые голоса и увидели первые костры на близлежащих вершинах гор и на полянах леса на противоположных склонах. Мало-помалу песни множились, а вместе с ними и костры, и фраза «Новые Cives... Новые граждане!» пели все уста. Мы узнали, что тысячи юношей и девушек только вчера отслужили двухгодичную службу и сегодня останутся здесь, во «дворцах иноземцев». Они уже расставили запасные столы и стулья по всему первому и второму этажам и сделали много приготовлений, которых мы даже не заметили.

Если бы вы осмотрелись, то не нашли бы ни одного недовольного или недовольного

человек, как будто все были одержимы очарованием старой любимой традиции. Даже пожилые люди подпевали нескольким песням, которые они помнили со времен службы. «Партнеры», напротив, будущие Сивы — еще дети — кипели от волнения, заранее наслаждаясь блаженством «великого дня», который для них должен был состояться через пару лет, но все же сегодня он был по крайней мере прерывал монотонность работы.

Новые горожане сжигают свои темно-зеленые шелковые рабочие костюмы. Ритуал скоро закончится, и несколько молодых мужчин и женщин проведут ночь в нашем Цивесгарде. Но нам нужно идти. Когда мы уходим, я впервые вижу всех гестелов вместе; этих величественных отелей должно быть более 100 на всей территории. Я не понимал, сколько их было днем, но теперь, когда я вижу их светящимися сверху, они выглядят как целый штат отелей, которые простираются дальше, чем может видеть глаз!

СУТЬ САМИТА И ПРОБЛЕМ ВЕЛИКОГО
ВНЕ

14-Х

Мы со Стефаном отправились на часовую прогулку в лес Альбиэль, только вдвоем. Это был еще один драгоценный день, и все это напомнило мне о моих первых прогулках в компании отца Якова. В то время мною овладели горький скептицизм и неверие. Сколько великих и невероятных вещей произошло со мной с тех пор! На этот раз, возможно, рядом со мной не было очень образованного священника, но опять же, современные люди, казалось, знали гораздо больше и в более молодом возрасте, чем любой из образованных мужчин и женщин нашего времени; они как бы избавлены от сомнений.

«Стефан, обещай мне, что отведешь меня в Долину Роз, когда придет время», — увещевала я его теплым голосом. — Думаю, я более чем заслуживаю того, чтобы пойти с тобой. Пожалуйста, пообещай мне это! Ты знаешь, как я страдал... Будет справедливо, если ты удовлетворишь мою просьбу.

Мои слова заставили его немного задуматься. Избегая моего взгляда, он ничего не ответил. Я продолжил: «Подумайте об этом! Даже Джагер не возражал бы против этого. Я помню его слова: «Доверься Стефану; он проведет тебя через все». А затем он подчеркнул, что мне нужно больше смотреть на великие духовные пути, которые теперь открыты человечеству».

— Но кто будет возражать? — совершенно искренне спросил Стефан. «Просто грустно осознавать, что ты все еще веришь, что Нибельвирх — это вопрос места и что Долина Роз обладает какой-то магической силой. Вы будете разочарованы. Вы тоже думаете, что готовы? Если бы вы только знали, как многие из нас думают, что готовы, и как мало на самом деле...

Затем он спросил меня, сменив тему: «Ты посмотрел книги, которые я тебе дал?»

Мне пришлось сказать ему правду, то есть, что я очень мало понял в предмете народных знаний. Не то чтобы их современный, богатый англо-саксонскими и скандинавскими корнями, универсальный язык — я бы назвал его испорченной смесью датского и американского — был слишком труден для понимания. С другой стороны; проблема заключалась в значении и в очень специальной терминологии, упомянутой в этих книгах без малейшего пояснения, а также в нескольких совершенно неизвестных словах старого языка, которым пользовались

Илекторы долины.

Меня переполняли энтузиазм и рвение в предвкушении того, что я, наконец, обнаружу это «знание», которое, как я теперь знал, существовало и было широко распространено среди людей спустя столько веков. Вот почему слова Стефана о моем предстоящем разочаровании вернули меня на землю. Я видел, как он сначала смотрел на меня с удивлением, а потом сразу же с беззаботной улыбкой, как взрослый, осознавший наивность маленького ребенка.

«Теперь я вижу, насколько бесполезными были книги, которые я давал тебе читать. И это нормально, так мало прочувствовать и понять из прочитанного. Вы действительно верили, что мы покорили чистую сущность этих великих вещей и действительно сумели сделать ее своей? Неужели вы настолько принижаете и недооцениваете суть Великой Реальности, что считаете ее настолько доступной для нашего познания и умственных способностей?

— Это не моя вера, — ответил я голосом, который угас вместе с моими надеждами. «В мое время все разделяли одно и то же убеждение. И подумать, что главными сторонниками этой веры были величайшие умы мира той эпохи, которых цитируют и ссылаются до сих пор. Каждый из этих духовных лидеров проанализировал, как можно объяснить самые важные вопросы о мире, жизни и происхождении Бога и реальности. И они редко соглашались друг с другом.
У каждого из них была своя интерпретация. Но в одном они все были согласны: субстанция и структура Великой Реальности не являются непроницаемыми для человеческого восприятия. Индийцы, китайцы, египтяне, греки и другие европейцы после эпохи Возрождения считали, что нашли объяснение или, по крайней мере, были очень близки к тому, чтобы найти его. И, конечно же, каждый думал, что его собственная теория была правильной».

— Ты прав, — сказал Стефан. Некоторое время он больше ничего не говорил, как будто размышлял о прошлом. «Ты прав, так оно и было тогда; и не только в ваше время, но еще долгое время после него, до времени первого Нибельвирха, пару столетий тому назад. До того времени миру не хватало стольких мудрых учений. Но только когда пришел Оверсин , вместе с обретением непосредственного знания, мы осознали, что реальность настолько невероятно велика, что наше слабое восприятие и рациональная организация и вообще наши «антенны» не в состоянии уловить ее суть».

— Значит, Нибельвирх на самом деле не предлагал тебе знание Великой Реальности... — пробормотал я.

«Знание его сущности, нет — только «сверхчеловеческое» познание могло бы, пожалуй, понять его или, по крайней мере, постичь его. Но она предложила нам знание о своем существовании прямым и очевидным образом, совершенно отличным от учений вашего времени. И именно это в конечном итоге спасло и искупило нас, раз и навсегда положив конец нашим метафизическим сомнениям.
Потому что одно дело, когда люди говорят тебе и пытаются убедить тебя, что существует нечто большее, чем ты, но другое дело видеть свет внутри себя и чувствовать его существование самостоятельно!»

«Так были ли мы и все наши учения неверными во всем, все эти годы?
Разве часть наших знаний не была верной?»

"С другой стороны; мы считаем их первыми попытками человечества приблизиться к Свету и поэтому очень ценим и чтим их! Но все это всплыло только благодаря Нибельвирху; все это возникло из ностальгии и жажды Самита, как и величайшие произведения искусства и все великие человеческие достижения. Эта жажда духа и души к богоподобному предназначению и доказательству нашего сверхчеловеческого происхождения заставляет нас идеализировать и украшать тысячи аспектов нашей повседневной жизни в этой бедной земной среде: добродетель, прощение, дружбу, гуманизм, молодость, красоту, справедливость, счастье, свобода, привязанность. Отсутствие Самита — глубочайший источник всех великих произведений интеллекта».

И правда в том, что судьба человека в наше время заключалась в том, чтобы родиться, любить, страдать и умирать. По крайней мере, с виду. А потому, что человеческое сознание интуитивно знало, что за видимостью скрывается нечто большее; оно не вынесло этого объяснения и взбунтовалось.

«Мы не могли этого объяснить, — сказал я, — и втайне желали родиться роботами без способности или необходимости постичь все эти вещи, поскольку они и так чужды и неприступны, так несовместимы с реальной жизнью».

«Они несовместимы только в бедной и ограниченной во времени среде этого мира и жизни. Но если бы не существовало ничего большего, не существовало бы и наших мыслей и понятий, таких как вечность, бесконечность или Бог. Не было бы врожденной ментальной склонности к совершенству, не было бы ни платоновского мира, ни буддизма, ни даже христианства, если говорить вашим языком. Акты самопожертвования, такие как отказ Сократа бежать, 300 лет Леонида или даже распятие Иисуса, никогда не произошли бы в истории человечества».

Я больше не хотел ни говорить, ни слушать. Я попал в другое измерение,

другой, более эмпирический мир вопросов и ответов. Было уже слишком много концепций, которые мне нужно было обдумать. Однако я чувствовал, что во мне каким-то образом заполнилась пустота, что были даны ответы на многие вопросы и разрешены многие сомнения; еще больше родилось из их пепла.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ, ЗАГЛУБЛЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЧНОГО ИМПУЛЬС ДЕЛАТЬ ДОБРО

14-X Снова

(Поздно ночью)

Из вчерашнего разговора со Стефаном я понял, почему эти люди озабочены крупными «историческими» делами наименее известного и малозаметного альтруиста: неизвестных людей, не вошедших в историю, типа осужденных, отбывающих большие сроки, изменивших свой внутренний мир. мира или случайных родителей с историями о невероятных актах самопожертвования. Люди здесь верят, что, хотя такие действия не были зарегистрированы в коллективной памяти человечества на протяжении всей истории, однажды записанные, они столь же важны, как и любой известный поступок, и что они не были потеряны.

Стефан сказал мне, что они знали о святости человеческих страданий еще со времен христианства и что Нибельвирх просто помог им осознать, насколько значимой была эта нравственная ценность. Я спросил его мнение о христианстве, и он сказал мне, что это очень утешительная религия, которая на протяжении тысячелетий достойно заменяла прямое знание. Его слова заставили меня почувствовать себя очень хорошо и укрепили мою веру, которая начала давать сбои из-за всего, что я видел с тех пор, как проснулся здесь.

«Не то чтобы мы поняли теперь смысл жизни. С другой стороны; но даже того, что мы знаем, как неописуемо велика объективно действительность, и того, что мы знаем, что она существует для всех, рано или поздно достаточно, чтобы освободить нас и даровать нам спасение. Видите ли, пространственно-временной континуум не совсем такой, каким его себе представляет человеческое восприятие. Бесконечность и вечное есть одно и то же. Объективная реальность многомерна. Числа, материя, дух, индивидуумы, идеи или бесконечность существуют не порознь, а все вместе. Если бы мы могли проникнуть в истинный смысл каждого из аспектов Самит, Великой Реальности, тогда мы бы тоже почувствовали Бога. Мы смогли бы понять цель, структуру и смысл жизни. Мы бы приобрели мудрость, превосходящую человеческую. Но этого просто не может быть, мой друг… Непосредственное знание, Нибельвирх, показало нам, что физическая вселенная, творение, Бог, бесконечность и все эти понятия — лишь аспекты, лишь стороны Великой Реальности. И есть множество других сторон, непостижимых для человека».

Согласно Стефану, после Нибельвирха попытка человека сократить все

явлений мира и жизни к единому «принципу» заметно уменьшилось. Теперь люди видят многие аспекты реальности как составные части Самита. Он постоянно повторял, что наши антенны улавливают лишь малую его часть. Это то, что касается наших «возможностей знаний». — Я знаю, мой добрый друг, и ты понимаешь, насколько это усложняет мою жизнь. Мои собственные антенны еще меньше твоих», — подумал я про себя.

Однако меня воодушевляло мнение, что в Великой Реальности ничто не пропадает даром и никогда ничего не теряется. Даже если все остальное будет уничтожено, наш дух найдет способ проявить себя — возможно, где-то еще, — но важно то, что он это сделает. Сегодня утверждается, что целью жизни является самосовершенствование духа — особенно для нашего вида и для жизни на нашей планете — и это все, на что способны люди. Как сказал мне Джагер, целью жизни человека должен быть неуклонный восходящий путь к все более духовной культуре. Люди никогда не поймут больших целей жизни, что бы они ни делали.

Большая разница в том, что в наши дни безымянный герой, мученик повседневной жизни никогда не забыт, и это потому, что они поняли святость человеческих страданий: акты любви к ближнему, прощение, терпение, чувствительность, сострадание и самоотверженность. жертвоприношение приближает человека на один шаг к божественному. В их глазах внутренний человек — это целый новый мир. И это потому, что они верят, что в реальном мире отсутствует секрет почти симметричного состава индивидуума и вселенной, микрокосма и макрокосма, аспекта, то есть природного мира, который также является одним из аспектов Самита.

Все это не было мне совершенно незнакомо. Меня, однако, удивил тот факт, что Стефан говорил так, как будто он не такой же простой человек, как все, а как будто стоит по ту сторону, по сторону законов мироздания. Анне невольно опять пришло в голову воспоминание о нашей последней встрече на холме с ветреницами.

«Стефан, в обычной жизни со мной случалось слышать, как человек говорит так, как ты говоришь, как будто он стоит выше по человеческим меркам, чем все остальные».

Он ответил, почти обидевшись, что говорит не с позиции превосходства, а просто человеческие стандарты сейчас выше и просвещеннее, чем в мои дни. Я замолчал...

"Все в порядке. Вы не обязаны ничего говорить, если не хотите. Как звали этого «предшественника», с которым вы столкнулись? Если мы пойдем в Долину, ты сможешь увидеть их статую вместе с другими.

«Нет, нет, она не была знаменита… Она была не чем иным, как благородным существом, которое умерло молодым и неизвестным».

На этот раз мы оба замолчали. Стефан первым нарушил молчание.
«Почему ты так удивлен тому, как я думаю? После всего того, что мы видели, как мы могли думать так же, как вы? Теперь у нас есть реальная причина сохранять душевное спокойствие».

Я не удержался и сказал: «Вы упомянули ранее, что ничто никогда не теряется. Вы тоже это видели или это просто предположение? Какая мне разница, насколько велика реальность, если меня больше нет здесь, чтобы увидеть ее? Скажи мне, Стефан, что ты видел о загробной жизни? Есть ли лучший мир за пределами этого?»

«Вот как это раньше делилось и определялось, я знаю: прошлое, настоящее и будущее. Но больше мы так не делим. Теперь мы знаем, что жизнь едина, как и мир; одна сущность, одна сущность. Реальность изменчива, и окружающая среда нашей жизни, включая нас самих, является небольшим подразделением Самита.
Реальность — это все, и ничто из существующего в ней никогда не может быть потеряно; и этой уверенности, как я уже говорил вам, этой включенности в Самит достаточно, чтобы уберечь нас от всей боли и прошлых сомнений».

Он говорил со мной о добровольном возвращении к органической жизни, о том, чтобы снова бороться, получать новый опыт, бросать вызов, любить, причинять боль, отдавать себя безоговорочно, учиться делать добро не потому, что мы должны, а потому, что мы хотят, из-за внутреннего импульса. Имея все это в качестве наших инструментов и защитников, мы можем выполнить нашу миссию и сократить путь к нашему божественному предназначению. «В какой-то степени мы сами создаем свою судьбу», — сказал он дословно, как теософ нашего времени. Еще он говорил мне о «барьере забвения», который изолирует эту жизнь от знания и воспоминаний о прежних. Затем он спросил меня, как возможно в наше время не слышать никаких учений или толкований, которые хотя бы отдаленно напоминали принципы народного знания. Я сказал ему, что есть несколько похожих взглядов и идей по этому вопросу, но они относительно предварительны и слишком слабы, чтобы быть услышанными за пределами определенных интеллектуальных кругов.

Он уважительно отзывался о великих деятелях прошлого, которых охарактеризовал как

«предшественники». Он упоминал имена Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Иисуса, нескольких восточных деятелей, которых я не помню, Плотина, св. Августин и Ориген, Бэкон, Декарт, Спиноза и Кант. С XIX века он говорил об Энгельсе и Кьеркегоре, которых теперь считают одними из величайших. Кроме того, он сказал, что последовавшая за этим эпоха одностороннего технологического процветания, продолжавшаяся около пятисот лет, создала климат, не способствующий появлению великих духовных деятелей и учений. Следующие имена, которые он упомянул, принадлежали некоторым великим интеллектуалам Долины Роз и особенно Шиллерину из Института Айдерсена.

Я снова спросил его об основных различиях между новым и старым знанием — можно ли назвать знанием то, что у нас было в наше время.

«Первое отличие, — ответил он, — это распространение знаний. Народное восприятие основных вопросов жизни и мира локализовано не только в интеллигенции или определенных этнических группах. Современные люди пропитаны этим знанием и настолько в него верят, что оно стало частью их повседневной жизни».

Правда в том, что я несколько раз наблюдал, что даже в своих повседневных занятиях эти люди часто включали принципы Волковского знания таким образом, что демонстрировало глубокое понимание.

«Тогда, — продолжил он, — это связано с тем, как передается знание.
Благодаря Нибельвирху у нас есть доступ к прямому знанию, свободному от каких-либо внешних учений. И последнее, но не менее важное: по сравнению с реальностью, открывшейся нам через Оверсин, все, что говорили в прошлом некогда великие мистики религии об исчезновении в собственном духе и сближении с божественным, казалось детскими словами. нам. Мы, конечно, чтим их до сих пор, потому что они являются духовным наследием наших предков. Они облегчали человеческие страдания вплоть до Нибельвирха.
Чтобы можно было провести сравнение и показать огромную разницу, должно было прийти непосредственное знание. Только сравнение с тем, что существует на самом деле, могло продемонстрировать их детскую наивность, что и произошло. Но теперь все это имеет лишь историческое значение.

Стефан замолчал на несколько минут, словно пытаясь вспомнить увиденное или прочитанное, пытаясь привести мысли в порядок.

«Вот так все и обнаружилось. И это объясняет тот ужасный удар

Ройсвирх , что, если ты увидишь все это сразу, не будучи подготовленным, это напугает тебя на куски и которое поначалу будет роковым для тысяч неподготовленных человеческих сердец. Этот внезапный и стремительный поток такого невиданного духовного счастья был больше, чем могла вынести человеческая душа. Говорят, что старшее поколение не могло себе представить и поверить, сколько объективности в том, что мы называем «духовными мирами». Тогда мы думали, что если бы на Земле не существовало рода человеческого, то не существовало бы и красоты, искусства, религии, поэзии, философии и других нравственных ценностей.

Он еще раз подчеркнул, насколько метафизическими в конечном счете оказались духовные науки. «Подобно тому, как человек, наблюдающий за пылью и камнями, не мог представить себе истинного состава и строения материи, так и духовный мир трансцендентным образом слит с миром материальным. Просто наш разум слишком ограничен, чтобы понять это, а наши сенсоры неисправны. Но это не значит, что его не существует.

Он снова замолчал и сосредоточился на своих мыслях. «Прибытие Нибельвирха напомнило о чем- то подобном тому, что происходило в прошлом, касающемся осознания мира природы. Две тысячи лет назад, примерно в двадцатом веке, произошел бум естественных наук и их технических применений, огромный, беспрецедентный скачок вперед за очень короткий период времени. Одно за другим появлялись изобретения, человеческие знания значительно обновлялись и каким-то образом границы природного мира расширились до невероятной степени. Через несколько десятилетий они пришли к пониманию, что Земля на самом деле была ничем посреди ничего, а не центром вселенной, как они считали ранее. Что-то подобное произошло и с Волком — правда, не только в отношении мира природы — и тогда мы поняли, что истина совсем не такая, как ее преподносили теологическая традиция и точные науки».

Я сидел, смотрел на него и думал о том, как сильно эти люди верят в них, как сильно они верят не в обывательский, абсолютный способ нашего времени, а вместо этого с абсолютной уверенностью в том, что то, что они видели, верно. Я спросил его, верит ли он, что людям удалось бы каким-то другим путем получить те знания, которые у них есть сейчас, без Нибельвирха. Он сказал, что серьезно в этом сомневается. Он утверждал, что разрыв между знаниями прошлого и настоящего огромен, и человеческий разум не может преодолеть это расстояние самостоятельно. Но даже если кому-то удалось это увидеть или узнать о

это, а затем пытались убедить других людей, они не смогли бы поверить. Сначала им нужно было освободиться от эгоистичного, антропоцентрического мышления, затуманивавшего их суждение; и от этого менталитета было очень трудно убежать.

«Но как же люди могли верить, — думал он, — что они и их планета, точка во вселенной, являются центром всего? Что они были «избраны» судьбой среди триллионов других звезд, других точек? Неужели было так трудно поверить, что при любом законе вероятности могут существовать другие крупные центры разумной жизни где-то еще, и что органическая жизнь и знаменитый «закон адаптации» могут существовать в миллионе других миров, более древних, но и более развитых? с биологической и этической точки зрения?»

«И как это невероятное величие может терпеть всю эту грязь и несправедливость внутри себя?» Я попросил.

«Именно потому, что он такой большой, он легко принимает такие мелочи. У самого страшного человеческого зла нет шансов перед этой метелью чудес, поверь мне. Не говоря уже о том, что эта часть печали и боли, непосредственно связанная с нашей конечной биологической судьбой, дает нам элемент реальности, без которого мы были бы неполными».

Затем он потребовал некоторое время, чтобы объяснить мне, что во времена первого Нибельвирха и последовавшего за ним Ройсвирха сам Вольки вставал и возвышал голос вместе с другими великими людьми той эпохи, потому что они верили в желательность и необходимость этой прогрессивной формы существования, и их слова, полные мира и надежды, смогли успокоить обезумевшие толпы и остановить давку и натиск коллективных самоубийц.

Но я никак не мог понять и принять то, что он мне говорил. Это было непостижимо: как может что-то настолько прекрасное иметь часть себя, пропитанную мелочностью, уродством и злом, и при этом оставаться безупречным?

Он спросил меня, читал ли я книгу Тинерсена, и я сказал ему правду: нет. Это была одна из книг, которую он недавно дал мне, и я не успел ее прочитать. Единственное, что я знал об этой книге, так это то, что она примерно из века МСС и что это одна из сотен упрощенных и популяризированных книг народных знаний.

Как только я ответил отрицательно, он начал рассказывать мне воображаемую историю, своего рода притчу из книги. Он сказал это просто, чтобы я понял. А также

история шла так:

Миллионы маленьких существ рождаются и умирают в закрытом, темном, грязном месте. Это место, которое для нас, людей, не что иное, как внутренности флейты, для этих маленьких созданий — весь их мир, вся их вселенная, их естественная среда обитания, и они не представляют, что за его пределами может быть что-то еще. Предположим теперь, что они наделены элементом интеллекта и осознают уродство и темноту своего мира. Их очень короткая жизнь — около семнадцати человеческих минут — течет монотонно, поколение за поколением; это ограниченная жизнь бесконечной скуки.

Время от времени, однако, какие-то очень далекие отголоски гармонии, существование которой они никогда не могли себе представить, достигают их слабых органов чувств. И в удивлении маленькие существа недоумевают, откуда могут браться такие чудесные гармонии.

С течением времени некоторые из этих существ, их «духовные лидеры», сумели увидеть и ощутить, что их темная тюрьма — это еще не все, и что их мир — это нечто минимальное по сравнению с тем «целым», что существовало.
Очень немногие из этих существ сначала видели и понимали это, а остальные считали этих немногих сумасшедшими. Но, в конце концов, существование других миров и реальностей стало общеизвестным и стало общей верой. Эти крошечные маленькие существа наконец осознали, что то, что существует на самом деле, объективная реальность, намного больше, чем их темный мир.

И, по словам Стефана, это самый важный момент притчи: «Вы объясняете им, что их естественная среда — лишь часть этой Великой Реальности, этой великой гармонии, и что она даже необходима для ее завершения», — пишет Тинерсен, — Но поверить в это невозможно. Они утверждают, что нет ничего удивительного в том месте, где они живут, и в том месте, где они живут, и что это не может быть частью такой невероятной красоты, потому что это испортило бы ее». Эти крошечные существа были неспособны понять смысл, цель и миссию жизни, посвященной целому.

Я думаю, что эти люди либо достигли совершенно нового уровня знаний и духовности, либо отчаянно нуждаются в лекарстве от своей детской легковерности. Тем не менее я понимаю радость и невероятное душевное счастье, которое наполняет жизнь этих людей. Как Стефан постоянно напоминает мне: «Мы не просто верим в это; мы это видели!»

О, как я им завидую! Как бы я хотел, чтобы Нибельвирх пришел ко мне как

Что ж! Хотя я думаю, что, как бы ни была сильна моя вера, я не смог бы сохранить это счастье чистым и незамутненным перед лицом этой реальности, полной страданий.

Это лишь малая часть того, что Стефан рассказал мне той ночью. Усталость и поздний час заставили меня остановиться. Стефан был очень терпелив со мной и не уходил до четверти полуночи. Когда он ушел, я опустился в кресло. И снова мне нужно было о многом подумать; и еще раз, поздно ночью, я встал и продолжил писать...

РАБОТА ИНСТИТУТА АЙДЕРСЕНА И SUPERIOR

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ КАК ПУТЬ К ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

16-X

Если я не ошибаюсь, теории и принципы, вытекающие из Долины Роз, чудесного Розерна Даля, несут на себе печать вновь обретенной духовности, беспрецедентной во всей современной цивилизации, печать превосходства по сравнению с таковыми их прежних времен. культурный пик. Особенно Институт Айдерсена, также расположенный в их духовной столице, имеет глобальный престиж и уникальное влияние во всем мире.

Замечательный прогресс в человеческом интеллекте был достигнут и в прежние времена предыдущими поколениями. Однако ни одно из них не может сравниться с большим скачком вперед, сделанным Институтом Айдерсена в отношении духовного и интеллектуального пути нашего вида. До этого на протяжении тысячелетий все исторические достижения относились к психо-духовным способностям определенного типа человека. Вот почему до последних лет Элдере (их древней эпохи) духовный путь человека шел более или менее по одним и тем же направлениям.
От наших интеллектуалов до их собственных, таких как Рунерборг из Долины роз, Лорффе Эстерлинг из Айдерсена и, что более важно, Чиллерин, величайший, безусловно, из института Айдерсена, наш вид не изменился.
Человеческий интеллект, несмотря на различные «школы» и взгляды, всегда шел в одном направлении, которое определялось биопотенцией нашего вида — нашей биологической судьбой.

Великим достижением Института Айдерсена было то, что он открыл новые перспективы для интеллектуальной истории человечества и, после долгой подготовки, снабдил человечество новой «антенной», тем самым сделав решительный шаг к превращению человека старого типа в новая, интеллектуально превосходная версия.

Он, конечно, не создал сверхчеловека, но дал нам значительно «продвинутого человека». Благодаря Институту Айдерсена Homo sapiens уступил место Homo Occidentalis Novus, нынешнему «просвещенному человеку» Нохере, Новой Эры (Нохере началось в 3382 году, 6 сентября по нашему календарю, когда Библия вышла Й Нобели выжил).

Когда примерно в 3430 году нашей эры господство народных знаний было завершено, этот день был назван «началом новой эры в истории»).

Великие люди Долины говорили это с самого начала основания Долины, с самых первых столетий ее функционирования в центре Эльдере: превосходное человеческое существо не будет дано нам компьютерами или мозгами. технологии. Мы не можем ничего ожидать от безжизненных устройств. По их словам, если такая эволюция когда-либо и произойдет, то не благодаря техническому прогрессу и не с его помощью. Если человечеству когда-либо удастся превзойти саму свою природу, это может быть сделано только посредством нашего внутреннего совершенствования. Только это могло сделать нас способными к переживанию высшей внутренней жизни.

Этим осуществлением ограничивались благородные и благонамеренные устремления этих первых великих людей. Это то, что их амбиции пошли. Они не могли видеть, что существуют обширные реальности, отдельные и не связанные с вдохновленными людьми религиями, мировоззрениями, идеологиями и открытиями; они понятия не имели о них. Новая эра, Ноджере, показала всем, что неразумно считать человека «маленьким, земным Богом». Истинная реальность будет существовать независимо от вклада нашего собственного вида.

Я спросил его, думали ли мы в мое время, а именно, что в соответствии с антропоцентрической версией люди, а точнее их дух, являются единственным видом, который рассматривает и себя, и всю вселенную как объект наблюдения. Все остальное, что существует в мире природы, одушевленное или неодушевленное, всегда является объектом наблюдения, а не субъектом.

— Ты даже этого не признаешь? Я попросил.

"Да. Но современная философия считает эту истину применимой только в контексте нашей планеты, которая, как вы, возможно, поняли, является чем-то минимальным по сравнению с обитаемыми планетами космического пространства».

Так что же утверждают айдерсианцы? Они утверждают, что истинная объективная реальность существует независимо от сенсорных возможностей каждого вида. О его существовании стало известно жителям Ноджере благодаря Нибельвирху, когда они ощутили прямое знание, идущее уже не извне, а изнутри, если верить Ягеру, Стефану и остальным. Таким образом, оказалось, что Самит обладает этим неописуемым величием, описанным в народной проповеди. Таким образом, была приобретена Оверсин, «новая антенна», и все, что раньше казалось трансцендентным, теперь оказалось в пределах досягаемости человеческих возможностей. Объем познавательных возможностей человека расширился,

что-то, что позволило Homo Occidentalis Novus увидеть Самит и принять его существование.

Что касается элемента духовности, то он существует не только в людях. Это чудесный плод длительной биологической эволюции, не связанной с природными силами. Приобретение этого элемента духовной сущности объединяет миллионы разумных, рациональных и эмоциональных существ во вселенной. Это то, что объединяет одаренные судьбой виды, которые отделены друг от друга астрономическими расстояниями и которые, говоря биологическим языком, чрезвычайно отличаются друг от друга из-за природных условий, в которых каждый из них развивался на протяжении миллионов лет.

Благодаря этому элементу духовности эти мыслящие виды, в том числе и наш, выходят за пределы окружающей их природы и с течением времени постепенно переходят на другие, более высокие ступени развития.

Они дали мне невероятное описание нашего вида в глубинах времени; Мне казалось, что вся история человечества пронеслась перед глазами, как кинопленка. Сначала, говорили они, мы были простой частью фауны этой планеты. Как только мы искоренили большую часть наших животных инстинктов, внутренняя жизнь и внешняя культура начали развиваться. Вот тогда-то и появилось то самосознание, которое теперь отделяет нас от «остальной фауны».

Человечеством, пройдя несколько этапов биологического и духовного развития, стало овладевать острое чувство жизни в чужой среде, внутренняя потребность найти ответы на свои истоки, потребность, оказавшаяся источником величайшего культурного и интеллектуального развития человека. достижения. Эта жажда души проявлялась в поклонении незримым силам, постижении тайн и законов физического мира, изображении идеальной красоты, установлении нравственного порядка, регулирующего общественную жизнь, и в допущении торжества справедливости, человечности, свободы и равенства. Они утверждают, что представления о том, что добро побеждает зло, а мораль побеждает безнравственность, являются врожденными для человека. И причина, по которой люди страдали, заключалась именно в том, что ни один из этих «врожденных законов» не соблюдался и не уважался. Вот почему люди так импульсивно преследовали мирские формы самата; в конечной среде жили люди, они мечтали о бесконечном

И когда пришел Нибельвирх , все поняли почему. Все понимали, откуда берется вся эта ностальгия и вера во что-то гораздо большее и светлое. Это объяснило всю борьбу и жертвы

тысячи людей для целей, которые не имели для них никакой практической пользы. В двух словах, как я понял, источник всех духовных культур в истории земли есть не что иное, как метафизическое, человеческое страдание, глубочайшее ожесточение человеческой души, вызванное отсутствием Самита в нашем мире. Именно так интерпретируются сегодня все достижения человечества: как усилия по преодолению барьеров физической природы и избавлению «настоящих людей» от этой удушающей среды.

17-X

Я вернулся сегодня утром. Я взял с собой и Стефана. Он пытался убедить меня не ехать, но я заставила его поехать со мной в мою старую Швейцарию, место, где я выросла. Жаль, что я не слушал его; Хотел бы я, чтобы я не ушел.
Не осталось ничего, что напоминало бы мне о моем родном городе. На том месте, где должен был быть мой дом, остались только груды камней, развалины... На горизонте не было ни дыма, ни света, не было слышно ни детского плача, ни голосов взрослых. Они уступили место бесчисленным пастбищам с тысячами животных, которые были частью коллектива партнеров.
Больше ничего не было. Как только мне удалось сориентироваться, я села на камень вместе со Стефаном лицом к противоположным склонам гор, спутников моего детского сердца; по крайней мере, они не изменились ни в малейшей степени.

Я быстро вернулся в свою комнату. Сильвия прислала мне сообщение. Теперь я мог не только слышать, но и видеть ее через экран; ее глаза, ее губы. Она была зла из-за того, что не видела меня два дня, но милая

Пересекать...

Мы остались на ночь, слушая « Венгерские рапсодии » Листа и еще два замечательных произведения одного из их собственных композиторов по имени Уэсли. Я надеюсь, что через пару месяцев у меня будет пианино исключительно для меня, и оно будет совсем как пианино нашего времени! Стефан пообещал, что сделает все, что в его силах, чтобы достать мне его. Вчера я слышал, как он разговаривал по телефону с Консумфиорининым и Партнерами, которые держат архивы в крупных центрах вокруг Бломстерфора.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЕГО ОТНОШЕНИЙ С СИЛЬВИИ

22-X

Последние несколько дней моя жизнь была сном. Мы с Сильвией воплотили нашу любовь! Я постоянно чувствую себя пьяным — вот как я счастлив. Вокруг ситацки целый ритуал, их пурпурная, шелковая, широкая лента, которую они натягивают на десятки цветов, которые, как они позаботились, растут в этом месте в изобилии. Следуя вековому обычаю предков, сама Сильвия привязала ко входу церемониальную ленту. Прежде чем мы вошли, я бросил последний взгляд; как будто я попал в маленький рай. А потом.... о Боже, спасибо тебе за то, что позволил этим рукам прикоснуться к этому божественному телу, не лишив наших отношений магии! Я не мог представить это лучше. Это было окончательное завершение! Не волнуйся, любимый, со мной ты никогда не пожалеешь!

22-X Снова

(Поздно ночью)

Однако ее кивок снова напомнил мне об Анне. С Анной нам и в голову не приходило довести наши отношения до конца. И я верю, что если бы это случилось, Анна расплакалась бы, и я бы никогда больше ее не увидел. Она бы подумала, что наша любовь испорчена.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР: СУПЕРГОРОД NORFOR

5-X

Я не смог устоять перед соблазном новой, короткой поездки на Север. Как только мы были там, я попросил Стефана, который продолжал быть очень терпеливым со мной, пойти в западную часть. Меня привлекли цвета поселений. Я думаю, что никогда в истории цивилизаций сон не был так похож на реальность, как здесь. Длинные платформы из искусственного мрамора освещают берега озера белым светом. Выдержанность в архитектурном решении и равномерное распределение кварталов особняков по всей территории сделали знакомые достопримечательности неузнаваемыми. Вы больше не могли отличить Веве от Кларанса или Монтрё; все они стали одним целым или, вернее, перестали существовать.
Их место занял современный Вавилон, населенный миллионами людей, если судить по бесчисленным особнякам, доходившим почти до горных вершин.

От вековой крепости Шильон тоже ничего не осталось. На его месте висячие сады, чешуйчатые крыши, поля для игры в мяч, общежития, Цивесгарды и Цивесхеймы теперь раскинулись на территории, которая в нашу эпоху показалась бы невероятной. А напротив, за прудом, лежали вечные снега; искусственный кондиционер, который они изобрели, был не нужен так далеко на севере. На близлежащем озере шел нескончаемый пир. Не знаю, было ли это обыденным явлением, но сверху на сотни километров были видны его воды, усыпанные сотнями разноцветных парусов, — зрелище восхитительное.

15- XI

Прошло уже три дня с тех пор, как я вернулся к Стефану, и я вернулся к письму после этой сенсационной недели. В последнее время мы все чаще вступаем в новые интересные разговоры. Вы не знаете, чего ожидать здесь, от одного дня к другому. Давно запланированная поездка в Норфор теперь отложена до начала следующей недели, хотя меня об этом никто не просил. Я серьезно не мог поверить в их поспешность или даже в какой-то степени равнодушие.
Я думаю, они могли неправильно рассчитать влияние, которое могла оказать на меня эта внезапная смена обстановки. И, конечно же, она была обречена на провал, учитывая, чего от меня ждали. Меня вернули в течение двух дней.

Теперь они вынуждены прийти ко мне, чтобы провести свой странный и бессмысленный допрос. Это случилось вчера и позавчера, когда Джагер привел на нашу виллу двух знаменитостей Долины поздно ночью, когда

все остальные спали, только для того, чтобы иметь удовольствие слушать о прошлом во всех подробностях. Я сделал это только ради Джагера, в знак признательности за его помощь. Если бы не он, я бы даже не согласился с ними встретиться.

Я мечтал и с нетерпением ждал этой поездки в Норфор с тех пор, как узнал о существовании этого «супергорода» и услышал, как люди описывают его как «путешествие в сказочную страну». Все, что я читал о положении этого четвертого по величине города в мире, в сочетании с тем, что Стефан и Ягер рассказали мне о его огромном влиянии на глобальный образ жизни, заставило меня тосковать по этому путешествию в так называемый «Цветок Севера». с горячим желанием.

Видимо, мне пришлось несколько дней скучать по лесам, озерам и свету, чтобы глубоко оценить безмятежность и блаженство, которые они предлагают, и понять, что я ни на что их не променяю. Это казалось очевидным; не было. Знаменитый «Цветок Севера» и даже Скане и Артенфор, Новый Хельсинбург и Риген, Толоси и Сад лилий, Свендони и суматошный город Селен, а еще южнее Гранд Торнео, Ворота Лесли и Звезда Зари , Новый Гетеборг и величественный Эноле с его огромными старыми улицами и дворцами: все нынешние обширные государства центральной и южной Европы, куда Стефан водил меня с шестого по восьмое число этого месяца, не для меня. Я не вписываюсь туда.

Мне казалось, что моя душа не может дышать в этих колоссальных, перенаселенных городах, больше похожих на государства с их массивными дорогами, посреди которых, несмотря на их ширину, едва можно было найти пустой квадратный метр или увидеть кусочек неба, с все летающие или движущиеся по улицам транспортные средства скользят в разные стороны. Это был апофеоз титаника: непрерывная суета, от которой иссушает сердце и пересыхает во рту. Это объясняет, почему иногда я свернулся клубочком в льняном белье и не хотел вылезать, даже когда мы добирались до места назначения. Я сделал это непреднамеренно, и я думаю, что они тоже это поняли.

Первое, что меня разочаровало, это дорога. На большом проспекте Маркфора, на окраине гигантского, соседнего города-сада, я на несколько минут отвлекся среди толп путешественников, постоянно ходивших туда-сюда в ожидании данера. Я был полон радости, предвкушая машину, которая доставит меня к истинным центрам их городов. Как же я ждал этой поездки! Представьте мое разочарование, когда всего через пару минут после отъезда Стефан сказал мне, что мы прибыли! Я думал, он шутит! Это было? Да, это было так.

В каждом месте этого мира, благословленного Богом и природой, чем дальше вы путешествуете, тем больше вещей можно увидеть. Здесь происходит обратное: можно застрять между четырьмя стенами из бесцветного металла, но если поездка недолгая, перед глазами проносится весь мир. Однако, если вы проедете немного дальше, единственное, что вы увидите, это место, куда вы направляетесь. А пока вы можете провести время, прогуливаясь по объектам транспортного средства: садам с редкими цветами со всего мира, бассейнам, полям для толкания ядра, обширным салонам и магазинам летающего государства, или вы можете просто расслабьтесь в кресле, наблюдая за последними новостями и текущими событиями на своем Reigen-Swage или поглядывая на молодых людей, танцующих под искусственным светом, идущим сбоку, как утренний солнечный луч, удлиняющий тени на полу.

Норфор!

С плато Викинганд, что означает дух викингов, с его огромными причалами , к которым мы пришвартовались, я впервые увидел перед своим ослепленным взором нескончаемый океан длинных бульваров и парков, и аллей, и скверов и тех, незнакомых для меня гигантские здания, которые бесконечно тянулись вверх к горам и через долину Лизеблы.

Держа Стефана за руку, посреди приступа головокружения, я с трепетом смотрел на этот густонаселенный район, в котором проживает двадцать восемь миллионов человек, двадцать три из которых являются постоянными жителями, и охватывающий город сетью мостов, кромешной тьмы. со всеми людьми на нем. А высоко вверху, на высоте около трехсот километров, я едва мог разглядеть парящие в воздухе островные обсерватории, почти спрятанные за бесчисленными бесчисленными линсенами , которые беспрестанно приходили и уходили. Стефан пытался убедить меня, что это не только повседневный образ этого города, что он всегда переполнен и до смешного занят, но и что у нас под ногами, глубоко внутри земли, существует еще один гигантский, освещенный город, похожий на этот, полный жизни и залитый успокаивающим бледно-зеленым светом, который очень успокаивает глаза и душу. Ну, я не мог в это поверить!

Огромные потоки людей, бесконечные толпы с одним и тем же веселым выражением лиц, каждый раз заставляющим задуматься, не подарили ли им подарок или что-то в этом роде. Напуганная и сбитая с толку толпой, я схватила Стефана за рубашку, чтобы он не повел меня по главной дороге. По правде говоря, я был совершенно в море; мое сердце билось, как у испуганного птенца. К счастью, Стефан снова оказался чрезвычайно терпелив со мной и позволил

мне смотреть на это издалека.

В толпе было много молодежи с нашитыми на одежду значками своих вузов. Со временем я стал смелее и присоединился к ним, впервые получив возможность наблюдать за ними вблизи. Что было бы, если бы я на самом деле был Андреасом Нортамом? Эти люди могут быть в моем кругу... Я был неописуемо взволнован этой мыслью!

Совсем молодым, тем, кому немного за двадцать, еще не свойственна комфортность в манерах и добрая наивность остальных, которая через несколько лет войдет и у них в привычку. Казалось, у них еще кружится голова от недавнего исполнения своего «долга» и скорого приобретения «прав Сивес ». Словно выражение их лиц удерживала на месте сдержанная гордость, которая вскоре уступит место чистой радости, приходящей в возрасте от двадцати трех до двадцати пяти лет.

Можно было видеть, как они стояли несколько застывшими и неуклюжими группами по двое-трое, не видя дальше своего носа, впервые одетые в университетскую форму, с несоответствующим их возрасту серьезным видом, говорящие об избранных ими областях деятельности. или о новом профессоре, который, как узнал Стефан, был очень известным экспертом, приехавшим с другой стороны океана, чтобы вести летний курс. И, как и ожидалось, они расплачивались за свой выбор самоизоляции безразличием, проявленным к ним девушками, проходившими мимо.

Большинство взрослых были в компании других или со своим компаньоном. Вы видели всевозможные расы: тирольских, тосканских, испанок, грациозно прогуливающихся по улице, одетых либо в скальдербинд , либо в северные скаерфы , и африканских женщин, цвет лица которых, однако, был светлым, потому что, как мне сообщили, весь Черный континент теперь был населен почти исключительно белыми, которые произошли из Латинской Америки и обосновались в Африке много веков назад (в результате ядерных войн, имевших место примерно в 2309 году нашей эры, и реколонизации, последовавшей в последующие годы). Вы видели, как дети с Кипра и Мальты с изумлением смотрели на рекламу полярных экскурсий на больших самосветящихся рекламных щитах. Все они обладали чистотой и добротой, качествами, которые трудно было найти в этих возрастах в наше время. Это то, что, на мой взгляд, определенно связано с существованием «Источника», который теперь общеизвестен всем людям.

Мне сказали, что все они обучены истории и знают обо всех различных верованиях на тему любви, господствовавших в обществе в прошлом. Они слышали о сексуальной свободе, начавшейся с раннего возраста, о материалистическом воспитании маленьких детей и считали наше время «темными веками». Они считают, что все, что происходило тогда в вопросах сексуальной морали, не соответствует морали их времени. Они были удивлены тем, насколько примитивной должна была быть эта эпоха, чтобы так сильно принизить любовь и близость, сводя их только к их животной стороне и изображая их просто как сексуальный инстинкт. Они чувствуют, что ценность отношений была обесценена и достигла очень низкого уровня. Они не согласны с «научной сексуальностью» нашего времени, поскольку считают ее поверхностной и лишенной драгоценных эмоций любви и боли, которые могут предложить отношения с другим человеком.

Я думаю, что эти люди не продержались бы и секунды в нашем мире; им не хватило бы воздуха для дыхания. Они гораздо более эмоциональны и чувствительны, чем мы, и смотрят на жизнь с большим восхищением и большей надеждой. Они ждут грядущих лет с радостью и безмерной верой. И главным образом из-за этого для них была бы невыносима напряжённая эротика нашего времени, материалистические удовольствия вроде групповых сексуальных контактов и вообще сексуальный бред наших предков. Они верят в «жизнь как во сне», и наш образ жизни наверняка испортит эту мечту.

Что лишает вас дара речи в Норфоре, так это массивные районы-города, которые, окаймленные обширными зелеными насаждениями, сменяют друг друга. Каждый из них больше, чем Рим или Венеция нашего времени. Когда я был там, я чувствовал себя ровесником Аристотеля, внезапно оказавшимся в американском мегаполисе. Однако существовала гармония и баланс между причудливой атмосферой и невероятно огромными архитектурными сооружениями, превосходящими человеческое воображение. Кампусы колледжей, окруженные садами, театрами, музеями, библиотеками и тысячами неизвестных мне институтов, растянувшихся на милю за милей.

Как бы я ни старался, мне никогда не удастся уловить суть этого огромного мегаполиса или уловить его более глубокий смысл, и это потому, что моей душе не хватает руководства и подготовки целых поколений. В отличие от них, голос их предков не отдается эхом в моих ушах и их дух не живет во мне.

ДОПРОС: ПОСЕЩЕНИЕ РАБОЧЕГО МЕСТА НОРТЭМА

Я думаю, что мое первое знакомство с Норфором, тот панорамный вид на него с холма Викинганд был самым полным из всех моих впечатлений от этого огромного государства. Те несколько дней, что я оставался там, Стефан выглядел сбитым с толку и рассеянным из-за бесконечных споров с Джагером и четырьмя другими иностранцами. На самом деле они больше походили на допросы, чем на разговоры, поскольку бедняге Стефану приходилось отвечать на все и как можно более подробно и давать пояснения по поводу прошлых «докладов» обо мне и моем деле. Так что у него даже не было времени показать мне город. Такое ощущение, что вся эта поездка планировалась исключительно для этих иностранцев, чтобы они могли удовлетворить свое любопытство.

Они заставляли меня проводить почти все свое время в научной лаборатории, где несколько лет назад работал Нортам. По крайней мере, я чувствовала себя там комфортно и довольно легко к этому привыкла, так что мне не приходилось все время гоняться за Стефаном. Меня брали туда после того, как закрывались личные лаборатории исследователей, и оставляли на некоторое время в давно заброшенном кабинете Нортама среди стопок его старых бумаг на случай, если я что-нибудь вспомню.

Я провел много часов запертыми в этих огромных стенах амфитеатра.
Передо мной с какой-то тетрадью стояли иностранцы, делали записи и пытались заставить меня вспомнить. И чем больше становилось очевидным, что эти места ничего мне не напоминают, тем более скептически становился сорокалетний блондин, одетый в казенную тогу и пояс Тилтеев , что означало его место чиновника среднего звена в их духовной иерархии. .
И он, и его спутник, которого, как я слышал, звали Стирлен, безуспешно пытались скрыть свое разочарование. Это резко контрастировало с доброй, терпеливой улыбкой Джагера и безмятежным выражением веры остальных.

В последний день, за несколько часов до отъезда, мне привезли молодого, бледного и худощавого, сероглазого мужчину лет двадцати. Его звали Алекс Веттель Смит, и он только что приехал из Прибалтики по приглашению Стирлена. Несмотря на то, что он выглядел усталым, в ту секунду, когда он прибыл, он подошел и встал рядом со мной, улыбаясь и игнорируя всех остальных. Я так хорошо помню его имя, потому что слышал, что без него Нортэм не выжил бы в аварии. Ущерб был бы намного больше, если бы Алекс не был рядом с ним. Он понял, что вот-вот произойдет, и в

доли секунды он бросился перед Андреасом, чтобы спасти ученого, которого он так высоко ценил. Несколько недель назад его выписали из ортопедо-хирургической клиники на берегу Балтийского моря, где он пролежал в больнице несколько месяцев. Это чудо, что он выжил.
Еще одно чудо...

С самого утра я слышал, что мудрец в тоге и другой, Стирлен, возлагают свои надежды на мое «воссоединение» с Алексом Веттель Смитом. Они надеялись, что его изображение сработает как шок, который восстановит часть моей памяти, поскольку это было последнее изображение, которое Нортэм видел перед аварией. Конечно, он мне ничего не напоминал... Я впервые увидела этого человека. Они заставили его остаться с нами более чем на полтора часа, чтобы поговорить со мной о прошлых инцидентах и той роковой поездке.

Потом меня спросили, помню ли я, среди кого я сидел непосредственно перед аварией. Я заверил их, что ничего не помню до того, как очнулся в институте Молсена. Следующей вещью, на которой они зациклились, была моя нехватка сна. Они сказали, что невозможно, чтобы я не спал с тех пор, и продолжали спрашивать меня, спал ли я хотя бы на пару секунд. Они заставляли меня изо всех сил помнить сон, любой сон, который у меня мог быть, даже самый глупый и незначительный. Я спокойно ответил им, что прекрасно знаю, что совсем не спал, ни капли.

Я понял, что за последние несколько недель мое дело стало известно несколько более широкому кругу, хотя к первоначальным «инсайдерам» добавилось всего несколько человек. Если Стефан был честен, Долина не только уважала мою просьбу защитить меня от того, чтобы стать объектом любопытства в глазах всего мира, но и не любила перспективу того, что вещи, связанные с моим делом, станут достоянием общественности, тем более что они все еще понятия не имели, что именно со мной происходит. Причем в этот круг «своих» входят очень серьезные и позитивные личности, с острым критическим мышлением и суждениями, склонные к скептицизму, любящие не торопиться и все тщательно взвешивать. Эти очень приземленные люди полагали, что Джагеру и остальным не потребуется много времени, чтобы выяснить, где их оценка моей ситуации была ошибочной.

Был даже один человек, который присутствовал только на паре дискуссий и утверждал, что мой акцент не имеет ничего общего с акцентом мертвого языка, как поддерживает Джагер. По мнению этого мужчины, это произошло в результате посттравматического шока в сочетании с тяжелой черепно-мозговой травмой.

что Нортам пострадал и не имеет ничего общего с «древними немецкоязычными швейцарцами».

Я также слышал, как Стирлен в какой-то момент сказал Джагеру перестать искать в древних временах секрет моей личности, а начать позитивно сосредотачиваться на лечении моей амнезии, чтобы я мог снова раскрыть свою личность. «Мы знаем, что он Нортам, теперь мы должны убедить его выйти из мира, в котором он замкнулся, чтобы не столкнуться с реальной жизнью после аварии».

Я понял, что они обсуждали возможность, подобную тому, что мы назвали бы «раздвоением личности» или «изменением личности», и они поддерживают идею о том, что Нортам все еще жив где-то внутри меня. Они думают, что моя память была заперта в момент аварии, как металлическая дверь, преграждающая путь разуму, лишая меня возможности вспомнить что-либо со времени аварии и, очевидно, всего, что ей предшествовало.

Тем не менее, двое мудрецов, Эстерлинг и Эрландер, продолжали говорить о каком-то «внетелесном знании и опыте». Я слышал, как они упоминали термин «память вне сознания», хотя, в отличие от Джагера, они исключили возможность реинкарнации.

С другой стороны, версия другого мудреца, Вальдемара Эсклюда, была совершенно противоположной. Он полагает — и он действительно подкалывал и утомлял меня в последние несколько дней, — что если я приложу реальные усилия, то смогу вспомнить моменты из первых дней моей короткой болезни в далеком 1917 году. Я тщетно пытался убедить его, что моя память никогда не менялась. предал меня до сих пор, и что я ничего не помнил о тех двух неделях, когда впервые впал в летаргию.

Однако он и мисс Койрал с ее седыми волосами и тяжелой тростью черного дерева с платиновой ручкой были единственными, кто уважал мой взрыв слез и не стал кричать на меня, когда я поделился с ними своим твердым убеждением, что день, я вернусь в свое время и место, даже если это будет за несколько секунд до того, как я умру.

Кроме того, Эсклюд и Койрал больше склоняются к точке зрения Ягера, то есть что они являются свидетелями одного из самых необычных и редчайших парапсихологических феноменов — или «метапсихических феноменов», как их называли другие, — который когда-либо проявлялся с беспрецедентной ясностью. памяти и заметно обостренное чувство сознания.

Что касается информации, которую они просили дать им, меня удивил тот факт, что их больше интересовали условия нашей повседневной жизни, наш образ мыслей, привычки, институты и верования, а не великие войны или политические события. потому что они очень хорошо знали последнее из истории.
И что их особенно интересовало, так это век до нашего.
Они всегда вели разговор на эту тему. И больше всего их заинтриговал не человек, живший в 1921 году, а человек, оказавшийся в отрочестве на смене века и узнавший о недавнем прошлом
из школы и книг. По сути, мне объяснили, что XIX век был отмечен как «подвешенный век», который стоял между предыдущим и последующим несколькими веками. Особенно конец 18 века и начало 19 века были для них уникальной эпохой, в которой было произведено [illegible], которые можно было бы даже утверждать, что они эквивалентны современным.

Точнее, то, что идеи свободы, равенства, братства и любви к природе внедрялись и взращивались в ту эпоху, сводило их с ума! Они высоко отзывались о борьбе народов за истинное освобождение и свободу и, конечно, о мирных договорах Европы.
События 20-х гг. й века, казалось, не очень волновали их, как и Великая война, которая, я надеюсь, никогда не повторится (Диенах не знает о Второй мировой войне и, скорее всего, люди будущего не сообщили ему о ней, думая, что он может вернуться в себя 1921 года), или огромные потери, которые понесли страны во всем мире. Они не знали, сколько людей поклялись отдать свою жизнь — и сделали — чтобы хотя бы их дети могли жить лучше и свободнее... Я знал...

Я понял, что течение времени и все, что произошло за последние 2000 лет до их времени, заставило их забыть все те переломные события, которые когда-то потрясли нашу собственную жизнь и изменили ход истории. Прошлые лидеры, вошедшие в историю как спасители человечества и которых мы считали бессмертными, теперь характеризуются как «мелкие люди», «недостойные местные лидеры», «противники содружества и прогресса нашего вида», «отрицатели культуры» и «антигуманисты». И я говорю о лидерах, которые на протяжении десятилетий играли значительную роль в истории. Единственное, что они спросили меня, когда я сказал им, что я швейцарец, это, во-первых, знаю ли я какие-либо подробности о всемирной организации по защите детей, базирующейся в Женеве, и, во-вторых, встречался ли я когда-либо с кем-либо из двух знаменит

Эйнштейн или Бертран Рассел и Бергсон. Последний считается здесь еще одним предшественником, так как именно благодаря его наблюдению за обучением удалось «увидеть» пророчество о Нибельвирхе. То же самое касается Мориса Метерлинка и «Синей птицы»... Они утверждают, что видели настоящую «Синюю птицу»...

Последнее воспоминание, которое оставил мне Норфор, тоже самое лучшее. Я попрощался с Норфором, посетив старый город Бломстердуфт, в котором сохранились его старые институты и его чередующиеся поля зеленых насаждений и усаженных деревьями улиц, где вы почти чувствовали древний скандинавский дух, парящий в воздухе, которым вы дышали. Это была одна из немногих областей бывших Норвегии и Швеции, где некоторым национальным воспоминаниям удалось выжить в этом самом разрушительном глобальном плавильном котле своего времени...

Одна из первых вещей, которую делают молодые студенты, которые миллионами приезжают в Норфор со всего мира, - это отдать дань уважения старому городу, культурному центру их предков на протяжении 32 поколений. Каждый закоулок — это память об их культуре последних нескольких столетий. Как я узнал, двух великих учителей двух-трехсотлетней давности звали Хольберг и Эйленслейер, и традиции, оставленные этими двумя духовными деятелями, ничуть не угасли.

Если Долина Роз, которая не составляет даже четверти населения Норфора, хотя эти два места занимают примерно одинаковую площадь, сегодня считается «Сердцем Земли», то Норфор, начиная с Бломстердуфта, является «Ковчегом Духа». », по мнению Стефана и Ягера, из-за прямой связи с развитием западной цивилизации, давая Европе место рядом с культурными регионами Северной Америки и Южной Америки, которые на протяжении сотен лет были центрами духовной культуры, от от Калифорнии и Флориды до Бостона и Нового Орлеана, Кейптауна и Претории.

ЧАСТНЫЕ СРЕДСТВА ТРАНСПОРТА И ИХ МНЕНИЕ
О РАБОТЕ

17- XI

На обратном пути мы проехали через западные прибрежные Альпы в другое, неведомое мне государство, залитое искусственным бледно-белым светом, с дворцовыми зданиями, продолжавшимися бесконечными симметричными рядами вплоть до Средиземного моря. Мы шли по авеню шириной по крайней мере в одну милю. Мне удалось только бросить беглый взгляд, прежде чем мы сели в наши индивидуальные транспортные средства и направились обратно к нашим виллам. Пока мы спускались, Стефан показал мне обширный комплекс зданий, словно сделанных из детских игрушечных кубиков, разбросанных по всей стране. Сначала я не мог понять, что это было, но я помню, как подумал, что эти блоки должны быть огромных размеров. Штефан объяснил мне, что мы летим над производственными центрами Рагрилии: целым промышленным городом, одним из крупнейших в Южной Европе, с колоссальными производственными комплексами, где безостановочно посменно трудятся миллионы увлеченной молодежи.

Современным людям известно, что существование промышленных государств, таких как Рагрилия, было предпосылкой существования и поддержания Норфора, Долины Роз и других их духовных центров. Они прекрасно осознают, что эти огромные государственные производственные предприятия с бесконечными электронными устройствами являются основой нынешней духовной культуры.

«Тот факт, что мы живем в таком комфорте, что у нас есть много свободного времени для внутреннего совершенствования и что свобода и счастье теперь действительно возможны, — все это благодаря этим состояниям», — признал Стефан.

И так же, как и Стефан, все они убеждены, что нет никакой вероятности, что люди вернутся к своему прежнему состоянию. Они верят, что сейчас находятся на пути к написанию настоящей истории и что ни одно поколение никогда больше не позволит этому невероятному социальному зданию снова рухнуть.

«Мы слишком дорого заплатили за эти ошибки, чтобы совершать их снова. Реки крови и слез были пролиты, чтобы выбраться из болота. Люди больше никогда не вернутся к голоду или эксплуатации другими людьми. Возможно, тогда вы не придавали должного значения этим вещам, но такая история боли и стыда не была и никогда не будет забыта нами».

Я сказал ему, что такие экстремальные ситуации в наше время были редкостью и не повседневностью.

событие, как они могут подумать. Он недоверчиво покачал головой и сказал мне, что я должен признать, что в «предысторию» — мое время — (люди будущего считают время до Эльдере, то есть 2396 год нашей эры, «предысторией»), рациональность полностью отсутствовала в социальной и экономической жизни. И он знал так много, так много, что поставил меня в трудное положение стать защитником и апологетом нашей эпохи.

Но были и моменты, когда он говорил с чистой наивностью, рассказывая истории с удивительными сюжетами и преувеличениями о оружейниках и помещиках, принимавших высоких и голубоглазых европейских женщин в качестве «добычи».

«Как у старых варваров Севера, когда-то утопивших Европу в крови, так и у ваших собственных варваров не было никаких нравственных, духовных и эстетических ценностей».

В каждом слове Стефана была видна гордость, которую современные люди проявляли в сложившейся ситуации. «Не думайте, что индивидуальный linsens или привилегия больше не работать в вашей жизни после девятнадцати лет всегда были данностью», — сказал он мне. Затем он объяснил мне, что все началось в зимний день 427 года по их новому календарю (в 2823 году нашей эры) в зале первого этажа дворца Биненборг, на восточной стороне большой центральной площади, когда четверо лидеры того десятилетия были первыми, кто принял бесплатные индивидуальные средства передвижения той эпохи, которые с этого момента они всегда будут иметь в своей профессиональной и личной жизни.

Именно тогда один из них, Торхильд, выдающийся деятель естественных наук, а затем губернатор и лидер, задал символический вопрос: «Разве люди с инвалидностью или другими проблемами не будут нуждаться в них больше, чем мы?» Остальные тогда уверяли его, что все уже получили свои средства и недостатка больше нет...

Стефан, явно тронутый и взволнованный, на секунду замолчал, а затем сказал мне: «Вы не представляете, какое моральное удовлетворение вы получаете, работая на общее благо, вместо того, чтобы индивидуально копить или откладывать деньги, чтобы ваши внуки могли наслаждаться скукой и скука от невозможности найти цель в жизни».

Что я мог сказать? Я восхищался их удивительной системой, которая позволила им всего за два года службы обеспечить себе всю оставшуюся жизнь. Я спросил его, почему же они не повысили службу до пяти, десяти или пятнадцати лет, чтобы обеспечить им еще большее богатство.

— Потому что цель нашей жизни — не несметные богатства, — ответил Стефан. «Человек мудр, когда знает, когда остановиться. И поверьте мне, не всегда легко сказать, где кончается достаточность и комфорт и начинаются абсурдность и экстравагантность...
Нам не нужны излишества. Наша цель — никогда не быть обвиненными в том, что мы воздвигаем барьеры на духовном пути Cives, граждан. Работа промышленного рабочего, например, не удовлетворяет ни одной врожденной потребности человеческой души. Тяжелая работа не является потребностью сердца; это не что иное, как научное, художественное или интеллектуальное творчество. Мы рассматриваем это как новое личное право прирожденного ученого, художника или философа, чтобы его оставили в покое и не мешали творить».

«Это не оправдание, — заметил я, — чтобы оставлять глотнеров в руках этих детей, особенно если вы знаете, насколько лучше было бы производство, если бы оно было передано в руки более зрелых людей».

«Нет необходимости беспокоиться об этом. Нынешние партнеры гораздо более зрелые, чем вы думаете, учитывая их возраст».

Его последние слова напомнили мне о наблюдении, которое я делал относительно этих людей, куда бы я ни шел, с самого первого дня. С одной стороны, эти молодые люди, казалось, обладали замечательной зрелостью, которой, как мне хотелось бы, могли быть и наши взрослые.
С другой стороны, однако, все они, взрослые мужчины и женщины, иногда выглядели и вели себя как «большие дети».

Я думал, что если бы мне удалось узнать, как именно они добились изобилия в предметах потребления и транспортных средствах, если бы я мог узнать подробности о планах службы и методе набора, их всеобщей конфедерации профсоюзов, содружестве Цивы и их рационалистические институты и могли однажды вернуться в наше время, мы тоже могли бы реализовать все это. Но сначала нам нужно преобразовать людей, создать их с нуля. Потому что здесь за последние века не было ни одного случая, чтобы один человек обращался к другому человеку с целью извлечь из него выгоду или использовать его по какой-либо причине. Это явление исчезло из их межличностных отношений. И мне стыдно признаться, но поначалу даже я пользовался их наивностью, чтобы произвести выгодный для меня обмен. Я добивался любого обмена так, как хотел, менее чем за две минуты, сначала проявляя чрезмерный энтузиазм по поводу чего-то их, а затем взывая к их дружбе и добродушию. Мысль о том, что я не совсем честен, никогда никому не приходила в голову. Потом я перестал это делать.

Можно легко нанести им непоправимый ущерб, воспользовавшись их наивностью, но самое ужасное то, что потом они не будут говорить об ущербе или пытаться взять на себя ответственность; они только дивились бы, откуда на свете может быть столько хитрости, и как их любовь и честность отплачивались такой злобой.

Однажды я попросил у офисных партнеров сектора технических ресурсов второй Reigen (3D-экран), заявив, что потерял первый. На следующий день мне прислали новый, даже не проверив, говорю ли я правду и не проверив заказ или серийный номер.

Сама Долина Роз дает указания глотнерам , чтобы было изобилие и разнообразие потребительских товаров, чтобы у Cives была привилегия выбора, но только для стандартных товаров. Однако чиновники духовной иерархии, даже Тилтеи, имеют право на персонализированные продукты и могут делать специальные заказы. Что же касается достаточности продуктов в количестве, то она обеспечивается статистическим спросом; виды, разнообразие и количество продукции определяются статистическими данными за предыдущий год, полученными от потребителей.

Стефан ничего не знает о моем вышеупомянутом поведении в начале моего пребывания здесь, и в любом случае это дело прошлого. Их детская чистота сердца и ума настолько трогательна, что хочется быть на них похожей. Их интеллектуальная и нравственная чистота и ясность обладают такой силой расслаблять и облегчать меня, что бывают моменты, когда я испытываю любовь ко всему миру… Они не подозревают о тебе ничего плохого, а ты, в свою очередь, испытываешь потребность избавиться даже малейшего уродства внутри вас. В их глазах вы выглядите намного лучше, чем вы есть на самом деле, и это побуждает вас стать лучше. Они видят в вас столько искренности, любви и самоотверженности, и что-то внутри вас заставляет вас хотеть оправдать эту идею, которую они имеют для вас, насколько это возможно.

Так оно и есть: нынешний Троенде, человек новой эпохи, есть социально-психологический тип человека, преемник человека-робота, «человека практического», носившего шоры ежедневной борьбы за выживание, который всегда был на грани беспокойства, лишенный всякой внутренней жизни и свободного времени для заботы о себе или природе, человек-продукт бездушной технокультуры, материалистический человек эпохи механистической философии, совершенно оторванный от всякого духовная основа.

Кроме того, теперь они также способны отличать интеллект от души. Сегодня, как ни в какой другой момент истории человечества, духовная культура отягощает сознание современного человека, независимо от достижений интеллекта, знаний, научно-технического прогресса.

Но самое удивительное различие между старой и новой социальной историей заключается в арифметике; Troende в настоящее время является наиболее распространенным типом социального человека во всем мире. Здесь преобладает заповедь «возлюби ближнего своего», это правило, а не исключение. Этим людям удалось превратить «невероятное» и «невозможное» в «возможное» и «настоящее». Они следуют проповеди христианства, не будучи христианами.

СЕКС, МАТЕРИНСТВО, ОТНОШЕНИЯ И СУТЬ ЛЮБВИ

25 - XI

В последнее время кажется, что кто-то бросил на нашу группу сглаз и две пары из четырех распались. Аксель и Джульетта, которые казались еще более влюбленными, чем Стефан и Хильда, после долгого нытья и непонимания решили разойтись. Каковы были точные причины расставания, никто не знает, поскольку здесь о них никто не говорит. Вероятно, они были слишком молоды для долгосрочных обязательств. После короткой прощальной вечеринки, между рыданиями и смехом, она ушла, направляясь на север. Вскоре ушел и Аксель. Сначала он отправился на Сицилию, но планировал уехать через два месяца, чтобы продолжить обучение игре на скрипке.

Неделю назад Ария с неожиданной и замечательной решимостью рассталась с Эриком и уехала жить к своим родителям на свою вторую родину, в Норфор. Это разделение было, казалось бы, внезапным. Уже давно было очевидно, что их совместное проживание и сосуществование не продлится долго. Они расстались вполне цивилизованно и с несколькими четкими словами.

Мы пошли к Эрику в первую ночь после ухода Арии и часами составляли ему компанию. Ему было грустно, что он не может удержать ее, и он сказал, что всегда знал, что если они когда-нибудь расстанутся, то это произойдет по ее инициативе, как это в конце концов и произошло. Он принял это, однако, с расслабленным и немного грустным отношением и отсутствием бодрости.

«Хотел бы я сделать ее счастливее», — было его последнее предложение.

Что до меня, то я по-прежнему гостил у Стефана и Хильды и рядом с ними каждый день переживал то, чего мне действительно не хватало в жизни: братской любви.

Даже если мы потеряли две наши дружеские пары, наши встречи с нашим более широким кругом не уменьшились. Наоборот, на самом деле; высокая температура последних дней заставила Стефана на некоторое время отвлечься от своих утренних занятий, и теперь он очень часто берет нас с собой в однодневные поездки в бассейны Мендризио, цветочные сады Вербании, на озеро Лугано, в Беллинцону и в другой раз к побережью Итальянской Ривьеры, к западу от Генуи.

Теперь, что касается Сильвии, она уже давно не приходила на наши собрания. Она сказала, что хочет, чтобы мы были одни, когда мы встретимся. И Стефан, и Хильда теперь знали, что происходит, и поэтому со слезами на глазах я

во всем им признался.

Они были очень рады за нас и сказали мне, что мы отличная пара. Я сказал Стефану, что мы собираемся поехать в Пиренеи на несколько дней, и он всем сердцем согласился, что это хорошее решение.

Потом мы поговорили о том, как часто бывает «любовь» в их возрасте, и он сказал мне, что большинство испытывает ее не чаще одного раза в жизни, а то и никогда, в некоторых редких случаях. Я спросил его, считают ли они занятие любовью, которое не является результатом любви, неэтичным. Он ответил, что ни в коей мере они не считают это неэтичным, но его нельзя сравнивать с истинным союзом любви, который немного похож на Липвирх. В старину, на протяжении всей эпохи Элдере, когда чувство Липвирха еще не существовало, физические отношения основывались исключительно на влечении между полами и оценке характера. Но и тогда, как и сейчас, многие смены половых партнеров не приветствовались. Тогда они были более заинтересованы в том, чтобы понравиться человеку; нежность и духовная связь пришли после естественного влечения и признательности к человеку, тогда как здесь, в течение последних нескольких столетий, Долина Роз утверждала — даже если некоторые из Ilectors не согласны — что воздержание, особенно когда это сознательное решение, повышает духовность, чем-то напоминающую аскетические принципы нашего времени.

В целом, они больше не рассматривают любовь как битву, в которой побеждает самый хитрый и проигрывает самый наивный, а как союз между равными, без секретов и скрытых мотивов, союз, который дает вам необходимый душевный покой, чтобы жить своей жизнью. .

-- Значит, ваша мораль только против очень частой смены партнеров, -- заметил я.

"Что-то такое. Слишком частые изменения в наше время не обычны и не приветствуются. Баланс существует всегда. Но этические проблемы не всегда возникают только из-за этих изменений, — ответил Стефан.

Он спросил меня, как бы я отнесся к Джульетте, например, если бы теперь, когда она рассталась с Акселем, она нашла новую любовь и стала бы жить с ним.

— Я не имею в виду пару случайных случаев, — ответил я. «Что бы вы подумали, если бы увидели, как она проводит всю свою молодость, меняя партнеров каждые шесть месяцев?»

«Даже тогда, — сказал он, — мы не сочли бы ее неэтичной или социально неполноценной. Ее можно охарактеризовать как небрежную, неудачливую, легкомысленную или очень неспособную укротить свои порывы. Можно возразить, что ей было бы лучше быть свободной и жить в одиночестве. В любом случае, если бы она не собиралась никого одурачить, ее образ жизни не считался бы антиобщественным или аморальным. Кроме того, взгляните на всех этих молодых мужчин и женщин, которые живут одни и, по-видимому, неженаты, и которые уже несколько десятилетий официально являются Сивесами . Кто-нибудь знает или спрашивал их, как часто они меняют партнеров? Они могут общаться друг с другом и говорить перед другими с величайшим достоинством, как будто между ними ничего не происходит, но это не всегда так. И, конечно же, я был бы последним, кто мог бы их винить. Дело не в лицемерии, а в нравственном превосходстве людей, не делающих зла, но по природе еще не способных к постоянным союзам. Здесь никто не собирается раскрывать свои секреты. Но я не могу утверждать, что каждый из нас терпеливо ждет Липвирх годами».

«Есть ли что-то, что вы считаете аморальным? Вы знакомы с понятием безнравственности?»

"Конечно! А все, что действительно аморально, наказывается образцово. В таких случаях мы тверды. Но просто они такие редкие. Современные люди получают определенное удовлетворение от того, что они этичны, и их не заставляют так себя чувствовать. В отличие от вас, у которого, если я правильно помню, была поговорка, что «запретный плод всегда слаще».

— Вам легко говорить, — ответил я несколько обиженно, — ведь по существу для вас ничего не запрещено.

— Тут ты ошибаешься, — тихо ответил он. «Наше общество также имеет определенные моральные ограничения. Если бы, скажем, когда Джульетта жила с Акселем, она тайно встречалась с другим мужчиной, это считалось бы аморальным. Но ни Джульетта, ни кто-то гораздо более взбалмошный, чем она, не сделали бы ничего подобного. Все, что ей нужно сделать, это рассказать об этом своему партнеру. Почему она должна это скрывать? Люди рассказывают друг другу о своих чувствах и независимо от результата — принятия или расставания — они сказали правду. На самом деле, в большинстве случаев такие действия прощаются, особенно если это увлечение, момент страсти или потеря самоконтроля. А если скрывают, то все усложняется и людей мучает угрызения совести, с которыми в наше время очень трудно справиться».

Мне было интересно, куда он идет с этим, и мне было очень любопытно узнать.

«Никогда женщина не будет с мужчиной, или наоборот, из корысти, лишь бы получить потом от них выгоду, а не из любви или сильного физического влечения»,
— сказал Стефан. «Нечестность непростительна и непростительна. Чего мы больше всего хотим, так это иметь спокойное сердце и спокойный разум, далекие от моральной неуверенности, такой как ревность, подозрительность или страх. С другой стороны, наши лидеры поставили перед молодежью более строгие этические барьеры. Обычно, пока они не станут цивами, им не разрешается вступать в сексуальные отношения. И невероятно и очень важно, как Илекторам удалось утвердить понятие полового воздержания в сознании молодых людей в нежном и трудном девятнадцатилетнем возрасте. Сегодня партнер должен ценить прямоту, любовь, честность и уважать некоторые моральные ценности — пусть даже с некоторым лишением.
Таким образом, служба является одновременно испытанием самодисциплины и полового воздержания. Каждый год происходит всего несколько нарушений, и, конечно же, штрафа нет».

Я спросила его, на каком этапе жизни женщина решает стать матерью.

— Я не мог бы точно ответить на этот вопрос. Так же, как и в ваше время, иногда раньше, иногда позже. Это зависит от их темперамента и от удачи... Тут много факторов. Наш случай с Хильдой — один из самых обычных. В большинстве случаев требуется три-четыре пробных партнерства, рожденных либо от Липвирха , либо от сильного влечения, чтобы найти «Единственного».
Обычно первые партнерские отношения короче и могут даже не длиться год. Тогда они станут более устойчивыми. Если повезет, трех-четырех переключений между свободой и сожительством с кем-то достаточно, чтобы человек приобрел более зрелый менталитет, который позволяет опыту и знаниям делать свое дело и, возможно, придает их дальнейшим отношениям форму связи на всю жизнь».

Так пренебрежительно отзывался он тогда о нашем времени и его «ценностях»: прелюбодеянии, отсутствии прямолинейности и верности, житейской нечестности, мошенничестве, проституции, эксплуатации слабости и бедности, извращениях, насилии, преступлениях «чести» и больных страстях. Я не знал, где спрятаться. Он даже считал неприличными свадебные церемонии прошлых времен: сбор народа, веселье, комментарии, поддразнивания и... ну... то, что было потом: более интимные моменты пары.

«Наша совесть и наш врожденный моральный компас очень эффективно заполняют пробел этих упраздненных институтов, и поэтому каждое партнерство и

сожительство основано и определяется гордостью и честью. Неважно, могут ли великое разочарование, новая любовь или непреодолимые различия в убеждениях и характерах разорвать связь. Кроме того, — заключил он, — разве не то же самое происходило и в ваше время, несмотря на юридические ограничения? Мне нечего было сказать.

Затем я спросил его, что произошло в первую ночь, когда партнеры стали гражданами Сивеса. Должно быть, это ночь, когда они полностью сходят с ума, подумал я, и вполне разумно, после стольких ограничений. Я был неправ.

«Это действительно то, что случалось… Хотя несколько сотен лет назад.
Физическое влечение по-прежнему играло важнейшую роль, и эта ночь воспринималась молодыми как зов природы. Но с тех пор прошло много-много времени. Времена изменились. Я не говорю, что никто не занимается любовью в ту ночь, но те, кто занимается, в основном это пары, которые встретились во время службы и решили осуществить свою любовь в первый день своего гражданства. Однако подавляющее большинство этого не делает. Некоторые ждут месяцами, а то и годами, пока не найдут себе подходящую пару, после того как сожгут свою белую накидку, символ своей чистоты, в ночь окончания службы».

Стефан смотрел в пространство, словно размышляя о прошлом.

— У меня тоже была такая ночь, знаете ли… — сказал он. «Такой кайф! С одной стороны, в эту ночь перед вами открывается весь мир, а с другой, вы наконец-то обретаете право на волшебное чувство занятий любовью.
Незабываемые годы…»

Его глаза наполнились слезами. Я был поражен. Он продолжил, явно тронутый.
«Даже та песня, которую мы поем в ту ночь, очень много значит для меня… для нас… Ее поют все жители земли уже более тринадцати столетий. Мы все учим его в школе, мальчики и девочки. Я знаю, что у нее не очень хорошая лирика, но все же, вы хоть представляете, как эта простая и несколько плоская старая мелодия отзывается эхом в наших ушах, в наших душах? Вы обращали внимание на лирику? «В свете твоих девятнадцати лет прилетают ласточки и рано раскрываются бутоны». Или другой; «Жизнь — это розовый сон, который сейчас начинается.

Спой это».

Теперь он говорил с величайшим энтузиазмом. Я, конечно, не стал его прерывать. «Относительно через несколько поколений после вашего, после того, как пуританские движения начали исчезать и Флессинг и Кирхоф нашли лекарство от вашей ужасной болезни, кошмар закончился, и все начало меняться в

то, как родители говорили своим детям о любви и сексе. Больше не было необходимости говорить с ними о рисках и мерах предосторожности. Вместо этого они говорили им об ожидании великого счастья, которым, если бы они были достаточно терпеливы, чтобы дождаться нужного времени и нужного человека, они могли бы наслаждаться — в меру — всю оставшуюся жизнь.

По прошествии поколений представление о том, что это уравновешенное, этичное и неискаженное счастье лучше наступить после выполнения долга, стало частью их общественного сознания. Это было после того, как служба была значительно сокращена. Именно тогда подросткам стали раздавать белые палантины.
На самом деле им было сказано: «Никто не заставит вас отбывать двухлетнюю службу в глотнерах. При отказе штрафа нет. Просто учтите, что вы нужны Всемирному Содружеству».

И действительно, как сказал мне Стефан, никто не ушел. И так они исправили несправедливость нашего времени, связывавшую «исполнение долга» с выходом на пенсию, пришедшую в возрасте, когда счастье нельзя было купить за самое чистое золото.

Пятнадцатилетний возраст они считали ключевым этапом в жизни. Они считали, что именно тогда открываются новые горизонты человеческого эзотеризма.

Именно тогда все изменилось в глазах человека, так как с этого момента душа взяла верх и увидела вещи по-другому. На самом деле, он сказал мне, что «глаза начинают слезиться легче».

Я сказал ему, что если они думают, что такого же не было и в наше время, то они очень сильно ошибаются. Он ответил мне, что имеет в виду правило, а не исключение: «Исключения не определяют эпоху... правило определяет».

«Да, но вы только что сказали мне, что ограничения помогали в наше время, потому что иначе ситуация выходила из-под контроля и доходила до распущенности. Вы сами сказали, что нам нужны ограничения, поскольку мы «практически нецивилизованы».

«Иногда мне кажется, что мы с тобой не можем общаться, что мы не говорим на одном языке. И все же это нормально, поскольку мы происходим из разных эпох, разных культур и разных способов мышления. Интересно, многое из того, что я тебе говорю, ты действительно понимаешь. Вы говорите о «оправданном» и «необходимом», не думая о влиянии, которое все они оказали на человечество, независимо от их уместности в то время.
Они создали для вас мир, окруженный серым небом и

населенный мертвыми душами. Вы когда-нибудь задумывались о том, сколько невинных людей из меньшинства постоянно — и в течение тысяч лет — платили за законы, разработанные большинством, только потому, что ваши лидеры не могли принимать индивидуальные законы? А вы уверены, что были бы по-настоящему счастливы в отсутствие законов и ограничений? Или есть что-то еще виновато в вашем несчастье; что-то более глубокое, что-то скрытое, из-за чего вообще стали нужны законы?»

Он рассказал мне больше, гораздо больше: как любовь не была смиренной и незначительной вещью и как мы были слишком низшими для нее, слишком незначительными, чтобы понять ее красоту и превосходство. «Так же, как творчество Вальманделя или Ларсена всегда будет монументальным, независимо от того, наступят ли темные времена, когда люди не поймут и не оценят поэзию и музыку». И он не закончил...

«Самое худшее в ваших духовных лидерах того времени — и под духовными лидерами я имею в виду ваших учителей, родителей, законодателей, священников и писателей — это то, что они без проблем блокировали ваши источники чистой духовной радости. И знаешь, что это значит, Андреас? Знаете ли вы, что эти «энтузиазмы» (и он использовал для этого греческое слово) являются проявлениями, аспектами самифа, почти такими же важными, как и искусство? Что бы вы сказали о том, кто уничтожил « Гермеса » Праксителя или нашу собственную « Ностальгическую зеленоглазую даму » Нишефельта? В ваше время существовала систематическая тенденция подавлять любую форму радости».

Я изо всех сил пыталась не улыбнуться из-за его детского мышления. «Хотел бы я, чтобы это была наша единственная проблема, мой дорогой Стефан... У нас было так много вещей, которые нас беспокоили, так много обязанностей, лишений, ненужных забот: зависимость, бедность, пристрастия и неуверенность в будущем... Были миллионы проблем, которые не могли неразрешимы и миллионы потребностей, которые нельзя удовлетворить, просто нюхая цветы и глядя на звезды. Теперь у вас может быть столько времени, сколько вы хотите наблюдать, думать и анализировать все, но тогда мы даже не могли сказать, что они пропали...»

Но он не согласился бы со мной.

— Не говори так, — пожаловался он. И не говорите, что вы не думали о них и не могли сказать, пропали ли они. Радость – это пища души. Вы можете это осознать? Жестокое, каждодневное подавление любых духовных или эмоциональных склонностей, даже если вы не могли видеть, насколько это вредно, постепенно и кумулятивно ломало каждую струну радости, которая была в вас. Так

нет, позволять своей душе умирать понемногу, понемногу, неприемлемо. Это ваше искусственное, преждевременное внутреннее старение было большой и несправедливой потерей для нашего рода, гораздо большей, чем вы можете себе представить. Условия, в которых вы жили своей повседневной жизнью, и господствовавшие социальные условности прямо крали то, что было дано людям творением и чей полный смысл мы только что почувствовали и осознали: улыбку Бога».

Он еще раз намекнул на находки Народных Знаний и на «робкое мерцание» Самита. Как ни странно, это их взгляд на Липвирх: это переживание высшей духовной жизни и доступ к божественному — на пути к Самиту — но совершенно другим путем, чем медитация, религия, искусство или мировоззрение.

«Вот почему в наши дни ни один пожилой человек не стал бы насмехаться над идеалами молодежи; потому что у пожилых людей есть свои идеалы, и они не хотели бы, чтобы кто-то приходил и оскорблял их или проявлял неуважение. Кроме того, мы в конечном счете знаем, что существует одно общее происхождение и источник всех идеалов, несмотря на огромные — но поверхностные — различия между ними».

Позднее, однако, он признавал, что духовное богатство их юности было обусловлено не только наследственностью или традицией, но и не было всецело врожденным; надлежащее руководство и образование со стороны семьи, школы и glothners были очень полезными помощниками.

СТАРАЯ И НОВАЯ ЛЮБОВЬ: ПУТЬ РАЗДЕЛЕНИЯ

26-XI

Иногда я задаюсь вопросом, действительно ли их нынешнее восприятие и новые социальные условия способны защитить их сердца от боли, и действительно ли им удалось обрести с их помощью истинное счастье. Судя по тому, что я видел, они не только не обрели долгожданное «спокойствие ума и души», но слишком часто они, похоже, сталкиваются с теми же проблемами в своей эмоциональной жизни, с той же глубокой болью, с той же драматические дилеммы и внутренние конфликты, от которых мы страдали в наше время. И скажем, я верю тому, что сказал Стефан, то есть, что старые, бурные страсти и «драматические решения» нашего времени полностью перестали существовать. Я своими ушами слышал о случаях, когда сильная, новая любовь вступала в противоречие с давним партнерством и сильными эмоциональными связями, разрушая привязанность между парой, их общие воспоминания и мечты и их общую жизнь.

Что тогда происходит в таких случаях? Нет ни правила, ни наказания, ни очевидного решения. Кажется, что в таких вопросах нет «должен» или «не должен». Слезы и эмоции с обеих сторон. А потом они сидят и удивляются, что они делают. Стефан утверждает, что в подобных инцидентах чаще всего каждая сторона оставляет право принятия решений другой. Но продукт ли это альтруизма или попытка уйти от ответственности за счастье любимого человека? Стефан говорит — и было бы очень хорошо, если бы это было правдой, — что очень часто в таких случаях спутники испытывают к своим близким то же, что и родители к своим детям: ту же любовь и эмоции. Отложив в сторону себя и свои чувства, они пытаются увидеть, что лучше для их партнера, и действуют таким образом, чтобы не мешать их счастью. «Сегодня у нас сильно развито чувство заботы и понимания о наших ближних». он сказал: «Это одна из самых отличительных черт нашего менталитета. Полная противоположность эгоизму и инстинктам первобытных времен».

Если же вы спросите у Долины, они скажут, что самое главное — это стабильность партнерства. Они категорически отвергают пылкие страсти и любовные связи, которые резко и поспешно приходят к разрыву длительных и утонченных эмоциональных связей. Впрочем, «старым влюбленным» советуют не бояться настоящего, подлинного Липвирха, если он им когда-нибудь попадется... Это не может повредить цивилизованным людям с духовной учтивостью, которые выше

все и все остальные, уважайте себя. Они советуют им принять это и посмотреть, куда это их приведет. Конечно, окончательный исход такого конфликта, каждый раз с тысячами различных факторов, отличается от случая к случаю.
Иногда новая любовь лишь проверяет силу и сопротивление старой и вскоре угасает, потерпев поражение.

Реже — особенно в случаях очень длительных отношений с уже взрослыми детьми — случается так, что новая любовь и старая привязанность идут на компромисс и примиряются, не вытесняя друг друга. Каждая из них занимает особое место в сердце человека, они существуют и развиваются бок о бок друг с другом в течение многих лет.

Однако временами новая любовь оказывается сильнее и разрывает старую связь.
И даже если такой исход не приветствуется, поскольку в партнерстве нет других более глубоких разногласий — поскольку обычно фаза экспериментального партнерства направлена на то, чтобы выявить такие скрытые несовместимости, а не открыть дверь для новых дел — все меняется. как в наше время.

В целом их довод состоит в том, что нынешние отношения, будучи совершенно свободными и чуждыми всякой старой условности и основанными на безудержном выборе, взаимной любви и чистом намерении на пожизненную связь, — без правовых барьеров нашего времени — должны быть неизмеримо крепче и прочнее. более стабильный, чем наш.

Можно сказать, что эти редкие разлуки вместе со случаями безответной любви являются если не самыми большими, то одними из самых больших неприятностей в их нынешней беззаботной и счастливой жизни.

«Мы полностью свободны от боли? Нет, ничего подобного у нас не получилось…»
Стефан говорил мне вчера. «Нет бедности, зависимости, насилия и тому подобного, но сердечные боли, как бы ни были сильны, приветствуются. Они напоминают нам о ностальгии и жажде Самита. Мы страдаем до сих пор, и даже глубже, чем вы прежде, но по крайней мере мы знаем, почему мы страдаем…»

Я наблюдал, как они страдают молча и с достоинством, как они скрывают боль от потери любимого или от безответной любви с настойчивостью, отражающей старохристианское восприятие внутренней боли. Они верят, что эта внутренняя боль настолько возвышает душу, что может стать приобретением даже большим, чем сама любовь! Пока одно преходяще, другое

никогда не отнять у тебя...

В книге, которую я читал у их Йонаса Герлуда, говорилось, что в истинном Липвирхе, который был, однако, односторонним и до конца оставался безответным, следует жалеть не того, кто страдает от одиночества, а другого. человек, который так и не смог достичь такого уровня почти метафизической боли.
«Потому что первые стоят выше и видят уникальные вещи, на которые вторые никогда не увидят».

Другой писатель, Алекс Роген, пишет, что в глубине души ничто никогда не теряется. Внешность не должна вести к неверным выводам: «Все, о чем вы когда-либо мечтали, и все, о чем вы плакали, хранится для вас и не будет забыто, добрые старые души...», — пишет он, намекая на нетленность Источника и блаженная народная проповедь универсальности Самита , содержащего все...

Здесь все говорят, что «прошлое не такое прошлое, как кажется...», напоминая мне о моей собственной судьбе. «То , что ты называл счастьем, существует только в наших снах, — сказал мне Стефан. «Мы пришли в этот мир не для того, чтобы обрести осязаемое счастье, что-то невозможное, а для того, чтобы постичь его истинный смысл и узнать, в чем его источник, чтобы суметь распознать его, когда мы его увидим. !”

В этот момент он процитировал слова одного из их поэтов: «Ибо для чего еще мы родились, для чего еще мы живем, как не для того, чтобы видеть, как наши собственные жизни пропадают впустую?» Под этим он имел в виду, что благородная жажда их душ, которая никогда не угасала на протяжении всей их жизни, была болезненным свидетельством превосходства этого продвинутого вида, который никогда не устает искать Самит во всех его приземленных формах (искусство, религия, метафизические интересы) . , самопожертвование и так далее) и никогда не сдается и не расстраивается из-за препятствий и разочарований на пути...

— Итак, если, скажем, Хильда нашла кого-то нового, это заставило ее почувствовать себя более полноценной. Вас это не обеспокоит? — спросил я Стефана.

«Это определенно было бы неприятно, но я не мог ее остановить. Но глубокая любовь — это огненный внутренний процесс, который делает нас лучше. В начале наших отношений я сам испытал много боли; тот блеск, который я увидел в ее глазах, когда она впервые заговорила со мной, и которого я давно не видел, я увидел его, когда она говорила с кем-то другим. Я приготовился к худшему, но ничего не произошло. Это было что-то совершенно преходящее. Но я

больше беспокоился о том, будет ли она счастлива, куда бы она ни пошла, и сможет ли этот человек действительно дополнить ее как личность, чем меня о том, что она уйдет от меня. Одна моя подруга простила своего спутника, когда он признался в своей неверности, только потому, что вспомнила, как счастлив он выглядел в те дни и как счастлива она тоже была, видя его счастливым. На самом деле, в те дни она сказала ему: «Все, что дает тебе столько сил, радости и творчества, не может быть ничем иным, как хорошим».

Так вот еще одно проявление Троенде, Волковского человека сегодняшнего дня, держателя новой мудрости, не очень стабильного и не совсем нормального в наших глазах...

Теперь, что касается нашей концепции брака, они сохранили часть привязанности, интереса к другому человеку, верности, взаимности и альтруизма и интегрировали их в сегодняшнюю жизнь. Но часть, которую они не понимают, — это элемент внезапного и преждевременного внутреннего старения, которое в наше время пришло с браком. Они считают, что общество подталкивало людей к ранним бракам, лишая их возможности сначала прожить свою жизнь, попутно испытать духовную и другие виды радости.

Этой жертвы требовала социальная и политическая целесообразность.

Я сказал ему, что борьба за выживание с самого начала показала нам, насколько трудной будет жизнь, и поэтому было легче адаптироваться, поддавшись рутине иметь постоянного партнера. Мы должны были с кем-то разделить все эти беды и заботы...

«К счастью, эта внезапная и неестественная стерилизация не породила бессознательно истинной ненависти к вашему партнеру», — ответил он.

Что я могу сказать? Во всяком случае, этим людям удается оставаться молодыми душой вечно, сочетая семейное счастье и его вполне человеческую природу с одной стороны, а с другой — новые увлечения и чистую душевную радость божественного происхождения. Я понятия не имею, как они это делают...

ЮЖНАЯ ЕВРОПА

Лойкито, 30-XI

Пиренеи встретили нас трехдневным непрекращающимся дождем и массивными каньонами, заполненными елями, выпрыгивающими из тумана. Однако два дня назад снова появилось солнце, и похоже, что оно здесь, чтобы остаться. Образ жизни здесь тихий, мирный и расслабленный, очень похожий на тот, с которым мы столкнулись полмесяца назад в Биньяско и на пляжах Салерно. Но это место гораздо более многолюдно; каждый вечер, во время ужина, в ресторанах невозможно найти свободный столик. Партнеры в шелковых белоснежных одеждах работают целыми днями, то есть наоборот тому, что мы видели в Биньяско.

1-XII

На этот раз только Сильвия и я, и я чувствую себя благословенным за каждый день, который находит меня рядом с ней. Сегодня я терпеливо ждал, когда она проснется, чтобы увидеть ее первые моргания в утреннем свете. Когда она проснулась и увидела, что я смотрю на нее, она рассмеялась. Я не знаю, что она тогда обо мне подумала момент.

Я думаю, что вчера совершил огромную ошибку, находясь в одном из Civeshostels Новой Тарраконы, расположенном на противоположной стороне гор, куда мы отправились с целой кучей людей и просидели до поздней ночи. Я танцевала с Сильвией всю ночь, но в конце они сказали нам, что лента, которую они нам дали, определит следующего партнера по танцу. Мне попалась очень редкая на ночь девушка: блондинка среди множества светлых и темных брюнеток. Моя ошибка была в том, что я бросилась и спросила ее имя посреди нашего танца, но потом вспомнила, что в наше время со всеми надо разговаривать так, как будто ты знаешь их целую вечность.

Сначала мы говорили о тысяче вещей, танцуя. Ее поведение было очень простым и незатейливым. Не знаю, что на меня нашло, и я спросил ее имя. — Стелла Каденс, — остроумно ответила она. Было очевидно, что она шутит, поэтому я рассмеялся и сменил тему. Я заметил, однако, что с этого момента она отвечала односложно. Я думал, что мой вопрос о ее имени расстроил ее, но я ошибался. Вскоре она снова начала шутить, и когда я назвал ее «мисс...», она завершила мою фразу тем же именем, которое давала мне раньше, и в такой же остроумной манере. Возможно, ее мысли были сосредоточены на ее партнере, высоком темнокожем парне, который, казалось, не был в восторге от того, что танцевал с пухлой девочкой, с которой он был подобран, и

чей взгляд был постоянно прикован к его девушке.

Я только что вспомнил еще одну странную вещь. Два дня назад, когда дождь прекратился и мы все вышли на прогулку в лес, я заметил огромное количество мужчин и женщин, которые часами без видимой причины наблюдали за муравьями! Они сказали, что им нравится наблюдать за ними вживую и работать при свете дня. Их взгляды были устремлены на два массивных ряда муравьев, один из которых шел на работу, а другой возвращался с работы, неся свою ношу. Они даже отмечали, что когда муравей не мог нести свою ношу, он искал трех или четырех других муравьев и, касаясь их антенн, звал на помощь. Два дня назад они тоже начали хихикать при виде первого, свежего винограда в этом году! А если бы вы спросили их: «Разве вы никогда в жизни такого не видели?» они считали тебя странным. Но таковы здесь люди; Я начал к ним привыкать. Их волнует самое простое: восход луны из-за листвы деревьев, блеяние животных в безмолвной ночи, сердечное приветствие.

Образ, наполненный природной красотой, для них не просто образ; они не только видят его, они чувствуют его как единое целое, которое вибрирует от чистой радости творения. Их антенна не зрение, как у нас; они действительно «переживают» то, что видят! Кроме того, их наполняет радость возможность, которую дают им их индивидуальные транспортные средства — вигиоза и линсенс — отправиться куда угодно. «Только подумай о месте, и ты сможешь долететь до него», — говорят они, и они буквально это имеют в виду... У них есть свой способ не дать угаснуть «опьянению» новых впечатлений.

Даже перемены погоды производят на них огромное впечатление и становятся темой для разговоров. Такое простое явление, как смена времен года, является для них большим источником счастья. И если вы скажете Стефану, что люди его эпохи потеряли связь с реальностью, он не признает этого. «Это невероятно, — сказал он мне, — сколько потенциального счастья скрыто в нашем внутреннем мире. Вы понятия не имели об этом в свое время, но то, что мы не можем этого понять, не означает, что этого не существует. Сенсоры наших душ притупились и больше не являются адекватными приемниками. Итак, все эти вещи, которые вы считаете странными, кто может сказать, что они детские, а не божественные?»

Прожив среди них достаточно долго, начинаешь невольно ощущать влияние их образа жизни. Лично я рассматриваю это как своего рода умственную детоксикацию и считаю, что это полезно для меня. Стефан считает нужным! Здесь им удается сохранять юношеское настроение на долгие годы. Они стараются сохранить свои ранние годы и менталитет, который у них был тогда, в чистоте, и Долина призывает их

держать глаза своих душ открытыми, пока они не состарятся и не поседеют, если смогут.

1-XII Снова

(Ночью)

Сегодня Сильвия сказала мне, что когда она со мной, она не скучает по своей семье. Затем она сказала мне, что всегда знала, что никто не может быть счастлив в одиночестве, без любимого человека рядом с собой, которого они могут любить и лелеять.

Затем она добавила: «Но если бы я не нашла тебя, я не знаю, смогу ли я когда-нибудь представить, насколько велика в конечном счете любовь». Еще она сказала, что хочет от меня ребенка, ребенка, который унаследует мое сердце и мой образ мышления и восприятия окружающего мира.

О чем еще я мог просить?

До того, как я встретил ее, такое существо с таким количеством талантов в душе и духе и с таким эмоциональным богатством существовало только в моем воображении. Помню, я думал, что простое признание существования такого человека где-то в мире более чем удовлетворило бы меня. Большего я и вообразить не смел... То есть само ее существование — величайшая моральная и эмоциональная награда, которую я когда-либо получал. И этого осознания достаточно, чтобы сделать меня счастливым; моя жизнь больше не кажется мучением...

со 2 по 3-XII

(Очень поздно ночью)

Сколько раз не говорилось о том, что боль является доминирующей сущностью жизни и мира? Я сам давно в это верил и глубже всех пережил это, и теперь, когда я выздоровел и вижу жизнь яснее и глубже проживаю ее, я не могу узнать себя нового!

Не спешите бездумно утверждать, что истинная суть жизни чиста и осязаема только в подростковом возрасте и что после этого психика неизбежно начинает искажаться таким образом, что прежнюю радость невозможно обрести снова, как бы успешно вы сопоставляете свое окружение с обстоятельствами вашей жизни. Я провел бесконечные часы, извиваясь в кресле по ночам безрезультатно, каждый дюйм моего тела был наполнен радостью и предвкушением миллионов чудесных событий, радостью и предвкушением, которые настойчиво держат мои глаза открытыми и препятствуют любой возможной попытке сосредоточиться. и медитация.

«О судьба! Величайшие из всех человеческих мечтаний ничто по сравнению с тем, на что ты способен!» Осознание того, что эти люди намного более просвещены, чем мы, меня завораживает! Чувство благодарности переполняет мое сердце. Я думаю об их уверенности в «множественности жизни», их вере в «загробную жизнь», их мыслях о последовательных существованиях одной и той же личности, их знании того, что сбой в сознании носит временный и относительно редкий характер и что большие расстояния и пространственно-временной континуум вообще не составляют преград для духа, и, наконец, я думаю об их твердой убежденности в конечном оправдании человеческой души и меня переполняет такой восторг, как будто я видел все это своими глазами. собственные глаза!

Я также помню кое-что еще, что Стефан сказал мне некоторое время назад, в отношении реальностей, которые находятся за пределами человеческого понимания.

«Нет никакого способа, чтобы наш разум мог понять, что происходит с нами после так называемой «смерти». Это одна из граней Самита , о которой я говорил вам, непостижимая для человеческого познания и рациональности. Не забывайте, что Матей Сванол сказал о некоторых из величайших и самых священных частей человеческой психики после того, как увидел Нибельвирх: «Это действительно была ложь. Но кто мог знать, какая великая Истина скрывается за этой «ложью»...»

Айдерсианская традиция, как я выяснил, осторожна и не выходит за пределы Ройсвирха. Кроме того, что показал Оверсин , в нем ничего больше не говорится . Однако многие внутренние, личные переживания людей, взятые из самых разных кругов, показали, что в душе троэнде есть множество экзистенций в наложенных друг на друга слоях. Иногда они даже говорят о соответствующей множественности в современных и параллельных жизнях, превосходящей человеческую природу, до тех пор, пока Эго не обретет полное сознание, чувство единства и нерушимого продолжения индивидуальности. Одна целая жизнь посвящена знаниям, одна — эмоциональному богатству, еще одна — великим любовным переживаниям и отдельная — духовному или художественному творчеству...

«В вашу эпоху, — сказал мне Стефан, — вы мечтали и стремились к вечности, хотя дождливого дня было достаточно, чтобы большинство из вас почувствовали скуку и одиночество». В очередной раз я заметил их снисходительный тон, говоря об эпохе «односторонней технокультуры и механистической жизни», в которой жили люди, эпохе, частью которой я снова стану, если когда-нибудь вернусь...

Объясняя это как можно лучше, это то, как они воспринимают эмоциональную

влечение человеческого духа к «бесконечному» и «вечному»: как к «пространству» или «длительности», хотя это нечто несравненно выше этого.

Я вспомнил Анну сейчас... Сколько ты пережила! Вы меня слышите? Вы сейчас слушаете? Все, что мы представляли и о чем мечтали, милая Анна, все, от чего слезились глаза, есть! Они все настоящие! Это не было нашим воображением! Все они существуют здесь, в реальной жизни!

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ФРАНЦИИ: СРАВНЕНИЕ С

20 ВЕК

9-XII

Сегодня вечером, после недельного отдыха у побережья океана, я снова наслаждался свежим горным воздухом. Нескольких дней путешествия к побережью нашей западной Франции, столь отличной от крупных центров производства и роскошных пляжей Юга, достаточно, чтобы дать вам мимолетный, но типичный образ — теперь одинаковых — государств повсюду: сменяющих друг друга , огромный...

Для путешественника моего времени это место неузнаваемо. Жизнь в гаванях, причудливые образы торговых и морских перевозок, типичный местный колорит этой части сельской Франции, даже комплекс лагун, украшавший это место: все это исчезло! Даже климат изменился; он стал мягче, слаще и более... прозрачным, свободным от приносимой морем влажности, более... средиземноморской, если можно так сказать. Старый славный «всемирный» язык теперь был заменен народным языком, который я теперь почти выучил, слушая его на виллах и в Салерно во время моего краткого визита по пути в города Центральной Европы и большую столицу Европы. север. Вопреки тому, что я заметил, находясь на окраине Салерно, здесь не сохранились никакие топонимы, даже самые историче

О былых временах напоминают только их плодоносные виноградники. Однако по всей стране не осталось ни пяди земли без присмотра. Возможно, численность населения могла бы стать предметом споров, и можно было бы утверждать, что некоторые места могут позволить себе больше или меньше жителей, но не более того. Они превратили болота в огромные города-сады. Эти когда-то равнодушные сельские районы приобрели теперь воздух и очарование огромного мегаполиса и оказались поразительнее даже старого Парижа! Теперь вы не видите нищету рядом с красотой... Произведения искусства вы не встретите нигде, кроме как в местах, где они могут быть самосохраненными. Они не выносят уродства и разложения, даже в самом маленьком масштабе. То, что я увидел, было неповторимым чувством красоты и единообразия, щедро разбросанным повсюду, как будто это было художественно сделано разумным духом. Это, конечно, было результатом текущих экономических условий и их невероятных технологических возможностей.

Вдали от побережья, примерно в шестидесяти километрах от берега, есть место под названием «Цветочное гнездо», которое раскинулось вокруг огромного города Дения Валлия.

с его малиновыми цветочными террасами и невероятным количеством пространств, предназначенных для растений и цветов. Они были буквально везде: на каждой колонне, на каждом балконе, на каждой крыше, в каждой аркаде, на фасадах дворцов... Помню, удивлялся, как эти люди умудрялись выращивать и сохранять все эти цветы круглый год, чтобы всегда выглядеть такими свежо и невероятно красиво и, прежде всего, зачем весь этот чрезмерный цветочный поток, который в конечном счете не идет на пользу здешним жителям, в большинстве своем бывшим студентам.

Еще меня поразило существование больших и блестящих бабочек, для которых, как сообщила мне Сильвия, это место было их естественной средой обитания, и они были одними из самых больших и красивых видов в Европе. Были времена, когда, прогуливаясь по городу, вы были поражены роями сотен светло-голубых бабочек, которые выпрыгивали из гроздей белых роз!

Но меня больше захватили статуи. Как только я увидел один, я сразу же пошел изучать его. Я мог видеть пьедестал и читать надписи, но, к сожалению, имена мне абсолютно ничего не говорили. Эти люди, возможно, изменили ход истории, а я не имел ни малейшего представления, кто они такие. В такие моменты расстояние и мое отличие от Сильвии, Стефана и остальных ощущались больше, чем когда-либо. Я был и всегда буду человеком из другой эпохи.

Я отбросил эти плохие мысли и побрел в толпе, чувствуя, что снова вписываюсь, как будто я принадлежу их миру. По крайней мере, так говорил мой внешний вид — ничего не выдавая о том, что происходило внутри меня, — и это заставило меня раздуться от гордости! Однако я задавался вопросом, были ли радость и счастье, которые я чувствовал, в конечном счете несуществующими, были ли они не чем иным, как простым энтузиазмом.

Дальше я увидел маленьких мальчиков и девочек в цветочных клумбах, которые, одетые как маки и цикламены, неудержимо бегали вокруг и пели фальшиво, каждый в своем ритме. Невероятно здоровье и душевность этих взъерошенных детей, которым ни в чем не недоставало и которым была дана свобода так легко выражать свою чистую и неподдельную радость через песни, смех, игры и веселые голоса.

Внешне жизнь в городе по утрам была более или менее такой же, как и в старые времена. Тысячи людей вышли на улицы, каждый с разным предназначением. Вот только им, преждевременно "уволенным" из глотнеров и их службы, нечего было бояться в плане избыточности, скуки и прочего

признаки нашего времени. Большинство из них ходили на бейсбольные поля или в фитнес-центры, одни рисовали, другие учились, но, сколько бы я ни ждал, я так и не увидел ни одного рабочего в плоской кепке, ни одного служащего в жестком белом воротничке, ни одного бизнесмена в костюм с портфелем под мышкой.

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ, ИЕРАРХИЯ, МАНЕРЫ И

ПОБЕЖДЕННЫЙ ЗВЕРЬ БЮРОКРАТИИ

С социальной точки зрения современное восприятие Цветочного гнезда было восприятием государства низшего класса, то есть противоположностью Варену, Саду лилий, Новому Гётеборгу, Сунвалю на юге и, прежде всего, Норфору. Я подумал об Арии, которая, по ее словам, выбрала его из-за его духовной ауры и общей привлекательности.

Со временем я все глубже погружаюсь в их значения и оценочные убеждения. Классовая иерархия имеет здесь чисто интеллектуальное и культурное содержание. Например, в Цветочном гнезде очень мало духовных лидеров, которые живут там лишь временно. Люди там воспитываются, следуя духовным ориентирам и идеологическим течениям, которые идут из крупных центров Севера.

Там живут и старые выпускники школ Норфора, по-настоящему увлеченные люди и страстные любители искусства, которые сами, может, и не великие художники, но умеют отличать хорошее от прекрасного в художественном творении. Настоящие получатели, они способны даже расплакаться при виде произведения искусства.

Таких людей в наше время было очень мало. Здесь их бесконечно больше. К тому же таких людей, лишенных всякого эзотеризма, просто горстка, они просто накапливают знания, чтобы блеснуть ими в соответствующих обстоятельствах. Эти люди путают знания с образованием, но на самом деле они действительно необучаемы.

А между тем это большинство образованных людей с этой исключительной внутренней утонченностью, которые были бы более чем приветствуемы и высоко оценены в нашу эпоху, в эту эпоху составляют просто относительно низший класс, и я часто слышал, как их обвиняют в безделье. Самый посредственный врач или самая скромная медсестра считаются социально выше Стефана, Хильды и остальных соседей по виллам, при условии, что они тоже могут «познать» природу и «тронуться» высоким искусством, которое я понимаете, это касается почти всех, начиная с поколения Volkic и далее.

Поэтому в отношении масс устоявшееся сегодняшнее общественное восприятие ставит под сомнение правильность расходования десятилетий на учебу, концерты и зрелища, курсы и лекции, посещение выставок и путешествия, спорт и другие виды досуга, не оставляющие им времени на то, чтобы сделать что-то для своих собратьев.

люди.

И все это совершенно не связано с сервисом. Я помню первые дни моей новой жизни в институте Молзена, который сам был микрокосмом общества: целое маленькое сообщество со всеми характеристиками нынешней социальной структуры. Партнеры по офису несли там свою службу. Я до сих пор помню их вождя, темнокожего девятнадцатилетнего мальчика, который кланялся всем больным, то есть Сиве, которые там лежали, как будто собирались дать ему чаевые.

Медсестры считались социально выше своих Cives и, конечно же, офисных партнеров, партнеров, чья работа заключалась в том, чтобы помогать им вести записи и другие общие административные вопросы. Таким образом, медсестры не служили; все они были зрелыми, и все относились к ним как к жрицам.

Покинув институт Молзена, я стал лучше понимать все различные ступени нынешней социальной иерархии. Итак, вот как это работает: правят Лорфы из Долины Роз, всевозможные Илекторы, «лидеры» Института Айдерсена и всех его отделений и, что не менее важно, великие мэтры Норфора. Вот кого массы считают своими кумирами. Все эти люди, согласно нынешним меритократическим представлениям, сейчас, в 3906 г. н.э., занимают позиции, которые тысячу лет назад занимали ученые, избранные, в свою очередь, великими людьми нашей эпохи – от СС до D, от 200 г. до н.э. до 500 лет по их календарю, то есть около 2600-2900 годов нашей эры) — и которые, по нашим меркам, были чем-то вроде американских магнатов, судей Верховного суда, великих политиков, корыстолюбцев, генералов и аристократов. Кроме того, я убедился для себя, что несколько существующих административных должностей были заняты партнерами, которые выполняли свои обязанности. И подумать только, что обычные Кивы , такие как Стефан, считались неизмеримо выше их.

На самом деле, освобождение гражданских от любого обязательного взаимодействия с офисными партнерами — подобно нашим собственным государственным служащим — или, по крайней мере, сведение этих контактов к возможному минимуму было правом, которое было окончательно завоевано столетия назад их Всемирным Содружеством. . И это на самом деле считается одним из самых ценных и завидных их достижений, чем-то вроде обеспечения гражданских прав и свобод личности для нас. Конечно, такое право завоёвывалось не изо дня в день, а постепенно, на протяжении сотен веков. И это очень пе

думал, что чудовище бюрократии однажды рухнет на землю, побежденное логикой.

Административных разрешений, которые требуются в настоящее время, очень мало — в основном научного характера — и они охотно доставляются Cives партнерами. Эта готовность служить является одним из самых фундаментальных элементов их культуры.

Регулирование и контроль демографии и дорожного движения всегда осуществляется определенным образом и всегда сообщается напрямую жителям города, чтобы они знали об этом. Это все. Нарушений нет, а если и есть, то вмешательство партнеров в отдельных случаях неоправданно. Например, линсен Стефана постоянно нуждается в настройке, но от него не требуется ничего запоминать или вести записи. Партнеры - это те, в чью ответственность входит ведение записей о датах и деталях, а также спрашивать, когда они могут прийти, получить линсен и вернуть его в исправленном виде, не беспокоя его! На самом деле их даже научили уважительно относиться не только к Стефану, но и к любому другому Civis. И все это уважение проистекает только из того, что последние выполнили свой «общественный долг»; их обслуживание.

Теперь, если сосредоточить внимание только на Cives, можно понять еще кое-что, чего не было в наше время: нынешние классовые различия, от Lorffes до остального населения, т. е. массы, не стоят в стороне. путь, по которому все социальные классы обретают одинаковую внутреннюю культуру, один и тот же вид «высшего общества», одну и ту же радость жизни. И это то, чего мы никогда не достигали, даже во время Французской революции.

Эти люди сумели добиться — и я даже не знаю как, — чтобы масса была душевным приемщиком, обладала такой же учтивостью и такими же манерами, как высшие интеллектуалы Розерна Даля. И, как мне сообщили, все они считают себя потомками старого рабочего класса!

Кажется невероятным, как этому классу удалось развиться до такой степени с того решающего момента в истории — более двенадцати столетий назад, примерно в 2600 году нашей эры, когда технократы и естествоиспытатели взяли на себя управление миром, — когда политическое руководство было оставлено и заменено Марией Кюри. и Макс Планкс того времени. И я помню, как я был удивлен, когда Стефан сказал мне, что великие предки сегодняшних Илекторов были промышленными рабочими.

Для общественного обозревателя нашего времени прогулка по улицам и садам

Цветочного гнездышка, несомненно, имело бы большую ценность, увидеть своими глазами, как все без исключения умели одеваться, как разговаривать, как в первый раз входить в группу, как ходить и стоять в том или ином обстоятельство. Возможно, удивительно, что мир, столь продвинутый в своей внутренней культуре, не считает эту приверженность «хорошим манерам» чем-то поверхностным, чем-то слишком формальным и консервативным, слишком недостойным социальной условностью для «высших людей». Но они утверждают, что то, что отражает реальное эмоциональное и нравственное богатство, не может быть отнесено к поверхностным и поверхностным.

Видеть, как они придают этот тон радости и счастья всему, что они делают, поистине восхитительно. Вы видите, как они общаются друг с другом, и на ум приходит нынешнее представление, которое передавалось из поколения в поколение с самого раннего возраста: эта бесхитростная и самоотверженная любовь в сочетании с вежливостью и хорошими манерами: настоящий шедевр!

И мне интересно: это достояние каждого человека в отдельности или еще одно замечательное достижение их нынешнего воспитания и образования? На мой взгляд, это ни то, ни другое по отдельности, а то, что они вместе взятые.
Эта их неприхотливая изящество и учтивость, их типичная нервозность, их нравственность и скромность и их полное равнодушие к дешевому юмору, к берущему верх инстинкту и к следованию какой-то заранее спланированной стратегии в их повседневной общественной жизни не выходят наружу. ни с того ни с сего или которые зарабатываются только упорными упражнениями.

То же самое касается их спасения от старых родовых комплексов неполноценности, которые раньше проявлялись через эгоизм, высокомерие и тщеславие.
Столько поколений до этого провели всю свою жизнь в такой атмосфере любви и истинного благородства, что она постепенно стала их собственной и превратилась в естественный и непринужденный образ жизни.

Я представляю, как неловко чувствовали бы себя эти люди, если бы в присутствии некоторых из наших, умных профессионалов, чьей основной целью было заключение выгодных деловых сделок, которые даже близко не интересовались деликатностью манер или тонкостью стиля и выражения. Они были бы полностью ошарашены с самой первой секунды. Они пришли бы к выводу, что имеют дело с грубыми, примитивными людьми. И они будут правы. Наоборот, они могли бы пару минут пообщаться с «хорошим» человеком нашего времени. А я говорю пару минут, потому что через какое-то время нашим "хорошим" мужчинам надоест, думаю, ничего не выиграешь

от этого разговора и встать и уйти, так как даже у меня было искушение воспользоваться их наивностью и доверчивостью в начале.

Теперь вы видите, что мужчины и женщины не терпят даже малейшей «политики» и целесообразности в своих социальных взаимодействиях, даже когда дело касается рукопожатия. Любое расчетливое поведение — если, конечно, доходит до их внимания — вызывает неблагоприятные реакции. Эти люди занимаются искусством ради искусства, а не ради прибыли, иначе оно перестанет быть искусством. Они заводят дружбу ради самой дружбы и ради духовной пищи, которую она дает, а не ради утилитарных целей.

ИХ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА ДО
ПЕРВЫЙ НИБЕЛЬВИРХ

9-XII Снова

(Поздно ночью)

Что касается их внутреннего совершенствования, Стефан сказал мне некоторое время назад: «У наших учителей свои методы. Для каждого из этих детей наступает время, еще до того, как они вступают в подростковый возраст, когда они чувствуют такое влечение к нашей культуре, что, узнавая о ней в школе и постепенно приходя к более глубокому ее пониманию, заставляют голоса поколения 876 (3272 г. н.э.) оживают в их головах! В том году миллионы людей месяцами днём и ночью стояли в бесконечных очередях, чтобы увидеть только что достроенный тогда «Храм Любви и Мира» в Долине Роз. Они стояли в таком благоговении, что благодарили Бога за то, что они не родились в другую эпоху. С тем же трепетом и с той же внутренней потребностью стоит наша молодежь перед духовным зданием нашей цивилизации.

Как я узнал, за сто десять лет до первого Нибельвирха Алисия Невилл добавила к морю шедевров Долины Храм Любви и Мира, который считался величайшим мраморным творением всех времен. У них тоже был свой Ренессанс, примерно на рубеже седьмого века их собственной хронологии (около 3100 г. н.э.), отправная точка которого была отмечена строительством Долины Роз. Этот век вошел в их историю как несравненно более высокий, чем 5 век до н.э. Афин или 19 век Западной Европы.

Однажды ночью я искал в Рейген-Шваге это невероятное здание, расположенное на окраине Маркфора, которому, как я заметил, удается сочетать симметрию и гармонию древнего скульптора Иктина с величественным способом, которым народы Севера выражали душу в своих архитектурных шедеврах.

Иногда информации, которую мне нужно обработать, так много, что я теряюсь и путаюсь. Я перехожу от темы к теме и часто забываю упомянуть самые важные части. Я действительно стараюсь записывать как можно больше и как можно точнее, но мне это не всегда удается.

Теперь я вспомнил другое, немного не относящееся к делу: первым, кто предвидел эволюцию человечества, был обычный биолог из Долины по имени

Янсен, который в то время не был одним из лучших в своей области, но ему повезло больше, чем его учителям. После столетий жизни в этой огромной духовной столице и затянувшейся инициации нескольких поколений в многолетнее самосовершенствование, утончавшее психику людей и превращавшее их в более совершенных людей, — и все здесь убеждаются, что никаких вмешательств никогда не было. сделанные на младенцах биологическими институтами Долины, — он, Янсен, был первым, кто с большой уверенностью заявил из своей лаборатории на весь мир, что у него есть доказательства, подтверждающие крошечные, но чрезвычайно значительные анатомические изменения в самые тонкие и важные нейроны головного мозга, изменения, которые были напрямую связаны с качеством духовной жизни жителей Долины. Все соглашались с их существованием, но им так и не удалось доказать, действительно ли эти изменения были результатом качества духовной жизни или

Несмотря на различия во мнениях и способах их выражения, обусловленные разными периодами времени, другой мудрец, Якобсен, сделал туманное заявление о возможности нового, выдающегося расцвета культуры.
Спустя двадцать пять лет, если я правильно помню, эстет и философ Клоуз и Леля Нопоткина обратили внимание своего поколения на необходимость держать глаза открытыми, верить и быть готовыми к чему-то неожиданно великому: «веку тайных обещаний». ", за то, что "сегодня невидимо".

У специалистов каждой области были свои теории и мнения по этому вопросу.
В различных обсерваториях на факультетах Долины, каждая из которых имела размер и структуру небольшого городка, два Ферида, отец и сын (астрономы и мыслители), вместе со многими другими верными последователями почтенного старца, великого любящие вселенную, искали духовных влияний и посланий от далеких, добрых существ.

До 830 года Алоизий Нильсон, интеллектуал и отшельник из Фламбии, писал оттуда, посреди своего уединения, о «великих событиях, которые дремлют в глубине будущего» и о том, что «они, может быть, не так далеки как они кажутся». Он сказал, что «недалек тот день, когда диалоги Платона можно переписать; когда можно будет построить новые Парфеноны й и сочинить новые 9 симфоний».

Однако ни один из них не смог предсказать — ни тогда, ни позже в истории — приход Нибельвирхов сто пятьдесят лет спустя.

Эти обнадеживающие и многообещающие проповеди длились десятилетиями. В самом деле, в последние годы перед прибытием Нибельвирха несколько Илекторов — в основном Беарен, Татьяна Баклин и какой-то парень по имени Гуннар, фамилии которого я не помню, — говорили своему поколению о многих вещах, связанных с этим, как общих, так и точнее, то, что им впоследствии посчастливилось увидеть своими глазами.

Человечество ждало «того, что должно было произойти» десятилетиями. Условия жизни настолько улучшились, что достигли уровня, позволяющего делать предсказания. Но многие говорили, что людям было бы лучше, если бы они не были способны с такой уверенностью предсказывать духовную революцию, которая произойдет шестьдесят лет спустя, как раньше они могли предсказывать такое природное явление, как прибытие кометы. Так сильна была жажда их сердец, что они не могли ждать.

Те люди, у которых был более философский подход, могли легче пойти на компромисс и принять свою судьбу. Однако было много тех, кто не мог и винил свою удачу в том, что они не родились позже во времени, чтобы иметь возможность увидеть, что грядет. Они считали, что «тот, кто умирает в эти времена, умирает тысячу раз». Они считали большой потерей пропустить наступление такой ближайшей будущей реальности. В конце концов, они нашли утешение в мысли, что, по крайней мере, у их детей будет серьезный шанс присутствовать, когда это произойдет, и что они увидят великие дни будущего их глазами.

Действительно, через несколько десятков лет наконец наступил обещанный расцвет культуры. Сначала оно повлияло на европейские народы, которые на четырнадцать столетий погрузились в безвестность, зажатые между враждующими гигантами. И причиной того, что эта новая волна духовной цивилизации впервые обрушилась на Европу, стало установление Норфора как духовного центра мира уже с 450 года (около 2850 г. н.э.) и, конечно же, создание Долины Роз.

С точки зрения продолжительности этот бум искусства, литературы и интеллекта имел много общего со старым «греческим чудом», но с точки зрения пространства этот новый европейский дух не оставался локализованным в одном месте. Его первоначальная вспышка, возможно, была в Европе, но она быстро распространилась по всему миру.

На страницах истории перечислены десятки имен городов и областей и великих деятелей новой цивилизации: великих, мудрецов, духовных лидеров, художников, просветителей, философов, исследователей, героев человеческого ума и

апостолы гуманизма, работавшие и обучавшие поколение за поколением в течение тех незабываемых шестидесяти-семидесяти лет в Гран-Торнео и Гледе, в Воротах Лесли и Бломстерфора, в Оссене и Викингегнисте, в Лиаг-Ауде и Новой Упсале, в Роселюкине и, особенно в Долине роз.

Их нынешняя история говорит о том, что именно эта эпоха — их 9 век — была первой во всей истории человечества, сумевшей так точно отобразить идеи и мечты людей и воплотить их в жизнь. Они сказали мне, что это было как будто божественное заклинание было наложено на землю, пока на ней жили эти два благословенных поколения. Те годы казались населению мира того времени сном: бесчисленные бессмертные и вечные произведения искусства, расшифрованные тайны физической вселенной, уникальные письмена, новые неслыханные идеи, музыкальные созвучия, превосходящие таковые у древних, для них, немцев.

Но, несмотря на огромные отличия в стиле и характере от античной Греции, общее эстетическое сознание поднялось до уровня, близкого к уровню классических Афин. Только тогда население было 10 000, а сейчас миллионы...

ГИГАНЫ ИСКУССТВА: ЛАРСЕН И ВАЛЬМАНДЕЛЬ

Я помню названия нескольких работ. Надеюсь, я правильно написал их: « Мраморные косы Мелсама», «Вверху на весеннем холме», знаменитая картина Доры Вилен «Назад на старый путь» и еще одна широко известная работа «Среди роз » Свансена. Но истинных богов искусства было двое: Ларсен и Вальмандель: их эквиваленты Гомеру и Бетховену.

Ларсен, «Гомер лирической поэзии», сотворивший своей волшебной лирой «шедевр поэтического творчества всех веков» и покинувший этот мир в 857 году в Сканесе, перейдя в бессмертие, осыпанный бесконечной славой и глубокой любовью со стороны своего ближнего граждане. Два с половиной миллиона человек стояли вокруг его благоухающего шестиугольного костра — я сам видел фотографии траурной церемонии на Рейген-Шваге. Помню, когда тело было сожжено и прах собран, толпа спонтанно разразилась бесконечными аплодисментами, выкрикивая полные благодарности «Ларсен, Ларсен» в унисон.

А спустя три года, в один из первых дней лета, во время концерта в Саду лилий оратории Вальманделя « Молитва среди золотых шаров звезд» произошло нечто неожиданное и невиданное в истории симфонической музыки, чего не никто не мог подумать, что это произойдет: музыка таких ведущих деятелей, как Бах, Бетховен, Моцарт и Вагнер, была превзойдена!

К сожалению, я могу вспомнить лишь некоторые имена, события, идеи и произведения искусства, изменившие историю человеческой культуры. Я серьезно должен однажды сесть и изложить все, что помню, на бумаге. Я буду ломать голову, чтобы вспомнить, обещаю!

СРАВНЕНИЕ С XX ВЕКОМ

Стефан сказал мне еще кое-что, что меня порадовало: они признали, что это невероятное духовное и интеллектуальное творение не было исключительно продуктом последних нескольких десятилетий. Основы заложили наши предки четыре с половиной тысячи лет назад! Сначала в Средиземноморье, а затем и во всем мире, в каждом уголке мира каждое поколение, маленькое или большое, в зависимости от своих сил и возможностей, вносило свой вклад в это несравненное достижение, которое род человеческий теперь считает своим величайшим достижением. ценное украшение. От самопожертвования вождей-героев и беспримерной проповеди Христа до миллионов смиренных и безымянных сердец, в которых жил дух бескорыстия и альтруизма: все они содействовали этому чуду! Вот во что они верят.

Ныне подавляющее большинство тех людей, которые не обладают даром творчества в какой-либо определенной области, находят смысл своей жизни в том, чтобы как можно сильнее прочувствовать и пережить важнейшие культурные приобретения своего времени. Они хотят сделать это по-своему и чрезвычайно одержимы самосовершенствованием.

Естественно, они в значительной степени возвысили свои ценности и идеалы. Они буквально боготворят их: религия, планета, свобода, семья, человечество, образование и справедливость звучат в их сердцах, как трубы Откровения! И наряду со старыми у них есть и свои, новые этические системы: нынешнее восприятие красоты, духовные проповеди прошлых веков, новые волны идей, их институты, их новые меритократические убеждения и их удивительные достижения в области гуманизма. Все это делает их очень чувствительными, и я думаю, что именно так они заслужили веру, лояльность и доверие своих собратьев.

Я уверен, что каждый из них с радостью отдал бы свою жизнь, чтобы защитить глобальное братство и защитить целостность Всемирного Содружества. Я считаю, что волковская идея и новый и чудесный смысл, который они придали глубоко человеческому нравственному изречению: «Вся эта боль не может и не пропадет даром, но рано или поздно будет оправдана», являются основой их менталитета.

Они «живут» радостью природы, радостью путешествий, любви, музыки и танца, доброты, дружбы и трепетом созерцания эстетики. Они получают невообразимое для нашего времени удовольствие от работы над тем, что им действительно хочется,

на то, чего желает их душа, без чьего-либо давления на них! Таким образом, их внутренний мир обогащается. Говорят, когда следуешь своим наклонностям, в тебе автоматически создается отвращение ко злу. И чем больше вы взбираетесь на эту духовную гору, тем яснее вы видите жизнь.

Если принять то, что говорит Стефан, кажется, что этот высокий уровень внутреннего превосходства, которого эти люди достигли благодаря своей утонченной цивилизации, может даже оправдать детскую жизнерадостность, о которой я так много писал.

Говорят, что нет ничего проще и легче этого счастья. Жизнь полна этого. Творение щедро распространило его повсюду: в солнечном луче, возникающем после бури, в цвете и запахе цветов, в белизне облаков, в чистоте мысли, в пении птиц, в благородных намерениях, в добрых делах... Жизнь - бесценный, божественный дар! И каждый аспект нашего существования переполнен чистой радостью и благодатью.

«Кто виноват в том, что вы своими руками разорвали свои души?»
— спросил меня Стефан.

Мне кажется, я только сейчас понимаю, насколько неправильной была дорога, которую мы избрали, насколько она отличается от настоящей, простой и прямой дороги, ведущей к счастью. Условия нашей жизни в 20-м веке возвращались, чтобы преследовать меня в виде панихиды, эхом отдающейся в моей голове. Бытовые дела и хлопоты, убивавшие дух, рутина, очернявшая наше настроение, эгоистичная жажда наживы, борьба за главенство, вечный страх перед грядущей катастрофой, врагами, заботами, лишениями и вся эта экономическая, политическая и социальная анархия что возобладало. Как они нам вредили! В итоге они постоянно отравляли нашу душу, пока не заставили ее атрофироваться и постепенно стать инвалидами. И так мы перестали наслаждаться сокровищами сердца.

Стефан продолжил. «Шли годы, ты горько сожалел об этом, но было уже слишком поздно. Отражения Великой Реальности, Самита окончательно перестали существовать в вашей жизни. Они канули в небытие. Ваши нервы были измотаны повседневными заботами, и, подавляя лучшее, что было в вас в течение стольких лет, вы позволили своему внутреннему миру иссякнуть.

Я сказал ему, что есть и хорошая сторона в нашем темпераменте и характере, во всем соперничестве и войне за превосходство, потому что это единственный путь к наступлению нового дня, единственный путь сделать шаг вперед, к лучшему.

жизнь. «В тех битвах тоже было созидание, не только кровь и боль», — сказал я ему. Он меня даже не выслушал...

«Прогресс и улучшение в вашей узкой жизненной среде, да, может быть, и было, но в контексте Самита его не было», — был ответ.
«Творчество видит жизнь как чередование творчества, радости, вдохновения и любви. Жизнь — это путешествие среди обаятельных и радостных путешественников».

Они не чувствуют того, что чувствовали мы; что «живешь только один раз». Они не чувствуют, что повторение приводит к исчезновению впечатлений. «Новый день — новые радости» — их девиз. Они радуются всему, каждой мелочи, не ожидая от этого ничего получить. Достаточно простого общения с умными и приятными людьми, чтобы сделать их счастливыми.

Я помню одно утро, около двух месяцев назад, когда в горах организовали танец тысяч людей только потому, что это было летнее солнцестояние. И я не говорю о фермерах или маленьких детях. Орды серьезных мужчин и женщин вышли на рассвете из вилл и Орты, Вареза, Ароны, Стрезы и Луино, одетые в устаревшие традиционные костюмы, выкопанные бог знает где специально для этого дня: красные носки и разноцветные ленты на головах. для девочек, вышитые жилетки, свободные белые рубашки и туфли с цветными шнурками для мальчиков. Я видел, как они устанавливали столбы, украшенные гирляндами из живых цветов, а затем танцевали вокруг них в ритме своих древних песен предков, прославляя солнце и хорошую погоду, как будто это было чем-то редким на средиземноморском побережье.

Мне даже сказали, что были люди, которые перед смертью благодарили Бога за то, что он дал им возможность провести майские ночи, гуляя по Жасминовым дорогам под звездами, что я сделал сам в Норфоре, и я должен признать, что это было замечательно.

Я думаю, что наша молодежь выглядела бы очень старой душой и духом по сравнению со своими зрелыми взрослыми. Здесь, даже если ты пожилой, тебя все равно считают молодым. Люди здесь, наряду с серьезными аспектами своей жизни, добиваются еще и замечательного сохранения своей детской психики. Это их секрет. И не случайно один из основополагающих принципов их психологической жизни резюмирован фразой: «Назад к ранним радостям нашего детства!»

Если вы расскажете им об отдыхе, они будут смеяться над вами! Видишь, как они себя чувствуют, и невольно думаешь: неужели они еще не научились? Разве они не

осознали фальшь мира еще? Они все еще живут в маленьком розовом пузыре? Разве прошедшие годы не открыли им глаза? Постоянное рвение и азарт жить и путешествовать, надежды и детские мечты, как будто им еще пятнадцать лет. И все же, да; их энтузиазм постоянен и долговечен!
Возраст для них не имеет значения. Предвкушение конца не вызывает у них ни горечи, ни печали.

Я помню, как недавно строился новый Планетарий в Новом Гётеборге, целом штате в лесу. Они сказали, что войдя в то, что будет самым большим в мире в своем роде, вы сможете отправиться в бесконечность, так далеко от нашей Солнечной системы, что наше Солнце будет похоже на звезду. В специальном Reigen-Swage вы сможете увидеть настоящие пейзажи других миров, с двойными и тройными оранжевыми, синими и зеленоватыми солнцами. Я слышал гораздо больше таких разговоров об этом будущем, волшебном государстве, для которого название планетарий уже не подходило, но все еще использовалось как фигура речи. Его строили в основном для образовательных целей, как для детей, так и для взрослых, и он будет готов примерно через 20 лет. Колоссальный проект!

По поводу Планетария я пришел к выводу, что наряду с подростками двенадцати-пятнадцати лет, которые с нетерпением ждали дня, когда они увидят его завершенным, такую же радость разделяли и старики, у которых не было шансов что бы ни случилось до того дня; беззаботная, неподдельная радость, как будто они никогда не старели.

Ягер и Стефан приписывают этот новый менталитет и темперамент в основном волчьей проповеди, а не столько материальному процветанию своего времени, поскольку, как они сказали мне, во времена Эльдере все их экономические проблемы уже были решены, и все же счастье не наступило . все обеспечено. Молодежь той эпохи очень рано бросалась хвататься за то, что они считали возможностью для счастья, а потом понимали, что то, к чему они пришли, было не тем, что они искали. Ибо истинное счастье не может существовать без базовых, нравственных ценностей, которые служат основой внутреннего равновесия человека и придают жизни смысл и высшую цель. Ягер и Стефан сравнили Эльдере с долгой тысячелетней эпохой, ожидающей найти своего спасителя — собственного Конфуция, Христа или Сократа, — которая в конце концов нашла его в Институте Айдерсена.

УНИКАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

Мальорка, 13-XII Сильвия и

я отправились на Майорку на концерт Олафа Ледестрема, великого маэстро Новой Лории, который приехал из Норфора специально для этой цели. Он назначен на завтрашний вечер в Храме Идеи, в полночь, когда все государство будет спать.

Семь тысяч влюбленных пар приехали со всех окрестных средиземноморских побережий, чтобы послушать этого изысканного маэстро. Многие уже здесь, но впереди еще много. На самом деле Хильда и Стефан тоже присоединятся к нам.

Я слышал, что Ледестрем решил исполнить вторую часть — самую короткую — славной мессы Рутемира и всю Девятую симфонию Бетховена.

Тем временем мы с Сильвией бродили по всему штату с его характерными цветочными садами высоко на крышах и витиеватыми перилами на балконах, которые почему-то радовали меня. Цветов здесь, однако, гораздо меньше, чем те, что я видел в прибрежных городах вдоль Бискайского залива, на западном побережье Франции, от старого Биаррица на север до районов Бордо. Но что меня по-настоящему тронуло и лишило дара речи, так это не цветы и не толпа, а существование конных экипажей, заметно отличных от наших, но все-таки конных! Вы садитесь на один из них, и партнеры этого романтического транспортного консорциума отправляют вас в путешествие по красивым уголкам острова с пальмами, пляжами и апельсиновыми рощами, как будто ничего не изменилось со времен моей юности.

ВЗГЛЯД СИЛЬВИИ НА МИР

13-XII Снова

(Поздно ночью)

Сильвия сказала мне, как нам повезло, что на нашей планете, незначительном камне в короне вселенной, оказались виды, наделенные элементом духовности. Когда я сказал ей, что красоты не существует без жизни, она ответила, что я ошибаюсь, потому что сегодня известно, что только несколько планет обитаемы, но все они прекрасны...

Она сказала, что речь идет не только о существовании жизни на планете, но и о том, что ее процент, минимальный процент, в котором органическая жизнь существует во Вселенной, развивается на более продвинутых стадиях биологической эволюции и духовного роста. И в какой-то момент этого этапа эволюции возникает «жажда души» и проявляется через склонность достигать и достигать того, что для многих «невероятно, несуществующе и неосуществимо».
«Затем, — сказала она, — наступает самый важный поворотный момент в истории духовной культуры любого рода. В прежние времена мы думали о них как о творениях человеческого духа, но теперь мы знаем, что эти проявления происходят откуда-то еще и будут существовать где-то еще — возможно, в разных формах — независимо от проживания человека на планете. Подобные типы психической жизни появились бы и на других планетах, помимо нашей.

Она также сказала, что одной из особенностей этого поворотного момента является то, что он порождает «общую совесть и веру для целей индивидуальной жизни», которые избегают ограничений прозаической, рациональной реальности. Она говорила мне о чувствительности, самоотверженности, сентиментальности и добровольной жертве, о склонности души, которая может доходить до биологического саморазрушения, которое не является человеческим творением. Она завершила свою фразу, сказав: «Раньше Волковское измерение глубины ускользало от человека как получателя».

То, что она пыталась сказать мне, было более или менее тем, что Стефан и Джагер все время пытались объяснить мне. Когда я спросил, она призналась, что, конечно, не знает конечной, всеобщей цели жизни, но что, по ее мнению, непосредственная цель жизни для каждого биологического вида, обладающего духовностью, состоит в том, чтобы построить в течение своей жизни высшую Возможна личная культура. И это то, что придает ценность жизням нашего собственного человечества. «Воистину, — сказала она, — стоит родиться человеком. Сначала нам, конечно, пришлось пройти через все эти испытания, но я думаю, что, в конечном счете, их стоило пройти».

Мне кажется, ее единственной целью было произвести на меня впечатление, заставить меня уделять ей больше внимания и, может быть, даже доказать, насколько свежо в ее памяти все, чему она научилась в школе. Кроме того, я уже знал от Стефана, что именно этому учат в школе: нравственному совершенству, а не материальному благополучию, и не только в плане личности, но и в плане расы в целом. В конечном итоге достижение цели не имело ничего общего ни с получением власти над природой, раскрытием ее секретов или порабощением ее, ни с технологической эволюцией, богатством и гарантированным процветанием. Они утверждают, что это средства, а не цели.

Сильвия добавила, что они осознают, что человечество не будет жить вечно, что рано или поздно оно будет стерто с лица земли. И они верят, что только если наш вид выберет «путь к Самиту» , наша жизнь не будет напрасной.

«Чего бы мы ни достигли в этой жизни, оно того стоит только потому, что оно приближает нас на один шаг к Самиту; это попытка почувствовать его, прикоснуться к нему. Только так что-то может продолжаться после своего исчезновения или после смерти. Это единственная причина, по которой ничто никогда не пропадает даром. Без Самита ни совершенные институты, ни Вселенское Содружество, ни изобилие и блага, которыми мы наслаждаемся, не имели бы никакой ценности».

Наконец она сказала мне, что без того качества, которое определяет нашу любовь, мы были бы лишены «магических знаний», которыми мы все сегодня делимся. Именно его качество, а не интенсивность или сила физического влечения, помогло нам так сильно углубить наши отношения. И такая душевная связь есть нечто совсем иное, чем яростная страсть. Затем она добавила — если я правильно понял и передал ее слова — настоящую любовь можно сравнить с религиозным опытом или интуицией. Настолько невероятно созидательна его сила!

Она говорила со мной о многих вещах, таких как другие культуры, их сильные стороны и возможности, объясняя мне, что самые большие и самые высокие ценности внутренней культуры не отличаются от мира к миру; они одни и те же, независимо от того, превосходит ли одна культура интеллектуально и духовно. Та же божественная искра все еще существует.

ХРОНИКИ ИЗ БУДУЩЕГО _

Был час ночи, когда Сильвия открыла книгу стихов и начала читать их мне. Она шла от Ларсена к Гёте и от Шиллера к Сульснику, чьи стихи она помнила наизусть: Поэты, не плачьте о своих давно потерянных вдохновениях, У них была самая достойная судьба.

Они остались чистыми, подлинными и
верными, Так же, как были в вашем сердце.
Не будучи преданным выражением, Или
экстернализацией, Или уменьшенным,
облекая их в человеческие слова...
Поэты, не плачьте о своих давно потерянных
вдохновениях, Ибо ничто не потеряно в Самите...

И затем она продолжила читать наугад. Я помню одно старинное стихотворение о ветре, а затем несколько стихотворений Мансвена подряд, которые были написаны около трех с половиной столетий назад на беглом французском языке, довольно редко встречающемся в устной традиции в эпоху поэта. Оба были вдохновлены проповедью Volkic.

Я до сих пор помню два куплета из первого:

Разорвал завесу Времени и одолжил
Ухо изумленных веков Прошлого

Они говорят о Нибельвирхе и о «крике экстаза и благоговения» и словом «étonnés» хотят подчеркнуть, как много было сказано и «предсказано» каждой из всех различных религий, теорий и философий, но никто и представить себе не мог, что человеческие ожидания могут зайти так далеко, что тоска тысячелетий, надежды и желания каждого человеческого сердца в конце концов оправдаются!

Из второго я помню эти стихи:

Dedivers lueurs fuyantes de la même Realité
suprême Теперь о Праделли (3-й век их

хронологии): мне сказали, что он не был одним из лучших. Действительно, его эпоха была временем упадка в искусстве и

креативность. Его имя и творчество долгое время были забыты, но в начале их новой эры, Нохере (их 986 год или наш 3382 год н.э.), ему повезло, так как люди той эпохи были одержимы поисками среди старых интеллектуалов за то, что они «предсказывали, не зная об этом». И главной причиной этой одержимости был тот факт, что «Великое Откровение», свидетелями которого они были, напомнило им, что прошлые поколения много раз предсказывали и выражали — хотя и смутно и расплывчато — достаточно важные вещи и ключи, важность и значение которых их современники не могли понять. не уловил.

То же самое можно заметить и в этих его стихах, которые я слышал сегодня вечером, — единственных, которые сохранились: Passai la mia vita qui piangendo

Da nostalgia di Qualche Cosa Che on questo mondo non existse Они не обязаны своим существованием своей ценности, а к тому, что они написаны за 700 лет до Нибельвирха.

Сильвия процитировала их все одним махом, набожно и голосом, полным радости и энтузиазма, хотя парижанка не смогла бы вынести ее произношения.

Кто бы знал, однако, куда были направлены все старые надежды и печали этих чувствительных человеческих существ? Кто бы мог подумать, насколько робкими окажутся все эти ожидания по сравнению с тем, что «действительно существует»?

Кажется, я уже упоминал, что в наши дни они твердо убеждены, что единственной и единственной первопричиной всей исторической культуры мира является тоска по Самиту; эта священная жажда сердца и души, эта «метафизическая боль», как называли ее прошлые поколения. Говорят, что без его существования наша жизнь была бы такой же, как у животного или робота.

Из пуристических Volkies самые популярные не обязательно были самыми лучшими. Селиус эпохи первых Нибельвирх — или периода сразу после них — типичный пример: он стал популярен своим «стиховым кличем», в котором прекрасно уловил атмосферу удивления, царившую среди «святых ужас» и умело оживил крик экстаза, раздавшийся перед тем, как свершилось чудо. «Самит Эфир! Samith ves gret efir!» Это был крик, который был слышен из Долины, а точнее

из Института Айдерсена, за которым последовал поток безудержного Ройсвирха , пришедшего покорять человеческую жизнь. Сильвия знает все эти стихи наизусть. Наткнувшись на страницу, она читает ее почти не глядя на текст, а увлажнённые глаза мешают ей читать.

Вот оно! Это удивительное пламя, которое
заставило все сверкать!
Наконец-то вы можете увидеть это отсюда!
После многовекового
восхождения, через бесчисленные
невзгоды, мы, наконец, достигли
вершины, и мы можем видеть ее отсюда!

Именно это произошло тогда в Долине — то, что сейчас считается «величайшим событием в истории человечества». Затем последовала беспрецедентная проповедь: «Нечто существует, что-то настолько великое, что невозможно постичь нашим человеческим умом, что-то настолько великое, что одного ожидания этого будет достаточно, чтобы наполнить мир бесконечным счастьем!»

Сильвия продолжает читать. Я сижу рядом с ней и смотрю на нее. Книга подпрыгивает в ее дрожащих руках. Она пытается подавить свои эмоции. Последние слова, которые она успела произнести перед тем, как разрыдаться, я думаю, принадлежали нашему собственному Ламартину:

Прошло две тысячи лет, я ищу тебя сегодня.
Пройдут две тысячи лет, и дети человеческие Все еще будут
шевелиться в ночи, где мы находимся.

Казалось, все ее существование протестовало и кричало «нет!»

Ее голос, полный эмоций, угас, пока она читала последнее предложение. Она пробормотала имя Волки и Долины и сказала мне, что если бы не он, пессимистическое пророчество поэта могло бы сбыться.
Она вытерла глаза и встала.

— Пора идти, Андреас, — сказала она мне.

ГРЕТВИРЧААРСДАГ (Ночью)

Сильвия и я были в храме, когда после полуночи Олаф Ледестрем дирижировал одной из величайших частей славной мессы Рутемира. Стефан и Хильда, прибывшие два дня назад, сидели рядом с нами.

Первая часть этого великолепного произведения была сыграна в полной тишине, без малейшего звука со стороны 14 000 присутствовавших душ!

Я помню, как жадно и преданно слушал, чувствуя себя парящим где-то между землей и небом, думая про себя, как беспомощно бессилен человеческий слух, чтобы оценить такое чудо, и надеясь, что оно никогда не кончится!

В то же время, однако, я гордился тем, что родился человеком и что один из моих сверстников умудрился так говорить с Богом, на своем родном языке. Взирая глазами и разумом на звезды, я с преданностью слушал совершенно гармоничные голоса, которые в тот момент в моем сердце казались идентичными гармоническим законам, управляющим вселенной.

Это был первый раз, когда я услышал славную мессу , и я действительно почувствовал, что она коснулась самой чистой и доброй стороны меня. Я почувствовал, как глубокая вера наполняет мою душу после прослушивания их [illegible]

Музыка кончилась, но никто из этого людского моря еще долго не двигался со своих мест. В течение тех примерно десяти минут, что прошли, я задавался вопросом, чего же они ждут. Можно было подумать, что они окаменели, или что Ледестрем не заслужил сегодня ни одного аплодисмента... И эти краски в сумерках... Женщины, все семь тысяч, одетые в шелковые плащи разных светлых тонов. , и мужчины, одетые в черное, в традиционных костюмах Долины Роз. Они даже заставили нас носить короткие брюки с черными шелковыми гетрами до колен. Женщины, имевшие стандартную для таких обстоятельств строгую однообразную прическу, выглядели как цветы одного семейства, невероятно и одинаково красиво! Я понял, что внутри крытого зала было семь тысяч разных любовных историй!

В конце концов, я задался вопросом, можно ли до сих пор слушать мессу Рутемира.

там, вернее, если теперь вместо этого шла настоящая тайная месса при лунном свете, озарившем все небо.

(Спустя полчаса)

Когда после концерта мы с Сильвией остались наедине, она вытащила из вещей свое любимое кольцо с зеленым камнем — одно из очень немногих украшений, которые у нее были, — и, поцеловав его, надела его. мой палец «в память о нашей совместной сегодняшней молитве», как она сказала. Она стояла молча и выглядела все еще под впечатлением от услышанного. В этот момент я случайно заметил, что на левом запястье она носила свой единственный и неповторимый браслет с разноцветными камнями. Изумруды, рубины, сапфиры, бриллианты и аметисты, всего десять штук, были разбросаны редко и оправлены в золото.

Через некоторое время я спросил ее: «Как вы думаете, когда судьба решила наш союз?»

Но она, несмотря на глубокую сентиментальность, все же образованная, приземленная женщина с критическим и позитивным мышлением.

«Ты думаешь, что судьбе нечем заняться, кроме как спланировать наш союз?» она ответила улыбаясь.

Я не хотел продолжать разговор. Я никогда не говорил ни слова о своем прошлом, своем другом я. Не знает она и об Анне, разумеется. Она ничего не знает о своей жизни, о нашей жизни...

Я спросил Стефана, неужели тем, кто не молод и влюблен, не место в этой большой годовщине, Bigvirchsdag, как и нам. Кроме того, я не видел никого из великих Илекторов и Лорффов . Он сказал мне, что в эту полночь все человечество преклонило колени. Прошлой ночью все по всей земле молились. Но Храм Идеи был зарезервирован для этих семи тысяч пар и только для них. Остальной мир молился в других местах, а у Великих Лидеров была своя община в Долине.

Именно там , по его словам, пятьсот двадцать три года назад, в полночь, состоялся первый успешный Нибельвирх — Биглис и Сторли , как они его называют на своем языке. Волки был первым, кто увидел это и выжил, или, вернее, выжил, увидев это. И после этого пришло искупление человеческой жизни. Такое искупление не могло бы наступить, если бы человечество не обрело сознание и овладело своим существованием.

(Очень поздно ночью)

Встреча со Стефаном и Хильдой перед концертом — с теплотой

рукопожатие и девушки, целующие и обнимающие друг друга, дали мне возможность узнать обо всех новостях за последние двадцать дней, когда мы их не видели. Помимо всего прочего, меня поразил триумф Арии в Норфоре, где все ее курсы были распроданы! Нельзя было найти даже стоячих мест, не говоря уже о свободных местах, хотя дурные слухи гласили, что поклонникам ее красоты зарезервировано больше мест, чем любителям ума.

Обо всем этом Стефан слышал от гостей Севера. Он также сказал мне, что лучшие археологи и историки воздали ей должное и что великий мудрец — имя которого ускользает от меня — который сначала не соглашался с ней, признал свою ошибку и фактически признал , что она была права. И это сделало ее еще более популярной среди публики. Ария сказала двум своим друзьям в Норфоре: «С великой скорбью он прислал мне цепочку рубинов, которой владел четыре года, с великой скорбью, но в то же время очень взволнованный, чтобы избавиться от нее!»

Имеет ли ее работа такую значительную ценность? Я знал, что она была очень уникальной личностью, но из того небольшого знакомства, которое у меня было с ней, она не произвела на меня впечатления такой большой ценности. Конечно, она никогда не рассказывала о своей работе. Она ни разу не намекнула на колоссальное превосходство своей работы над Стефаном и его собственной плохой помолвкой. Я только что узнал от Хильды, что ее одноклассники в школе высмеивали ее «любовные связи с инками» и ее привычку везде записывать свои мысли: на полях учебников, на парте, она даже писала на один раз на колени, чтобы вдохновение не терялось!

Говорят, что после разрыва с Эриком ее никогда не сопровождает один и тот же человек более одного раза, поскольку многие были бы рады назвать кого-либо своим женихом. Похоже, эта добрая привычка людей не вмешиваться в чужую личную жизнь относится только к простым смертным. И я славлю Бога за то, что он сделал Андреаса Нортама одним из них.

Как бы то ни было, этот случай с Арией и мое ошибочное первое впечатление о ней заставили меня скептически относиться к тому, как много вещей я действительно могу воспринимать и понимать вокруг себя. Сегодня прошло сто тридцать дней и ночей с тех пор, как я начал свою новую жизнь, и я до сих пор задаюсь вопросом, в какой степени я усвоил какие-либо концепции, убеждения и привычки этого нового мира. И, конечно же, довольно примечательная часть моей жизни и внимания вращается вокруг Сильвии...

Я задаюсь вопросом, правильно ли я воспринимаю все, что вижу вокруг себя, и

следовательно, правильно ли я его улавливаю...

Сегодня в полдень у меня был разговор со Стефаном о концерте. Он очень хорошо отзывался о маэстро, оркестре и хоре, которые он привез с собой из Норфора. Солисты были на вершине Бломстерфора, Норфора и Нового Гётеборга. Сейчас я помню только имя голубоглазой сопрано Хильды Диран. Я сменил тему на нашего собственного Бетховена, так как вчера на концерте прозвучала вся девятка, сразу после второй части произведения Рутемира.

Я наконец получил возможность сказать ему то, что я думал про себя давным-давно, но никогда не имел смелости сказать ему: «Должно быть, в наше время было какое-то странное «варварство», если вы искусство и превратить их в молитвы... — произнесла я, ожидая его ответа. Прошлой ночью, несмотря на его осмотрительность, я заметил, что он наблюдает за мной во время исполнения 9-й симфонии. Когда барабаны сыграли свою роль, а мои глаза наполнились слезами, он крепко сжал мою руку. Я чувствовал себя тронутым и гордым все время, пока играла девятка, и это чувство немного отличалось от того, что я испытывал во время сочинения Рутемира из дома! Но на этот раз это было что-то «моё»,

Но Стефан, похоже, совсем не был потрясен моим заявлением. Из того, что я слышал, я так понимаю, что они считают Бетховена «одним из них», так же, как они считали Христа и Сократа «своими братьями, блуждающими во мраке предыстории». Он сказал, что мы очень мало понимаем из того, что они говорят и пытаются передать через свои работы, и что они не заслуживают того, чтобы родиться в те времена. Наконец, он риторически спросил, как нам удалось сохранить жизнь Бетховена и не отравить и не распять его, а затем добавил, что культура создается не определенными людьми и их работой, а влиянием и привлекательностью, которые они оказывают на окружающих. ...

Он также рассказал мне кое-что очень приятное о глухоте Бетховена: что сегодня его и его недостатки уподобляют Прометею, которого боги наказали за то, что он украл огонь. Как и Прометей, он тоже был наказан за то, что дал эту божественную музыку первобытному, незрелому и изумленному человечеству, заточением в беззвучном мире!

Для них Бетховен и Рутемир — предшественники и евангелисты, и не случайно их произведения исполнялись вместе.

Сегодня 9 й рассматривается как некий универсальный национальный гимн, который

проповедует любовь и верность человечеству и его божественной судьбе. Действительно, они считают неприличным слушать это сидя...

МАРКФОР (ЭКС-РИМ): МЕГАГОРОД

Посещение Дворца Рейгена Свэджа

16 — XII

(На наших виллах на рассвете)

Я пишу эти немногочисленные и поспешные слова при свете зари: новости прошлой ночи меня очень обрадовали! Сегодня вечером мы уезжаем в Маркфор, где вчетвером пробудем всю осень, а может и зиму!
Обычное, постоянное проживание в большом городе со всеми его чудесами! Прогулка по дорогам жасмина! Я очень взволнован!

(Восход)

Всю ночь я корчился в кресле от нетерпения. Я помню, как мы со Стефаном в первый раз посетили Маркфор поздно вечером около трех месяцев назад; он произвел на меня такое же чудесное впечатление, какое произвел на меня Париж, когда я впервые увидел его, со всей его лихорадочной радостью и огнями, и оживил в моем подсознании воспоминания и свежесть моей юности! В ту ночь Стефану не хотелось спать, поэтому он вошел в мою комнату и застал меня за чтением книги по истории. «Зачем тебе сидеть и читать в такой божественный час?» сказал он мне и потянул меня к окну, чтобы показать мне волшебный звездный свет...

И вот началось путешествие, если его вообще можно назвать путешествием. Это было скорее погружение в бесконечность, такое тихое и быстрое, что я даже не заметил! Это длилось всего четыре минуты, и казалось, что мы находимся в вакууме!

Под нашими ногами раскинулась Ломбардия, сегодняшняя Ломбардия, то есть этот массивный, густонаселенный город-страна, населенный миллионами скандинавов, вернее, их темноволосых правнуков, сохранивший, однако, то же древнее название. Он был похож на гигантский человеческий улей, уходящий в бесконечность! Представьте себе, что вся равнина, от Галларате и далее, теперь представляет собой огромное поселение, простирающееся непрерывно, насколько хватает глаз!

Я не знаю, что случилось со Стефаном, и он внезапно — во второй раз — дал машине прямой восходящий курс. Мой инстинкт и рефлексы подтолкнули меня схватить его, чтобы удержаться.

В ответ на мою реакцию он одарил меня взглядом «Мы почти у цели»...

Наступил момент, который, как я думал, будет последним, но, в конце концов, моя вера в их технологический прогресс смягчила страх в моем сердце.

Сверху можно было видеть бесчисленные прожекторы молочного цвета, идущие с юга. Один из них стал подбираться все ближе и ближе в том месте, где, казалось, кусочек вечернего дневного света погрузился в глубокую тьму ночи... Этот не обжигающий, прохладный свет, который им удалось создать, — это, на мой взгляд, одно из их величайших достижений. .

"Смотреть! Смотреть! Это Маркфор!» — крикнул Стефан, указывая в сторону города. И мгновенно под нами раскрылось «государство храмов»: этот изысканный мегаполис, центр современного искусства и литературы, о котором я так много слышал от Илектора Ягера .

Мы притормозили, вписавшись в обычный поток машин вместе с другими механическими птицами, которые толпились в этой части неба, молча проходя мимо друг друга. Через несколько минут мы приземлились внутри мощного белого света.

Видя, как я взволнован, Стефан сказал мне, что хотел бы, чтобы его собственный ментальный мир был такой же tabula rasa , как и мой, готовым приветствовать новые впечатления, не подвергаясь влиянию каких-либо предыдущих воспоминаний.

Вы не видели здесь домов — только дворцы, парки и храмы. Различные невероятно большие террасы и множество архитектурных произведений искусства, я бы сказал, сильное влияние римского ордера. Огромные сады и площади, и множество скульптур, в том числе увиденная мною огромная мраморная статуя, изображающая Христа с нимбом на голове, но сделанным не из мрамора, а из невидимого источника света!

Много раз в ту ночь я слышал, как Стефан произносил фразу «еще один день»... Он был настолько ограничен, что не мог понять, что для меня и моего нетерпения не было «еще одного дня»; Я хотел увидеть все сейчас! Среди других невероятных достопримечательностей я увидела очень лиственное дерево, нечто среднее между елью и кипарисом, огромное по размеру и сильно отличающееся от нашего.

Через некоторое время в Reigen-Swage Palace партнеры шли впереди нас, ведя нас по зданию. Эти любезные барышни и любезные молодые парни, все с одинаковыми, типичными для пажей прическами, одетые в бело-салатовые мундиры, украшенные серебряными поясами, появились из-за огромных колонн, чтобы поприветствовать нас, еще до того, как мы закончили подниматься по большому фасаду. мраморная лестница. Я помню, как спросил семнадцатилетнего блондина с серыми глазами, который в итоге стал нашим гидом, не придется ли бодрствовать так поздно.

ночью было утомительно для нее.

«Конечно, нет!» — ответила она, неуверенно улыбаясь, как будто была удивлена — то ли от моего вопроса, то ли от моего акцента — неизвестно. «Каждому из нас приходится не ложиться спать ночью только раз в месяц, но тем не менее мы меняемся каждые несколько часов».

Стефан вошел в Институт Рейгена-Сваджа, чтобы навести справки, а я какое-то время ждал в одиночестве и немного растерялся, наблюдая сцены из современной истории, запечатленные на больших досках на стенах. Надписей на дне не было, поэтому их тематика и содержание остались мне неизвестными. Внезапно вышел Стефан, и мое сердце взволнованно подпрыгнуло. Невероятно, как даже вид этого человека делает меня таким радостным, учитывая, что несколько месяцев назад я совершенно не подозревала о его существовании. Хотя что с ним не так? Он не выглядит таким довольным.

«Когда-нибудь, — говорит он, — мы сможем увидеть вещи, которые вас интересуют и имеют для вас большее значение. Сегодня мы пришли без предупреждения, и они показывают вещи, с которыми вы уже знакомы. Что бы вы хотели посмотреть?"

На данный момент для меня не имело большого значения, что я видел, лишь бы я что-то видел.
Я сказал ему все равно идти внутрь, потому что я не мог больше ждать; мое нетерпение убивало меня!

Они привели нас к одной из маленьких дверей в коридоре. Мы открыли его и вошли...

Боже мой! Ощущение входа в какое-то место с тайным ожиданием радости, ощущение того, что за тобой закрывается дверь, словно навеки отделенная от мира, и вдруг оказываешься лицом к лицу с пустотой, захватывает дух! Перед нами стояла не кромешная тьма: я не боялся темноты.

Что-то пугающе бесконечное раскинулось вокруг нас, что создавало у меня кристальное впечатление бесцветной бездны, окружавшей нас отовсюду...
Потрясенный и отплевывающийся, я схватил Стефана, который, однако, казался обнадеживающе спокойным.

«У тебя нет причин бояться», — сказал он мне. "Продолжай идти."

Я сделал робкий первый шаг. Действительно, в этом хаосе можно было стоять и ходить очень уверенно. Стефан терпеливо вел меня через маленькую комнату и заставлял растопыривать руки и касаться стен, пока мое ошибочное первое впечатление — эта ужасная оптическая иллюзия — не исправилось. Я понял, что мы просто в комнате, как и в любой другой, с потолком, сплошным полом и стенами из

бесцветный металл. Я также заметил, что двух шагов от стен достаточно, чтобы снова создать впечатление абсолютного хаоса.

Где-то посреди комнаты стояло несколько удобных сидений, в которые мы и уселись.

— А теперь послушай, — прошептал он мне. «Не бойся, потому что с этого момента мы не сможем больше разговаривать друг с другом. Вот... — он схватил меня за руку, — я буду рядом с тобой... Я буду держать тебя за руку...

И тогда я своими глазами увидел вещи, которые казались невероятными. Я внезапно оказался со Стефаном в сельской местности, и мягкий свет начал подниматься из-за далекого горизонта, двусмысленный свет, который становился все ярче. Сначала я не мог ясно видеть формы вещей, но постепенно все начало обретать форму и форму, как новое творение! И наконец все ожило: сельская местность и луга, пасущиеся стада и водяная мельница, аисты, парящие над окрестными горами.

В мгновение ока вокруг нас был создан целый мир. Не шевеля пальцем, мы стали зрителями не снаружи, а изнутри этого мира! Стефан и я обнаружили, что сидим на камне на холме, хотя на самом деле мы все еще сидели на своих местах.

Рядом с нами и перед нами деревня: улицы, фонтаны, типичные скрещенные дома со старыми треугольными крышами и площадь справа. На другой стороне площади меняли лошадей в почтовых каретах. С другой стороны собрались крестьяне в характерных нарядах французских деревень 8 века. Фермеры собрались вокруг кого-то, кто, стоя на столе, говорил, оживленно жестикулируя. й

Тогда это было не просто зрелище! Это была жизнь! Настоящая жизнь прошлого, вычеркнутая со страниц истории!

То, что я видел и пережил, было настолько правдоподобно, что заставило меня забыть, где я на самом деле. Это выглядело так реально, что не ослабляло ваш интерес все время и в невероятной степени! Если бы вы попытались заговорить, ваш голос не был бы услышан, как бы вы ни старались и как бы громко ни был ваш крик. Если бы вы попытались встать и пойти, то все это чудо моментально исчезло бы, и вы снова оказались бы в темноте. Если после этого вы вернетесь на свое место, то снова начнете видеть, но вы потеряете часть истории.

Там! Издалека, тяжело дыша, приближался человек. Он направлялся прямо к мэрии. Вскоре после этого на площади объявили важную новость. Этим человеком был почтальон Дру, и он видел карету за городом, проезжавшую сюда. Его очень удивило невероятное сходство пассажира кареты с человеком, изображенным на банкноте, которую ему довелось держать в руках. Теперь я понял!

«Мы были в Варене! Не так ли, Стефан? Мы в Варене во время Великой Французской революции! Это день, когда король бежал, и его поймали!
Там! Горожане бегут за оружием! О Боже, все так реально! Так, так реально...»

По дороге домой я только и делал, что с большим энтузиазмом говорил со Стефаном о своих впечатлениях. Мой разум работал непрестанно. Я знал, что для других все это было очень привычно, а для меня это было впервые. Я знал, что на Reigen-Swages можно виртуально вернуться в прошлое и увидеть, как события ушедших эпох разворачиваются перед их глазами, как гигантское драматическое зрелище, но я никогда не думал, что это может выглядеть так совершенно реально!

Я помню, что, даже когда мы уже давно покинули Институт Рейгена-Шваджа и направлялись в парк Стелла Марис, чтобы взять линсен и отправиться домой, я все еще был так взволнован, что был достаточно наивен, чтобы спросить Стефана, в какой степени все, что мы видели, было подлинным.

«Как они могут быть подлинными, если мы говорим об эпохе, столь далекой во времени?» — сказал он, глядя на меня заметно озадаченно.

Еще он сказал — если я правильно понял и правильно перевел его слова, — что то, что хотели доказать некоторые ученые, до сих пор остается несбывшейся мечтой, то есть что когда-нибудь в будущем мы, люди, сможем запечатлеть изображения, которые имели, а пока бегите к бесконечному космосу с невероятной скоростью.
Однако теперь их технологический прогресс пошел на спад, и нет больших планов на новые технологические достижения, как это было в прошлом.
С этой точки зрения их культура начала угасать. Он объяснил мне, что, конечно, все это лишь представления, хотя с определенной эпохи и далее они действительно были подлинными.

Мы приехали на виллу очень поздно, и Стефан, который не привык к таким поздним часам, казался усталым и измученным.

«Ты опять не спал сегодня ночью из-за меня...» — сказал я ему.

Он добродушно ответил, что чувствует себя хорошо и что вечерний ветерок оживил его.

Маркфор, 27-XII

Одиннадцать дней и ночей не написал ни слова. Трудно найти время и настроение для письма или даже для небольшой медитации и неотвлеченных размышлений.

В последнее время я почти никогда не ступала в дом, большую и удобную новую квартиру, подаренную нам четверым, когда мы приехали, расположенную в одном из шести городов, составляющих Маркфор. На самом деле, мужчины сказали, что он намного больше, чем тот, что был у Стефана и Хильды в прошлом году в старом городе.

Всю нашу первую ночь я провел здесь за городом, бродя по близлежащим кварталам и отыскивая в основном памятники и статуи с надписями. Стефан настойчиво уговаривал меня остаться на несколько часов дома и отдохнуть, но я была непреклонна.

Теперь каждый день я гуляю с утра до полудня по этому огромному государству, а вечером опять с Сильвией или один. Никогда еще в этой моей новой жизни они не позволяли мне выходить одной так часто и так надолго, но теперь Ягер сказал им, что больше нет нужды мешать мне это делать. В самом деле, он тоже остановился здесь, в своем маленьком дворце, и два дня тому назад я был у него.

Я не могу описать, сколько радости доставляет мне возможность свободно идти, куда я хочу, иметь свободу выбирать любой маршрут и пункт назначения и исследовать это похожее на сон состояние на своих условиях! Я останавливаюсь и смотрю так долго, как мне хочется, и никто не давит на меня и не волочит меня. И поверьте, одно дело прийти сюда в качестве гостя, и совсем другое — остаться здесь надолго. Последнее придало мне такую большую уверенность в себе, что я могу ходить по улицам Маркфора и видеть тысячи пар глаз вокруг себя, а не на себе , и говорить: «Я один из вас. Я принадлежу твоему миру. Я участник ваших кругов. Я еще одна капля воды в этой реке!»

У них здесь есть странного вида велосипеды, называемые вело, очень отличающиеся от наших, и почти все используют их, чтобы передвигаться, когда не ходят пешком.

Что я хочу сказать, так это то, что если вы похожи на Стефана и остальных членов нашей группы, искупленных от сумасшедших амбиций подняться по социальной лестнице или прославиться, свободных от какого-либо классового или индивидуального стремления выделиться, от любой одержимости оригинальными , творческая духовная работа - которая здесь является единственным способом выстоя

вне, что эквивалентно нашему понятию «успех в жизни», — тогда вы действительно чувствуете себя счастливыми и полноценными. В этой воронке мира стираются мечты и стремления, индивидуальность и труды и жертвы.

СТАТУИ ИЗ БУДУЩЕГО

28—XII

(Один)

Сегодня я потратил все утро дома. Сильвия хотела узнать мнение каждого и помочь, в том числе и мою, разобраться с тысячами вещей, прибывших вчера вместе с коврами и мебелью для новой квартиры. Эта раздача была на всю зиму и другой не будет.

Среди всяких полезных штучек было и немало любопытных штучек из синтетической слоновой кости, подобранных на днях Сильвией с Партнерской выставки в Монце, и еще какие-то статуэтки из чего-то вроде фарфора, из Новой Кристианы. .

Я часами смотрел на последний сегодня. Материал, из которого они сделаны, очень похож на наш фарфор, но цвета, стиль и то, что представляют эти маленькие скульптуры — я должен был спросить об этом, — были совершенно другими.

Такие предметы или подобные им были разосланы во все страны мира. В наши дни только Тилти обладают привилегией «уникальности» в произведениях искусства. Только они имеют права на художественные произведения с личностью, без посредничества машины. Только они могут сделать их «своими», пусть даже ненадолго и в ограниченном количестве экземпляров, при условии, конечно, что сделают заказ вовремя.

(Ночью)

Ничто не похоже на первый раз. Не было ни дорожной лихорадки, ни чувства обреченности, которое пропитывало воздух и мое тело всякий раз, когда я не чувствовала Стефана рядом со мной. В этом бескрайнем городе-саде с его безупречной планировкой и градостроительной планировкой и рациональным расположением автомагистралей легко сориентироваться – других типов дорог здесь не существует. Самым ярким и характерным элементом этого города являются огромные парки и зеленые насаждения, а также монументальные храмы, большие и гораздо более впечатляющие, чем любые другие, которые я встречал в своих путешествиях по современному миру.

Движение и теснота на автомагистралях и небосводе невыносимы только ранним утром и поздним ночным часом пик, но и тогда все движется спокойно и бесшумно, без лишнего беспокойства и шума.

Существует великая симметрия, управляющая выстроенными в линию стаями этих бескрылых, веретенообразных, летающих аппаратов, которые имеют цвет травы, непосредственно пораженной

солнечного света и толстую темно-оливково-зеленую ленту на дне. Вы можете увидеть бесчисленное количество этих транспортных средств, движущихся в одном направлении и по параллельным путям над куполами и арками Санта-Вирго в восточной части Маркфора.

Лица проходящих людей отличаются невероятной безмятежностью, полной противоположностью торопливых путешественников, выстаивающих очередь за данерами на пристани аэропорта в Норфоре, «Цветке Севера».

Они все такие мирные, что возникает вопрос, ходят ли они все куда-нибудь и молятся группами. Может быть, они посещают один из бесчисленных храмов: храм Вселенского Духа, Сократа, Храм Истории, Арс Поэтика, Божественной Мудрости, Милосердия или Храм Сердца Иисуса.
Эта последняя с двумя колокольнями впереди сильно напоминает мне башни нашего Гроссмюнстера в Цюрихе, хотя они намного выше.
Их храмы чрезвычайно велики и могут вместить до сорока тысяч человек каждый.
Я чувствую, что кто-то другой, более опытный, чем я, лучше почувствовал бы и оценил их историю, их стиль и глубоко понял их истинный смысл. Я думаю, что я не тот человек для этой работы...

Я постараюсь записать некоторые имена в надписях увиденных мною статуй, имена выдающихся деятелей новой эры: Инге Борксен, Спинелли, Родерсен, Аксель Дженефельт, Тинерсен (тот, что с притчей), Феликс Торки, Эрландер. , Руделин (его памятник окружала гора свежих лавров), известный культуролог Анерхольм, историк Эстерлинг, эстет Нимотти, Димагиа, Ларсен и Мэри-Леа Волки, статуя которой в экстазе лежала на золотом песке с мокрыми волосами морем, и ее лоб сияет под солнечными лучами. Она была ученицей Алексис Волки и после ее смерти почти стала святой. Из наших знакомых мужчин я видел статуи писателей Фридриха Шиллера и Виктора Гюго, поэтов Эдварда Янга и Джона Китса, святого Франциска Ассизского, философа Жан-Жака Руссо и государственного деятеля Лоренцо Медичи.
Словно статуи придали своим лицам новую духовную красоту. На всех них был намек на улыбку, как будто они точно знали, что предназначено для человечества...

(Спустя полчаса)

Иногда я задаюсь вопросом, не наложил ли кто-нибудь какое-нибудь заклинание на это место, которое делает всех такими счастливыми, просто вдыхая его воздух и глядя на его солнце! Одиннадцать дней здесь я не делал ничего, кроме как бродить

с места на место с картой в руках, жаждущий исследования.
Музеи, дворцы, художественные галереи — не могу нарадоваться! Мне всегда нужно больше времени, чтобы насладиться ими. Я мог бы провести всю свою жизнь в этом городе, учась до конца своей жизни. Чего бы я не отдала, чтобы вырасти здесь и испытать в детстве все прошедшие годы и все радости детства на собственном опыте…

А еще в этом прелесть названия места: большой парк Стелла Марис, Маленькая Анолия, Розенб орг (простой район Маркфора, никакого отношения к большому государству Центральной Европы), два Фиамма — восточный и запад — Фиаммароза и Фиаммадзура, семиполосные Дороги Жасминов (параллельные и пронумерованные автомагистрали), древняя Маджента… Я опьянею от одного только упоминания названий… И, как ни странно это звучит, я почувствовал укол ревности, когда услышал десятилетний мальчик, которого я встретил на улице два дня назад, так естественно разговаривал со своей матерью об их возвращении из Смирилуда, на западной окраине города. Я ревновал, потому что он здесь родился, с такой легкостью говорит о всяких вещах, с такой естественностью упоминает имя «Смирилуд», живет среди них, помнит имена с ранних лет. Что касается меня, то кто знает, сколько времени понадобится этим местам, чтобы принять меня как «своего»?

(Потом)

Все это нетерпение, жажда, энтузиазм и общая «лихорадка» Стефан считает нормальными. Это то же самое, что сказал мне Йегер около пяти месяцев назад: если я смогу свыкнуться с мыслью о своей невероятной, личной судьбе и смогу, наконец, дать моему сердцу вздохнуть, меня ждут невероятные образы и переживания, недоступные ни одному другому человеку. моей эпохи. И он был прав. Я никогда не забуду, как мой зрелый друг помог мне укротить нервы и тревоги и успокоиться, посмотреть своей судьбе прямо в глаза.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЖИТЕЛИ МАРКФОРА

28-XII Снова

(Ночью)

Этому духовному Эльдорадо нет конца! В какой-то момент, когда выбираешься из поселения и выходишь на просторы, возникает ощущение, что ты попал во внешние районы этого гигантского государства. И вдруг за густыми деревьями большого парка ты видишь, как из ниоткуда появляется еще один город, и внутри тебя снова вспыхивает манящий неизведанный мир.

«Маркфор создан для всех нас, кто родился на этой древней итальянской земле и разделяет ее гордость и радость», — сказал мне сегодня вечером Стефан. «Это доказательство того, что, сколько бы бед ни пережила Европа из-за преступной наивности собственных детей, человеческий разум никогда не меркнет под средиземноморским небом».

В какой-то момент я спросил его, как было бы, если бы сюда приехали люди моей эпохи и моего поколения. Изменит ли их это место? Он сказал мне, что это зависит от менталитета, с которым они приехали. Прибудут ли они с менталитетом старых времен?

Он рассматривает это дело по большей части как чисто внутреннее. Он видит в этом вопрос подготовки. Затем он сказал что-то — не знаю, сделал ли он это для того, чтобы мне стало легче, — что придало мне смелости: «Во многих аспектах твое сердце было вполне готово для нас. И все же подумайте, сколько времени потребовалось даже вам, чтобы очиститься от ядов вашего времени.

Его образ мыслей заставил меня улыбнуться.

— Это не комплимент, — серьезно сказал он. «Егерь первый сказал это о тебе в своем ближайшем окружении в Норфоре. И ты прекрасно знаешь, что Джагер не делает комплиментов.

Тогда я открыл ему свое сердце и рассказал обо всем, что я видел в лесах Филиатуры с ее свежевымытыми, светлыми соснами, о толпах, которые стекались к причалам Кооператива Транспорта, где пили ледяное и засахаренное. минеральная вода в тени, о счастье, которое наполняет мое сердце каждый раз, когда я вижу парочки на улице. Я сказал ему, что мне кажется, что я нашел правильный климат для роста своей души.

«Я чувствую, что все это тоже мое», — сказала я Стефану со смехом. Я смеялся над собой, потому что говорил с наивностью ребенка, избегая его взгляда.

Стефан схватил меня за руки, пытаясь заставить меня посмотреть на него, и сказал мне: «Конечно, они тоже твои! Они твои, если ты чувствуешь их своими! Вот как вы должны себя чувствовать. Вы стали одним из нас; Вот почему я сейчас держу тебя за руки. Именно в этом и заключается богатство сердца: быть достойным радоваться всему и жить всем. Пейзажи, небо, песни и все божественные послания Самита. Вот в чем истинное богатство жизни, а не в том, чтобы тратить всю жизнь на ненужные труды, чтобы сделать все своим! Горе тем, кто ждет, чтобы сначала купить что-то и получить это на свое имя, пока они не начнут наслаждаться этим и не почувствуют, что это принадлежит им».

— Вот как это работало в мое время.

— Я знаю... У вас даже были индивидуальные «земельные и имущественные реестры», — саркастически усмехнулся он. «Как вам удалось привнести в свою жизнь столько страданий? Вот какое у вас тогда было представление о счастье!»

Я помню, что именно в этот момент он поднял руку и указал на что-то за окном. «Как бы эти сады и эти клумбы сделали нас счастливее, чем сейчас, если бы они были нашей собственностью? Будет ли облегчение, которое они предлагают для глаз и души, другим? Поверьте мне... Богат тот, кто может ими наслаждаться; а не тот, кто ими владеет».

Что касается гордости, которую они испытывали к Маркфору, он сказал мне, что это связано как с красотой и богатством этого мегаполиса, так и с душой города; Маркфор вырос исключительно благодаря своей интеллектуальной жизни.

На самом деле, я помню, как он говорил мне, что население производственных центров в соседней Рагрилии на юге Франции было намного больше.
«Но это производственные центры», — сказал он.

«Все, что вам нужно сделать, это подумать о своем Оксфорде с населением вашего Нью-Йорка или вашего Лондона».

Я заметил, что Стефан избегал сравнения Маркфора с большими городами Севера, которые также были посвящены интеллекту. Но история Севера была старой и другой. Маркфор родился из интеллекта; он не был построен на руинах старого промышленного и торгового центра.

Однако между Маркфором и Оксфордом была существенная разница, которая делала сравнение Стефана неточным: в наше время те, кто ходил в
Оксфорд были почти исключительно студентами, тогда как сегодня все, кто приезжает в

Маркфоры — обычные, обычные люди. Они не изучают дух и интеллект; они этим живут!

Должно быть, уже больше месяца, как постоянное население вернулось с летнего отдыха вместе с тысячами путешественников из южных штатов, и все аудитории, залы, музеи и площадки открылись для проведения поэтических конкурсов, выставок скульптуры и живописи, фестивалей. конференции для любителей искусства и музыкальные мероприятия. Это их повседневность!

Они сказали мне, что на их встречах и симпозиумах у них нет ни кусочка и что на их фестивалях не звучит музыка, хоть немного напоминающая итальянскую музыку 19 века. Опера — не их конек... Однако в театральных постановках, и которых бесчисленное множество, они играют все, от Шекспира, Шиллера и великих драматургов Нового Гётеборга до Эвелин Корнсен и трилогии Бородина «Неземные тропы», вдохновленной удивительным произведением Вальманделя. Молитва среди золотых сфер звезд. Я слышал, как многие уважительно отзывались об этой оратории, которую описывают как целую «музыкальную вселенную».

Иностранные мыслители почти никогда больше не приезжают в Маркфор, чтобы преподавать. В этом гигантском государстве есть свои мэтры, половина из которых родились и выросли в городе и очень им гордятся. Вы можете встретить некоторых из них на улице, идущих сами по себе, не потревоженных, чтобы никто не беспокоил их чрезмерной экспансивностью. Старое доброе понятие осмотрительности правит этим городом, который умеет распознавать и уважать интимные моменты человека и не беспокоить их, заходя дальше, чем сердечное приветствие. И я говорю о неизвестных нам именах, но очень известных в наши дни, настоящих звездах! Звезды, которые не взошли на ночном небе нашего времени...

Здесь Аксель Энгельмайер, философ-математик, работал всю свою жизнь и преподает сейчас, в очень преклонном возрасте. Здесь Керши проводит свои зимние курсы по философскому подходу к культуре. Тысячи людей собираются каждую ночь в храме Лисборг в Альтоне на религиозную проповедь любимого Кнута Дитера с белоснежными волосами и душой ребенка, чтобы услышать, как он так изысканно повторяет заповедь «Возлюби ближнего своего, как самого себя». и послушайте его речь на Елеонской горе. И список очень длинный; Руделин, Бригита Луни, Лестрем и Кирстен Нюмарк. Последний известен в области истории искусства. Ее годовой график таков: четыре месяца путешествий и учебы, четыре месяца в изоляции, писательство и работа.

исследования и четыре месяца чтения лекций. Она говорит, что такого чередования времени и занятий ей достаточно, чтобы отдохнуть.

Мой старый учитель Ягер — единственный «переводчик» работ Алекса Дженефельта, который сейчас живет в Долине. Однако я был очень разочарован, когда однажды пошел слушать его лекцию. Я почти ничего не понял. Правда, сам Йегер сказал мне ходить только на лекции Лайна и Аструччи, потому что там я больше пойму.

Я понимаю фразы и выражения, потому что теперь очень привык к их испорченному англо-саксонскому, но я не могу понять их вообще.
Хорошо, тогда я пойду в класс Аструччи, чтобы узнать, что скажет этот педагог будущего.
Или еще лучше к Лейну. Вот что я сделаю. Я просто должен убедиться, что Сильвия не узнает и снова не начнет плакать из-за падения Андреаса Нортама...

Коралсен, очень близкий друг Ягера, давно отстал в своей работе, как сообщил мне Стефан, из-за большой любви. Когда Йегер спросил его, не лучше ли было бы упустить эту любовь, он ответил, что «если бы это было что-то обычное, то, может быть, да, но когда дело доходит до чего-то такого уникального и прекрасного, стоит бросить все ради этого». обрети то богатство души, которое оставит тебе воспоминание о нем». Коралсен был экспертом в анализе и интерпретации песен Ларсена и особенно его песен определенного типа.

Далия Китли известна не только своими роскошными шелковистыми волосами, но и своим методом классификации истории музыки.

Бесконечные толпы выстроились в очередь, чтобы принять участие в серии курсов Феликса Димсена и Дуилио Маркматта о 19 веке, и я тоже присутствовал! Я также пошел послушать критика Окена, с которым мы лично встретились несколько дней назад, когда он читал лекцию о великом драматурге их 9 -го века (3300 г. н.э.) Иниасе Валмине. Люциферо также построил целую серию курсов, основанных на известной картине « Ностальгическая зеленоглазая дама » Нишефельта.

И есть много других ведущих фигур во всех областях; изучение этики, философии и истории, культурной критики, философии природы и науки, названия которых я даже не пытался запомнить, потому что считаю это бессмысленным и бесполезным, так как я даже не понимаю предметов их областей изучения , охватывающей онтологию Волка, эпистемологию, новую

космологический подход и другие, неизвестные мне, духовные науки.

Другие берутся за анализ основных произведений искусства на протяжении веков; Шекспир, Данте, древние драматурги, такие как Вергилий, и лирики эпохи Возрождения, такие как Виктор Гюго и Алессандро Мандзони. Они также анализируют такие книги, как «Фауст», « Братья Карамазовы» Достоевского, романы Диккенса, в основном «Большие надежды» , и « Голод » Кнута Гамсуна , « Войну и мир » Толстого, «Волшебную гору » Томаса Манна и еще несколько произведений наших писателей.

Меня поразило, однако, насколько малы творения нашего времени по сравнению с великими произведениями их 9й век. По правде говоря, древний дух не смыт ни научным, ни духовным продвижением новой эры. Наоборот, я бы сказал, что их 9 век скорее возродил его, вдохнув в него новую жизнь.

й

Так же как и волковская проповедь не помешала выживанию древних и христианских ценностей, а дала им иную интерпретацию, иную глубину, иной смысл. Свобода, справедливость, честь, демократия, любовь, боль, родина, идеалы, борьба за вечность, жажда знаний... Примерно те же понятия, но в новых, более интегрированных формах.

Неслучайно я увидел статую «Братья Гракки» работы Фейнриха, мраморную скульптуру « Иисус, молящийся в Гефсимании » работы Левертина и « Этику » Гуторпа Нильсена в центре Маркфора, в нескольких километрах друг от друга. Последний был произведением несравненной красоты, выполненным из синтетической слоновой кости, произведением, которому удалось художественно уловить и изобразить боль как неразрывно связанную с душевным счастьем. То же самое можно сказать и о шедевре « Навстречу свету » скульптора Праделли, о котором говорят, что он является дальним потомком поэта III века. Мне довелось увидеть всех в один и тот же день и в одном и том же районе, в самом центре **города**.

Еще я хотел отметить то уважение, с которым все в Маркфоре относятся к старому Риму, который все еще существует, но занимает лишь одну пятую часть Маркфора и теперь представляет собой новый, другой город, восстановленный с нуля после Великого Разрушения их -87. (наша 2309), которая чуть не стерла с лица земли все храмы Европы, что называется. Больше подробностей об этом я пока не узнал.

Вот так я провожу свои дни. Нилиенборг, Альметта, Аурицио, Арл, Ро, Леньяно, Арона, Нотибург и Сесто-Каленте — следующие в моем списке направлений. И я посещу их всех! Я так счастлив. На самом деле, я не знаю

что я ' ведонетозаслужитьтакую...

ЯЗЫК И ИСКУССТВО

29 – XII

(Ночью)

Еще одна причина, по которой я так счастлив, заключается в том, что я вижу, что мои языковые навыки улучшаются день ото дня. На виллах я почти никогда не пользовался знаниями, полученными на занятиях по языку и произношению, которые мне вначале дали Ягер и Стефан. Однако для меня Markfor — это поле бесконечных возможностей для разговорной практики. Вы можете очень легко расширить круг своих собеседников, если сможете сойти за одного из них и спрятать глубоко внутри себя любой намек на «прошлую жизнь», любые мысли о предсуществовании и загробной жизни.

Говорите с ними о нейтральных вещах: погоде, новых достижениях и возможностях городского воздушного транспорта, вчерашней мессе в Санта-Вирго, прошлогодних макетах цветников, строительство которых так затянулось... Это лучшая языковая практика, и она определенно работает. .

Вследствие современного, коллективного типа жизни с этим всеобщим характером старые языки нашего времени исчезли из обихода.
Они не устарели в письменных текстах и исследованиях, но больше не составляют общеупотребительный язык.

Повсюду на земле господствует чувство принадлежности к одному-единственному этносу: «нашей стране», как ее называют. Тем не менее сохранились исторические воспоминания, как и чувство морального долга перед великими людьми прошлого.

Интеллектуальная культура стала единой во всем мире, но еще существуют отдельные формы литературы, музыки, истории науки и философии сознания.

Все разные языки, которые у нас были, прекратили свое существование в результате смешанных браков народов на протяжении многих лет, как мне сказали. Они вымерли, когда в ужасной гражданской войне оказались втянутыми в основном европейские народы, которые были почти полностью уничтожены (во время среднемасштабной ядерной войны, разразившейся в Европе в 2309 году нашей эры). войн в прошлом, до возникновения Всемирного Содружества, и человечество находилось в упадке. Но закон истории всегда один: прогресс всегда приходит, несмотря на отступления, времена мрака и упадка. Но они говорят, что «новые темные века» — как они называют

эпохи, начиная с нашего 1914 года и далее, — не прошли даром. Благодаря той эпохе человечество пошло по восходящему пути эволюции. Как предсказывал Серен Кьеркегор, мудрец нашего времени, эти темные годы были необходимы для последующего прогресса.

Согласно их теории, все происходит не просто так, и каждый играет свою особую роль в ходе истории. Ничто и никто не является бесполезным или ненужным. Даже самые, казалось бы, незначительные личности так или иначе полезны, потому что целое состоит из простых личностей, и это целое является осью прогресса и эволюции.

ДОПРОС НА ДОМУ

30 – XII

Я не выходил допоздна сегодня, потому что Стефан встретил меня очень рано утром с очень тревожными новостями. Сабба, скептически настроенный блондин лет сорока с диковинными теориями, компаньон Стирлена, приходил ко мне, и я должен был быть дома в определенное время, потому что он был очень занят и не мог долго ждать.

Как только он вошел, он начал задавать мне десятки вопросов о моей жизни в Маркфоре и моих впечатлениях, и помню ли я, что когда-либо был здесь раньше. Его сопровождал Алекс Веттель Смит, молодой спаситель Нортама во время аварии. Мне очень понравилось поведение последнего по отношению ко мне.
У него было безмятежное выражение лица, и он казался совершенно равнодушным к мыслям, тревожившим ум профессора. Легкая ирония в его глазах говорила о том, что он не согласен с его методами. В его взгляде было что-то вроде: «Если бы вы поверили ему с самого начала, все было бы проще...» Если бы Саббы не было, я бы пожал ему руку и поблагодарил.

Эти «мудрецы» Севера поистине несправедливы к себе. Если бы они смогли преодолеть свой эгоизм и пересмотреть свое предубеждение, что я всего лишь случай «раздвоения личности», они были бы более человечными и смогли бы осознать и признать свою ошибку...

Весь день я провел внутри. Я никуда не пошел. Вместо этого я сидел и медитировал. Мне было интересно, сколько еще новых рассветов мне предстоит увидеть, прежде чем я умру. Никто не знает.

НОВЫЙ ГОД (Только что

из Санта-Вирго, Маркфор)

Сегодня мы все будем бодрствовать до полуночи, чтобы встретить Новый год.

Я стою у своего окна, смотрю на это чудесно освещенное государство. Это единственное время года, когда все огни горят ночью. Я поднимаю глаза и смотрю вверх, моля Бога о том, чтобы я был достоин снова увидеть свой собственный мир, потому что в прошлой жизни я побывал в Риме, и именно там построен Маркфор. Я хорошо чувствую свои глаза со слезами. Ночь опустилась навсегда.

За три часа до полуночи мы со Стефаном и девочками отправились на короткую, но очень трогательную мессу в Санта-Вирго. Я заметил, что все на улице несли свечи, как будто это было Пасхальное Воскресение. «Новый год, новый лист в жизни» — таков был их девиз. Разве мы не так говорили?

Маркфор — город с самым сильным христианским духом, и все церкви оставались открытыми и функционировали до полуночи, чтобы порадовать все миллионы прибывших людей. В последний день каждого года каждый думает о своем году в ретроспективе, с точки зрения морали и других внутренних факторов. И когда я говорю всем, я имею в виду всех, без исключений и не по долгу службы. Это их Новый год. Белые свечи, набожность и тишина. Никаких разноцветных шаров, фейерверков и праздников.

И все же вы не можете поверить в невероятное количество счастья, которое предлагает этот день.

СМЕРТЬ И ДУХ

1-I-MDX

Я датирую это первым днем года, но это было вчера. Вчера я не мог писать, даже если бы хотел. Никто не делает. Весь день они концентрируются, медитируют и молятся. Вчера я вообще не видела ни Стефана, ни Сильвию, и правда в том, что я устала быть одна. Я даже не мог читать. Я все еще был взволнован атмосферой вчерашнего торжественного вечера.

Эти люди, кажется, видят вещи совершенно иначе, чем мы. О смерти, например, мы говорили: «Всему должен прийти конец. Попрощайтесь со всем. Жизнь – это нечто уникальное и неповторимое. Ничего из этого ты больше не увидишь. Ты оставляешь все позади».

Теперь у них другие убеждения: они чувствуют, что, уходя из этого мира, вы оставляете позади все добрые дела, которые вы сделали, и всю работу, которую вы завершили, и что единственное, что вы берете с собой, это ваше внутреннее совершенствование. и совершенствование себя, в зависимости, конечно, от пути, которым следовала каждая духовная жизнь.

С этой логикой и менталитетом, а также из-за этой веры они не против нести на своих плечах вес еще одного года.

Их метафизическая вера также полностью отличается от нашей. Мы верим, что вы рождаетесь только один раз, а они верят, что даже если бы человеческого тела не существовало, дух нашел бы способ проявить себя в каком-то другом мире.

В любом случае, Стефан сказал мне быть наверху вовремя, незадолго до полуночи. Так и было. Я смотрел в окно, как вдруг во всем городе погасли все огни и зазвонили колокола! Одновременно искусственный свет — на этот раз светло-голубой вместо белого — начал постепенно охватывать все районы города. Волшебная часть заключалась в том, что свет исходил от земли! Как будто город родился из ниоткуда!

Гептагон со статуями и аркадами, восемь параллельных авеню Ламбарене, купола Грацие Деи, бесконечные сады Серинайо, Чилисприн, Гретатрия, лужайки Алексиады, монастыри Новума, Дороги Жасмина, Центральная Галерея, Санта-Дева, храм Гретлис, висячий парк Тюплин, искусственный холм Ногера, искусственное озеро

Выборг с его знаменитыми японскими вишнями — куда ни глянь, везде были полукруглые арки в вертикальном положении, излучающие свет так, словно вытягивая его изнутри. Окутанный этим прозрачно-голубым мерцающим светом, город полчаса встречал начало Нового года. Я был очарован!

3-я

(Поздно ночью)

Сегодня было прекрасное солнце после десятидневной вьюги, которая заставила меня держать окна закрытыми. Это солнце напоминает мне о моем городе и моей матери. Мама, позволь мне нежно склонить голову к твоему плечу, как раньше... Помнишь? Позвольте мне рассказать вам мою историю о великом счастье, которое я обрел, счастье настолько большом, что я до сих пор не знаю, что я сделал в своей жизни, чтобы заслужить его...

4-я

Вернемся к первым радостям нашего детства! Назад в то время, когда даже малейшая мелочь была источником радости! Хорошее ясное утро, и мы отправляемся в небольшой приморский особняк Джагера!

ХОДИМ В ШКОЛУ Уроки

профессоров Лайна и Аструччи 4-1 Снова

(Полдень)

Мы со Стефаном недавно вернулись от профессора Лейна, где провели около двух часов этим утром. Впервые появился Джагер. Мне нравилось снова видеть этого приветливого седовласого учителя с ясными глазами примерно через три месяца и всех этих маленьких детей, которые, как ни странно, все называли его отцом. Он простой и понятный, мне нравится, как он говорит, и я могу приходить послушать, как он учит, когда мне больше нечего делать. Кроме того, Сильвия наконец-то смирилась с состоянием Андреаса Нортама. И Джагер говорил обо мне и с Лайном, и с Аструччи. Думаю, мы постепенно становимся большими друзьями, почтенный Илектор и я.

6-я

Я думаю, что когда люди нашего времени достигают зрелости, они попадают в ловушку рутины и постепенно порабощаются ею. Они становятся «знающими» и «приземленными» и начинают ходить с опущенными головами от давления и стресса повседневной жизни, теряя всякий интерес к цвету осеннего неба, как то, на которое я смотрю справа. в настоящее время.
Нет, мама, это не ложь! Поверьте моим словам: «Великое государство с деревьями с золотыми листьями» существовало не только в мечтах простого, наивного и доверчивого детского сердца...

9-я

Я иду слушать Лайна уже третье утро. У этого человека есть свой способ не только передать знания, но и обратиться прямо к вашему сердцу. А как красиво он все объясняет и упрощает! Нет ничего, чего бы я не понял за эти три дня.

Сегодня днем я пошел на большой бульвар, который проходит вдоль центрального парка. Я не искал его название, но он идет параллельно средней дороге Жасминовых дорог и, на мой взгляд, это самая красивая часть всего этого штата. Справа от меня был тот огромный парк с искусственным озером, о котором я упоминал ранее, а слева, по другую сторону бульвара, располагался 130-метровый ряд дворцов, которые выглядело так, будто населено титанами.

Легкий морось падал на меня и отскакивал от моих ботинок и я помню, что думал, что в прошлой жизни я бы уже впал в меланхолию при такой погоде. Но теперь я счастлив! Я знаю, что повторяю это все время, но этот мой психологический контраст удивляет меня, и я не могу не указывать на него снова и снова.

ИХ МЕСЯЦЫ И ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

Учения Лайна

9–II

Снова девятое, но девятое число следующего месяца. На этот раз я не написал ни слова целых тридцать дней. Я настолько поглощен уроками Лэйна по утрам, своими бесконечными прогулками по городу по вечерам и рейдами по ночам, что не успеваю писать.

Сейчас в каждом месяце ровно тридцать дней. Теперь они обозначают их римскими цифрами вместо старых имен, которые мы использовали для их различения. Начало каждого Нового года отмечается днем осеннего равноденствия. Так было с тех пор, как ведущие ученые взяли в свои руки политическую власть и получили право издавать законы и решать все политические вопросы повседневной жизни.

Каждый год состоит из пяти вставочных праздников: Нового года, Рождества, одного, посвященного человеческому альтруизму, и двух юбилейных. Первый – отмечать 5 марта 2396 года (по нашему календарю), Аарсдаг Реистата, годовщину объединения всего мира во Всемирное Содружество, управляемое законом и порядком. Второй — празднование 6 сентября 3382 года, Аарсдага Гретвирхов , дня получения доступа к прямому знанию от Алексея Волки, который привел человечество к следующему этапу эволюции.

У них есть шестой праздник каждые четыре года, имевший место в позапрошлом году, MDVIII (3904 год нашего летоисчисления). Древнее деление недели больше не используется, может быть потому, что двухгодичная служба, без каких-либо исключений и выходных, положила конец различию между рабочими днями и воскресеньями. Что касается горожан, Цивы, такие как Стефан и остальные люди, они подстраивают свой индивидуальный график в зависимости от настроения и работы, которой они себя посвятили, если они у них есть...

Теперь о Лайне и его уроках. В классе вы слышите вещи, которые не только для детей. Даже взрослые могли получить там свое образование.
Он преподает почти все, от философии и истории до социальных наук и своих, в основном духовных, наук: широта направлений хоть и не такая глубокая, но все же, чего-то подобного не было бы в наше время в годы нашего базового образования .
И вот эти зрелые шестнадцати- и

семнадцатилетние подростки имеют в совершенстве знания по крайней мере основ каждой области обучения, когда они заканчивают обучение, и поэтому могут после завершения двухлетней службы в глотнерах выбрать специализацию или просто пройти обучение в любой области, которую они считают необходимой . склонны к.

Нынче действительно ценят и чтят духовные науки, не те, которые предназначены для описания и толкования внешнего мира и жизни, а те, которые обращают особое внимание на внутреннюю глубину, те, которые проникают в более глубокий смысл существующих вещей. И утверждают, что эти науки связаны не столько со способностями человеческого интеллекта, сколько в основном с чувствами и эмоциями. И то, что они используют как «средство для захвата и интерпретации» этой части человеческого существования, есть не что иное, как переживания и наслаждения, потрясающие человеческую душу до глубины души.

Этот человек говорит очень странно, и становится еще интереснее, когда он сам рассказывает о великих мужчинах и женщинах из Института Айдерсена и Долины.

«Никто и не ожидал, — говорит он, — такого невероятного оправдания, такого катарсиса человеческой трагедии». «Умные» и «знающие» люди прежних эпох, «знатоки» Старейшин, позволяли постоянно бомбардировать людей моральными ценностями только для того, чтобы облегчить их собственную жизнь. Чем больше люди были связаны этическими принципами и чувствами, тем труднее им было скомпрометировать свою совесть и тем больше пользы от всего этого получали «специалисты». Они использовали честные колебания простых, хороших людей в своих интересах.

И могущественные лидеры планеты говорили то же самое; политические, общественные и церковные лидеры выступали за сохранение этого «кодекса поведения и этики», потому что это помогало их плану. Таким образом, эти идеалы годами перерабатывались и вновь и вновь проявляли себя в идентичных или сходных формах, подталкивая эволюционный ход жизни человечества к зрелости и в то же время обслуживая индивидуальные и коллективные интересы. Особенно обещание загробной жизни в качестве награды за добродетель было одним из их главных постулатов!

«Люди доисторического периода, — сказал Лейн, — и даже наши Элдере были очарованы неудержимым пришествием высоких идеалов в форме любви к свободе, социальной справедливости и гуманизма. Однако никто до Нибельвирхов не знал их истинной Причины. Они называли их идеалами, мечтами,

протесты забитых толп за унижение человеческого достоинства и жизни. Но потом они увидели, какая великая истина скрывается за ними...

13-II

Вплоть до поколения Мэри-Ли, сказал сегодня Лейн, один из учеников Волки, все трансцендентное или метафизическое рассматривалось и рассматривалось как форма веры, а не знания. Потребовалось время, чтобы они поняли, почему существует это простое различие между добром и злом, и поняли, что они не были просто придуманными людьми правилами целесообразности, полезными только для нормального функционирования общества.

СУТЬ АЙДЕРСКИХ ЗНАНИЙ: ЕДИНСТВО

МАТЕРИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО МИРА И

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИЙ

14-II

Сегодня Лейн снова сказал, что величайшие реальности — это те, о которых мы не знаем. Наши глаза не могут их видеть, и наш интеллект не может их постичь. Нет слов, привычных человеческому разуму, чтобы описать их божественную сущность. Осознание нашего существования могло быть дано нам как дар, но пока мы остаемся просто человеческими существами, его сущность и структура останутся для нас трансцендентными и непостижимыми. Потом он сказал что-то, чего я не совсем понял: что путь к знанию есть «относительная идея», мы приближаемся к ней, иногда больше, иногда меньше, но мы никогда не можем ею владеть.

Только после того, как Институт Айдерсена указал на это, люди осознали, что различие между физической вселенной и духовным миром полностью субъективно и создано человеком. Нет материального и духовного миров; есть только роды живых существ, органические, разумные, биологические виды, другие с более сильными антеннами и другие с более слабыми познавательными способностями. Великая Реальность едина и однородна, и это было доказано и продемонстрировано великими дальновидными умами Института Айдерсена. И так «познание» нашей расы стало просветленным, и его пределы чрезвычайно расширились, чего в эпоху Старейшин никто не мог подозревать или ожидать; даже предки Homo Occidentalis Novus, следующей стадии эволюции человека после Homo sapiens.

Лейн продолжил, что чудес и сверхъестественного не бывает; нет вещей, нарушающих законы природы. Все то, что мы называем сверхъестественным, есть не что иное, как законы, недоступные человеческому познанию, логике и образу мышления.

Их история и хронология состоит только из двух эпох: Старшей и Старшей. Ножере; Старая и новая эпоха. Первый — подлинный наследник нашего 19-го и 20-й го веков, й проникнутый духом технической культуры и достижений науки, ослепленный техническими достижениями человека, науки, разума и ума. Второй, Nojere, раскрывал истинную глубину и смыслы бытия и давал правильное истолкование

психические наклонности человека. Выяснилось, что мир и жизнь имеют божественный смысл и цель, совершенно иную и не связанную с узким и конечным человеческим предназначением. Естественные науки не были и не давали истинных знаний. Наука была практической и очень полезной для нашей жизни, но не содержала абсолютной истины. Только новый опыт Оверсина или Оверсинса, как его еще называют, в соединении с Нибельвирхом дает человеку чистое знание и избавление от боли и сомнения и прекращает его метафизическую тоску. Этот «новый опыт» — чудесное достижение Института Айдерсена.

Просто пишу обо всем этом, и у меня мурашки по коже. Каждый раз, когда я слышу их или думаю о них, они кажутся мне невероятными. Все знания, проистекавшие из науки и метафизических верований древних — для них — времен, были сконцентрированы, адаптированы и преобразованы для создания чего-то единого и единого: народной проповеди. Догматическая вера — или, скорее, догматическая часть всех религий — была заменена, но без изменения ее сути. Как раз наоборот, поскольку религии были освобождены от векового бремени упрощенных деталей, явно вдохновленных человеческим разумом. В результате нравственные и эмоциональные элементы и сокровища каждой религии вышли на поверхность и были окончательно выдвинуты на первый план. Так что и здесь религия больше не становится предметом критики или сомнения после каждого научного прогресса и прорыва. Его не «опровергают» время от времени, и он больше не вынужден постоянно и отчаянно защищаться.

Он продолжил, приведя в качестве примера тот факт, что кремация теперь получила более широкое распространение и что живущие уже не ожидали, что они «будут восхищены вместе с ними на облаках для встречи с Господом на воздухе». Он цитировал Библию слово в слово! Я не мог сдержать смех, когда слова сорвались с его губ... У этого человека свои манеры...

Он говорит, что поддержания самосознания эго теперь достаточно, чтобы спасти его от угрозы старой узкой и конечной биологической судьбы людей. Поэтому смерть и разложение тела для них больше не имеют значения.

«Разве человек древних, непросвещенных лет, — спрашивал он, — обращал внимание на результаты биологических исследований, показавших, что каждые семь лет от материального «я» человека не остается ничего, так как все клетки нашего тела обновляются?» Тут даже подростки засмеялись.

Он упомянул знакомые имена, например, Ницше, который, по словам Лайна, пытался

«уничтожить всякую духовную ценность и повлиять на действительность всех предыдущих духовных побед», и Дарвин, ошибкой которого была «его чрезмерная вера в познавательные способности человека».

«Теория Дарвина действительно совместима с божественным даром жизни, — сказал он, — но только если рассматривать ее как отдельную, индивидуальную точку зрения, а не абсолютную истину. Потому что в таком случае вы игнорируете миллионы различных видов разумных живых существ, населяющих миллионы других планет. Но, наверное, так оно и есть... Как Homo sapiens потратил тысячи лет, пока, наконец, не обрел сознание, то же самое произошло и на следующем этапе эволюции человечества: мир человека потрясли сотни проявлений этой невероятной жажды души. и дух, но он не знал, что все это пришло от самафа. У него не было ни сознания, ни знаний. Нам нужно было прибытие Нибельвирха , чтобы осознать себя и мир и с опозданием интерпретировать все эмоции, которые мы испытывали как биологический вид».

Он также сказал, что благодаря этому божественному элементу неустановленной структуры все виды во вселенной стремятся подняться все выше и выше, как в духовном, так и в интеллектуальном плане, сумев из звериного состояния органической материи в конечном итоге создать целую историю культуры. . Подходя к концу урока, он снова говорил о «самовоспитании духа», которое идет вместе с общей биологической эволюцией.

КАК ЖИТЬ ПО ПРОФЕССОРУ ЛЕЙНУ

Комментарии о предыстории и единстве времени

16-II

Я помню, как вчера Лейн сказал, что во все времена молодые мужчины и женщины жаждут идеалов, потому что так устроена юная душа. Обращаясь к молодежи, он проводил различие между «идеалами народа» и их личными идеалами. Для первых он сказал, что их целью является поддержание и улучшение исторического хода человечества и духовной цивилизации. Он добавил, что культура как идеал не имеет ни начала, ни конца и не ограничена нашей планетой.

Теперь, что касается их личных идеалов, я помню, как он сказал, что высшим личным идеалом, который может быть у человека, является идеал свободы, а именно стремление каждого стать свободной, нравственной и духовной личностью в максимально возможной степени. А также то, что истинное образование определяется не столько знаниями, сколько внутренним совершенствованием человека и ментальным побуждением действовать на основе высоких моральных норм и под их руководством

«Избавься от своих страстей, пороков, всего пошлого и низменного. Освободитесь от оков материальной человеческой природы. Будьте свободными, нравственными личностями и старайтесь наполнить свою жизнь всем прекрасным и значимым».

Эти его последние слова напомнили мне несколько наших религиозных проповедей. Но затем он рассказал о том, как после окончания юности люди уходят от размышлений о Самите и как это заканчивается моральной болью и страданием, вызывая своего рода депрессию, которая часто затрагивает постподростковые души.

— Но ты, — сказал он, — не дашь угаснуть своему юношескому энтузиазму. Вас не вернут внезапно на землю, как старшее поколение. Вы не станете «знающими», сколько бы лет ни прошло. Потому что для нас, жителей Ноджере, Айдерсен, к счастью, опередил нас...»

Действительно, он подчеркнул, что благодаря Айдерсену доказано, что настроение и состояние ума людей в период полового созревания всегда были намного мудрее, чем состояние ума людей более зрелого возраста! Молодые антенны оказались более мощными в захвате современного мира.

«Посмотрите на меня», — сказал он, привлекая их безраздельное внимание. «Вы, молодые люди, всегда лучше воспринимали красоту и важность

весна, полнолуние, любовь или настоящая свобода!»

Он также добавил, что люди Элдере считали «отпускание своих мечтаний» результатом и признаком жизненного опыта и мудрости, и если бы они увидели сегодняшних мудрецов, то считали бы их и относились к ним как к «детям-переросткам».

«Но наши мудрецы по-прежнему являются способными получателями и намного мудрее, чем мудрецы прошлых поколений, потому что они никогда не отказывались от своих мечтаний и никогда не отказывались от своих идеалов перед лицом убеждений сомнительного происхождения».

Затем он говорил обо всех различных формах «местных государств» — а именно о наших нациях — до Старейшины и вкратце оглядывался на весь период их собственной предыстории: наше настоящее и ближайшее будущее, то есть до конца 24 век. Если я правильно передаю его слова, он сказал, что с точки зрения государственного устройства, в сочетании с соответствующими социальными реалиями каждого времени, три были большими поворотными пунктами «предыстории»: период афинской демократии, конец 18 века (с североамериканским и французским типами государств) и середины 20 века (с появлением государств всеобщего благосостояния северных европейцев и государств социального мира, страхования и процветания скандинавов). Он добавил, что, хотя у афинян были свои политики, у них также были такие Платон и Сократ, чтобы дополнить их.

Он также говорил, однако, что наши предки думали, что ответом на любую социальную проблему является обеспечение и сохранение высокого уровня жизни в материальном смысле этого слова, то есть упразднение бедности, безработицы и незащищенности завтрашнего дня. . Но такой менталитет и тактика полностью игнорировали человеческий фактор и его внутреннюю структуру, потому что вы приносите больше вреда людям, если вы даете решения всем их экономическим проблемам и снимаете с них всякую заботу и ответственность за жизнь изо дня в день, если их души недостаточны. вера в вечные ценности и идеалы и если центральные моральные ценности и жизненная ориентация не существуют. Тогда внутренний баланс этих людей подвергается большему риску.

Он еще раз повторил, что различие между добром и злом, правильным и неправильным не создано человеком; вместо этого оно имеет вечный смысл, который гораздо глубже, чем мы думаем, и отражает более высокие реальности, о существовании которых мы теперь знаем, и откликается на них. Это различие все еще существовало бы и оставалось неизменным, даже если бы жизнь перестала возникать или никогда не возникала на нашей планете. Там

была бы жизнь на других планетах. Так называемая врожденная нравственность достойного человека, говорит он, имеет невероятную глубину происхождения: она не случайна и не наследственна.

«Это осознание теперь предложило нам осознание предназначения человеческой жизни, которое является чисто эйдерсианским и о котором люди доисторического периода или даже Старейшины совершенно не подозревали, поскольку они в одностороннем порядке обратили все свое внимание на экономическую и промышленную культуру того времени. . Знание было неполным и односторонним. Нет здесь и там, сейчас и тогда. Реальность едина и многомерна и содержит в себе все» .

Я помню, как он говорил, среди прочего, что продолжительность этой жизни или счастье в ней не так важны, как погоня за превосходными переживаниями, лучшими отражениями самата (искусства, жертвы, любви). Центральной идеей, если я правильно понял, было возникновение идеи Высокого, Божественного, Чудесного во всех их проявлениях. Он всячески пытался выразить свое преклонение перед великими идеалами.

«Они придавали ценность своей жизни, — сказал он, подчеркивая слова «они» и «ценить» , — вне зависимости от того, была ли жизнь тех, кто перешел от смерти в бессмертие, короткой и полной боли. Их борьба и их жертвы не были напрасными, даже если то, чего они добились, разочаровало их. И не столько борьбы и жертв как таковых, сколько того, что они представляли в той конкретной жизненной среде. Фактически, незначительные и смиренные, те, кто не был создан для величия, оказались более достойными по сравнению с теми, чья жизнь была вымощена розами, успешно сталкиваясь с жизненными трудностями, несмотря ни на что. И когда я говорю «успешно» , я имею в виду не прибыль, а мораль. Осязаемое счастье, даже если мы согласны с тем, что оно существует, не стоит столько, сколько столкновение с несчастьем. Таким образом, жизнь здесь заслужили не те, кто был счастлив и удачлив, а те, кто сохранял надлежащую нравственную позицию перед лицом испытаний и радостей» .

Он не мог не подчеркнуть, что счастье существует только в форме «потенциала» , который, как я выяснил, был специальным термином Эйдерса. Я также узнал, что Лейн потерял своего единственного ребенка, если это что-то говорит о нем...

Еще одна вещь, которую он сказал, которая поразила меня, заключалась в том, что внутренняя потребность в любви и добрых делах способна придать смысл и ценность жизни даже самого изолированного человека, самого обездоленного и одинокого. Таким образом, с раннего возраста — и он подчеркивал эту часть как рекомендацию своему

студентов» — нам нужно уметь отличать видимость от сути вещей. Затем он подчеркнул необходимость для современного, просвещенного человека бороться с инстинктом достижения легкого счастья и долгой жизни, потому что без соответствующей напряженности и высокого уровня духовности не может быть ни счастья, ни истинного долголетия.

Наконец, о жизни в этой среде он сказал, что она преходяща и преходяща и поэтому так коротка и некачественна. Моральная и духовная индивидуальность приходит сюда, чтобы пережить болезненное приключение, полное разочарований, драматический опыт жизни в чужих странах, где преобладает постоянное болезненное чувство отсутствия в своем истинном доме; чувство ностальгии, жажды и неудовлетворенности.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЕНИЕ: ХУДОЖНИКИ ИЛИ ПРОРОКИ?

19-II

Вчера мы вновь открыли тему культуры и художественного творчества, которые уже не рассматриваются как простое отражение человеческого духа во внешнем мире. Он утверждает, что все, что было сделано на протяжении всей истории человечества в области культуры и искусства, попадает не в категорию творчества, а в категорию откровения, причем частичного, — откровения удивительных вещей, которые, однако были «предсуществующими» , не связанными, т. е. с появлением человека на Земле.

И в глубине души, по его словам, все проповедовали одно и то же; Платон и Христос, Пракситель, Да Винчи, Микеланджело, Гёте, Вагнер, Эйнштейн и Генри Дюран, Агни и Менестрем, Вальмандель и Ларсен. За исключением того, что каждый выразил это на своем языке; некоторые с учениями, некоторые с таблицами, третьи со скульптурами, текстами песен или открытиями. Все они были пророками, сами того не зная, и они выразили, хотя и робко и неполно, некоторые из самых истинных, самых божественных смыслов и целей этой жизни и мира вообще.

Моменты, переживаемые образованным любителем искусства, чутким слушателем перед великим произведением изобразительного искусства, имеют много общего с соответствующими часами молитвы или мечтания религиозного человека или философа или с моментами вдохновения поэта. . Это та же самая «интуиция мерцания Самита» , открывающая себя во многих различных формах и формах способному и достойному получателю; это то самое «чувство освобождения» от уз обыденности, от жестокой судьбы жизни.

Он сказал, что после приобретения Нибельвирха мечты и идеалы оказались гораздо более реальными и осязаемыми, чем все, что заключала в себе простая материальная реальность природного мира. И великие поэты, ранее считавшиеся безумными, вдруг превратились в пророков! В конце концов, существа их воображения оказались реальными!

Он также говорил о религиях, говоря, что люди прошлого полностью опирались на основные религии, которые формировались веками. Но важнее отдельных религий религиозное чувство, врожденное человеку в силу каких-то переломных моментов в его биологическом и духовном развитии, эта «жажда души» , заставляющая нас считать жизнь невозможной без существования «высших сил» или «божественный элемент» .

Раньше люди восхищались исключительно научными теориями, законами или открытиями своей эпохи: Коперника, Кеплера, Ньютона, Эйнштейна, Астрома, Йергезена, Зиоберлефа, которые имели отношение к Вселенной и небесной механике. Однако теперь, сказал Лейн, мы знаем, что рано или поздно новые «истины» уступят место старым, опровергнут их и вытеснят.

По словам Лайна, то же самое касается и общественной жизни. Люди в прошлом придавали большое значение его правилам, кодексам поведения и его ограничениям. Сегодня мы знаем, что важнее всего врожденное сознание, существующее в каждом человеке, которое хочет, чтобы царили справедливость и нравственность, и огорчается при виде неправедности.

Все эти формы внутренней необходимости есть не что иное, как та самая «жажда души и духа» по самифу. Это зависит от психологического типа каждого мужчины. Одни находят спасение в искусстве, другие в религии. Это то, во что мы сейчас верим. Вот что нас сейчас ведет; память о Великой Реальности, Самите, которую каждый теперь видел своими глазами...

20-II

О художественном творчестве, я помню, он сказал, что в прошлом, к концу Эльдере, теоретики считали искусство процессом создания прекрасного и высшего мира над реальным, мира идеального или иллюзорного, что-то вроде сна. . Но это было не так. Главная цель художника — дать не знания, а высшие переживания, передать современникам тот опыт, который создает и передает художественную эмоцию. Задача художника не раскрывать, а тронуть сердце.

«Как гениальный композитор, великий философ или вдохновенный поэт, достойный ученый или благородный основатель религии, как вождь, пожертвовавший своей жизнью ради своего народа, выбравший биологическое саморазрушение для спасения остальных, так принимает ли великий художник черты маленького бога, который может дать нам робкие и мимолетные проблески того, что действительно существует: Самит» .

22-II

Сегодня утром он повторил, что «до прихода этих великих дальновидных духов Эйдерса» половина людей согласилась с тем, что жизнь уникальна и неповторима и что нам повезло, что мы хотя бы раз ее испытали. Другая половина утверждала, что приход в эту жизнь — это еще один опыт биологического существования, который посвящается духу. Такой опыт сделал свое дело.

появление на этой планете тоже. Жизнь будет короткой по времени — всего несколько десятков лет — но будет наделена полным потенциалом морального и духовного снабжения и «широкого познания» , так как человек будет наблюдать эволюцию жизни и культуры на этой планете лишь через несколько лет, процесс, который раньше занимал целое тысячелетие.

Но теперь они знают: чудесный жизненный опыт — это не внутреннее дело; у них есть свой внешний источник. Старые поколения были соблазнены поспешным и поверхностным психофизиологическим истолкованием — поверхностным толкованием, если уж на то пошло. Биологическое существование на Земле считается «путем, полным боли и славы с утонченным тайным смыслом» для духовной сущности развитых человеческих существ.

В конце концов, заключил он, люди начинают любить свое тело — что-то невероятное, если сказать им об этом с самого начала — смертную оболочку, потому что это фрагмент их эго, и они были тесно связаны с ним. С ним взрослеют, с ним болят, чувствуют любовь и боль, восторг и благородные страсти, с ним проходят тысячи неизбежных органических приключений, опасностей, боли и болезней и, наконец, расстаются с ним среди слез, потому что он были частью того, кто они есть...

24-II

Я не смог уследить за всей сегодняшней лекцией. Насколько я мог понять, он имел в виду, что, как и в притче Тинерсена о яблоке тропической страны, «великая тайна мира и жизни» , которая привлекла внимание любопытной души киилов, существ, живущих в яблоко, было третьим измерением, то есть чем-то, что существовало, но было непостижимо для их ментальных антенн. Точно так же расстояние, существующее между нашим миром и Самитом , для нас невероятно.

«ЗВЕРИ» ИСТОРИИ И ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В другом отвлечении в своей лекции, говоря о мании величия и деструктивных тенденциях многих «диких зверей истории» , как он их называл, он сказал: «Величайший виновник соответствующих преступлений против зверя Апокалипсиса, вроде Клариссы Лейтон, угнетательницы Тебриф, кровожадного диктатора эпохи удушающей и невыносимой тесноты и прочих «диких зверей» , была среда обитания тех темных времен. [Лейн использовал число 666. Возможно, он имел в виду Адольфа Гитлера, но избегал называть его имя при Динахе, чтобы защитить его от этого знания на случай, если он вернется в свое нормальное тело]. и общество предвидело, что оно будет структурировано по-другому» .

Когда дело доходит до параноика, лучше контролировать и приручать его, чем идти против него. Правильная оценка вещей не ускользнула от тех параноидальных лидеров, которые поддерживали доктрину «действия, а не мысли» , но еще больше полагались на интеллект и духовно-нравственный климат своего времени. Именно это мешало организации и нормальному функционированию институтов.

Людям тех времен не удалось сохранить правопорядок в контексте более широком, чем просто территория страны, чтобы он представлял собой «истинный правопорядок» , который не был бы похож на замок на песке. Человеческий фактор не был по-настоящему оценен, поскольку люди воспринимались просто как число, а не как нравственная и духовная ценность.

«Сегодня, — прибавлял он, — такие тщеславные маньяки сочли бы презренными, потому что, ведомые своей жаждой власти и скрывающие свои преступные наклонности под мантией материальной власти и под предлогом создания нового и лучшего мира, они топтали бесчисленное множество существ, каждое из которых было целым отдельным миром, словно они были осенними листьями. И теперь мы знаем ценность каждого существа; мы смотрим на них не как на живой материал или просто как на органическую материю, а как на моральные и интеллектуальные сущности. Но тогда у «яростных мировых правителей» и отдельных местных политических деятелей была своя манера выдавать все наши великие, нынешние истины и реалии за сказки, поучительные преувеличения и пустые нравоучения» .

Затем, если мне не изменяет память, он сказал, что в наши дни никто не имеет права «думать от имени своего ближнего, управлять им или действовать как слепая сила природы» .

решение о большей или меньшей продолжительности его земной жизни» . Но именно так наши предки, предшествующие эпохе Ноджере, относились к жизни в целом; они считали, что простой аспект Самита, нашей физической вселенной и содержащейся в ней материи и энергии вместе с законами природы был всем. Измерение глубины ускользнуло от них. Наши предки страдали той же иллюзией, что и киилы из притчи Тинерсена о тропическом яблоке...

27- II

Институт Reigen-Swage в Маркфоре может предложить вам незабываемые зимние ночи. Я прихожу сюда каждый день, с первых утренних часов, с начала нашего ноября, дней двадцать уже. Можно отвлечься и перенестись туда и думать, что они живут в других мирах, в других эпохах.

Здесь искусство развлечения пошло невероятными путями, невообразимыми для нашего времени, и изобрело новые впечатляющие формы искусства, совершенно отличные от нашего древнего театрального искусства и нашего театра теней. Это удивительное искусство тех времен предлагает вам яркое зрелище, которое еще и сопровождается звуком!

Простите мой слабый и неуклюжий почерк, который ни в малейшей степени не может описать или проиллюстрировать ни одно из тех чудес, которые я видел своими глазами. Простите меня, вы, кто когда-нибудь будет иметь мои бумаги в ваших руках. Я не был достоин даже увидеть их, не говоря уже о том, чтобы описать их... Хотел бы я, чтобы вы прочитали их прямо из моего сердца, до того, как их выдало выражение, до того, как мои человеческие слова разрушили их волшебную красоту...

У моря был свой аромат, пока вы плыли на борту французского трехпалубного корабля « Океан » последней четверти 18- го века, сидя высоко на его самой высокой мачте, слушая звуки, издаваемые большими морскими птицами, смешиваясь с приказами офицеров. То же чувство вызвала поляна тирольского склона; то же самое в стране северного сияния; то же самое перед аутентичным изображением ландшафта красной планеты, которое, как говорят, было прислано нашим народом сотни лет назад. Все выглядело так реально! Вы думаете, что вас перенесли в настоящие места!

Но моей самой большой страстью была история, как и у многих подростков, обучающихся в Институте Лейн. Мы сидим здесь, и перед нашими глазами разворачивается история ушедших эпох.

Еще более насущной, разумеется, является моя жажда знать европейскую и всемирную историю, начиная с XX века. И теперь у них есть

заархивировали все это с поразительной точностью и в мельчайших подробностях, и они знают все гораздо лучше, чем мы знали исторические факты соответствующей разницы во времени с нашей эпохой.

Катастрофы и последовавшие за ними потери ценного материала, которые произошли, особенно во время того ужасного бедствия -87 года по их календарю (приблизительно 2300 года по нашему) - были намного больше по размеру, масштабам и глубине, чем любые другие, свидетелями которых мы были в наше время . . Тем не менее многое уцелело. По-видимому, ужасный поток перенаселенности, неожиданный демографический взрыв с ужасающими последствиями конфликтов и зверств и новые виды оружия массового уничтожения не смыли все. И поэтому сегодняшние исследователи знают об й) эпохах до их 16 века (наши 40) гораздо больше, чем мы знали, скажем, о Римской империи и о прошлых формах политической и общественной жизни. Их представления, в частности, содержат меньше фантастических и художественных элементов, чем нашим и многим более подлинным, и это потому, что они основаны на более многочисленных и лучше отобранных документах.

ЗАКАТ 20-ГО И 21-го ВЕКА

Перенаселение показывает свое лицо

28-II

В 20-м[й] веке закончилась европейская гегемония во всем мире не только с точки зрения военной, политической и экономической мощи и влияния, но также с точки зрения навязывания власти и этики. Если верить Лаину, так пролетело целое столетие, завершив это скорбное падение европейской цивилизации, принявшей форму технокультуры, главными чертами которой были обильные стандартизированные промышленные продукты, предназначенные главным образом для потребления. , безусловное и неограниченное преклонение перед техническими приложениями естественных наук — и вообще всеми экономическими ценностями — тяга к материальным удобствам жизни, равнодушие к внутреннему совершенствованию и, следовательно, огромный вакуум в душе и эмоциональном интеллекте людей.

В искусстве были модны примитивизм и абстракция, а то, что раньше считалось непоследовательным и бессвязным, теперь считалось новым стилем. В архитектуре эпоха кубических форм пришла на смену шедеврам более ранних эпох. «Безошибочным признаком упадка, — сказал Лейн, — был не столько тот факт, что такие «произведения искусства» были созданы, сколько тот факт, что в ту же секунду, когда они вышли, публика немедленно приветствовала их без каких-либо вопросов или жалоб. Главным образом это было великое унижение.

В течение 20[й] века, моральные ценности 19[й] века постепенно уступили место материалистическому отношению к жизни, ее физическому «обновлению» за счет популяризации удобств и «практических» занятий. Уровень жизни повысился, а потребление продуктов питания и промышленных товаров возросло до немыслимой для прежних времен степени. После этого «погоня за долларом» стала одним из основных мотивов творческой деятельности и повседневной жизни. Чувствительность устарела и устарела. Сознание человека больше не бросало вызов обстоятельствам, и его способности к бунту — очень распространенные в прошлом — значительно уменьшились.

«Западный дух» расширился территориально, но потерял большую часть своей духовности. Он распространился повсюду, по всему миру, постепенно подавляя уникальные атрибуты каждой нации, такие как раса или язык, даже

в странах Дальнего Востока. Англосаксам вообще удалось навязать себя на международном уровне своими валютами и своим языком, а Североамериканская конфедерация, в частности, взяла на себя ответственность за политическое влияние во всем мире, до такой степени, что никто не мог себе представить на тот момент начало века. Но они не были к этому готовы; им не хватало традиций и опыта.

Наряду с экономической, политической и технологической культурой, пришедшей из-за океана, Европу захлестнула и неокрепшая американская культура, сумевшая без малейшего сопротивления возобладать практически во всех сферах интеллектуальной жизни: в эстетике, танце, музыке, изобразительном искусстве. искусство, архитектура, принципы молодёжи, отношение к жизни. Везде! В образовании преподавание «классики» повсеместно было значительно сокращено, чтобы сэкономить время на техническую подготовку и «более практическое» обучение.

Акты насилия, терроризма и подрывной деятельности, а также проявления нигилистических настроений и менталитетов происходили время от времени повсеместно. Давние устоявшиеся принципы, такие как солидарность, помощь и сострадание слабым и бедным, уважение человеческого достоинства, начали рушиться один за другим, даже внутри семей, перед новой мощной эгоистичной проповедью: «Каждый сам за себя» .

Если ко всему этому прибавить «автоматизацию труда» в новых, крупных производствах, лишившую людей времени на размышления и нравственный самоконтроль в течение жизни, что жизненно необходимо людям этой эпохи, то можно понять бедность внутренней жизни и самости, которая была одной из главных черт XX века, наряду с напряженным темпом жизни и многочисленными проявлениями «агрессивной борьбы за выживание» , как это называют сегодня.

Господство типа реализма, согласно которому технический прогресс есть не средство достижения цели, а сама цель, было главным виновником кризиса интеллекта и духа. Вот почему новое Средневековье появилось в Европе и во всем мире, и никто не понял, как и почему это произошло. Говорили, как будто вышел свет «телевизоров» , из этой метели белого света и образов...

На смену демократическим идеалам пришла «конкуренция самодержавий» . Главной заботой всего 20 века было то, должны ли тоталитарные институты быть правой или левой идеологией. И по этой причине возникло много конфликтов.

Произошло и несколько столкновений спустя десятилетия, когда неконтролируемое перенаселение завело и народы, и их недостойные правящие классы в полный тупик. А когда стало окончательно ясно, что необходимые превентивные меры по мониторингу демографического показателя слишком затянулись, старые добрые этико-политические требования «индивидуальных свобод» и «гражданских и человеческих прав» рухнули еще больше до такой степени, что никто даже не думал о них больше.

Средние века подкрадывались незаметно. Переодевшись, они пробивались в общество через веселые и веселые танцы, освещенные бульвары...
Это был материалистический век, эпоха нулевой чувствительности, нулевой заботы о человеческих ценностях и нулевых благородных чувств. Это была эпоха одностороннего технического прогресса без необходимой нравственной зрелости человека.

Все интересовались только собой. Любовь, прямота, милосердие и прощение были отброшены в сторону. В жесткой и дико конкурентной среде ценность или безразличие к средствам, используемым кем-то для достижения богатства, оценивалась исключительно по результатам и эффективности! Колебания совести считались «отсутствием здравого смысла» ! Преобладала жажда власти и господства и подавление любой реакции или эмоции, которые возникали, любыми возможными средствами.

Молодые люди, у которых тогда отсутствовали даже элементарные нравственные ценности, говорили, что «они ни во что не верят» и, конечно, виноваты взрослые, оставившие их одних, без проводника, на произвол судьбы. «найти свой собственный путь» .

В то же время пришло то, что впоследствии было названо «никчемностью идолов» , имея в виду наблюдение, что во всех частях света молодежь начала восхищаться «кумирами» — актерами и мимами, боксерами, футболистами, неряшливыми, длинноволосыми музыканты, куртизанки и бессердечные магнаты — вместо настоящих героев!

В результате неверия хоть в какие -то идеалы люди теряли внутреннее равновесие. Падение идеалов оставило страшную пустоту. Люди вдруг стали неспособны приблизиться к высшему взгляду на жизнь и мир, к более глубокому истолкованию. Мир религии рухнул. Ряд физиков утверждали, что на смену «наивной вере» в добро пришло научное знание!

Но слишком сильная вера во всемогущество науки не решила ни одной из проблем, с которыми столкнулось человечество, или, по крайней мере, те представители человечества, которые заслуживали называться людьми, сказал Лейн. Короче, сказали, что проблем на самом деле не существует и что вопросы задаются напрасно, так как нет ответов. «Вещи такие, какие они есть» — таков был их девиз. По их мнению, жизнь была иррациональным потоком последовательных событий, совершенно случайным биологическим эволюционным процессом без цели, направления или причины.

И наступали времена, когда это исчезновение всякой веры и метафизических убежищ, в сочетании с изнурительным ритмом жизни человека-робота, приводило к появлению тягостных психических побочных эффектов в широком масштабе: тяжелых нервно-психических расстройств и массовых самоубийств, а затем и этап нигилистического самозабвения превалировал на долгие годы.

8-В

«Сегодня мы рассказываем о доисторических событиях не только в информационных целях, но и как средство иллюстрации и своего рода запугивания» ,
— сказал Лейн. Таким образом, в обучении и на Reigen-Swage развертывание исторических фактов и событий также имеет образовательную миссию. Все изложено объективно, как это было на самом деле, и студентов призывают сделать собственные выводы.

Но человек, живший в 20- м веке, как я, нашел бы в историческом обзоре проблемных областей нашего времени замечательные преувеличения. В любом случае, то, что я увидел сегодня, — это «чувство освобождения» из-за уверенности в том, что «худшее наконец-то прошло» и что те темные времена никогда не вернутся. Эта эпоха характеризуется «возвышенной душой» , высоким моральным духом, глубокой верой, которая держит их морально вооруженными и готовыми сражаться и жертвовать, чтобы защитить свой нынешний институт, если когда-либо снова возникнет такой риск.

«ПРИЗРАК ЧИСЛА» И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РОЖДЕНИЕ КОНТРОЛЬ

9-B

Огромные столкновения произошли, особенно после 21- го века христианской хронологии, уже не в отношении мировой торговли и глобального промышленного снабжения, портов и господства на морях и «районов потребления» или когда-то искомой «энергии» . источники» , которые вплоть до XX века были главной целью внешней и экономической политики великих держав того времени, но по совершенно другим причинам. Причиной этих столкновений были критерии, которые должны были быть установлены и применяться между различными племенами и народами, касающиеся контроля над рождаемостью и населением, а также «коэффициенты воспроизводства» , которые должны были быть отнесены к каждой расе, а также формулировки соответствующих законодательных текстов, которые должны были быть одобрены международными парламентскими ассамблеями, а затем реализованы глобальными институтами власти.

Расовая дискриминация, конечно, не терпела людей, по крайней мере, в этих вопросах, и поэтому им не нужно было постоянно подчеркивать принципы гуманности и ценность «равенства» в духовной сущности человека. Однако за то, что когда-то существовало и было применимо в годы «комфорта пространства и числа» , теперь приходилось отчаянно бороться, так как они прекрасно осознавали тот факт, что времена изменились и что теперь речь идет о выживании или исчезновении. . Теперь сложилась ужасно опасная ситуация: случился обширный голод, главным образом в беднейших странах Азии и Африки, и миллионы детей голодали и умирали, терзаемые нищетой. Но даже промышленно развитые страны Европы видели, как на них надвигается тень недоедания. И из-за этого во всем мире часто происходили социальные и политические потрясения.

Прибалтийские народы вместе со славянами, скандинавами, немцами, латиноамериканцами, греками, валлонцами, фламандцами, англосаксами и частью индийцев и израильтян имели общий фронт, противопоставляя приведенные выше аргументы в пользу «гуманизма» «неотложной необходимости действий» . для человечества и, таким образом, потрясти здание цивилизации, которое тщательно возводили их предк

Эта потребность становилась чрезвычайно давящей и тугой, как петля, петля все более безжалостная и удушающая, и это создавало страшное противоречие между теорией и практикой. По прошествии десятилетий можно было

ясно видеть, что речь шла уже не только о достаточности пищи, но и о достаточности места, и что «призрак числа» , этот когда-то беспрецедентный и неведомый ужас, этот новый кошмар, который вскоре полностью обесценил и обесценил ценность человека и ликвидировать по-своему — по-своему — снижение качества, следующее за всякой «инфляцией» , — все до сих пор достигнутые человечеством.

Пришли времена, когда древний закон джунглей победил принципы ранней цивилизации. Несчастные цветные расы оказывались в невыгодном положении во всех противостояниях, несмотря на свое беспримерное численное превосходство, потому что они когда-то верили в международные законы и оставили свое самое сильное оружие на складе центральной федеральной власти, то есть, по сути, в руки белых, которые всегда получали большинство голосов в глобальных институтах. Другой причиной их неблагополучия была их неспособность эффективно справляться с новыми открытиями в области оружия массового поражения и «научного» ведения войны.

Таким образом, можно было увидеть, хотя бы временно, возрождение очень старых, примитивных импульсов и инстинктов.

Мы, люди 19 -го и 20 -го веков, не можем себе представить, какой огромной и неразрешимой проблемой будет для нас в будущем найти пустое и постоянное место в этом колоссальном «человеческом организме» под названием земля, интегрироваться в него и управлять им. жить нашей жизнью.

Великое зло пришло внезапно, как потоп, и в таких масштабах, что никто не мог предсказать его. Любая мера каждый раз производила впечатление запоздалой. И тогда многих ученых, занимавшихся проблемой демографической проблематики, обвинили в некомпетентности и плохом прогнозировании. Тогда общественный резонанс был направлен против Римско-католической и протестантской церквей, потому что, «живя в облаках» и настаивая на старых представлениях и негативном отношении, они способствовали неспособности своевременно принять законы для эффективного контроля над рождаемостью и мониторинг демографии.

И дни, когда белые видели только человека за черно-желтой кожей и проповедовали, что «все люди созданы равными» , дни, когда белые люди даже шли на гражданские войны, чтобы навязать принципы гуманизма и уважения к жизни. и свобода каждого человека, независимо от его цвета кожи, казалась теперь мечтой...

ИХ РАЗДЕЛ ИСТОРИИ

12-B

Как я уже говорил, они делят историю на два больших периода: «самый древний» (Элдере) и «новый» (Нохере). То, что считается «Новой Эрой» , — это последние пятьсот двадцать четыре года, эпоха «просвещенного человека» , эпоха, когда появился Homo Occidentalis Novus .
Его отправной точкой был первый Нибельвирх и выживание Алексея Волки.
Иногда для этого используют греческие слова: «Nea Epoche» .

До этого был Элдере, «самый древний век» , который длился девятьсот восемьдесят шесть лет, начиная с года 1, а именно времени установления Рецстата («Всеобщего Государства Правопорядка»), что совпадает с запуском собственной, новой хронологии. Еще дальше были «темные века предыстории» , согласно их собственному странному восприятию. Они говорят, что на протяжении тысячелетий «люди боролись за выживание под тройным бичом анархии: экономическим, политическим и демографическим» .

Сегодня в школах рисуют довольно преувеличенную и мрачную картину нашего времени, которое называют «доисторическим» : образ хаоса, жестокости, взаимного истребления, «темного мира» с преступными инстинктами и извращениями, с «жаждой удовольствий в жизни и равнодушие к нравственным поступкам» , везде с материалистическими мотивами и пренебрежением к приличиям.

Фактически, их представление о занятиях любовью было представлением о поверхностном и бессердечном акте, простом биологическом удовольствии без духовного контакта, эмоций или внутренних качеств.
Влияние «семьи и школы» было сведено к минимуму. Молодым людям нужна была «жизнь» , «напряженная деятельность» ; любое «динамическое действие» , а не мысль. Часы медитации казались давно потерянными.

Меньшее, что кто-то из нас мог возразить против этого, это то, что они всегда «завышают количество исключений» , что я сам заметил и сказал Стефану, как только вернулся домой в тот вечер от Лейн.

Он улыбнулся и сказал мне, что процесс производства «экономических товаров» был произвольным и совершенно несогласованным. Было также слишком много соперничающих, доминирующих политических сил и моделей в международных отношениях, что-то вроде государства в государстве, и, что не менее важно, отсутствие какого-либо мониторинга демографии. Он снова улыбнулся...

Machine Translated by Google

У них тоже есть свои историки и свои методологии исторических исследований и историографии. Их собственное различие, граница между историей и предысторией не является началом письма, как это было для нас. Их отправной точкой было господство закона и порядка. Это последнее — правопорядок и его окончательное установление — они считают предпосылкой настоящей, духовной цивилизации.

Мне говорили, что попытки установить контроль над рождаемостью также предпринимались в «доисторические времена» и действительно в больших масштабах, но без «объединенных институтов по всему миру» . И это отсутствие соответствующих институтов привело к величайшим историческим несправедливостям. И само собой разумеется, что все усилия по созданию политических федераций и особенно экономических союзов и всякого рода экономических консорциумов до Рецстата , по созданию Всеобщего Содружества с законом и порядком, имели точно такое же воздействие на общество.

Говорят, что более 450 лет «предыстории» были полны таких «экспериментальных институтов» и различных «сепаратистских переворотов» , каждый раз приводивших к глобальным кризисам и коллапсам до окончательного провозглашения Всемирного Объединительного Собрания 5 марта 2396 г. н.э., что в будущем триумфально праздновалось в

Большинство этих экспериментальных институтов были региональными, принимая форму национально или идеологически соседних расовых групп, которые стремились к простому «балансу сил» . И хотя существенное значение этих институтов было по сути ничтожным — из-за формы, в которой они появились, — они составляли основу, на которой в конечном счете было построено Всемирное Содружество в его нынешнем виде. Это произошло примерно в 2390 году нашей эры, то есть через 477 лет после нашей Лиги Наций.
Доминирующей фигурой, как мне сказали, был англичанин по имени Джон Терринг, первый лидер Всемирного Содружества.

ELDERE: ЧЕТЫРЕ ВЕКА БОРЬБА ЗА РЕАЛЬНОСТЬ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Первые борцы нового мира и глобальные продовольственные проблемы

13-B

Как я упоминал выше, «пример» и «запугивание», наряду с передачей информации и знаний, в настоящее время использовались в качестве образовательных инструментов для преподавания предыстории в школах, на лекциях и в Reigen Swage. Что-то вроде показа нашим детям уклада и условий жизни римского раба на галеоне, нравов и традиций времен феодализма и степени сексуальных прав господина над молодоженами в деревнях крепостных или крестьян. костры инквизиции в Испании... го и более ранних веков И тем не менее сегодня они чтят народ 24 во многих отношениях, независимо от того, насколько ужасны события тех времен.

В их глазах те люди нашего времени – это «первые борцы», которые боролись, боролись и страдали, чтобы дать возможность будущим поколениям жить нормальной, человеческой жизнью. Это «почетные предки», «первопроходцы, проложившие путь». Они с благодарностью оглядываются на нашу эпоху! Они характеризуют его как «эпический» и «героический» и твердо верят, что он был необходим для хода истории; без него никогда не стали бы возможны закон и порядок и рационализация жизни.

Лейн говорит, что каждая эпоха порождает свои вопросы, вопросы, на которые старшие призваны ответить младшим. И каждая эпоха имеет свои особенности. Он сказал, например, что 20- й век характеризовался огромными усилиями людей по контролю над силами, такими как электричество, ядерная энергия или солнечная энергия. Человек стал господствовать над природой. Кроме того, автоматизация труда за счет электрических и электронных устройств создала проблему, не заметную невооруженным глазом: лишнее свободное время рабочих! На самом деле они утверждают, что это самоопределение, данное рабочим, главным образом промышленным, было, по мнению многих мыслителей, одной из главных причин того, что человеческая история и земная цивилизация пошли по этому пути! Потому что это дополнительное свободное время рабочих было заполнено некачественными зрелищами и развлечениями в целом, такими как азартные игры, проституция, гонки на скорость и спортивные игры и пошлые масс-медиа. Музыка сводилась к простым мелодиям и ритмам, шедевры литературы распространялись в иллюстрированных

резюме и размышления считалось пустой тратой времени! Другой характерной чертой того времени было то, что люди утратили способность отличать хорошее от плохого, прекрасное от безобразного в искусстве и творчестве...

В 21 веке [ул.] сельское хозяйство отошло на второй план. И как будто демографической проблемы было недостаточно, возникла новая, страшная проблема: все меньшая площадь пахотных земель, которую постоянно съедали все более расширяющиеся гигантские городские районы: так называемая урбанизация.

К тому времени уже стало фактом, что пища перестала быть адекватной, и люди начали искать альтернативы и источники питания за пределами пищевой промышленности, в основном сосредотачиваясь, если верить Лаину, на морях и океанах, что создавало впечатление неисчерпаемый источник пищи.

Благодаря научному прогрессу той эпохи из планктона, подводной флоры и фауны можно было извлекать питательные и съедобные вещества.
Однако искусственный фотосинтез еще не пришел на помощь человечеству.

Но самым трагичным все же был «призрак числа» . Именно в этот исторический момент впервые была произнесена фраза «Грядущие годы будут враждебными» .
Люди жили в очень тесных помещениях, но в колоссальных жилых массивах и много раз были вынуждены передвигаться в масках из-за загрязненного воздуха.

В другой сфере жизни 21 век [ул.] ознаменовался первыми испытательными полетами с направлением на ближайшие чужие земли...

(Потерянные заметки следуют)

В то же время на нашей земле были предприняты первые серьезные и в чем-то позитивные всеобщие усилия, чтобы сразить чудовище анархии, веками и во многих формах терзавшее человеческие общества: политическая дезорганизация, борьба за суверенитет, военное соперничество, грабеж национальные экономики, демографическая анархия и тому подобное. Так началась драматическая борьба, длившаяся около четырех столетий, со многими чередующимися фазами и переходами, борьба между древними, но вполне обоснованными верованиями и новыми представлениями об устройстве и рационализации жизни.

Революция в политической организации, основанная на логике и человечности.

следовал точному пути и временной последовательности двух других великих революций, французской 1789 г. и русской 1917 г.: первыми пришли философы, интеллектуалы и теоретики нового мирового порядка, говоря, что как форма организации 19 века с полностью вооруженными господствующими национальными государствами, которые самым позитивным образом продержались в течение длительного периода времени — последовали политические деятели, ораторы и социальные реформаторы.

В основном в континентальной Европе и Великобритании интеллигенция призывала политических лидеров крупных и могущественных держав отказаться от их «устаревшего и несинхронизированного курса» .

Они проповедовали благоразумие и здравый смысл и говорили им, что времена, когда «народ должен был бороться за свои права» , давно прошли и что старые стимулы и лозунги, такие как «национальный престиж» , «ни компромисса, ни отступления» и «героический курс нации» потеряли большую часть своего значения в связи с новыми условиями жизни.

Они говорили о «системе вечных ценностей» , которую их европейские предки завещали новым поколениям, и говорили им, что они должны быть хранителями этого священного наследия, которое гораздо больше и глубже, чем любые разные этнические корни или языковые различия. .

Говорили, что культурное наследие, исторические традиции, ход жизни и исторические судьбы едины для всех. «Мы должны объединиться и в жизни, и в сознании!»

Не нужно было масштабных революций, чтобы на руинах старых режимов был построен новый мировой порядок. В значительной степени были подписаны принципиальные международные договоры, и этого было достаточно, по крайней мере на начальном этапе.

Новый закон и порядок следовали более демократичным путям со времен Pax Romana, хотя для его установления потребовалось много времени и несколько попыток. Ожидания сторонников Нового порядка часто оказывались ошибочными.

Многие неоднократно подвергались преследованиям, прежде чем Новый порядок окончательно восторжествовал.

В то время как у малых наций не было таких «забот о будущем» в 21 веке, в больших и могущественных странах начали формироваться новые политические союзы, союзы, которые интегрировали в программу некоторые черты европейских или универсальных федераций. На самом деле сообщалось даже, что старые партии, социалисты и христианские демократы, также

добавили в свои программы требования новой эпохи.

С течением десятилетий эти новые идеи и перспективы находили все более благодатную почву, особенно в сердцах молодежи и низших социальных слоев. Итак, с течением времени политическая арена впервые в истории стала приобретать своих «великих людей с мировым признанием и привлекательностью» , в отличие от привычных нам местных лидеро

Технический прогресс уничтожил расстояния и сблизил людей. Мир производил впечатление единого региона, все еще политически неорганизованного, ожидающего, когда «законодатели» и могущественные политики с глобальной властью навсегда установят правила «организации» планеты. В то же время человек теперь имел в своем распоряжении оружие массового уничтожения, неизвестное и несуществующее в прежние времена. Однако быстрый технологический расцвет не соответствовал соответствующей моральной зрелости и рациональности. Не было «внутреннего закона» , закона духовной культуры, подобного тому, который есть сейчас, который был нужен как гарант правопорядка.

В наше время, говорили они, мы думали, что достаточно обеспечить соблюдение закона внутри каждой страны в отдельности. Война была для нас естественным способом разрешения серьезных споров между народами. Это было состояние ума, которое у нас было до 21[ул.] век.

21[ул.] должен был наступить век, чтобы люди вдруг осознали, что парят над пугающей пропастью в глобальной публичной сфере и что их институты полностью устарели. Так постепенно некогда господствовавшие государства стали передавать — намеренно или нет — часть своих прежде всемогущих полномочий, особенно в области внешней политики, международных отношений и вооружений, центральной, федеральной политической организации. Они сохранили свою историческую память, традиции и обычаи, язык, легенды и свои бытовые устои, но теперь они поняли, что в будущей войне не будет победителей и проигравших. Либо они будут держаться вместе, либо все вместе проиграют. Они начали понимать, кто был истинным врагом: отсутствие сильных и эффективных глобальных институтов с превентивной миссией контролировать все формы конфликтов. Они наконец осознали, что то, что объединяло людей — их общая биологическая судьба и общая ответственность за сохранение культуры, — было важнее того, что их разъединяло

Меньшие нации были довольно довольны своими старыми социальными формациями.

и у них были свои внутренние проблемы, о которых нужно было беспокоиться, поэтому они были последними, кто принял новые формы организации. Однако «великие державы» , вышедшие на первый план в 21 веке, изо всех сил пытались понять друг друга. Были постоянные выигрыши и жалобы на способы и критерии распределения всеобщего дохода. Никто никогда не верил, что их доля была справедливой...

Эти «реакции» 21 века должны были стать предзнаменованием будущих «сепаратистских движений» , которые неоднократно вспыхивали и подстрекались теми же «политическими ядрами» первоначальных реакций! Запросы были те же: демографическое регулирование и финансовые интересы... Целых четыре века то французы, то англосаксы, то немцы или славяне восставали за «автономию» , все с одной и той же целью: захватить вести с этого момента в историческом ходе человечества. «Пройдет это огненное испытание» , — говорили они, имея в виду начатую ими же войну.
«Что бы ни случилось, это для твоего же блага. Демократы не в состоянии дать вам тот порядок, который вам нужен...»

А за экономическими войнами обычно следовали вооруженные конфликты. В последних применяли только старое обычное оружие, так как сепаратисты не имели доступа к «запрещенным» , но это не мешало тем конфликтам несколько раз вплоть до 24 века перерастать в настоящие, широкомасштабные войны с участием [illegible]ная федерация с полным крахом каждый раз.

В конце концов была создана сносная организация, которая в своей окончательной форме просуществовала многие десятилетия и проложила путь к концу предыстории, новой хронологии, приходу Джона Терринга и началу Элдере.
Впрочем, сепаратистские попытки появлялись и в первые сто лет нового летоисчисления, то есть почти до конца 25 века, как говорил Лейн, они были слабы и обречены на провал. В основном, как мы объяснили, они были осуждены в сознании людей Элдере, которые больше не терпели политической анархии, переворотов и засилья сильнейших. В течение века для них)
последние полтора столетия их предыстории (20) волны й -24
миграции были сведены к минимуму, а население равномерно распределено по миру, уже не только в центральной и северной Европе, но и на других континентах. Скандинавов еще не приглашали спуститься в пустынные южные районы вплоть до Средиземного моря с целью повторной колонизации после разгрома, который они

пострадал всего за 87 лет до окончательного установления Рецстата и начала «нового летоисчисления» . Белая раса завоевала теперь все пять континентов... А из семитских народов около ста двадцати миллионов израильтян — теперь большинство из них обращено в христианство — стояли у руля как в культурном, так и в экономическом отношении в Юго-Западной Азии, развив там высокий уровень технокультуры, центром которой всегда были Святые Земли.

Латиноамериканцы, в основном выходцы из Южной Америки, колонизировали почти все центральные районы африканского континента — черных можно было увидеть лишь в очень редких случаях. Благодаря искусственному кондиционированию воздуха в Арктике сейчас тепло, а в арктических регионах преобладает братство русских, норвежцев, англосаксов и других прибалтийских народов, таких как финны, поляки, датчане и канадцы, а в Антарктиде - также гораздо более умеренный климат. климат благодаря вмешательству человека — была колонизирована в основном белыми южноафриканцами (вероятно, потомками буров), а на востоке — австралийцами и новозеландцами.

Восточная Азия была занята почти исключительно славянами, пришедшими с севера, потомками североамериканцев из западных штатов и мешаниной европейцев, которые могли теперь более комфортно уместиться во всех этих плодородных долинах, в то время как несколько миллионов индейцев жили в высокогорьях центра континента и Тибета. В Средиземноморье османы отступили к озеру Ван, а греки повторно заселили Малую Азию, поскольку их страна, а также побережье Северной Африки были эвакуированы. Последний был в значительной степени переселен, в основном итальянцами, как только жизнь снова стала возможной. Это в основном то, что я запомнил и успел скопировать из своих книг.

Таков был территориальный статус-кво, преобладавший в 23[рд] веке, и, по сути, сохранение этого статус-кво гарантировалось в то время — в основном белой расой, которая была крупным победителем в противостояниях — на вселенских соборах была установлена федеративная транснациональная демократия с представителями как народа, так и правительств стран-членов.

На самом деле меня удивил тот факт, что «гражданственность» тех, кто служил в вооруженных силах ныне установившейся всеобщей власти, формировалась специальной и многолетней образовательной подготовкой. Они вырвали их из своей социальной среды и среды своей национальной жизни в детстве и подвергли их специальному обучению, чтобы считать себя

граждане мира и имеют высокий уровень общего образования. Они превосходно обращались с новыми электронными устройствами всеобщего правопорядка, и их численность была несравненно меньше, чем численность вооруженных сил доисторических времен, хотя срок их полномочий был намного больше. Поэтому вполне естественно, что молодых ученых и техников было больше, чем офицеров и солдат.

Они также знали, что их не заставят использовать свою непобедимую огневую мощь, на которую они имели монополию, и что она была ценна только как своего рода гарантия. Тем не менее, они слепо верили во всеобщий конгресс и с рождения были научены забывать свое этническое происхождение и сознательно подчиняться велениям двух парламентов и исполнительной власти федерации

Такое же чувство ответственности перед человечеством пронизывало и военных, и членов коллегиальной исполнительной власти и двойного парламента (первый избирался народом, а второй назначался правительствами). Все они считали себя преданными служению единству. Я помню, как их называли «дипломатическими агентами единства» и всегда «на службе человечества» . Лишь во вторую очередь они считали себя посланниками избравшего или назначившего их народа. Тип местного лидера все еще существует, но обладает ограниченными полномочиями, потому что теперь международное право превалирует над внутренним правом.

Институт «единого гражданства» к 22 веку уже всем ввели англосаксы Верчин и Мильстон. Однако формирование общего национального самосознания было получено не напрямую и в соответствии со все более утонченной версией федеральных институтов. Наоборот, это формирование длилось столетия и было чрезвычайно медленным психологическим процессом. Гораздо позже, после первых двух столетий Элдере, начало формироваться новое «универсальное чувство этнической принадлежности» . Люди начали осознавать, что являются членами единой универсальной национальной и политической общности. Хотя историческая память, конечно, не угасла, как мне сказали, стали формироваться более универсальные идеалы. «Это наша страна» , — говорили представители нового поколения, глядя в небо нашей голубой планеты!

В конце второго века их хронологии — примерно через двести лет после времен Джона Терринга — было время, когда политики были освобождены от правительственных обязанностей и заменены великими техниками и другими ведущими деятелями естественных наук, которые были теперь отвечает за

управление политической властью в мире. Затем новые лидеры представили то, что давно началось: создание всемирной федерации профсоюзных организаций — в форме политического института, а не профсоюза — и, следуя вполне законным процедурам, превратили эти новые кооперативные коллективы в основу экономической жизни на земле. Они также были основой даже политической жизни, я мог бы добавить, если учесть, что люди должны были участвовать в glothners (их промышленных единицах), регистрируясь там для долгосрочного занятия, чтобы получить право голоса. В те времена закон и порядок восторжествовали окончательно и убедительно. Больше не было страха перед сепаратистским возрождением.

Однако первые века Эльдере, даже после 486 года и создания Розерна Даля, были однобокой эпохой технической цивилизации и истинный духовный человек, говорят, не чувствовал бы себя комфортно в такой среде Механократия и материализм. Долина Роз, Розерн Даль, окупилась очень давно, и многие философы на протяжении всей истории утверждают, что IX век великого интеллектуального творения сам по себе не является ни следствием указаний развития, ни влияния. Возрождение духовных ценностей наступило поздно; примерно к 700 году их хронологии.

Наиболее характерными чертами старейшин, их преклонного возраста, является преобладание в мире окончательного и удовлетворительного порядка, «политики компаса» , как они ее называют, вылившейся в рациональный ход коллективной жизни, благое управление и администрация, эгалитаризм, универсализм в политических ценностях — таких, как всеобщее избирательное право, равноправие, социальная справедливость, свобода личности, единое чувство этнической принадлежности и высочайшая личная безопасность — организованное глобальное производство, обилие продовольствия и всех видов промышленной продукции вообще и щедрые выплаты Cives основаны не на их вкладе в производство, а на потребностях каждого человека. Вдобавок ко всему этому, ради человеческого достоинства велось и тщательное наблюдение за рожд
Впервые в истории до сих пор они добились высокого уровня жизни всего без исключения населения и участия всех в положительной эксплуатации благ материальной культуры!

И я, ослепленный невероятным количеством образов, увиденных мною на Reigen Swage, образов комфорта и изобилия материальных благ, тысячу раз предпочел бы прожить жизнь, путешествуя между Парижем и Веной после наполеоновских войн... Если бы я был выбирать, я бы с удовольствием обменял мысленно и

социально обеспеченная спокойная жизнь «хозяина Старейшины» с тех десятилетий. Я бы с радостью отказался от такой жизни в «безопасности и уверенности в завтрашнем дне». Старейшина казался мне крайне безжизненным в первые шестьсот лет своего существования, если судить, конечно, по тем крупицам жизни, которые мне удалось увидеть здесь, на Рейген-Свадж.

Но Стефан и другие здесь более или менее придерживаются одного и того же мнения: что в первые века существования Элдере способность людей испытывать внутреннюю и более духовную жизнь была значительно снижена, почти отсутствовала. Убаюканные чувством удовлетворения об изобилии и качестве материальных благ и под впечатлением счастья, как говорится, «жажда души» угасла.

Вот почему они утверждают, что вклад Старейшин в построение истинной «внутренней культуры» был минимальным. В ту эпоху гордились только стандартом качества промышленных товаров и их более чем достаточным производством. В статистических исследованиях люди считались числами, а не личностями и духовными сущностями. Под «прогрессом» они подразумевали только экономические и технические достижения. Они понимали счастье с точки зрения жизненных удобств и адекватного распределения. Счастьем для них была легкая, приятная жизнь со скромными и ограниченными эзотерическими мыслями. Пророков и художников больше не существовало. Тех, кто говорил о метафизической боли человека, считали болезненными.

Одним словом, Элдере была эпохой апофеоза технической и экономической культуры и упадка внутренней культуры, как когда-то говорил Корнелиус детям Лейнского института.

По его словам, Старейшина была продолжением предыстории — после 20-го века и до 2396 года нашей эры — эпохи технического и экономического процветания. Эти последние формы организации и жизни простирались от моего времени до 7 века нового летоисчисления. Говорят, что прошлые поколения знали, что никакая духовность не продолжается бесконечно с новыми достижениями. Достигнув своего пика, он начинает падать, духовно-нравственные устои гнутся, и в конце концов остается только остов технокультуры. Я думаю, что то, что здесь делал Корнелиус, было не чем иным, как рассказом старой версии нашего собственного Освальда Шпенглера, который говорил о падении западного мира.

Таков был образ жизни в Элдере, по крайней мере, из того, что я видел на Рейген-Свадже и из того, что слышал от Лейна, Корнелиуса и Стефана;

все это после окончательного установления Рецстата 5 марта 2396 года нашей эрыго и

Великий интеллектуальный труд и наследие прошлого не были уничтожены. Они все еще существовали, но лишь немногие с ними взаимодействовали. Их забыли в библиотеках и на складах, уже не привлекая толпы прежним обаянием...

Для того чтобы это произошло, должен был наступить их собственный Ренессанс, сто ле [illegible] ющие
поверхность старые сокровища интеллекта и духа...

«ФАКТОР СТРАХА» КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ МОЛОДЫЕ ГРАЖДАНЕ

2-VI

У нас в Лэйновском институте есть привычка — и, может быть, не просто привычка, а воспитательный метод во всем мире — преувеличивать слабости наших исторических эпох и доходить до того, что пугают детей, вызывая в них своего рода тревогу. со всеми ужасными изображениями, которые они заставляют их смотреть. Они хотят прививать и воспитывать в детской психике веру и преданность нынешним институтам, всеобщей родине и новой эре с самого раннего возраста. Я думаю, что их цель состоит в том, чтобы исключить любую возможную будущую угрозу универсальной организации всех политических, социальных и экономических аспектов жизни, которая была твердой на протяжении веков.

Я не знаю, насколько эффективен этот процесс и насколько достигается их цель в конце концов, но средства, которые они используют для ее достижения, характеризуются в моих глазах невероятной свирепостью, невыносимой жестокостью; Я должен признать, что это что-то довольно пугающее.

«Они вернутся?? Вернутся ли они??» — кричали вчера перепуганные дети низших классов при виде «шквала огненных атак» и разрушения неведомого мне государства от фугасных и зажигательных бомб нашего же 20 века, как мне потом сообщили.
й

Ужас, написанный на лицах юноши, когда он задавал вопросы Корнелиусу, мне и Стефану, был неописуем. У них сложилось впечатление, что зеленая лава, затопляющая улицы, ужасающие обвалы зданий и огненные потоки, охватившие городские кварталы пламенем — образы, которые я своими глазами видел на Рейген-Сваге вместе с молодежью, — были оружием инопланетяне, вторгшиеся на нашу планету, оружие, которое никакая наша защита не смогла нейтрализовать!

Когда на следующий день им объяснили, что это было не иноземное вторжение, а на самом деле самоуничтожение, когда рассказали им, что их предки буквально уничтожили их собственные города и самих людей, юноши потеряли дар речи. Они не могли в это поверить! Когда они, наконец, это осознали, то сжали кулаки и поклялись, что, вырастая, больше никогда не допустят повторения этого ужаса и трагедии!

«Не удивляйтесь!» — сказал Корнелиус. «Учитывая тогдашние условия жизни, другого выхода не было… Господствующим менталитетом было: «Убей или будь

убит» . Жестокость была правилом, а уничтожение других — лозунгом» .

— Какие другие? — спросил мальчик.

«Сторонники противоположной партии или мнения, в зависимости от случая.
Дружба не была чем-то естественным; вместо этого он время от времени менялся и зависел от обстоятельств и интересов. Одного приказа было достаточно, чтобы вчерашние союзники превратились во врагов и наоборот. И не вините простых людей. Уже тогда они были по своей природе кроткими и добрыми. Они были ручными и веселыми, похожими на нас. Они не ненавидели друг друга. Они любили незнакомцев и иностранцев, были гостеприимны и любили животных.

Но иногда экономическая и политическая власть попадала в руки жалких существ, и так вспыхивали войны. Войны не пришли естественным путем. Их искусственно создали их плохие и недостойные руководители вместе с производителями оружия, в основном азиатскими» , — заявил он. «Они толкали народы к ненависти и взаимному истреблению. К счастью, нашему виду удалось победить. Риск был смертельным» .

Много раз я задавался вопросом, было ли то, что Лейн говорила детям, объективным и справедливым. Слушая его, можно подумать, что во всем виноваты только желтая и черная расы, так и не получившие оправдания в истории и почти исчезнувшие в наши дни.

«Не правда ли, что война была биологической потребностью?» — спросил один из старших детей. Как все это огромное население того времени поместилось бы на этой крошечной земле без войны?»

— Да, это действительно была биологическая необходимость, — ответил Корнелиус. «Но таков был закон джунглей у первобытных людей во времена дикости. Закон отбора и выживания сильнейшего...»

Он продолжил, сказав, что законы физики имеют типичное игнорирование моральной коннотации любого действия. Вот почему все эти зверства должны были навсегда исчезнуть из человеческой цивилизации. Продолжение таких событий и такие проявления жестокости свидетельствовали о неспособности человека установить нормативный порядок с целью поиска «гуманного способа разрешения любых конфликтов» .

Затем он сказал, что за несколько десятилетий до эпохи Джона Терринга война уже рассматривалась всеми людьми как «состояние анархии, нигилистического бунта против институтов, преступного насилия, всеобщего краха ценностей и самоуничтожения» .

Этот современный, популярный учитель говорил на эту тему еще что-то, чего я, к сожалению, не помню. И я думаю, что ни один учитель прошлого, даже самого века, не опытный и образованный преподаватель 20й смог бы хоть немного приблизиться по уровню духовности и менталитета к учителю Ножере.

Хотя их профессия и специальность могут объединять их, их разделяет гораздо больше: разные культурные круги, разные исторические эпохи и совершенно другая социальная реальность. Корнелиус не просто учитель; он «учитель Ноджере» . Между ним и нами огромная пропасть.

Еще один интересный вывод, который я сделал относительно лидеров нашего времени, особенно старшего возраста, заключался в том, что с психоаналитической точки зрения они часто находились в режиме неприятного настроения, весьма обычного для пожилых людей, и глубокой, подсознательной горечи. ощущается благодаря органическому закону распада. Я также думаю, что у них было отвращение к молодежи, которое часто принимало форму злобы, и поэтому крайне редко можно было найти молодежь на руководящих должностях в то время, даже если эти должности позволили бы им использовать качества энтузиазма. и любовь к жизни и людям. Очень интересная точка зрения!

НОЧЬ «ГРЕТЛИ» (Гранд Лайт)

События сентября, изменившие человечество и историю

3-VI

В тот же вечер Стефан сказал мне: «С этого момента больше не ходи к Лейн на уроки истории. Для того, чтобы иметь возможность глубоко пережить и оценить рассвет Nojere, вам нужна изоляция, концентрация и медитация. Удостоверьтесь, что вы повторяете все, что выучили, когда остаетесь одни» .

Я говорил с ним о диких сценах, которые они показывают детям, о сценах войны и обо всех других происшествиях, которые произошли до Старейшины, заставляя их съеживаться от ужаса, и я сказал ему, что было бы несправедливо и ненужно травмируют детей такими образами.

— Война не вернется, — сказал я. «С начала вашей исторической эпохи прошло пятнадцать веков, и это лучшая гарантия того, что она не вернется! Времена окончательно изменились; война — это что-то доисторическое!»

5-VI

Сегодня я посвятил себя и свой день благоговейному и внимательному размышлению обо всех великих вещах, которые мои глаза были достойны увидеть прошлой ночью. Я всем говорил, что хочу побыть один весь день. Никогда в жизни я не испытывал такого волнения, вернее, такого благоговения и святого трепета. Теперь я один, заперт в своей комнате, вспоминаю все это и благодарю Бога за то, что он дал мне возможность увидеть их в этой жизни.

Бывают моменты, когда я чувствую необходимость упасть на колени и помолиться. Прошлой ночью, около полуночи, я обнаружил, что наблюдаю на Reigen-Swage великие дни 986 года (3382 год нашей эры) и не мог поверить своей судьбе, которая дала мне, ничтожному червяку 20-го века, невероятный шанс увидеть! Я видел святые смерти того сентября в Долине, Алексея Вольки передо мной посреди Великого Момента, последовавший за этим поток Ройсвирха и все крупные события, которые вскоре после этого открыли новые страницы в истории и духовной жизни тех раз.

Я сижу в кресле и думаю обо всем этом со слезами на глазах, полными благодарности.

Интересно, какая сила могла быть настолько могущественной, чтобы проливать такой неземной свет на эти белые лица! Что это была за изысканная вещь, которую эти люди

видели в свой последний миг на этой земле, которая была так недоступна нашим глазам? Говорят, что все те мужчины и женщины, которые терпели «священные удары невыносимого света» в те первые шесть дней в Долине Роз, были существами значительной внутренней красоты и благородства. Кто мог подумать, что даже внешний вид их украсится, как если бы все великолепие их душ вдруг выплеснулось на их лица? И почти все лица там были молодые. Я посмотрел на них один за другим. Что-то вроде экстаза и триумфа было нарисовано на каждом из них. Почему современные люди говорят, что они поддались? Я был свидетелем как раз обратного: каждый человек там выглядел так, как будто он превратился в олицетворение победы, как будто он был внезапно призван Богом!

После всех внезапных смертей в начале ничто не предвещало славных вещей, которые приготовило будущее. Жизнь в долине до Ройсвирха протекала мирно, институты увеличивались и процветали, но, какими бы удовлетворительными ни были плоды многолетних размышлений и размышлений, а также результаты тысяч институтов и исследовательских центров, никому и в голову не приходило, что такие невероятное интеллектуальное достижение всегда было бы возможным. Хотя почти пять столетий самосовершенствования и внутреннего развития интеллекта и личности — через многие поколения прекрасных отшельников — приближались к завершению, это все равно казалось чудом!

Для внешнего мира двумя главными событиями начала сентября были, во-первых, масштабная подготовка к Всемирной выставке в Бломстерфоре, которая с точки зрения глобального участия и богатства оказалась, безусловно, самой успешной из когда-либо существовавших, и, во-вторых, избрание новый Лорфф того времени, чье имя ускользает от меня. Это были в основном вопросы, которые волновали толпу тогда.

И эпоха как будто не таила особых мессианских потребностей, не было в мире и предпосылок для возникновения такого рода групповой психологии. Наоборот: в то время люди жили счастливо во всех уголках мира, в безопасности, законности и порядке, политической организации и стабильности, достаточности благ и удобств, морально-психологическом равновесии.

Невероятный бум литературы, искусства и интеллекта, запечатлевшийся в сознании людей как «золотой век интеллектуальной и духовной культуры» , случился всего столетие назад, в их великом IX веке. Люди все еще й

вдохнули этот свежий воздух великого и вновь обретенного периода процветания и включили все его творения в свою жизнь. В мире царило что угодно, только не кризис нравов и коллективное бедствие.

И тем не менее, посреди такой вполне уравновешенной и добродушной атмосферы, в один из первых дней сентября, внешний мир вдруг обнаружил, что в Долине происходят странные происшествия, происшествия, значение которых нельзя было объяснить, но которые, тем не менее, они войдут в историю как потрясающие, если на самом деле будет доказано, что их содержание и значение на самом деле были такими, какими их считали многие громкие имена в Долине.

За тридцать шесть часов до Гретли и спасения Алексис Волки четыре подобных инцидента произошли за пределами Долины Роз, в местах, далеких друг от друга: один в Лесли-Гейт, один на Балеарских островах и два в Северном море. Тогда люди обратились к Богу и стали молиться группами, оставив все свои дела и обязанности!

Это напомнило мне о тех временах, когда время от времени приближающаяся комета угрожала уничтожить жизнь, какой мы ее знали, и все искали утешения в религии. Но на этот раз не страх смерти вызывал эту тревогу у людей по всему земному шару. Возникла тайная надежда, надежда на какое-то близкое просветление, на открытие великой тайны, совершенно отличной от мира природы, которая была предметом изучения точных наук.

Никто не мог сказать, что на самом деле произошло тогда. Имело ли это какое-то отношение к тому, что позже утверждали некоторые мудрецы, а именно, что какие-то неизвестные, но в то же время дружелюбные сверхчеловеческие существа издалека-далека пролили свой благотворный свет на нашу землю? Никто не мог сказать с уверенностью. Большинство людей никак не хотели мириться с существованием таких внешних и чуждых духовных сил, ограничиваясь поминовением «двухсот» и повторением имен Милиоткина, Джоэла Летонена и Гуннара Нельбарна, вождей первых отшельников, первооткрыватели и поселенцы, которые 486 лет назад были инициаторами и основателями Долины роз. Говорят, что институт Айдерсена «перенял» у потомков «двухсо

В последующие ночи большинство людей во всем мире не спали. Колокола постоянно звонили, призывая людей готовиться к тому, что грядет.

Теперь внутри Долины множество людей проводили дни и ночи в парках и на площадях огромных кампусов Института Эйдерсена. На самом деле, они не только не сдавались, так как усталость, должно быть, утомила их, но и толпы только росли после Gretlys с 7 сентября и далее. Вот уже более 250 лет этот знаменитый институт с мировым именем является единственным, кто оказывает моральную и эмоциональную поддержку людям того времени, когда массы покоились в блаженстве невежества и считали жажду метафизических исканий тиранией. , жажда, которая в прежние времена считалась честью и привилегией только нескольких избранных духовных деятелей.

Миллиарды людей во всем мире возлагали свои духовные надежды на великих мудрецов, проживающих в этом славном городе – Институте. Там, в Институте Айдерсена, среди высоких потолков большого центрального дворца, в зрительных залах, рядом с полукруглой группой статуй и в сопровождении почтенных фигур старой традиции, Пифагора, Плотина и Канта, Блеза Паскаля, Сократа, Платона и Метерлинка, Ризе, Густавсена, Расмати, Плиоскина и многих других, великий Шиллерен провел большую часть своей жизни, поступив учеником в Айдерсен с самого раннего возраста[4] и преподавал там, в тех аудиториях, где он в начале IX века...

Сам Шиллерен считал, что, несмотря на конечную природу человеческого знания, люди недостаточно старались и не выбрали правильную методологию для приобретения знаний в прошлом. У него пока не было ничего конкретного, но он верил в способность людей разгадывать великие тайны мира, несмотря на несовершенство разума и чувств, и верил, что день, когда они, наконец, придут, уже не за горами. т далеко.

Размышляя обо всем этом, я сейчас наблюдаю за Институтом Айдерсена Рейген- Сваге, сохраняя бдительность в течение этих долгих ночей, когда тысячи людей окружают его на коленях, неся бдение по всему кампусу, ожидая своих духовных лидеров. — Правнуки Шиллерена — явиться с ответом, объяснением происходящего, но напрасно, ибо они еще не были в состоянии что-либо дать.

В огромном зале: толпа бессонных, переутомленных и расстроенных мудрецов, одетых в официальные айдерсианские одежды с синей полосой, горностаем и знаками различия. Весь Айдерсен был в замешательстве и

бедствие, и множество других людей из небольших, но родственных институтов продолжали прибывать, даже с другой стороны Долины! Встречи были непрерывными и последовательными, но пока без каких-либо положительных результатов. Даже сами мудрецы Айдерсена ждали, когда им сообщат о том, что только что произошло, от пришедших извне.

Да! Теперь все наконец стало проясняться, и многие из них говорят о какой-то невероятной награде. Появление нового, беспрецедентного Вирха теперь смутно стало центром обсуждения, и имя старшего Алексиса Волки, их старого сверстника, который окончательно покинул институт Айдерсена несколько лет назад и ушел в монахи, шептали в кругах мудрецов с большим уважением в течение следующих нескольких дней. С ним еще никто не связывался. Единственное, что они сделали , это отобрали послов, которые будут отправлены к нему. Они даже не знали, где именно в обширной Долине находилась тайная обитель, куда удалился почтенный старец после «увиденного» , проводя дни и ночи в постах, размышлениях и молитвах.

Пока толпы благоговейно ждали снаружи, внутри волхвы, опустив взоры перед бюстами своих предшественников, Лорфов и Илекторов, и уткнувшись лицом в бесчисленные стопки миниатюрных книг, содержащих кристаллизацию всего интеллекта всю человеческую историю, продолжал лихорадочно обсуждать и размышлять. Но до сих пор никаких результатов...

5-VI

(Поздно ночью)

«Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить
мудрых»

Нибельвиры стали размножаться и участились как в Долине Роз, так и в дальних странах, и почти ни одна из них не была фатальной после выживания Алексея Вольки. Его крик экстаза и его последующая мирная проповедь, которая с течением времени побудила другие торжествующие голоса и отдельные духи заговорить. Но толпы признавали и доверяли только Институту Айдерсена. Это то, что они научились уважать и слушать через давнюю традицию, передаваемую от отца к ребенку, и на это они возлагали надежды веков! Но Айдерсен оставался молчаливым и осторожным. И так будет еще несколько недель.

6-VI

В настоящее время все святое место не огорожено. Я видел это в Swage. Простая нить из белого мрамора, вылепленная в виде маленьких прямоугольных колец, защищает его от небрежных оплошностей. Даже ребенок мог бы перепрыгнуть через него, если бы захотел. Но никто не пересекается. Все они обходят его против часовой стрелки, начиная с группы небольших кедров. Проходя туда, попадаешь в большой суровый белый двор — по крайней мере, так кажется на Рейген-Шваге — с несколькими колоннами и стенами, которые до определенной высоты кажутся сделанными из слоновой кости. На заднем плане, совсем рядом с древней белой стеной, под куполом с Новотрониумом Никорского, видны семь святых огней и развевающиеся в лазурном свете знамёна. Все святилище вымощено единой чисто-белой плитой, похожей на мрамор, а окружающая территория покрыта знаменитыми голубыми розовыми кустами, как в Пантеоне.

Теперь я снова вижу то же место, но таким, каким оно было раньше. Это идентично! Я видел седобородого Алексея Вольки, одетого в белую мантию, стоящего во весь рост — как и всегда был под звездами семидесятилетний старец, переживавший свой величественный, богоподобный Великий Момент.

Сколько раз Ягер и Стефан говорили со мной об этом месте и с каким волнением! Я ясно вижу ученицу Волки Мэри-Ли, сидящую на лестнице у ног великого Мастера, обиженную и теперь предназначенную для Запредельного, подальше от уродства этой жизни. Вы можете видеть, как она плачет от радости. Она не прячет лица; вместо этого она держит голову высоко, как будто в разгаре экстаза и вдохновения.

Вы видите старика, стоящего прямо и неподвижно, с высоко поднятой головой, смотрящего на огромное состояние. Это похоже на белое видение. Экстаз, благоговение и «святой ужас» первых мгновений запечатлелись на его лице и оставили на нем след света, сияние, не поддающееся описанию. Он больше не дрожит, и вы можете ясно видеть, какой он сейчас, хозяин своих эмоций. Он знает, что нет причин хвастаться; просто так получилось, что из всех людей он оказался самым подготовленным. Вот и все... Он просто еще один из нас, за исключением того, что смог выдержать этот «внезапный удар света» , потому что для него он не был таким уж внезапным. На этот раз «изысканная божественная искра» попала в настоящий рок!

Всегда прямой и застывший, он смотрит на горизонт, а по его бледному, аскетичному лицу катится слеза. Интересно, о чем он думает... Видит ли он

рассвет нового духовного дня там, внизу, на горизонте? Или он думает о прошлом и размышляет о невероятном исходе истории человечества?

Видите ли, он провел всю свою жизнь в Институте Айдерсена с тех пор, как был маленьким ребенком. Он сделал мечты своих предков и обещание Шиллерена своими собственными, и он глубоко заботился о них...

ИСТОРИЯ МЭРИ-ЛИ: СОВРЕМЕННАЯ СВЯТАЯ

7-VI

Через несколько дней он дал свое имя Мэри-Ли, удочерив ее посмертно, — давняя традиция в Долине среди любимых учителей и учеников, которые преждевременно лишились жизни, а затем присутствовали на ее похоронах в Айдерсене, среди толпы мудрецов. и тысячи и тысячи других людей, стоящих крепко и гордо, не пролив ни единой слезы.

Этот день стал апофеозом для Мэри-Ли, так как с тех пор она будет помниться в айдерсианской традиции как одна из самых популярных фигур современной духовной культуры. Ее погребальный костер был окружен тысячами цветов со всего мира, и тысячи людей, одетых в белое, преклонили колени перед прахом того благородного троэндинца, чья душа не выдержала «разрыва уз» и « ностальгия по небесной родине» .

8-го и 8-го сентября, в последние два дня своей жизни, не только

побега 7-го из Долины, она ... несколько психически неуравновешенная и неспособная управлять своими мыслями. У последних людей, с которыми она столкнулась, осталось впечатление, что она одержима навязчивыми мыслями.

Два садовника в Дориани рассказали, что утром 8-го числа их остановила красивая светловолосая девушка с глубокими голубыми глазами, одетая в длинное белое платье, и спросила, как пройти к морю, и на самом деле объяснила им, что направляется к морю. принося молодому парню очень хорошие новости, которые терпеливо ждали там ответа тысячи лет... На самом деле, она даже повторила ту же фразу на древненемецком языке: «Er wartet auf ein Antwort» , что означает «Он в ожидании ответа".

Дальше внизу находилась группа рабочих, которые возвращались с работы на рассвете. С ними она разговаривала нормально и аргументированно. Они предложили ей виноград, и она приняла его. За три часа до полудня в апельсиновых рощах Восточной Элики она отдала свой браслет в подарок маленькой дочери охранника. Она просидела в мастерской на четверть часа и попросила воды. Ее глаза были красными, как будто она плакала всю ночь, но все же говорила связно. Ее внимание привлекли цветущие каштаны, и она рассказала о них жене охранника.

В тот же вечер она утонула. Она была найдена в пустынной части

берег моря на рассвете. Два рыбака, отец и сын, — люди незначительные, имена которых, однако, вошли в страницы истории, — вытащили ее тело из воды. Я смотрел эту сцену на Reigen-Swage. Ее юное тело ничуть не деформировалось, а длинное белое мокрое платье облегало ее изгибы. Таков был конец этого первого «Святого Ноджере» , первой любимой, бессмертной фигуры «Новой Эры» .

Теперь каждый год в годовщину ее смерти, за пятнадцать дней до Нового года, тысячи людей, одетых в белые одежды и несущих корзины со свежими цветами и венками, ходят по пляжу, распевая гимны, в знак памяти и признательность. За два часа до полуночи они бросают свои цветы в глубокое синее море.

Мэри-Ли Волки была доброй душой и теперь считается другом и покровителем девушек и женщин. Все остальные ее современники состарились, поддались законам биологического разложения и покинули этот мир. Но Мэри-Ли навсегда осталась прежней: девятнадцатилетней, неиспорченной и бессмертной, равной каждому поколению! Ее имя превратилось в поэзию и легенды; она стала музой! Тысячи ее небольших статуй, бюстов и памятников существуют по всему миру, и она всегда изображается с золотыми волосами, губами цвета вишни и глубокими глазами цвета морской волны, наполненными светом Средиземноморья. Ежегодно в честь нее изготавливается бесчисленное количество искусно сделанных амулетов и икон. Память о ней связана в сердцах людей с каким-то сверхъестественным ярким светом, который притягивает вас с такой силой, что это невозможно выразить словами.

Сильвия и Хильда несколько раз упоминали ее в разговоре, прежде чем я узнал, кто она такая. На самом деле, я особенно помню один случай: однажды ночью на наших виллах они упомянули о ней, когда мы смотрели на звезды Арктур и Вегу в небольшой телескоп...

Новое начало

8-VI

В один из последних дней сентября, когда стало окончательно ясно, что факты говорят сами за себя, институт Айдерсена нарушил свое молчание. Институт с уникальным мировым авторитетом напомнил людям, как около четырнадцати тысяч лет назад человек сумел стать маленьким Богом в изучении физического мира и соответствующих технических приложений и впервые создал звезду посредством процессов о «слиянии и разделении» . То, что происходило сейчас, было таким же «божественным» , как и тот научно-технический прорыв, который произошел тогда, только теперь он касался всех сторон жизни! Снова подобно маленькому богу, человек наконец смог сорвать завесу «Большой тайны» и увидеть, что скрывается за ней.

Что последовало? Мы уже знаем. Оно предназначалось для этого поколения, чтобы осуществить мечту тысяч лет и поколений назад, и для человека, чтобы подняться высоко на вершину Долины и, наконец, «увидеть» . Они сказали, что Алексис Волки был первым «избранным» , но через год последовали сотни других, а через год еще тысячи. И вот как теперь люди знают. Они больше не просто верят; они видели это, они знают!

« Нибельвирх должен был прийти, — сказал месяц спустя Аральд, другой айдерсианец, — для того, чтобы истинное качество, содержание и значение других Берез ясно проявились и засияли!»

После того, как люди осознали, что только что произошло, некоторые прославляли Бога за то, что он родился в эту эпоху и является частью этого святого поколения, а другие прославляли Волки за то, что он так много пережил и проложил путь для остального человечества.

Вначале и в течение значительного периода времени люди со всего мира пренебрегали своей работой и почти полностью отказались от всех мирских дел и забот. Они все еще не могли справиться с тем, что произошло; они просто еще не знали, как это сделать.

МАССОВЫЕ САМОУБИЙСТВА И ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

9-VI

В последующие месяцы Волки и другие великие люди из Айдерсена почувствовали необходимость раз и навсегда остановить последовавший за этим «массовый исход» , потому что они оказались перед сотнями, а затем и тысячами людей, чей мотив жизни исчез. утих, и то, что теперь заменило его, было новым импульсом, импульсом «дезертирства» и «бегства» , который чаще всего проявлялся в людях как следствие Нибельвирха.

Этот новый порыв появился вместе с невероятным чувством счастья, душевного покоя, какой-то божественной радости и почти «сократовского» примирения со смертью, но он также принес с собой пренебрежение ко всему мирскому, которое теперь казалось людям незначительным. , забота чужих и недостойных людей.

С чем они не могли справиться, так это с повседневной рутиной, реалиями, маленькими радостями и горестями жизни; дело в том, что все их мечты, любовь, близкие, которых уже не было рядом, самые счастливые моменты их жизни, то, что они привыкли считать простыми воспоминаниями, теперь сгустились в невероятную силу, вернувшуюся к преследовать их.

Наступили дни в 986 и 987 (3382 и 3383 гг. н.э.) , когда духовное руководство планеты всерьез обеспокоилось тем, не вовремя ли наступила эта «ранняя психологическая и духовная зрелость» , этот скачок в биологической эволюции и духовном прогрессе и не будет ли многовековой проект Долины иметь неприятные последствия. Почти все оказались далеко не готовыми, даже Илекторы, за исключением нескольких сотен невозмутимых старейшин, последователей Волки.

Творение с мудрой предусмотрительностью успешно скрыло свои тайны от человека, с великим усердием и на тысячи лет. Они вспомнили, что первые два столетия Долины многие из них были против этой огромной духовной задачи и решительно настаивали на прекращении особых усилий по достижению развитой духовной культуры и созданию интеллектуально превосходящего человека. Короче говоря, они хотели сказать: вот как обстоят дела, и они хороши такими, какие они есть; позвольте им развиваться в своем собственном темпе и не торопите их, потому что Бог знает, что может пробудить любое действие, ускоряющее естественный процесс...

Решение, которое они придумали, чтобы остановить «массовый исход» , заключалось в том, чтобы подчеркнуть целесообразность и необходимость каждого этапа человеческой жизни на

земле, включая ту, через которую они проходили в то время. Они убеждали людей в том, что даже этот трудный этап является небольшой, но важной частью Самита, и что пройти через него тоже является их долгом. Они говорили им, что «все мы приходим в эту жизнь с определенной целью: сильно любить и отдавать частичку себя другим, даже если это причиняет нам боль, жаждать прекрасного и истинного, познавать мирское» . чудеса природы и помочь самым слабым существам, и уйти из этой жизни, когда придет наше время, а не раньше, как дезертиров.

Они подчеркнули, что увиденное ни в коем случае нельзя связывать с прекращением жизни на земле. С другой стороны. Они сказали им, что смысл жизни в том, чтобы идти дальше и идти вверх, каждый раз приближаясь на шаг к совершенству, к истине! «Если мы вымрем, как будет продолжаться этот восходящий курс? Будете ли вы лишать следующие поколения вашего собственного вида шанса однажды сравнить себя с нашим поколением и гордиться своим прогрессом так же, как мы гордимся сегодня, по сравнению с нашими предками?
Мы являемся незаменимым связующим звеном между прошлым и будущим. Мы настоящее, и мы не должны потеряться!»

Наряду с этим аргументом Долина давала команды для немедленных планов, которые привели бы к еще лучшей организации общества, общества, которое дало бы своим членам новые жизненные стимулы. Были начаты крупные инфраструктурные проекты, объявлено о проведении исследований для новых изобретений, созданы новые институты и лучшие ассоциации почти во всех сферах общественной жизни. Устраивались даже общеевропейские музыкальные фестивали, которые служили развлечением, вновь пробуждая у людей интерес к жизни.

10-VI

Вся эта настойчивая кампания привела к значительному ослаблению вышеупомянутого импульса побега и уменьшению количества таких инцидентов. Как и ожидалось, полностью ликвидировать их в течение первого года не удалось. На самом деле Айдерсен позже сказал: «Очень трудно удержать тех, кто умирает от жажды, от бегства прямо к колодцу, когда он появляется перед ними» .

Они были правы. Ведь что было у людей до этого? На что они жили? Они жили маленькими каплями воды, которые очень быстро испарялись.
Однако, несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться в следующем году, проблема постепенно утихла, пока не была устранена полностью. всего этого не произошло

один раз — не могло быть — но шаг за шагом. Мир вернулся к нормальному ритму жизни, но каждый хранил в глубине души память о том, что впоследствии было охарактеризовано как « важнейший момент духовного прогресса человечества» .

К тому времени, конечно, все их вопросы были решены и всему было объяснение: «чувство жизни на чужбине» , «жажда вечного» , «чувство лишения» . Нибельвирх показал людям, откуда все это взялось .

11-VI

С начала 987 года и по сей день Долина изучает классику с новым, небывалым рвением. Все приобрело новый смысл: от Сократа и Платона до Конфуция, Сиддхартхи Гаутамы и Иисуса. Даже понятие бесконечности, нетленности, противопоставление настоящего и вечности стало предметом переоценки. О «борьбе человека со своей судьбой» уже никто не говорил. Никто не говорил и о «конфликте личности с миром» .

В самом деле, о самоубийствах прошлых времен теперь говорят, что их причиной не была ни «боль любви» , ни «излишняя чувствительность» . Причиной была «священная жажда души и стремление к самиту» .

11-VI Снова

(Поздно ночью)

Завтра утром у меня нет урока с Лейном, и я тоже не собираюсь писать. Я намерен провести весь день за городом. Сегодняшний звездный свет волшебный. Я думаю, что завтра у нас будет первый солнечный весенний день с ясным голубым небом. Уже пахнет весной.

Рецстатс Аарсдаг, MDX (годовщина создания Всемирного Содружества)

Колокола, колокола, колокола, колокола звенят бесконечно с первых же утренних часов, как будто это Великая суббота. Если вы спросите их, они скажут вам, что это символизирует «Воскресение нашего вида» !

Великие лидеры сегодня отсутствуют. Все они встречаются в Долине. Я сижу на террасе и смотрю вниз. На улицах мало людей.
Сверкают парки и рощи. Мне доставляет такое удовольствие гулять под утренним солнцем... Я могла бы делать это вечно! Сегодня город зовет тебя на прогулку

12-VI

Маркфор — это состояние, в которое можно очень легко влюбиться. Вчера я еще раз ощутил, насколько правильный образ мыслей и образ жизни этих людей. И теперь, когда наше пребывание здесь почти подошло к концу и мы скоро начнем турне по центрально-европейским государствам, а затем и по Розерн-Даль, я чувствую еще большую тягу к этому месту, почти как тягу.

Вчера утром я обнаружил живые изгороди Леоура, пока искал галерею Медичи, зеленый и тихий район, слишком зеленый и слишком тихий, чтобы быть частью центра города. Но огромные контрасты — одна из лучших характеристик Markfor. Вы все еще можете увидеть стаи линсенов и велоскутеров и услышать рев толпы, затопляющей главные артерии города за полмили. Но стоит немного отойти в сторону, как вдруг натыкаешься на идиллические пейзажи, как будто попал в волшебное путешествие в далекую страну; и все же, вы шли всего несколько минут.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ В МАРКФОР

Для тех, кто любит традиции старого государства, самая красивая часть Маркфора находится на другой стороне квартала. Здесь все равно, что повернуть часы на четыреста лет назад: огромные особняки, которые кажутся необитаемыми, огромные школы и классы, которые выглядят заброшенными, и искусные архитектурные библиотеки с содержанием, которое мои знания и образование пока не позволяют мне оценить. На западе, внутри огромного парка, можно увидеть Ректорский дворец со знаменитой дорической колоннадой на заднем плане. Неподалеку вы найдете учебные помещения Laureatis со статуей Джордано Бруно посередине и аудиторию Милиоки, старого их основателя и фасилитатора. А вот и их поэт Селиус! Я читал что-то его. Его памятник чрезвычайно высок по сравнению со всеми другими мраморными статуями. Он бронзовый, и все шесть сторон гигантского пьедестала украшены рельефными изображениями его жизни и цитатами из его самых красивых лирических произведений.

Другим зданием, которое меня очаровало, была церковь Алма, которая является и дворцом, и храмом духа одновременно. Построенный в готическом стиле, он в основном известен скульптурами на фасаде. Его строительство началось в IX веке знаменитым архитектором Раушеном Торнео, но закончилось позже, потому что его создатель скончался, не успев завершить его. В двухстах метрах находится сад, где прадеды нынешнего поколения ухитрились хранить многовековые камни с пьедестала древней статуи Кастелло Сфорцеско, в прямоугольной ограде с ненаписанной табличкой.

Маркфор — это состояние, которое можно очень любить, поскольку оно сочетает в себе старое и новое. Если вы любитель искусства, Маркфор встретит вас тремя основными музеями: Луиджи Давиде, Титиано и Гойя, а затем Нибрера и бесчисленным множеством других, более мелких, среди которых знаменитый музей-глиптотека Тенарелис. Если вы хотите изучать какую-либо область, вы не найдете лучшего места для этого. Вы можете выбрать от простых лекций до крупных университетов, в которых участвуют Cives, и даже академий философии и изящных искусств.

Что касается библиотек, открыты четыре самые большие, каждая из которых посвящена разным областям: Айдерсианская — для литературы, Картезианская — для философии, александрийская — для истории и Лаврентьевская — для истории искусства. И, конечно же, у них есть знаменитые симфонические оркестры Маркфора, где можно послушать любую музыку; от церковной музыки до шедевров Вальманделя, Свелдера, Хольгера Нильсена, Рутемира и т.д.

многие другие...

Если вы любитель спорта, в Маркфоре нет борцовских рингов, полей и кортов для матчей, потому что они теперь ненавидят наш спорт и всевозможные рекорды, но у него есть множество центров физических упражнений и бассейнов, где, однако, никогда не бывает никаких рекордов. преследовались, и никаких соревнований никогда не проводилось.

Если вам вдруг стало грустно, достаточно прогулки по улицам города, чтобы почувствовать себя лучше. А если у вас еще сердце ребенка, то Маркфор, любимый «полевой цветок» , государство с яркой улыбкой встретит вас солнечными лучами, струящимися сквозь каштаны Центрального парка, и его сады обнимут вас!

То, как люди смотрят на мир и видят здесь своих сверстников, сильно отличается от нашего. Таковы правила общения друг с другом. Если вы пойдете по улице, вас никто не побеспокоит. Если вы стоите неподвижно, глядя на пруды в одном из больших парков, они оставят вас в ваших мыслях. Никогда еще не случалось, чтобы кто-то заговорил со мной, когда я один в таких обстоятельствах.

Однако совсем другое дело, если вы входите в один из игровых центров, спортивных стадионов, бассейнов или , как они их называют , ларинтеров . Я помню, что случилось со мной однажды утром, около пяти месяцев назад, в один из первых дней, когда я пошел и послушал Лейн. Рано утром, перед лекцией, я прошел мимо большого стадиона, на котором, казалось, было огромное количество возможностей для настольного тенниса, и я вошел, любопытствуя увидеть вблизи все выстроенные столы. Я ходил вокруг и, естественно, время от времени останавливался и смотрел. Но я как будто забыла то, что миллион раз говорил мне Стефан, то есть, что «здесь нет чужих» , пока сама не поняла, что в таких обстоятельствах в покое не оставляют. Поэтому через некоторое время две девушки и сопровождавший их молодой человек лет тридцати — все трое незнакомые мне люди — подошли ко мне и спросили, не хочу ли я с ними поиграть. Я ответил так вежливо, как только мог, и закончил свою фразу необходимым «танком» (их слово для «спасибо») , что сегодня я торопился, добавив, что «возможно, в другое утро я имел бы удовольствие сделать это» .

Я не знал, что еще сказать. Вы не должны называть здесь свое имя, и люди не спрашивают его и не говорят вам свое. Тем не менее, они могли быть для меня чужими, но для них я был их старым, безымянным товарищем по glothners, человеком, достойным общения, партнером, даже другом!

В таких условиях общественной жизни кто мог чувствовать себя здесь одиноким? Чувство

то, что я столько раз пережил в прошлой жизни, тоска одиночества, было здесь неведомо!

ГОДОВЩИНА «БОЛЬШОГО ДНЯ» И ВЫМИРАНИЯ ГОНКИ

Вчера днем я второй раз прокатился на велоскутере. Вечерний вид Маркфора совершенно не похож на утренний. На этот раз на улицах были тысячи людей и везде было много света. Как я слышал, все эти люди только что вернулись из Долины, куда они ехали вчера на великий день, годовщину 1510-летия со дня унии, день, когда на смену политическому и экономическая анархия прошлого. Я также слышал, как молодые люди на улице пели что-то, что напомнило мне слова, которые дети в древней Спарте говорили старшим: «άμμες δε γ' εσσόμεθα πολλώ κάρρονες» , что означает «но мы станем намного лучше вас» . .

Господи, помоги тем, кто
придет завтра, Быть лучше нас
сегодня И сделать их
достойными Ради величия И
славы Возлюбленной нашей
Земли!

Состоявшееся факельное шествие завершилось перед возвышающейся статуей Джона Терринга посреди площади, как и в эту ночь каждый год.

За этой площадью начинается одна из крупнейших главных артерий восточного Маркфора. Я почти дома. Горизонт Маркфора, украшенный тысячами 100-этажных небоскребов с обеих сторон, кажется бесконечным и невероятным. И везде вокруг них: огромные, красивые сады.

Проходя мимо, я тоже чувствую себя молодым и счастливым, чувствую себя одним из них. И в последнее время это чувство очень частое. Кажется, что этот мой пробел в образовании и традициях был волшебным образом заполнен сегодня вечером, как будто я усвоил их опыт и сделал его своим.

Вчера поздно вечером, за веселым обеденным столом Киве из Риялты, на огромной крыше одного из небоскребов, обнесенных хрустальными заборами, ожили предковые воспоминания об общих трапезах ранних Элдере .

Празднование великого дня завершилось несколькими трогательными словами, слезами на глазах и воспоминаниями о славных личностях своей истории.

Ужин длился полтора часа в очень сердечной обстановке. И впервые я увидел, как эти люди, ненавидящие алкоголь, пьют немного вина, особенно рубиново-красного, сладкого вина, которое подают после еды вместе с фруктами, их знаменитым Lacrimae Rosae, произведенным коллективом Гримболе. .
Когда ужин был закончен, все встали и почтили минутой молчания великий день. Излишне говорить, что я сделал то же самое. В конце концов и после бесчисленных пожеланий грядущим годам и поколениям, они снова встали и начали шептать древний гимн, к счастью, вполголоса, чтобы я мог с достоинством делать вид, что шепчу...

Ни подлости, ни злорадства, ни коварства, ни интриг, ни эгоизма, ни смертельных войн, ни предательства в общественной жизни, ни всех этих случаев бессмысленной злобы. Как несчастны мы были тогда! Мы тогда говорили о гуманизме, и они, наконец, воплотили его в жизнь!

Конечно, их историки и просветители как бы забывают, что те годы были такими ужасными по необходимости и что мы ничего не могли сделать, чтобы предотвратить это. Не то чтобы мы не хотели; мы просто не смогли...

Бывают моменты, когда мне хочется сказать Лайну и Стефану, которые так чтят основателей и организаторов Элдере, что, когда они обращаются к «великим» политикам и «защитникам гуманизма» , правильнее и приличнее было бы спросить их: « Что случилось с цветными расами? «Какой ценой вы добились господства гуманизма среди белых и установления любимого вами правопорядка?»

История теперь пишется и читается с их точки зрения, потому что им посчастливилось победить. Но история была бы написана совсем по-другому, и их злодеяния были бы осуждены самым решительным образом, если бы желтая раса унаследовала землю... Они теперь пишут историю так, как если бы это был морально безупречный триумф, чистый героический путь, возвышение души, историческая перспектива, возможно, очень похожая на ту, которую преподавала в церковных семинариях группа испанских мудрецов в 18 веке: триумф вторжения и разрушения устаревших культур, таких как инки и майя. ...

«Что случилось с древними цивилизациями Азии, лицемеры?» Вот что я должен у них спросить! На Reigen-Swage такое видел только до середины

24 века, [illegible] территории Азии «желтые» [illegible] ныне французами, англосаксами, славянами и латиноамериканцами. Я также видел, что в то же время на «черном континенте» чрезвычайно редко можно было встретить черных.

Судьба была очень жестока к этим расам и довольно иронична, потому что, хотя они только что перестали быть рабами и политически эмансипировались на автономных территориях, жестокое отношение их «старого колониального угнетателя» , тем временем запаниковавшего «кошмаром номер» , вернулся, чтобы преследовать их еще 150 лет. Земля должна была стать свидетелем ужасных зверств бесчеловечности[ул.] после 21 века, которые длились сотни лет. В конечном итоге черная и желтая расы, а также все остальные расы Азии поплатились прекращением своей собственной истории на земле.

СОПЕРНИЧЕСТВО АЙДЕРСЕНА И ПОПЫТКИ ПРОТИВ

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Институт Гледа и Олсена и Лесли Гейт

13-VI

(Очень поздно ночью)

Я уже много слышал от Лайна о кризисе, который волковская проповедь переживала в течение десятилетий к концу первого тысячелетия их новой хронологии, прежде чем она триумфально восторжествовала позже. И такой кризис был ожидаем, поскольку Нибельвирх никогда не был дан широкой публике ни в одну из эпох, последовавших с момента его появления. Однако в настоящее время Долина говорит, что она гораздо более осязаема и доступна для людей — даже вне кругов Илекторов — чем это было в прошлом.

Я не ходил сегодня в Институт Рейгена-Сваджа. Меня не было восемь дней. Я весь день сидел дома. Желая немного отдохнуть глазам, я заказал специально оформленные и отпечатанные книги, чтобы их слушали, а не читали! Я вложил один из них в специальное устройство, которое шло в комплекте, и услышал краткое, популяризированное, историческое повествование о тех годах, с 987 по 1030 (3376-3419 гг. н.э.). Что мне труднее всего понять, так это множество технических терминов своеобразного старого языка их самых древних текстов, терминов, которые сохранились и до сих пор используются даже в самых простых и коротких книгах сегодняшнего дня, потому что они утверждают, что молодежь сегодня знают их и понимают их значение. Во всяком случае, я записываю то, что понял, и так, как я это понял, пытаясь передать эти новые термины и понятия языком нашего времени и передать их так, как мы. Я, честно говоря, не знаю, что труднее: пытаться их усвоить или транскрибировать, используя лексические формулы нашего собственного, старого способа выражения? Тем не мение...

Можно было бы ожидать, что главным предметом споров в Долине роз будет сам Волький, поскольку, исходя из нашей же поговорки, «Никто не пророк в своей стране» . Но произошло совсем наоборот.

В Долине ему поклонялись и обожествляли. Вместо этого самые большие реакции исходили от крупных интеллектуальных центров Гледа, Оссена, Викингегниста и Института Сколкина. Нападали в основном на его поклонников и учеников и на самые громкие имена Айдерсенов, то есть на первых, написавших о «Великом Откровении» , живя прежде сами Нибельвирхи , за Волки

сам ничего не писал после 986 года и в последние десять лет своей жизни, как это было с Иисусом, Буддой и Сократом.

Институты Гледа и Оссена, в частности, боролись с Умоддельбаре Оплизнинг (Прямое Знание и Мгновенное Просветление) и подчеркивали опасность любого пути к восприятию реальности, существующей вне рамок возможностей человеческого познания. Ратцискин из Оссена считал, что чувства несовершенны, но человеческий разум был чудесным органом, который замещал их несовершенство и исправлял неверные сенсорные данные, передаваемые в мозг. «Все, что действительно существует, — говорил он, — может быть сведено к познанию. Нихил в мире, ниси в интеллектуальном. Все, что не соответствует интеллекту и разуму, не существует. Или лучше: невозможно быть уверенным в его существовании» .

Глед и Оссен не могли, особенно в первые несколько десятилетий, признать «новые интеллектуальные способности» человека Розернеса Даля, новые знания и способности и сверхъестественный опыт Айдерсена (overforstandige empiria). То, что доказывали Айдерсены, было для них неприемлемым: а именно то, что человек приобрел новый «инструмент познания» , который, с одной стороны, дает нам такие осязаемые результаты и данные настолько позитивные, что удовлетворили бы даже самых консервативных ранних сторонников сенсорных данных, а с другой стороны, другой рукой доказывает, что его фактура находится «вне познания» и «вне разума» (ratio).

Двое ученых, Миллиакоф и Дюрант, воспользовались «признанием» Айдерсена, а именно, что, возможно, первоначальный, отдаленный предок «новой антенны» Нибельвирха был «интуицией» старых времен и искажая это признание, опуская ту часть, которую первые народцы добавляли к этой идее, — что тем не менее эта интуиция была денатурирована в нечто совершенно иное, — они со всей силой и авторитетом, которые им дали оссены, подчеркивали, как ненадежен и опасен этот путь, ведущий к мистические полеты фантазии были.

Милляков не дожил до полного поражения его рассуждений и торжества народников. В середине XI века Нибельвирх был на пике своего развития, и под предводителвством первых крупных айдерцев Долина Роз стала частью интеллектуального авангарда человечества и творила историю !

Еще одна попытка против новой проповеди была предпринята некоторыми врачебными кругами, хотя и с ограниченным влиянием, около тысячи лет назад.

попытался найти слабые места в психике Волки и сказать, что «он стал первой жертвой массового заблуждения, сохраняющегося во времени» . Ведущую роль в этом «движении» играл Институт Лесли Гейт с его всемирно известной медицинской школой, за которым последовали еще пять или шесть групп мудрецов со всего мира, и весь спор длился около десяти лет.

Какова была их теория? Примерно следующее: «Не ошибитесь; все, что вы сейчас чувствуете, исходит изнутри. Все эти замечательные вещи, которые вы хотите сказать, не что иное, как яркое отражение ваших собственных идей. Их источник не внешний; они исходят из ваших собственных глубин. Так что опомнись и пойми, что ты идешь по канату между здравомыслием и иллюзией!

Ворота Лесли, конечно, говорили гораздо больше не только против Великих Эйдерсенов, но и против всей Долины. Они исследовали и критиковали все пять столетий существования Долины, принимая мнение старых реакционеров, которые утверждали, что им было бы лучше без этого огромного духовного труда. Они восстали против «двух сотен» , основателей Долины, и резко осудили весь проект, направленный на преждевременную эволюцию нашего вида, утверждая, что для того, чтобы туда добраться, нужны сотни тысяч лет и что Долина была опасность для душевного равновесия нашей расы. Они также намекали, что в наше время рождается много великих и мудрых людей, но многие из них не совсем психически устойчивы» .

Наконец, они сказали, что никакие искусственные скачки вперед не нужны и не приветствуются, и что самая простая из их рекомендаций Долине заключалась в том, что они должны быть осторожны, потому что «помимо того, что они предрасполагают будущие поколения к более высокому интеллекту, они также предрасполагают их к тяжелым психоневрозам» . » .

Ни Институт Айдерсена, ни кто-либо другой из Rosernes Dal никогда не реагировали на эти обвинения и оскорбления. Как я слышал, в течение этого десятилетия дебатов и противоречий Долину защищали как их коллеги из Старейшин Лесли Гейт — те, кто специализировался в тех же секторах и областях исследований, что и они, — так и великие духовные личности из-за пределов Долины, крупные интеллектуалы, чуждые области медицинских наук, большинство
из них были выпускниками великих университетов и институтов 9 века, от Гранд й
Торнео и Бломстерфора до Нью-Упсала.

Я помню, что однажды сказал Аттерман из Бломстерфора: для нового вида, который все еще находится в расцвете сил, как человеческий вид, нелепо выражать опасения по поводу его вырождения и возможной гибели. «Только в последние несколько столетий мы понемногу начали находить свой путь, — говорил он, — и уже не имеем связи с древним духом. Наш закат еще очень далек» .

Однако говорят, что самыми могучими защитниками народников выступили почтенные метрополии Севера и, прежде всего, альма-матер современного духа, вечный Норфор. Карстенс, Орлик, Вера Брандес и Экерсборгский институт осудили тех немногих ученых, которые «искали патологические причины, чтобы объяснить и одновременно испортить самое доброе и верное открытие человеческого духа в истории» . Они даже напомнили им, что бесчисленное количество раз в прошлом великие универсальные истины и открытия в науке и других областях человеческого духа казались совершенно невероятными и подвергались суровой критике. И бесчисленное количество раз в прошлом пионеров несправедливо обвиняли и презирали, и их конец был очень «несчастливым» .

Что касается обвинений в том, что Долина «не рождает очень крепких животных» , защитники утверждали, что «это вообще не должно быть ее целью; к тому же такая миссия была бы не очень почетной» . Мы изобилуем существами с духовной посредственностью, которые полезны только для собственного благополучия и не достойны делать ничего большего. Но мы также изобилуем существами с истинным духовным превосходством, верой и реальными способностями к глобальному вкладу, и тем не менее ни одно из тех существ, которые жили среди нас с древних времен до наших дней, не соответствовало бы вашим измерениям идеального психологического типа человека. крепкое животное, о котором ты проповедуешь.

Затем наступили великие дни 1050 г. (3439 г. н.э.) с бесценной подтверждающей работой Гиблинга, Эрика Горда и Тервалсена. Литературное движение миноров, от Айдерсена, о котором Ягер и Стефан говорили со мной довольно много раз в прошлом, возникло позже, в конце 11 века. Произведения этой школы стали классикой на протяжении всей истории Volk. На самом деле, в библиотеке Лайна я своими глазами видел некоторые важные сочинения Флетчиуса, относящиеся к той эпохе. Но после многих безуспешных попыток их изучения я пришел к выводу, что они просто не для меня.

В течение следующих нескольких лет Алексис Волки получил всемирное признание как «величайший интеллектуальный герой человечества» . И только после того, как утихло первоначальное волнение, многие потомки (MC-MCC) поняли, что

Такой фигуре, как Волки, не нужно было преувеличивать, лгать или приукрашивать факты. Фактов было достаточно самих по себе. Он был первым, кто смог вынести увидеть и рассказать миру, не добавив ничего своего. Говорили, что он действительно был великодушным и чрезвычайно одаренным духом; но это все. Некоторые, однако, доходили до того, что безуспешно сравнивали Вольки с величайшими представителями своих естественных наук: Астромом, Вилинским, Ергесеном и Зиоберлефом и даже с нашими Ньютоном и Эйнштейном!

Тем не менее, несмотря на заведомо слабые попытки принизить значение и вклад Вольки в развитие мировой культуры, он стоит здесь среди них как одна из доминирующих фигур истории и, исходя из их убеждений, останется таковым на века вперед.

О нем уже написаны сотни тысяч биографий до наших дней, не считая тех, что посвящены волковской проповеди. Каждый из его предков — все жившие в Долине — были изучены, от самого древнего до самого последнего Волки, который, по сути, был одним из 200. Тинерсен — тот, у кого притчами — был одним из многих, может быть, даже одним из величайших, кто популяризировал и преподавал народные проповеди после 1200 года, с 2396 годом нашей эры как годом 1, то есть около 3596 года нашей эры.

Духовная проповедь народников оказала такое же безмерное влияние на мир в изобразительном искусстве, прозе, поэзии и философской мысли, но и на формирование нравственного сознания и нравственного воспитания молодежи, то есть современного взгляда на человека. жизни и мира в целом.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В МАРКФОР

14-VI

Сегодня предпоследний день моего пребывания в любимом городе. Утром я поехал в центр Маркфора, древней Мадженты, чтобы... проголосовать! Здесь никто не спрашивает, живете ли вы постоянно в городе, имеете ли вы право голоса и тому подобное.
Это полное отсутствие контроля со стороны Комитета технических агентств-партнеров над более широкой областью Маркфора, регионом, где они назначены в качестве представителей на выборах, связано с тем, что на протяжении многих поколений никогда не было никаких случаев мошенничества или мошенничества. в настоящее время.

Выборы касаются строительства новых зданий в центре Маркфора, и макеты выставлены на всеобщее обозрение уже два месяца. Основными из них являются макеты трех больших зданий, предназначенных для образовательных целей, но есть также некоторые предложения по цветочным проектам для украшения парков и площадей штата, и любой гражданин , который является постоянным жителем, может прийти и проголосовать на основе на свои предпочтения. Так что я тоже использовал свои посредственные сенсорные способности, тщательно выбрал те, которые мне больше всего понравились, и проголосовал. В моей голове моя любовь к Маркфору искупала мое «одурачивание» их тем, что я делал вид, что живу здесь постоянно, но в глубине души я знаю, что «один из них» никогда не сделал бы такого; они никогда не увлекутся и не потеряют самообладание. По крайней мере, через эти страницы я могу признаться. Но кроме этого, я не думаю, что даже рассказала бы Стефану...

18-VI

Я не думаю, что когда-нибудь смогу испытать такой трепет, такое прекрасное предвкушение путешествия куда-либо, кроме этой моей новой жизни! Идет уже третий день нашего пути и несмотря на всю усталость - теперь мы не только все время летим - несмотря на бесчисленное количество людей и удивительное разнообразие новых образов и впечатлений, сегодня вечером я нашел время написать несколько строк, не столько для того, чтобы описать то, что я видел — что невозможно, — сколько для того, чтобы сказать, каким счастливым я себя чувствовал на протяжении всей этой поездки, гораздо счастливее, чем в любой из моих предыдущих поездок, и особенно в Норфоре.

На этот раз мне было легче войти в контакт с этими огромными государствами, размеры и шум которых напугали меня до глубины души семь месяцев назад. Я помню, что не мог отделаться от ощущения, что в любой момент они упадут на меня и раздавят. Ну, если честно, еще одна причина, по которой я не чувствую себя так сейчас, заключается в том, что ни

Торнео, Новый Гетеборг или Анолия кажутся такими большими или переполненными, когда вы едете из Маркфора...

Они намного меньше и намного красивее, и в них нет огромных подземных светящихся состояний. Их население меньше миллиона, а их небо свободно от плотных стальных сетей подвесных мостов, которые создают огромную тяжесть на вашей груди, когда вы непривычны, как я.

И имена у них легкие и спокойные: Роза Аззура, Марибор, Либах, Лилиенборг, Новая Скальдия, Русенборг, Новая Христиания, Социана, Бозен, Нимальмоэ... Это все города-сады, непрерывные и сменяющие друг друга в большинстве случаев вокруг областей Древнего Тироль, Словения и теперь старый город Стирлен, как я заметил на карте.

Но как бы ни было прекрасно все, что я увидел за эти три дня, я знаю, что ничто не казалось бы таким прекрасным, если бы я не был наполнен этим удивительным трепетом самого путешествия. И эта сладкая радость пути, как и всякая другая радость, исходит изнутри; это подарок моего внутреннего Я! Иметь счастье путешествовать со Стефаном, Хильдой и Сильвией — это драгоценное чувство! Так как же вчерашние нескончаемые дожди могут испортить вам настроение, когда солнце живет сейчас в вашей душе?

20-VI

Тысячи природных знаков, с каждым днем все больше и больше, предвещают приход весны. Вчера был прекрасный солнечный день. Через пару недель здесь все зацветет.

ИХ УДИВИТЕЛЬНЫЕ АВТОМОБИЛИ И ДРУГИЕ СРЕДСТВА ТРАНСПОРТ

Новый Гетеборг, 21-VI

Расстояние между Ассилией и Новым Гетеборгом составляет примерно 70 километров, и эта часть автомагистрали проходит через густые платаны и серебристые тополя. Стефан сказал, что мы приближаемся к крупным центрам производства и что за этими идиллическими пейзажами, глубоко под землей, пролегают огромные, мощные трубопроводы и преобразователи энергии, которые доставляют титанические силы жителям Нового Гётеборга, вплоть до побережья Атлантики, таким образом снабжая молодых людей, которые несут там свое двухлетнее служение, необходимой энергией.

Общая протяженность автомагистрали 2500 км, если не ошибаюсь. Это та же самая автострада, что и Анолия и Торнео, знаменитая таусcенская дорога, как ее теперь называют, и она соединяет гораздо более крупные штаты, чем те, которые мы собираемся посетить. Стефан мало что знал о широком старом дорожном покрытии, когда я спросил его. Он никогда не делает этого, когда речь заходит о вопросах современного искусства и техники... Казалось, что он сделан из синтетического, светло-зеленого кристалла, не являющегося, однако, прозрачным, и говорят, что уход за ним не будет хлопот, но очень далекие потомки нынешнего поколения.

Увидев ширину этой автомагистрали, вы не поверите своим глазам!
Что-то меньше полумили! Но говорят, что это сейчас обычное дело для их основных междугородних автомагистралей. Но это не только автомагистрали; вокруг них раскинулись десятки дорог и улиц, а среди них газоны, цветники, клумбы. Зеленые лужайки сверху кажутся вышитыми на ландшафте полосами, протянувшимися на тысячи километров.

Самые широкие автомагистрали используются ragiozas, этими личными, многоэтажными, трансконтинентальными колесными транспортными средствами, которые напоминают сочлененные транспортные средства. Есть также дороги для пешеходов, велосипедов и всевозможных современных транспортных средств.

Что еще меня поразило, так это то, что их дороги разделены в зависимости от скорости: есть отдельные дороги для всех разных скоростей всех разных транспортных средств! Мы выбрали специальную дорогу, рассчитанную на очень низкую скорость, потому что хотели насладиться видами и поездкой в целом. «Нет никакой спешки; мы можем идти в своем собственном темпе, — сказал Стефан.

На выбранном нами маршруте сотни тренажерных залов, фитнес-центров,

плавательные бассейны, места для отдыха, медицинские пункты и многочисленные магазины, разбросанные повсюду, в которых всегда доступны и желают «партнеры Билвея» , отвечающие за эту гигантскую автомагистраль.

Бесчисленные указатели с инструкциями и указаниями облегчают жизнь даже самым далеким и незнающим посетителям, а целая команда готова помочь романтичным киве , которые все еще предпочитают наземные путешествия, даже если эти дороги сейчас считаются непрактичными и довольно старомодными. Конечно же, для знаменательных поездок они выбирали авиаперевозки. Никакие другие виды транспорта не могут сравниться с воздушным транспортом ни по скорости, ни по безопасности. Даже самые тяжелые поставки материалов в огромных количествах сегодня легко выполняются воздушным транспортом.

По словам Стефана, сейчас мы пересекаем сельскую местность, которая только кажется необитаемой, но это не так! Если зайти вглубь, за густыми рядами деревьев вы увидите довольно плотное поселение. Ведь я уже говорил раньше: здесь сегодня нет необитаемых мест; только малонаселенные или густонаселенные.

Бесконечное множество гигантских, искусственных, белых и розовых рододендронов разрезает теперь дорогу пополам. Я слышал, как Сильвия называла их знакомым мне древним именем: «Альбаспины» . Очевидно, что и здесь свою роль сыграли люди, вмешиваясь в обмен веществ и видоизменяя органику по-своему. Похоже, маленький земной бог в очередной раз сотворил чудеса, заставив рододендроны стоять на месте, приветствуя прохожих!

Еще хочу отметить единственную безобразную вещь, которую я увидел сегодня утром. Примерно за полчаса до того, как мы добрались до города, три рододендрона подряд пытались держать свои старые и высохшие ветки в нескольких метрах от оживленной дороги, и никто, казалось, не замечал и даже не заботился. Единственная причина, по которой я был впечатлен этим пробелом в зелени и уродством мертвых деревьев, заключалась в том, что я знаю, какое внимание в наши дни уделяют таким деталям.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ, КЛИМАТ-КОНТРОЛЬ И «ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОСНОВАМ»

Как признал Стефан в короткой беседе, их техническая и технологическая культура находится в упадке уже несколько столетий. Их предки преуспели в гораздо более крупных и сложных проектах. Конечно, теперь они утверждают, что им больше не нужно повторять такие колоссальные предприятия. Я, например, не был в Австралии, но видел на Reigen Swage , что он переделан в огромный генератор, который сам по себе снабжает энергией почти весь земной шар!

Сейчас в сельском хозяйстве вернулись к сбору урожая, который уже не растет периодически, но уже и не зависит от погоды. В тот ужасный период перенаселения люди бросили свои земли и свои стада и искали решение глобального продовольственного кризиса в лабораториях. Нынешние люди поступают наоборот: они возвращаются к старым путям не по необходимости, а из ностальгии, совершенствуя, конечно, прежние методы и процедуры, применяя свои совершенные технические достижения. Благодаря этому изменению образа жизни на картине снова появляются луга и луга; благодаря партнерам Lansbee (сельские районы) и, в основном, благодаря стадам. Вы даже не можете себе представить, какую невероятную техническую подготовку имеют сегодняшние пастухи и фермеры. Сочетание усердия и внимания к наблюдению и контролю за «техническими инструментами» , имеющими теперь свою, индивидуальную память и суждение, подобное человеческому уму, является их рецептом их

успех.

В то же время они также контролируют климат, как это делали их предки в эпоху передовых технологий, и поэтому распространили свою практику на районы, которые в прошлом мы не могли поверить, что они могут быть заселены. Там, где когда-то были ледники и пустыни, теперь вы видите густые пышные луга, экспериментальные питомники, пастбища и новые посевы. То же самое и с бескрайними равнинами и плоскогорьями Средней Азии, которые сейчас залиты этим непрогретым рассеянным светом, который им удалось создать. Еще один геркулесов подвиг!

Нынешнее население в огромных государствах-странах возросло до нескольких сотен миллионов в этом контролируемом и приятном для человека климате, особенно вокруг крупных ядерных производств, где скопилось невероятное количество поселений. Аугериния, Звезда Востока,

Стальной Замок, Терринга, Новый Ташкент, Мата Уралия, Самарканда, Новая Тугуска (Ныгуска у европейцев), древние Иркутск и Омска, Болдиено, Нисуоми... Огромные человеческие ульи на десять, двенадцать, даже пятнадцать миллионов человек, и в то же время промышленные города, использовавшие неисчерпаемые запасы энергии обширного континента Азии (газ, гидроэнергетический потенциал, солнце, ветер).

Тот факт, что почти весь земной шар наводнен белыми людьми, меня не так удивляет, как то, что они нашли способ для всех этих людей жить и процветать в такой неожиданной степени! Я мог бы поклясться, что это невозможно!

МАСШТАБНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ МАРСА И ВЕЛИКОГО УНИЧТОЖЕНИЕ

Даже эта безумная колониальная экспедиция на Марс с 2204 года и далее, длившаяся около шестидесяти лет, является делом рук их предков во времена их технологического расцвета. Им действительно удавалось строить и содержать целые деревни и жилые комплексы на «межпланетных колониях» красной планеты. На самом деле колония процветала несколько лет даже в очень неблагоприятных для человека условиях. Однако сейчас большинство их поселений находится в упадке. На той планете восторжествовала природа!
Двадцать миллионов душ погибли в течение нескольких месяцев — в основном англосаксы и славяне, а также множество переселенцев с материковой части Европы — из-за резкой и неожиданной смены климата и атмосферных условий, которую не могло сдержать никакое человеческое техническое устройство. Неизбирательные силы природы стали причиной массового истребления 2265 года. Но все же, даже всего за несколько лет, сбылась великая мечта и стремление человека колонизировать другую планету!
Немногочисленные уцелевшие от страшной гибели «Колумбов» эфира, сумевшие вернуться на Землю, завещали будущим поколениям массу историй об очередном сказочном человеческом подвиге.

В заключение, из того, что я видел зимой в Институте Рейгена- Сваджа в Маркфоре, ясно одно: около тысячи лет назад произошел невообразимый прогресс в науке и ее приложениях. Они приобрели настолько развитую цивилизацию, что, когда вы видите ее произведения искусства, вы задаетесь вопросом, сделаны ли они руками человека! Если бы этот прогресс продолжался непрерывно, я даже не могу себе представить, что было бы сегодня. Но вмешался так называемый период «приостановки» и он сыграл такую ключевую роль в истории, что сегодня кажется, что их время технологически продвинутее нашего всего на пару сотен лет.

Их внутренняя культура, однако, опережает на тысячи лет благодаря эксперименту Института Айдерсена и Долины роз. Вот почему эти люди так несравненно отличаются от меня в вопросах умственной и нравственной жизни; намного больше отличались, чем мы были от людей двухтысячелетней давности.

Таким образом, их жизнь теперь погружена в безмятежность. Первые мирные дни стали мирными годами, а те, в свою очередь, мирными веками. Человек был искуплен от насилия, страха за будущее, нищеты, изгнания и взаимного уничтожения.
Благодаря «айдерскому образу жизни, культуре и традициям» , человеческим ценностям и

достоинство нашло оправдание.

Но сегодняшние люди также находятся в большом невыгодном положении: с исчезновением всех рисков притупилась способность людей бороться и справляться с трудностями. В наше время найти воинов невероятно маловероятно; они как беззащитный вид на грани исчезновения. Поэтому в случае потенциальной внешней опасности никто не будет знать, как реагировать. Но если вы возразите кому-то, они ответят, что опасностей больше нет, и более сильные соседи, и все это в прошлом. На самом деле мне объяснили, что гибель цивилизаций всегда происходит сразу после внезапного подъема культуры, когда трудности уступают место искусству и внутреннему совершенствованию. Вот тогда появляются неотесанные захватчики и все портят.

Но самое невероятное, что мне сказали, это то, что они даже не боятся своих внеземных соседей! Они сказали мне, что знают все о соседних планетах и что те немногие, на которых есть жизнь (!) населены разумными и духовными существами, у которых отсутствует инстинкт господства и концепция завоевания и расширения. У них гораздо более высокие взгляды и уважение к жизни, и они совершенно безвредны для человека! Они могли бы установить контакт с нами тысячи лет назад, если бы захотели. У них уже была необходимая для этого технология, но не было, потому что эти существа не желали ни контакта, ни отношений с нами, даже мирных. Они предпочитали наблюдать за нами и изучать нас сверху, удовлетворяя таким образом свою жажду исследований. Это было в их природе; таков был их менталитет.

Единственный раз, когда они пытались связаться с нами, это когда они чувствовали, что человеку грозит вымирание из-за его незрелости и неспособности справиться с огромной силой природы, которую он открыл. «Потом, — рассказывали мне, — подошли к нам, научили и опять исчезли...»

ТЕРРИНГТАУН: РОДИНА ДЖОНА ТЕРРИНГА,

ПЕРВЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЛИДЕР

Мариенборг, 26-VI

Большой по размеру, но малонаселенный Мариенборг в Центральной Европе, вероятно, имеет больше музеев, в основном исторических, институтов Рейгена-Шваджа и театров, чем жилых комплексов. Он был построен в непосредственной близости от большой автомагистрали, соединяющей Бломстерфор с Террингтауном, и ему суждено было стать исключительно городско-музейным комплексом, без жителей. Это объясняет, почему его нынешние постоянные жители — потомки старых искусствоведов, историков, музыковедов, студентов и любителей искусства, поселившихся здесь много веков назад. Наряду с ними сюда приехало большое количество ученых и художников из Террингтауна, чтобы провести исследование ренессанс, 9й основных произведений своего века. Когда эти люди переехали сюда, они также принесли с собой свой образ мыслей, свои нравы, образ жизни и стиль одежды; даже воздух почтенного мегаполиса и места рождения Джона Тер

Сегодня говорят, что труд Джона Терринга был намного лучше для истории человечества, чем легенда, которую потомки его поколения создали вокруг «первого великого публично активного человека» .

В молодости он был большим мечтателем. В детстве он провел два лета на своей очень старой родовой вилле с прекрасными садами, которая сегодня стала центральной площадью Мариенборга. К моменту его смерти единственное, что уцелело от виллы, — это ее стены, и тем не менее они нашли способ восстановить ее, оставаясь как можно ближе к оригиналу, и перенести сюда, из Террингтауна, вместе с его заметки о «безумных, грандиозных планах» , воспоминаниях о тех двух летах, которые раскрыли беспокойное сердце ребенка, который впоследствии добьется великих дел. До сих пор существуют исторические фотографии его родителей, двух его сестер, которые были почти его ровесницами, и его приемного младшего брата Чарльза Терринга.

Этим утром я сидел и смотрел на возвышающуюся статую в его память, расположенную на площади, носящей его имя. Скульптор Мондштейн изобразил его с поднятой правой рукой, указывающей далеко вдаль. Ниже вы видите статуи меньшего размера четырех других предшественников: Спаака, Вергинуса, Мильстона и Тродальсена.

Для всех современных людей Терринг — самый харизматичный общественный деятель в истории. Для его современников Cives с универсальным национальным

сознание и единое гражданское образование, Терринг, один из главных героев человеческой истории, живет не только на страницах истории; он все еще здесь, живет среди каждого нового поколения. Этот современный Вудро Вильсон позволил проложить новые пути, проложив путь к установлению новой хронологии. Благодаря ему, его обаянию и убеждению, а также тому влиянию, которое он в итоге оказал на столь разные культуры, было построено необходимое доверие к универсальной социальной и политической жизни, достойной и равной для всех жителей Земли. Он живет среди них , и они, все жители сегодняшней вселенной, любят его так же сильно, как когда-то он любил человечество и разделял боль и горе миллиардов людей. Они любят Терринга, политического деятеля, «первого в истории, которому по существу и эффективно удалось вырваться из оков местного правителя» . характерный серый палантин «Великого года» (их 1-й год, наш 2396 г. н.э.), накинутый на его шею, очень частый его аксессуар. Но еще больше они любят Терринга портрета Кнута Вальдемара, произносящего речь на Европейском Конвенте 2394 года, через год после которого было создано Всемирное Содружество.

Бломстерфор, 27-VI

(Незадолго до полуночи)

Заставляет задуматься: что же это за гениальная раса, сумевшая победить чудовище перенаселения и безжалостной нехватки места? Что это за чудесные поколения, которые не боялись, что задохнутся среди этих миллиардов людей, а вместо этого сумели построить слои земли, как этажи, один над другим? Кто эти люди, которым удалось производить обильную пищу для всех в своих лабораториях с помощью искусственного фотосинтеза?

Я спросил Стефана, почему люди предпочитают собираться вместе в перенаселенных городах, когда в сельской местности так много природы, которая могла бы принять их, предлагая им гораздо более комфортную и спокойную жизнь. Он ответил, что они предпочитают плотно заселять свои города разумным образом — способ, который кажется мне, неопытному и незнакомому, скорее безумием, — чем расселяться по полям и прочим нетронутым частям природы. Вот почему они вместо этого строят город вверх, протягивая невероятно широкие воздушные мосты, которые они называют ромами, высоко над своими небоскребами. Вы даже можете видеть, как их техники трясут ими, как кнутами, когда они их чинят! Если вы посмотрите вверх, вы увидите, что они

твоя голова подобна сети или огромной паутине!

По правде говоря, современное лицо их мегаполисов, на мой взгляд, невероятное зрелище! Однако это не значит, что они меня все еще не пугают. Этим утром стая бесчисленных гигантских летающих тарелок, толще в центре и тоньше на периферии, летящих одна за другой без остановки, потрясла меня до глубины души. Я сидел на скамейке, спокойный и ничего не подозревающий, когда вдруг почувствовал, что солнце исчезает, и поднял голову.
Когда я это сделал, я увидел гигантские летающие диски, летящие над моей головой, отбрасывающие ужасающую тень на воды реки и коттеджи!

— Чего бояться? Стефан позже спросил меня. — Не было причин бояться только потому, что ты оказался один. Позже он объяснил мне, что эти диски направлялись к их искусственным лунам, на тысячи километров вверх, в густонаселенные колонии их ученых. Вот так чередовались смены ученых и техников. В обеденное время и еще раз во второй половине дня Стефан дал мне специальный бинокль, и я сам увидел немало таких искусственных «человеческих лун» , расположенных очень высоко в небе над Бломстерфором. Одни были крупнее, другие были ближе к нам, и можно было видеть, как они переливаются в солнечных лучах.

ПОЧУВСТВОВАТЬ себя чужим

Бломстерфор, 28-VI

Краткая экскурсия по центральным артериям Бломстерфора оставила у меня совсем другое впечатление, чем то, которое я получил вчера, наблюдая за ним издалека. Думаю, мне следует изменить довольно многое из того, что я написал в своих поспешных заметках прошлой ночью; мои выводы были легкомысленными. На самом деле, если бы мне не предшествовало мое посвящение в стремительный Маркфор, я не думаю, что смог бы даже встать на ноги без помощи Стефана здесь, в Бломстерфоре, среди миллионов людей, которые толпятся и суетятся. о городе, в тени этих невероятно огромных зданий.

Стефан стоял рядом со мной столько, сколько мог на протяжении всей нашей утренней прогулки. Но мы также должны были убедиться, что Хильда и Сильвия, которые пришли вместе, не заметили моего беспокойства. И правда в том, что в одном из центральных районов мегаполиса, посреди Теплицкой площади 1812 года, я подвергся почти непоправимому облучению, да так, что меня потом стали спрашивать, не заболел ли я вдруг. Держа Стефана под руку, я едва успел пересечь площадь. И не из-за городских минтелей — чем-то вроде нашего трамвая, — которые в то время даже не двигались, а из-за внезапного, непреодолимого головокружения, которое я почувствовал, вызванное невероятно обширной, плоской, открытой площадкой с огромной бронзовой скульптурой. в центре.

Позже ко мне вернулось самообладание. Насколько я понимаю, причина моего кратковременного коллапса была скорее психоневрологической, чем физиологической. Я посидела немного в тени, успокоилась, выпила предложенный мне апельсиновый сок, а когда мы снова пошли, я умоляла Стефана не заставлять меня снова пересекать эту огромную площадь. Тем не менее сегодня утром я увидел много красоты и величия; Я видел это глазами, но не сердцем... Моя душа снова была пуста, беспомощна, неспособна достичь каких-либо новых глубин восприятия, оценки или понимания. Я осознаю эту пустоту внутри себя. И если я не пишу ничего существенного, чего-то более глубокого, чем мимолетные внешние впечатления моих повседневных переживаний, то это не из-за отсутствия интереса спрашивать и узнавать обо всех этих великих вещах, не из-за моей праздности или приверженности своим отношениям. с Сильвией; это из-за моего осознания. Понимаете, суть, душа всех этих вещей не просто так предлагается кому-то, чужому, постороннему, временному гостю вроде меня.

Мне не хватает подготовки и знания традиций. По крайней мере, туристы моей эпохи знали что-то о местах, которые посещали. я, с другой

рука, ничего не знаю. Мое зрение работает отлично, желание есть, но судьба распорядилась так, что для меня все будет поверхностным. Я не могу переварить все эти вещи, я не могу сделать их своими; Я стараюсь, но каждый раз терплю неудачу...

Я знаю, что то, что я вижу, есть зримое сгущение долгой, глубокой реальности, чуждой и недоступной для непосвященных, синтетический образ прекрасной жизни, в которой я не имею права участвовать. Нам мешает и разъединяет многовековая традиция, зрелая по смыслу, в учреждениях, в организации жизни и культуры. Эти века умели хранить свои тайны...

С каждым шагом, который я делаю, горькое осознание моего разрыва в образовании и традициях становится сильнее. Несколько часов назад я сидел на берегу реки, у этой невероятной набережной длиной более 200 футов, и смотрел на монументальные кованые двери этих огромных зданий, которые, казалось, были созданы с большой тщательностью и вниманием к деталям, как кружево. Линсены и вигиозы надо мной спокойно следовали своей обычной траекторией, а я пытался понять, к какому миру я в конечном счете принадлежу...

ЦВЕТОЧНОЕ УКРАШЕНИЕ И ИХ ТРАНСПОРТНАЯ СЕТЬ

Бломстерфор, 29-VI

Этот мегаполис сейчас является самым большим по численности населения среди рейнских государств и, помимо исключительной технической и духовной культуры, славится еще и любовью к цветам. Я видел каскады цветов повсюду: на фасадах дворцов, на улицах, на центральных площадях. Гладиолусы, гвоздики, лиловая сирень, герань разных чудесных — новых для меня — оттенков, а также плетистые розы и барвинки, покрывающие стены. В аркадах, защищающих их от дождя, чувствуешь себя как в музее; потолки этих мечтательных аркад украшены их любимыми пастельными тонами и позолоченными рамами. Кажется, в других государствах Центральной Европы с населением в двадцать-тридцать миллионов человек тоже привыкли к подобным художественным украшениям в аркадах. Этот семиполосный проспект называется Фон Готтес Гнаден, и я не знаю, единственный ли это бульвар Бломстерфора. Может быть, Стефан специально послал меня сюда, чтобы удивить. Если это так, то он преуспел!

Вечером я поговорил со Стефаном об этих невероятно дорогих дорогах в их гигантских штатах и спросил его, как они могут позволить себе такие безрассудные траты. Он рассмеялся и сказал мне, что они ничего не стоили и что тысячи молодых художников-кивесов предложили построить их или связать свое имя с украшением аркад своей родины. Это напомнило мне случай с Лайном, который ведет свою просветительскую и педагогическую работу исключительно из эмоционального и интеллектуального влечения и морального удовлетворения.

Стефан рассказал мне о нынешнем перераспределении человеческих усилий и талантов, о программе, которая была реализована новой экономикой и техническим прогрессом и направлена на решение проблемы скуки, которая мучила бы большое количество преждевременно демобилизованных рабочих, если бы они не нашли новых цели после двадцати лет, новая цель или благородная миссия в их жизни.

Затем он объяснил мне процедуру украшения города: сначала партнеры офиса оценивают количество дизайнеров и декораторов, которые потребуются на период от двух до пяти лет. Затем они присылают имена тех, кто предложил помощь, ведущим современным специалистам Лорффес из Долины.
После этого Лорффы при содействии достойных делегатов — все великие художники — составляют список кандидатов, а затем и постоянных жителей города.

места, где будет проходить художественное вмешательство, голосуйте без особых усилий онлайн, а электронные счетчики для голосования в муниципальных учреждениях объявляют шорт-листы.

Еще одна вещь, которая поразила меня в Бломстерфоре, это тот факт, что этот огромный штат с его залитым льняным небом, не колеблясь, также построил наземную транспортную сеть с центральными наземными станциями в своих основных районах-городах, которая открыла доступ к большей Европе и остальной мир, а также те огромные террасы, базы их гражданской сети воздушного транспорта. Сейчас только основные порты для данеров находятся в нескольких километрах от столицы.

Итак, позвольте мне нарисовать вам картину: пешеходы и колесные транспортные средства доминируют на улицах, а высоко вверху тысячи летающих транспортных средств кружат и приземляются на террасах высоких зданий. Оттуда с помощью высокотехнологичных лифтов люди спускаются на уровень улицы и продолжают свой путь. Все поверхности, конечно, несравненно больше, чем то, к чему мы привыкли, как и невероятное количество посетителей, которые постоянно, хотя и тихо, ходят вверх и вниз.

Через центральные станции Норстата, на окраинах Бломстерфора проходят крупные междугородние автомагистрали, евразийские автострады, ведущие в Арленхом, Новый Тронхейм, Большой Берген, Террингтаун, Варшаву, Харьково, Тобольск и далее в Сибирь и на побережье Тихого океана. .

Здесь я впервые увидел одну из их огромных рагиоз на стоянке, потому что до сих пор глазел на них на ходу, разгоняясь с невероятной для их размеров скоростью.
Многоэтажное здание издалека напоминало упавший небоскреб.

Достаточно увидеть хотя бы один из этих междугородних колесных транспортных средств невероятных размеров, эти огромные движущиеся города с ресторанами, спа-салонами, комнатами отдыха и специально оборудованными автостоянками — они их называют фурго , — где хранят маленькие линзы и всякие индивидуальные летающие вещи. транспортных средств примерно на 500-1000 пассажиров, чтобы понять, почему их большие универсальные артерии, связывающие Португалию с метрополиями и столицами Дальнего Востока, были построены так невероятно широко.

Бломстерфор, 30-VI Два

профессиональных кинорежиссера моего времени сняли свои собственные фильмы о Великой войне, один сосредоточился на Лондоне под названием Ватерлоо , а другой на Балканах со своим фильмом «Последний мост» . Если бы они знали, что в силу ряда совпадений их произведения уцелеют спустя столько веков, в то время как миллионы других фильмов, возможно, гораздо лучших и не таких

коммерческие — давно утеряны, они бы так гордились!

Теперь, когда я упоминаю Ватерлоо, я вспоминаю, как пренебрежительно отзывались о Наполеоне, который после того, как его армия была почти полностью уничтожена, сказал, что «француженкам достаточно одной ночи, чтобы восстановить великую армию» , превратив людей в простую плоть. Стефан сказал мне: «Каждый человек — это целый мир. Не прикасайтесь к нему. Не вмешивайтесь в это. Во-первых, вы не можете, а во-вторых, вы не имеете права! Эзотерическая личность не зависит от физического аспекта личности, совершенно не имеет отношения к их материальному или биологическому существованию. Они состоят из огромной нравственной вселенной мечтаний, идеалов, трогательных жизненных историй нежности и привязанности, любви, гуманизма и священных человеческих страданий. И никакой Наполеон никогда не сможет это разруши

АРТ И 3D ТЕАТРЫ

В своих музеях и галереях, рядом с экспонатами своих самых известных произведений — в основном, шедевров своего 9 века — они также выставляют некоторые произведения 19 века, в основном из области музыки, поэзии и искусства дискурса, а также как несколько произведений пластического искусства эпохи Возрождения. Интересно, сохранилось ли что-нибудь из 20-го века, «времен упадка и мрака» , как они это называют? Наверное, ничего, что связано с искусством нашей эпохи, возможно, что-то

Прошлой ночью меня отвезли в центр Бломстерфора, в знаменитый театр под открытым небом в Арлингтоне с искусственными кондиционерами, которые в достаточной мере покрывали каждый дюйм этого огромного открытого пространства амфитеатром. Они называют это «ареной» , но значение этого слова с годами изменилось и теперь стало означать «открытый воздух» , не имея в виду форму театров, которая, однако, обычно бывает круглой или эллипсоидной. или их архитектуре, и не подразумевая никакой связи с древнеримскими амфитеатрами. И правда в том, что он совсем не похож на них. Этот монументальный комплекс зданий действительно поражает с первого взгляда, сначала своими размерами и элегантностью, а затем неограниченными возможностями сцены. Каждая минута в этом театре заставляет вас чувствовать, что вы попали в волшебную параллельную вселенную; это производит впечатление легенды или сказки, воплощенной в жизнь на службе человечества!

Сцены чередуются с той же легкостью, что и на Reigen-Swage. И в том, и в другом случае режиссеры могут использовать всю свою гениальность и талант. Хотя в Reigen Swage вы знаете, что все, что вы видите, включая персонажей, которые не что иное, как актеры, искусственно, все это кажется совершенно реальным; как будто ты живешь среди них, как будто ты часть истории. И даже если повернуть голову в любую сторону, действие продолжает разворачиваться непрерывно, видимо, благодаря какому-то чудесному сочетанию «лазерных лучей» , предлагающих зрителю эти волшебные панорамы. Здесь тоже сюжет разворачивается перед вашими глазами стереоскопически, усиливая иллюзию глубины, только теперь вы не являетесь участником зрелища. Если оглядеться, то можно увидеть каменные ярусы амфитеатра, а также тысячи других зрителей, которые их заполняют.

Здесь актеры настоящие, как и их голоса. Диалоги и звуки живые. Однако технические средства достигли такого уровня совершенства, что облака, которые вы видите, небо, реки, дома, камни и всякое такое

пейзажи, кажутся такими же реальными, как те, что вокруг вас, под вами и над вами! Конечно, если подойти ближе и попытаться прикоснуться к ним, они исчезнут. Здесь все зрители, независимо от их положения или фактического расстояния от сцены, видят и слышат актеров через прозрачный прямоугольный кристалл перед сиденьем, по бокам которого находится волшебная лента, воспроизводящая звук! Зритель на сиденьях верхнего яруса видит и слышит их с той же легкостью, что и зритель на сиденьях первого ряда.

Словом, за исключением динамической живости игры актеров и живости их голосов — голоса здесь просто должны быть чистыми и с правильной артикуляцией, громкость значения не имеет, как в наше время — все остальное вроде как вещи из снов и сказок, прямо как в Swage. Вероятно, поэтому эти колоссальные, полые театры современности были спроектированы с такими неограниченными возможностями: чтобы создать атмосферу, похожую на сон.

Невероятное влияние, которое Арлингтонская арена оказывает на иностранного зрителя, в основном связано с превосходной координацией между актерами и техническими средствами, используемыми также Reigen-Swage. И эта техническая возможность позволяет играть пьесы, которые изначально были созданы для Reigen-Swage, и здесь, используя те же последовательности чередующихся сцен и не теряя при этом своего волшебства!

Что же касается имени удивительного режиссера, завоевавшего аплодисменты публики в конце спектакля, то это Гельмут Кротинер.

Подавляющее большинство населения Бломстерфора происходит с севера. Я слышал, как говорили, что, кроме миллионов потомков тевтонов и германцев, здесь есть еще и многочисленные дальние потомки финнов, шведов и норвежцев, которых просили вожди эпохи Тродальсена, Верхина, Фольбаха , Деларош и Бальдини, 15 веков назад, чтобы спуститься к Рейну, к Дунаю и вплоть до Средиземного моря. И они подчинились, изначально не желая того, чтобы предотвратить дальнейший конфликт.

Великая катастрофа 1987 года произошла в то время относительно недавно, и поэтому эта сознательная миграция на Юг, спровоцированная самим Югом, совпала с принятием Великой хартии вольностей в Альтекирхене, когда появилась надежда на лучшую жизнь в политическом и социальном плане. и демографически говоря, возродился из пепла. В то же время профсоюзы и независимые,

самостоятельные кооперативные организации всех видов партнеров, предшественники глотнеров, начали институционализироваться.

ЦЕРЕМОНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЛИГИИ

Бломстерфор, 1-VII

Сегодня первый день месяца, и здесь, в Бломстерфоре, принято отмечать его как христианский праздник, как Рождество и Пасху.

Я заметил, что у них нет ни икон, ни статуй, но благодаря их магическим техническим средствам сцена Благовещения появилась сегодня, в первые утренние часы, на кристально чистом небе, затмив ближайшие звезды...

Потерявшись в огромной толпе, я даже не мог видеть основную часть процессии, но Стефан сказал мне впоследствии, что процессию возглавляли высокопоставленные лица в белоснежных одеждах и представители Долины Роз с их сбоку и несколькими унгами, как их здесь называют, из Ордена Марии-Ли, одетыми в официальные мундиры и с традиционными шелковыми шарфами. Рядом с ними дети, одетые в белое с золотыми поясами на талии, несли венки из светлых цветов.

Несмотря на роскошь мундиров и цветов, торжественность атмосферы была неоспоримой. По молитвам, которые они пели, я узнал Ave Regina Caelorum , а позже они спели «Sancta Dei genitrix, ora pro nobis» . Во время последнего тысячи людей подпевали «Pra pro nobis...
Помилуй нас...»

Никогда в жизни я не был участником такой вызывающей воспоминания, такой торжественной церемонии, до сих пор. И что заставляет меня сделать такой вывод, так это невероятная самоотверженность и постоянство толпы во время шествия. Это чувство неповторимости породило не само зрелище и не богатство шествия, а то, что так искренне и глубоко пережили его!

В очередной раз я понял, что религия — это, прежде всего, опыт и эмоциональное влечение к Божественному и к идеалу Святости. Это вопрос «сердца и интуиции» , а не рационализма в этой священной «связи» между человеком и Духом.

Если бы вы спросили Стефана, есть ли что-то действительно рациональное в основе, скажем, «Девы Марии» , или это соответствует чему-то реальному, мой друг был бы готов ответить: «Я не хочу ничего слышать о рациональности, когда она приходит» . к этим вещам» .

Но в этот раз я настоял. Я спросил его, было ли то, что они с Джагером сказали мне, правдой.

верно, а именно то, что после Волковского Откровения религии или, по крайней мере, их догматический аспект оказались чем-то вроде детских сказок.

— Да, — терпеливо ответил он, пытаясь заставить меня понять. «То, что вы говорите , верно, но не забывайте, что основное содержание Самита, его истинная структура и структура до сих пор совершенно ускользают от нас. Пока мы все еще люди, она для нас недоступна. Другими словами, мы используем религию как замену; они служат для того, чтобы утешать нас и облегчать наши лишения...»

Я сочувствовал ему, потому что он явно изо всех сил пытался выразить себя так, как хотел. Ему было больно пытаться свести все эти убеждения и идеи, которые были у него в голове, в логическую последовательность мыслей. Всякая попытка рационализировать эти «великие дела» приводила его в уныние и волнение, потому что такие вещи для него могут быть восприняты только верой и интуицией.

Аннелюд, 2-VII

Люсборг, Кёльн, Розенхольм, Нью-Сконе, Кобленц, Майентия, Мангейм: жемчужины современного Рейна, который теперь в четыре раза шире древнего. Мы прошли его целый день, но стали свидетелями парада такой неописуемой красоты, что ни о каких признаках усталости или скуки не стоит и упоминать. Новое Радвико, Карлсруэ, Аннелюд, Страсбург, Новая Карелия... Если бы у меня было двадцать жизней, я бы провел их здесь и больше нигде!

Боже мой, какие краски, какие огни, какая невероятная красота в этих ельниках! Города-цветы и города-воды чередуются по мере продвижения. Перед нами своеобразный канал с построенными на его берегах целыми городами-садами, сказочными, а ныне обитаемыми прибрежными локациями, искусственными водопадами, идеально имитирующими работу природы, гесталадами монументального величия, современными храмами духа, оранжереями. с огромными концертными залами, бесчисленными общежитиями, Civesheims и виллами, окруженными обширными зелеными зонами.

Но все это было для меня не чем иным, как мимолетным видением. Я не могу сказать, что я действительно видел какие-то из этих чудес, что они мне насытились, что я знаю их, что я действительно их испытал.

Я прибыл в Аннелюд с впечатлением большой, недавней потери, необоснованной и несправедливой пустоты внутри меня. Осталась жажда поскорее вернуться в те мечтательные места, пройти их одно за другим! Но Стефан говорит, что мы не можем вернуться. У нас другой пункт назначения: мы движемся на юго-восток. Бывают моменты, когда жизненные обстоятельства, в основном навязанные мне, заставляют меня чувствовать, что Стефан не видит во мне

другом и компаньоном, а скорее как «равный» , который пережил травматический опыт и все еще борется со своими травмами. Он видит во мне «Cive of the Nojere» , который, тем не менее, все еще зависит от других людей, которые позаботятся о нем, психически неполноценного «узника своей амнезии» , единственного человека в сегодняшнем мире, который не может свободно летать в где хочет, когда хочет...

2-VII Снова

(Очень поздно ночью)

Весна пришла навсегда, и ночи здесь, в этом прекрасном южном городе, волшебные. Дни стали длиннее, а вечера теперь довольно теплые.
Сейчас я на террасе гесталада , где мы остановились, лежу в шезлонге лицом к саду. Я сижу, закутавшись в тонкое, но теплое пальто, которое всем нам выдали в раздаче Форенинг , и смотрю в небо. Немного прохладно, но звездный свет изумителен. Кроме того, мягкий ветерок, который дует, приносит ароматы из близлежащих садов.

Я думаю о том, что говорил Кант: «Больше всего меня пугают две вещи: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне» . Небо — мой самый верный друг, самый дорогой спутник моей души, потому что оно такое же, как и в мое время.
И никто не может лишить меня волшебства этого ясного ночного неба!

НОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ 3300 ГОДА н.э.

Изобразительное искусство и его техника

Низальборг, 4-VII Эстетическое удовольствие,

предлагаемое «Объединенными музеями» в Низальборге и государственными галереями, которые считаются одними из самых представительных галерей Центральной Европы, могло только можно сравнить с тем глубоким удовлетворением, которое испытывали любители искусства нашего времени при посещении наших главных храмов искусства: Лувра, Прадо, Эрмитажа, галереи Боргезе, дворца Питти и музеев Рима. Потому что если и есть какая-то область культуры, в которой нынешняя цивилизация соответствовала, но не превзошла достижения нашего времени, по крайней мере до XX века, то это изобразительное искусство. Во всех других аспектах жизни и культуры я твердо верю, что этот мир намного опережает наш. Любая попытка сравнить их была бы в подавляющем большинстве случаев нам во вред.

И под «современной культурой» , конечно же, я подразумеваю в основном их великий 9 век и не столько последующие 600 лет. В том столетии искусство достигло своего наивысшего расцвета в истории новой цивилизации. Что касается точного периода, в который я жил, то история их искусства классифицирует его безоговорочно и без дальнейших дискуссий как период упадка и упадка искусства, описывая те годы как своего рода новое Средневековье, прошедшее между начало 20 века и их возрождение. Не говоря уже о времени [illegible] как

Теперь, когда я говорю, что этим людям удалось сравняться с нами, я говорю чисто художественно и эстетически, а не с точки зрения технических средств. В области технических средств и достижений их превосходство не имеет себе равных, поскольку они способны создавать эффекты, о которых мы даже не догадывались.
Вот несколько примеров: то, как сохраняются их цвета и линии, их «фотохромата» , все различные методы и типы штриховки, измерение глубины топографами и знаменитый «цветовой свет» , который также известен как «свет в крыше» . цвет анолии» — новшество школьного века — и используется специально для Штернстеда, великого живописца 9-го века,
изображения неба в пейзажных картинах и других подобных технических достижений, не зависящих от чисто художественной ценности произведений.
К счастью, они точно знают, в какой степени они должны использовать эти технические

означает, никогда не жертвуя истинной красотой ради технического прогресса; их неоспоримая и безошибочная эстетика не дает им потерять контроль.

Youthsmile, 5-VII

(Поздно ночью)

Март почти закончился, и нет места лучше, чем старый австрийский Тироль, чтобы встретить апрель. Когда я думаю об этом, на ум приходят слова поэта моего времени: «O primavera, gioventù dell' anno!» («О весна, молодость года!»)

Мы прибыли сюда вчера, поздно утром, вместе с десятками тысяч людей, ехавших в гигантском караване данеров, в основном из стран крайнего севера, из Олесуда, Тронгеми, Бергена, Скавангера, Норфора и даже из Заполярья. Регионы. Их лица сияли от счастья. Большинство из них собирались сесть на индивидуальный транспорт и продолжить путь к берегам Средиземного моря... О, как бы хотелось, чтобы и мы здесь ненадолго задержались! В данный момент я не мог представить большего личного желания. Весенний полдень и закат в Youthsmile!

7-VII

(вне Youthsmile)

Сильвия и я — на этот раз только вдвоем — проезжали через многочисленные сельские районы, называемые лансби, названия которых я не стал спрашивать. Мне не хотелось ничего спрашивать ни вчера, ни сегодня.

Счастливые дни... Блаженные дни! Кто были эти люди, сумевшие убедить нас в том, что боль – это «необходимое условие жизни» и что удел человека – страдать? Как же я ошибался! О, как я ошибался, поверив им! Как же я ошибался, думая и живя так! Сколько моей молодости и интереса к жизни я растратил? Я хотел бы провести оставшееся время с Сильвией в этой прекрасной искусственной тирольской долине, в которой сегодня проживает более четырех миллионов человек. Как бы я хотел проводить дни и ночи здесь, и только здесь, в Youthsmile, живя мечтой, сказкой!

Настоящее счастье ничего не стоит. Он прячется в мельчайших вещах. Молодости — не хронологической молодости или молодости тела, но молодости души — и любви достаточно, чтобы сделать ваше сердце способным воспринимать все это счастье, которое вас окружает, все эти божественные послания, которые вы ежедневно упускаете.

Сегодня, когда Сильвия проходила через ворота с распущенными волосами,

выражение ее глаз и изогнутые брови напомнили мне черты лица Вилли, сына Анны. Я видел его всего один раз на центральной площади нашего села, но его образ навсегда врезался в мою память. Они были так похожи во всем, что говорили и делали, а не только в чертах лица; они были как две капли воды! Как будто она никогда не потеряется, пока он ходил по земле, как будто она всегда будет жить через него, как будто в этом мире случаются чудеса и человеческая наука не знает всего, как будто есть вещи, которые существуют вне нашей собственной сферы возможностей и понятий, как будто определяющий фактор личности человека, наряду с генами, таит в себе и некую невыразимую духовную стихию, не знающую ограничений времени и пространства, побеждающую бедную, преходящую природу человеческой жизни. , что пересекает бездны времени, духовный элемент, непостижимый человеческим разумом, но всегда присутствующий.

ПРОГУЛКА ПО LANSBEES

8-VII

Сегодня я встала с кресла рано утром, когда тишина и покой еще обнимали лансби , спящих под кристально чистым голубым небом. Я довольно долго гулял до того времени, когда Сильвия обычно просыпается. Постепенно начали просыпаться и лансби . Мужчины и женщины, но в основном молодые кивы, мальчики и девочки в толстых походных ботинках и маленьких мягких шляпах в руках, кто поодиночке, кто парами, кто большими группами, направились к лесистым склонам. Большинство носили знаки отличия своей группы на лацканах.

По дороге я встретил хорошо сложенную молодую женщину со светлыми косами, которая направлялась в гору одна. Я остановился и посмотрел на нее. Хотя она поняла, что я заметил ее, она не опустила взгляд. И глаз она, конечно, на меня не строила. У нее не было ни малейшего намерения провоцировать, и это отражалось на ее лице. Для него была характерна детская невинность без малейшего намека на кокетство. Это показало уверенность перед незнакомцем, с которым она только что столкнулась, что у нее нет причин держаться на «дистанции» . Но она не оказала мне ни малейшего заметного поощрения. Она, вероятно, недоумевала, почему я остановился, и если мне что-то было нужно, ее взгляд был непритязательным, дружелюбным, излучающим равноправие.

Я знал, что если я спрошу ее о чем-нибудь, скажем, о направлении, она ответит мне очень вежливо и с достоинством и с необходимым, здесь, «бак» (спасибо) в конце каждой фразы. И что, если я попытаюсь идти рядом с ней, она не заподозрит моих намерений, и у нее не возникнут подобные психологические реакции. Она сочла бы это вежливым, дружелюбным и бесхитростным, как если бы мы были старыми друзьями. И если потом я встречался и составлял компанию ее друзьям, то и они относились ко мне так же: как к старому и постоянному члену их группы.

Я не забыл, однако, что Сильвия скоро будет ждать меня, поэтому я вообще не разговаривал с ней. Я положил конец нашей встрече, кивнув на прощание, как теперь принято в таких обстоятельствах, то есть между незнакомой молодой «гражданкой» и пожилым человеком, которому незачем с ней разговаривать.

У входа на зеленую поляну, ведущую к ближайшей автомагистрали, стоит мраморная скульптура Мэри-Ли Волки, одна из самых известных старинных скульптур.

Тироль, работа их 12 имен й скульптор Оттерманден. Статуя придает на лесной дороге, которая лежит впереди. Автомагистраль Билвей проходит за пределами Youthsmile и искусственной долины. Никакие их автомагистрали не проходят через штаты или города. Вот почему они построили меньшие кольцевые дороги, чтобы соединить два.

Первое впечатление, которое у иностранца складывается о Марии-Ли, сводится к тому, что она какая-то «святая христианства» , провозглашенная духовными лидерами Долины Роз, в то время, когда христианская церковь веками перестала провозглашать святыми. По крайней мере, это то, что я чувствовал, сидя у ее ног.
Вне зависимости от исторической реальности, Марию-Ли можно было бы легко охарактеризовать как своего рода «христианскую духовную фигуру» , и то из-за «внутренней связи» между проповедью Ноджере и нашей собственной древней религией, считающейся сегодня универсальной. традиция.

Бросаю последний взгляд на скульптурный шедевр Оттермандена. Улыбка Мэри-Ли слегка напоминает загадочную улыбку нашей Моны Лизы, и каким-то образом умудряется вызвать в сердце неописуемое счастье. Это символ возрождения и надежды: после падения веры и красоты, поклонения непоследовательности, пренебрежения моральными принципами и отсутствия идеалов в жизни, поражения гуманизма, политической анархии и ужаса ядерной катастрофы. что пронизывало жизнь, в конце концов оказалось бессильным и преходящим. Это живое свидетельство того, что ушедшее новое Средневековье также было преходящим, поскольку Великая Реальность стерла это позорное прошлое и открыла новую страницу в истории человечества, победив все зло и исправив все ошибки.

Я просто сижу здесь, глядя на скульптуру. Ее вид так успокаивает и так утешает; это доставляет мне глубокое внутреннее эстетическое удовлетворение. Я рад видеть, что источник Молодости и Жизни все еще присутствует здесь, недвижимый и неизменный, спустя тысячи лет. Приятно видеть, что на самом деле ничего не потеряно; это все здесь, сильнее, чем когда-либо!

«ПРОГУЛКА ВИКИНГОВ»

Дарея, центр автоматизации и Элики

12-VII

Огромная автомагистраль, соединяющая Новую Христианию с Эястремом, проходит через широкую равнину с огромными огороженными кристаллами набережными , построенными для данеров, и тысячами других туристических объектов партнеров Biltur , которые простираются до Альп, откуда открывается живописный вид на ледники. которые были продуктом устаревших технологий много веков назад, которым удалось контролировать климат горных хребтов, чтобы обогатить Силею, искусственную реку, текущую сразу за ними.

Она называется «Прогулка викингов» и, по словам Стефана, это самая большая автомагистраль в южной Европе. Впервые он был заасфальтирован очень давно, примерно в то время, когда была создана Силея.

Увидев этот перекресток крупных артерий и райозу со всеми этими огромными и разнородными транспортными средствами, я почувствовал, что навсегда прощаюсь со всеми этими идиллическими пригородными городами и прекрасными пейзажами только для того, чтобы снова вернуться в большие промышленные центры городов. современная жизнь. Пытаясь сдержать слезы, я помахал рукой на прощание, в то время как остальные трое, похоже, не возражали против того, чтобы оставить все это позади. Они были так переполнены радостью и ожиданием нашего прибытия в Rosernes Dal, что не могли думать ни о чем другом!

Я спросил Сильвию, чувствует ли она усталость из-за того, что прошлой ночью поспала всего несколько часов. "Нисколько!" она ответила. «Я только хотел бы, чтобы мы могли добраться до Улиц Дворцов раньше!» В этот момент она думала только о Долине роз. Мы ненадолго остановились на перекрестке Дареджи. Если вы пойдете по «Дороге викингов» на юг, остановка на этом перекрестке обязательна. Мы в миле от холма, за которым прячется Силея. Мы сейчас очень близко к искусственной реке, которая течет через другую сторону долины. На самом деле, мы рассчитываем, что в сумерках мы увидим, как она течет по левой стороне.

Я не знал, что Дарея является таким важным транспортным узлом. Здесь необходимо остановиться, если вы хотите воспользоваться одной из райоз , чтобы отправиться либо на восток к венгерским равнинам, либо на запад, к швейцарским озерам, либо на юг, к Лигурии, либо даже если вы хотите пересечь Адриатику или Эгейское море.

Население Дареджи составляет около 3,5 миллионов человек, две трети из которых являются постоянными жителями. Совсем не большой, если учесть его мировую репутацию «государства великих техников» и решающую роль, которую он играет в перевозках по всему миру. Однако верно то, что его техническая и технологическая цивилизация не имеет себе равных. Его старые лаборатории и институты продолжают работать с тем же пульсом и жизненной силой, что и прежде. Политехи до сих пор привлекают сотни тысяч студентов со всех концов Европы и их населенных пунктов и считаются воплощением вкуса и умеренности. Найра и Фьерлан, два искусственных притока Силеи, которые в основном выглядят как каналы, проходят через самую старую часть города симметричными линиями.
Здания величественны, но, возможно, слишком симметричны и однообразны как по конструкции, так и по цвету, поскольку все они окрашены в чередующиеся оттенки желтой охры.

Дарея – это центр автоматизации. Это Мекка Южной Европы по отношению к ее техникам. Именно по собственным проектам Дареи была создана Силея, и именно мудрецы Дареи сделали возможным строительство ледников Малый Гиостендаль. Это город, школы которого дали миру Ярла, Бойера и Карла Хорнсена — что-то вроде наших Кюри, Лавуазье, Ферми, Макса Планка и Де Лессепса.

Хильда сказала мне, что с точки зрения чисто духовной цивилизации Дарея не может сравниться с Маркфором, Анолией или Бломстерфором. У него никогда не было такой давней традиции духовного творчества. И она сказала, что меняющиеся времена и спад в технологиях часто задевают гордость этого великого и славного государства. Дарея теперь скорее последователь, чем лидер...

Рассвет. Огромные бронзовые викинги, давшие название автомагистрали, обрамляют дорогу. Зрелище впечатляющее! На протяжении всего путешествия рагиоза не касалась земли! Он движется так быстро, что кажется, что он летит! Стефан говорит, что райоза находится всего в трех дюймах над асфальтом автострады, но этого достаточно, чтобы защитить ее от любого контакта и, следовательно, любого трения с дорожным покрытием автомагистрали Викинг. Это похоже на волшебство, учитывая вес этой «летающей лодки» , которая мчится со скоростью молнии!

Сейчас утро. Если бы это зависело от меня, я бы остановился на некоторое время. Я заметил, что растительность постепенно менялась, что указывало на то, что мы приближаемся к Средиземному морю. — И все же мы еще далеко, — поправил меня Стефан. Иногда я забываю, как все отличается от того, что я

вспомните, как сильно он изменился...

Кипарисы-яблони, липы, вязы, мармелад, потом фруктовые деревья, потом столетние платаны у ручьев и дальше вниз бесконечными рядами азалий и высоких серебристых тополей. Запах воздуха навевает воспоминания о детских поездках. Они так тронули мою душу тогда, что я помню каждую деталь и клянусь, что воздух пахнет и на вкус точно такой же, как тогда! Не передать словами, какое волшебное чувство знать, что я уже был здесь раньше и что мне дан шанс вернуться в эту жизнь: это чувство торжествующего счастья, осознание своего неповторимого предназначения, божественное чувство благодарности!

На перекрёстке с Элики все пассажиры обменяли вигиозу на несколько мелкоколёсных цивесминтел , которые ждали нас там. Мы все вчетвером сели в один из них и продолжили путь. Выйдя из Элики, первое, что я увидел, было около сотни жриц Розерн Дал, ожидающих прибытия вигиоз , чтобы они могли, в свою очередь, продолжить свое путешествие. Я помню, что встречал некоторые из них и в Маркфоре, но никогда так много их вместе. Они не были похожи на путешественников. Маленькие мягкие сумочки, которые они несли, были единственным, что их выдавало.
Немало из них было окружено детьми — по двое-трое вокруг каждого. Я насчитал их около ста пятидесяти, но их должно было быть еще больше! Считался ли он неким «почетным эскортом» жриц или им доверили заботу о детях? Вы не могли сказать. Они стояли неподвижно в созерцании, а послушные дети тихо стояли рядом с ними.

В цветниках перекрестка Элики я впервые увидел, пожалуй, самую нелепую роскошь тех времен, то, чего не видел до сих пор ни в одном из крупных городов — ни в Маркфоре, ни в Бломстерфоре, ни в в Анолии, даже не в Норфоре: огромные искусственные корзины диаметром 15-20 метров, украшенные цветами и растениями, свисающими отовсюду, великолепные работы какого-то виртуозного флориста-живописца и замечательные картины на темы из «Пришествия 200» и создание Долины роз.

Цветы и растения здесь не геометрические и не кружевные, как в Маркфоре. Здесь преобладают мириады совершенно естественных оттенков зеленого, от светлого серебристо-оливкового до черно-зеленого цвета елей, в формах и очертаниях, искусно созданных и за которыми ежедневно ухаживают специально

назначены «флористы-смотрители» , чтобы работа «учителя» ни в малейшей степени не увядала и не портилась. Издалека они выглядят как гобелены, разложенные на земле, словно приветствуя путников. Их, конечно, никто не трогает.

Во второй половине дня мы снова были в пути. Теперь по окружающим пейзажам стало намного очевиднее, что мы приближаемся к Долине.
Большие храмы и институты, растянувшиеся на сотни метров, и всевозможные кьеркетаарны — идеально круглые или эллипсовидные храмики с белоснежными круглыми колоннадами — теперь заняли место гигантских блокгаузов по обеим сторонам дороги, и оттенки пастельных тонов уступил место мягкому розовому свету.

Небо здесь совершенно свободно от тех густых, темных стай огромных летательных аппаратов, а тысячи площадок и террас линсенов здесь разбросаны среди парков и цветников вместо гигантских аэропортов северных районов.

Время от времени на холме можно было увидеть усадьбы Лорфов, выдающихся представителей современного духа, все еще запертые на этот сезон, которые, однако, принадлежат Розернам Далям, а не лично им, и которые позже будут переданы их духовным преемникам, как сообщил мне Стефан. Рядом с ними виднелись скиты Илекторов, пустынные монастыри из красного гранита, построенные строгими очертаниями, личные безмолвные убежища эмеритов.

Топонимы и детские воспоминания, которые они вызывают, завораживают современных людей даже больше, чем красота природы, даже больше, чем великолепие окружающей среды.

Сильвия и Хильда приехали в Долину в канун Рождества много лет назад, и Стефан несколько раз посещал великий духовный центр спустя какое-то время после них, но все они уже знали историю каждого дюйма этой земли с того времени, когда они были еще в школа.

Если заглянуть за тополя, обрамляющие ручей, за светло-розовой стеной монастыря Илекторов в Дельфии, можно различить комплекс одноэтажных коммунальных помещений отшельников Нааде.
Аструччи и Лейн рассказали мне о них в Маркфоре: четыреста лет назад их предшественники были первыми «отцами-основателями» Долины, первыми учеными, толкователями и редакторами древнейших текстов Айдерсианского

", что значит

традиция н. Они до сих пор называют их греческим словом «отшельники-
отшельники» .

СИЛЕЯ, ИХ ИСКУССТВЕННАЯ МАТЬ -РЕКА Пока туманное

солнце медленно садилось, Стефан, который до этого момента, как всегда, был спокоен, внезапно схватил меня за оружие, чтобы показать мне большую реку, которая выскочила с запада далеко на заднем плане. . "Смотреть! Смотреть!" — воскликнул он, и одновременно Сильвия и Хильда начали возбужденно кричать: «Это Силея! Силея!»

Я повернулся и отчетливо увидел очень широкую полосу воды даже издалека. Неужели эти проницательные люди изменили тогда всю карту континента? Реки такого размера в этих широтах в мое время еще не существовало! Но Стефан сказал мне, что Силея принадлежит не только южной Европе и что она заканчивается здесь после долгого блуждания, начиная с Монблана в Савойе.

Один из старейших символов технологического и экономического консорциума и политического сотрудничества в Европе, Силея проходит через ряд стран, и ее водопады, дамбы и искусственные излучины — поскольку это прежде всего искусственная река — когда-то дали народам Европы большое процветание благодаря огромному производству гидроэнергии, которая снабжала весь континент более века.

Позже открытие новых значительных источников энергии подорвало значение Силеи, по крайней мере, как источника энергии. Тем не менее, в сердцах европейцев моральное и политическое значение его строительства, его бесперебойная работа в течение примерно 130 лет, а также его общий вклад стоят как напоминание о сотрудничестве и солидарности, которые заменили вражду между народами, символ о сохранении духа Альтекирхена и о важности его устава, при этом Хартия Наций является эмблемой первого первоначального федеративного союза европейцев.

Таким образом, Силея остается нетронутой, с ее портами, мостами и станциями Панъевропейского гидроэнергетического консорциума, имеющими теперь только историческое значение, по-прежнему расположенными на окраинах городов, через которые протекает супер-река.

Чудесные красочные балконы, украшенные всевозможными цветами, продолжают восхищать вас на протяжении сотен километров, нависая над бронзовыми статуями первопроходцев первоначальной федерации: Мильстона, Грюберга, Рикенмата, Вергина, и герой и мученик Густав Сеогоя, не успевший увидеть свое видение сбывшимся, так как слишком рано поддался давлению и однажды осенью

ночью, собственными руками разорвал себе грудь и умер преданным, преследуемым и изолированным.

Мы пересекли невообразимо длинные и широкие мосты Силеи один или два раза. Тысячи людей собрались на невероятно широких тротуарах мостов, сидящих на скамейках и разговаривающих или облокотившихся на перила и смотрящих на воду под ними.

С моста Альбиэль, глядя далеко вдаль, вместе с толпами линсенов , которые шли впереди, я впервые увидел довольно много старинных небольших парящих лодок, предназначенных для личного пользования, которые выглядели так, будто их выдернули из очень старые гаражи или музеи — летающие велосипеды и трициклы-амфибии, бескрылые нано-вертолеты, невероятные вигиозы со старомодными турбинами и всевозможные другие комические летательные аппараты, которые изо всех сил старались не отставать от более новых и быстрых линсенов.

Сколько бы Штефан ни убеждал меня в том, что прозрачность Forening — своего рода консорциума или партнерства — прочно установлена и что кооперативные ассоциации партнеров являются гарантами безопасности ее продукции, я невольно пришел к выводу, что даже у этих идеальных времен могут быть некоторые слабости. Те граждане — а их много — которые путешествуют в таких транспортных средствах, должны быть либо капризными, либо несправедливо относиться, по крайней мере временно, к распределению Forening , вынужденным терпеливо ждать в течение некоторого времени, чтобы получить транспортные средства, которые они заслуживают, транспортные средства, которые остальные кивы уже владеют.

Уже наступила ночь, когда Силея после получасового отсутствия вновь показалась перед нами, освещенная, на повороте дороги. Только ночные часы отдают должное истинной красоте этой реки. «В это время суток Силея обретает в наших глазах святость Ганга; мы видим в ней священную реку Европы» , — сказал Стефан.

Апулия, Эрика, Терранова, Родопы, Великий Тополь, Эмерита, Фата-Аззура, Тескера, Нидельфия, Эгерия, Виллафранка, Филиатура: мечтательные окраины Долины, заполненные Миндре Сколес (их начальные школы), Вилентены (их средние школы), исторические и этнологические музеи, планетарии, консерватории и институты, «центры безмятежности» , лекционные залы, библиотеки и кабинеты, храмы, комплексы эрмитажей и огромные амфитеатры. Большие окрестности Долины создают невероятную духовную атмосферу.

Стефан стремился рассказать мне об истории каждого из этих чудес.

и объяснить мне их более глубокое значение так хорошо, как он мог. Он никогда не отходил от меня и не переставал отвечать на мои вопросы — даже на вопросы, которые я еще не задавал. Я заметил, что он ни разу не заговорил с нашими друзьями. Но они и не разговаривали друг с другом; они оба были сосредоточены на своих мыслях.

Мы продолжали путь ночью, нигде не останавливаясь.
Тысячи людей на своих автомобилях проехали мимо нас по этой чрезвычайно просторной автомагистрали, все они были переполнены одним и тем же волнением и ожиданием прибытия в Долину. Посреди ночи, в настоящем каскаде белого света, заливающего горизонт, мы прибыли в Долину Роз...

ДОЛИНА РОЗ: ГЛЯДЯ НА СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД

Розерн Даль, 13-VII Сижу и

смотрю на «святой» город тех времен, изнемогая от очарования этого завораживающего вида, который может сравниться разве что с пейзажами грез и сказок.

С густонаселенного холма с небольшим и пологим уклоном, где мы расположились в полночь позапрошлой ночи, я бросил взгляд и понял, что мы наконец-то прибыли!

Перед нами простиралась искусственная котловина, которую я видел прежде на Рейген-Шваге , полная розовых кустов, храмов и бесчисленных памятников, дворцов со знаменитыми кривыми куполами Грации Деи и Лисикомы: гигантский город-сад с постоянным населением в шесть миллионов человек. души, включая окружающих его региональных лансби , разрезаны рекой пополам.

На небе нет звезд, и этот слабый, рассеянный, холодный свет, который, кажется, не исходит ниоткуда, создает иллюзию дневного света. Кажется, я уже говорил это раньше, но этот искусственный свет нынешнего времени выглядит как северное сияние.

Я был очарован! Я не мог оторвать от него глаз! Сказочные сокровища топазов, аметистов, рубинов и сапфиров сверкают под этим ослепительным светом! Каждая из полукруглых линий на горизонте представляла собой чудесный, освещенный прожекторами храм искусства, памятник духовной истории последних столетий.
Вот как они используют большинство своих драгоценных камней в настоящее время; украшать свои крупные культурные центры! Они никому не принадлежат! Их цель состоит в том, чтобы удовлетворить глаз своих зрителей!

— Смотри, Андреас, смотри! Сильвия повернулась ко мне лицом и посмотрела на меня, зачарованная видом Долины, которая лежала впереди. "Смотреть! Это наша земля, Андреас, наш земной шар, наша собственная планета, даже если мы не верим своим глазам!»

Отсюда открывается великолепный вид на бесчисленные дворцы Илекторов и Лорфов, их обсерватории и всевозможные «радиостанции» , которые носят славные имена старых исследователей, которых они чтят, таких как Стриберг, Тегнер или Фериди. галереи, в которых хранятся их шедевры, храмы францисканцев в Кордеи, муниципалитете долины, и Мадонна с розами. А если обернетесь, то увидите множество планетариев, зимних садов, спортзалов и бассейнов, повсюду на

периферия Долины.

Вот галереи Иберии, Лацио и Новой Сабины со знаменитыми девяносто восемью разнородными, но так удачно совпадающими столицами, каждая из которых занимает несколько страниц в истории искусства. А еще есть храм Человеческих Страданий и алтари Материнства, Исследования и Жертвы, построенные в память о тысячах ученых, преследуемых или искалеченных радиацией и их борьбой с бактериями и вирусами. А еще есть помещения Института Айдерсена — целый город сам по себе — и храмы «мертвых религий» , построенные каждый в своем стиле: буддийские, индуистские, древнегреческие храмы, синагоги. Я даже видел храм Заратустры!

Там на заднем плане я вижу храм Любви и Мира, строительство которого длилось целых три поколения, как мне рассказывали.
Спроектированный великим Ниморсунтом — проект IX века, завершенный в 876 году — он стал плодом искреннего сотрудничества архитекторов Олафа Кейрла, Хильды Норманден и Алисии Невилл.

На востоке стоит Пантеон с ореолом в форме арки со знаменитой здесь надписью «Honora Praecursoribus Aeternus» , написанной золотым светом! В этой надписи есть что-то волшебное, кроме золотого света, которым она была написана; независимо от того, где вы находитесь и под каким углом вы смотрите на него — сверху, снизу, издалека или вблизи — вы можете видеть его так же ясно, как если бы стояли прямо перед ним!

Рядом с ним Храм Поэзии Кеконена, тоже 9 века.
Между Пантеоном и Дворцовыми улицами стоит храм Дамона и Фидия, специальный проект, вдохновленный Ялмаром и Ринаршильдом — 13- м и 13-м века, чьи имена и дружба ознаменовали их эпоху, — самыми известными Лорффами 12-го [illegible] за увековечение идеи дружбы в целом, а не своей личной дружбы.

На западе храмы-дворцы, посвященные Справедливости, Свободе и Культуре, Добродетели и Гуманизму, а рядом с ними памятник Игоря Бодурова, который навсегда повествует о жертвах двадцати миллионов человек, принимавших участие в неудачной попытке колонизировать Марс. А вот и невидимый и неосязаемый храм Божий! Вы серьезно ничего не видите! Это место религиозного транса и концентрации, только для Лорффов , которое принимает форму, только если вы находитесь в нем!

Я также видел храм Невоспетых мучеников Дина Керстина из синтетической слоновой кости! О, я так много читала о нем в книгах, которые мне давали! Он был одним из тех, кто еще в темные века «нечаянно предсказал» грядущее. Большинство храмов были построены в первые два века существования Ноджере, но после того, как был получен Оверсин , их значение интерпретировалось значительно иначе . й и 9 Когда в 8

й века были слышны знаменитые пророческие слова Брамсена, а позже Ниттенмата, как будто Айдерсен тоже знал, глубоко внутри: «Все, что превосходно, обязательно победит все, что не так; высший дух и истина рано или поздно восторжествуют» . Или: «Это закон природы и творения, что тысячи планет, сдерживаемых живыми, мыслящими существами, встречают свою «великую судьбу» . У некоторых уже есть» . Что касается нашей маленькой земли, они сказали: «Не позволяйте недостаточным промежуткам времени омрачать ваше суждение; если вы хотите провести сравнение, выберите прошлую эпоху. Например, сравните наше время с каменным веком» .

Великие старцы, предшественники и предшественники Шиллерена, мудрецы, которые ждали смерти, чтобы открыть новые горизонты сверхчеловеческого познания и умственного развития, никогда, ни на секунду не верили, что они когда-нибудь просто перестанут существовать. Как будто знали...

Таким образом, я пришел к выводу, что добродетель в конце концов вознаграждается, что моральный компас является предпосылкой для блаженства, что сознание, в конечном счете, является «Богом внутри нас» ! Даже философия оправдалась, когда высветила идеал нравственной личности в жестоком мире. И в этом временном, маргинальном и преходящем мире, в контексте конечной человеческой судьбы, люди говорили о «вечном» и «нерушимом» и воспринимали бесконечность как понятие.

Для меня подтвердился даже Вагнер, который в своей опере « Парсифаль » представил идею о том, что чистота может победить все искушения и достичь искупления.

Я сижу тут всю ночь, пытаясь разглядеть все храмы, что разбросаны по всей Долине Роз, приковавшись взглядом то к одному из многочисленных мощных телескопов, которые стоят здесь на балконе гестела, то к ночному видению. бинокль, который дал мне Стефан.

Уже второй час ночи. Прошло уже несколько часов с тех пор, как мои спутники легли спать, а я все еще бесконтрольно брожу по террасе, среди упоения чувств, даже не думая об усталости, даже не имея нужды позволить своему слабому телу погрузиться в мою кресло.

Тысячи вещей, которые я видел на Reigen-Swage и на карте Rosernes Dal, всплывают в моей памяти, и я хочу найти как можно больше из них. Мне даже удалось разглядеть несколько десятков статуй и памятников из миллионов, что воздвигнуты вне храмов. В голове крутятся имена, даты и всевозможные произведения искусства и значимые достижения.

Если бы Стефан был здесь прямо сейчас, я бы спросил его: «Каков более глубокий смысл Долины? Правда ли, что на самом деле ничто никогда не теряется?»

Мириады личных воспоминаний и мыслей наполняют мой разум и душу.

Волшебный рассеянный свет исчезает, и свет нового дня занимает свое место в кристально чистом голубом небе. Сегодня двенадцатое. Я не думал, что выживу здесь. Я не думал, что мне выпадет шанс увидеть Долину своими глазами; но я сделал, и теперь я хочу видеть все!

— Ты пробыл здесь всю ночь? — спросил Стефан, внезапно нарушив молчание. Он встал очень рано, около десяти седьмого, как раз к восходу солнца. Девочки еще спали. Он выглядел немного обеспокоенным тем фактом, что я вообще не лежал в кресле, но я успокоил его, сказав, что чувствую себя очень свежим и полным сил.

«Я не думаю, что кто-то спал прошлой ночью» , — сказал он. — Но мы хотя бы приляжем на несколько часов. Хильда не сомкнула глаз всю ночь. Ее сердце бешено колотилось, и в три часа ночи она встала и приняла успокоительную таблетку. Она была взволнована, как ребенок, который не может дождаться рассвета Рождества... Видишь ли, здесь никто не хочет уйти из этой жизни, не увидев хотя бы раз «Розерн Даль» .

Стефан говорил со мной о всемирном капитале с обычной для того времени гордостью, которая проистекает из чистого волнения, любви и переживаний их детства.

«Завтра днем мы поедем в Долину» , — сказал мне Стефан перед отъездом. — Я говорил тебе, что завтра днем? Это важно. Вы должны подготовить troje, официальный предмет одежды, предназначенный для этого случая, но это должно быть наименьшей из ваших забот. Прежде всего, подготовьте свое сердце! Взгляните на свою жизнь в ретроспективе и помолитесь от всего сердца. Ты теперь один из нас. Просто убедитесь, что ваши мысли чисты. В эти дни все молятся. Вы тоже должны молиться; за мать-землю, за институты, за наших умерших, за окончательное избавление от варварства, за конец предыстории» .

Я сижу на террасе с Сильвией, жду колоколов. Стефан сказал мне, что прошла уже неделя с тех пор, как со шпилей Невоспетых Мучеников раздался регулярный утренний звон колоколов. Эти дни известны как двенадцать дней молитвы перед панихидой. Сильвия сидит рядом со мной, держа меня за руку. «Иногда наше внутреннее существо нуждается в нежном чувстве уединения и спокойствия, сопровождаемом заботливым и любящим присутствием, вдали от мирской суеты, в уединении, которое служит знаком уважения и признательности всем этим любимым местам. ..." прошептала она.

Я сказал ей, что, честно говоря, не могу с этим согласиться, и тепло сжал ее руку, когда прозвенел первый звонок. Есть что-то в этих звуках, что напомнило мне о христианстве, хотя их интенсивность и эстетическая ценность значительно возросли.

С закрытыми глазами и обеими ладонями, прижатыми к вискам, Сильвия молча слушала, погрузившись в свои мысли и сосредоточившись на своей молитве. «О, дайте мне услышать колокола» , — сказала она незадолго до этого, когда я попытался выразить в нескольких словах свое волнение.

Мы не должны говорить здесь. После святого колокольного звона Стефан сказал мне, что никто, ни при каких других обстоятельствах и нигде в мире не мог услышать такой божественной мелодии, как та, что исходит из шпилей Мучеников.
Невероятно, что ему нет равных по всему миру.

УДИВИТЕЛЬНОЕ СХОДСТВО

Во второй половине дня запланирован спуск к Rosernes Dal. И это день и время, которое ты выбрала, чтобы навестить меня, Анна? И таким образом?

29 июня 1906 года, когда мы лежали на траве маленькой, радостной долины нашей родины, мечтая о нашем совместном будущем, ты сказал мне дословно: «Как жаждет иногда уединения человеческая душа! Как хочется покоя, такого взгляда, рядом с любимым человеком...»
Помню, что через пять дней я уезжал в Рим. О, моя дорогая Анна, ты заслуживаешь всего счастья мира, где бы ты ни была... Я говорил, что цель моей жизни — защитить тебя и уберечь от всякого зла. 8 июля у меня были подобные мысли на Пьяццале Наполеоне на закате, на длинной террасе Валани, возвышающейся над западным Римом. «Мы должны увидеть это вместе» , — сказал я ей.

Летом 1913 и 1914 года, как раз перед Великой войной, когда моя жизнь уже пошла по нисходящей спирали, я вернулся в ту часть юга, на ту самую террасу французского архитектора.

О боже! Случай такой похожий... Конечно, Сильвия не имеет ни малейшего представления об этом, так как я фанатично осторожничаю, тщательно скрывая это от всех троих; Сильвия, Стефан и Джагер. Готовит ли моя судьба еще какие-нибудь сюрпризы для меня? Моя душа преклоняется перед этим чудом, сумевшим уничтожить бездну памяти и времени.

13-VII Снова

(Немного позже)

Я думаю, что то, что сделало мою любовь с Анной такой божественной, было не силой эротической страсти, а качеством наших эмоций. То, что мы прожили, стало «святым» именно потому, что оно было таким чистым и добрым, подлинным отражением того, что сегодня называется самитом. И поэтому возможность нашей любви не была погашена физической смертью. Время не смогло стереть его...

ВНИЗ В ДОЛИНУ

Достопримечательности в городе

14-VII

(2 часа ночи)

С пяти вечера до полуночи я проводил время со Стефаном, переходя с террасы на террасу, поднимаясь и спускаясь по их знаменитым и фантастическим лифтам, своего рода общественному лифту, как мы бы их назвали, и используя все их новые виндебро — мосты, предназначенные для легких пеших прогулок — без малейших усилий, среди бесчисленных тысяч ночных путешественников, таких же, как мы, паломников, одетых в формальную, обязательную униформу Долины. Стефан стремился как можно лучше объяснить мне все, что мы видели в древнейшей части священного государство.

В отличие от Норфора и других городов, которые мы посетили, я никогда не чувствовал необходимости опираться на Стефана в Долине. Здесь вы никогда не почувствуете себя потерянным или напуганным. Река и окружающие деревни всегда дают вам четкое представление о направлении. Чувства недомогания, беспомощности или нерешительности, которые я испытал в другом месте, не относятся к этому месту.

На нас пара коротких темных брюк с черными полосками, которые заканчиваются чуть ниже колена, зеленые шелковые высокие носки, белая двубортная жилетка с белыми лацканами и специальные белые сапоги, которые не издают никакого шума, когда касаются земли. . И забыл зеленый палантин-пояс, украшающий униформу штатных цивов.

На первый взгляд, в районе старого, центрального Розерн-Даль есть две или три вещи, которые производят сильное впечатление на путешественника: ясность неба из-за отсутствия движения, отсутствие чисто жилых районов на большом государства, и отсутствие «ауры столицы» , в отличие от других мегаполисов, которые я посетил, в основном с точки зрения образа жизни и ритма жизни. Я видел здесь только отдельные транспортные средства, да и то, они были очень высоко вверху, личные линьсены или вигиозы , которые не пугают и не влияют на ясность неба.

Здесь вы не увидите ни данеров, ни гигантских парящих островов-спутников, ни подземных городов или каких-либо других скрытых городских расширений, ни стальных подвесных мостов, напоминающих серпантины, как в Бломстерфоре. А вместо резиденций невероятный океан памятников и парков и

аркады и алтари и клумбы. И мне интересно, где живут эти шесть миллионов человек? Я совершенно уверен, что они живут на отдаленных светло-голубых склонах и склонах холмов, окружающих Долину, за исключением, конечно , Лорффов, Тилти , Илекторов и великих художников.

И потом, что это за капитал? Розерн-Даль, равный по размеру Норфору, кажется мне скорее идиллическим пристанищем интеллекта, чем настоящей столицей... Я бы принял для его описания термин «столица мечты и красоты» , но это, конечно, не так. Они не чувствуют себя центром их нынешнего универсального политического и экономического сообщества.

Это может быть высший надзорный орган, и отсюда исходит координация и согласование их немногочисленных институтов, но ничто из этого не становится очевидным для постороннего. Ключевым элементом в жизни этого огромного города является то, что можно было бы назвать поклонением смеси вещей, таких как религия, искусство, медитация и другие великие духовные усилия, которые никто не пытается скрыть. На мой взгляд, Долину Роз можно описать как некую Лхасу и Медину нынешнего «западного» мира.

Именно здесь живут правнуки европейцев, переживших опустошения войн: англосаксы, славяне, немцы, греки, латиноамериканцы, скандинавы, валлоны и фламандцы, голландцы и швейцарцы, финны и еще несколько народов европейского происхождения.

15-VII

И снова я не сплю допоздна, пишу после того, как весь день провел в осмотре достопримечательностей, с семи утра до девяти вечера. Мы вчетвером отправились на прогулку по центру города. Раннюю апрельскую жару смягчал прохладный ветерок и ароматный воздух, который дул с ним. Вы должны идти в большинство мест; иначе вы не успеете ничего увидеть.

На обратном пути наше волнение сменилось усталостью. Хороший душ и легкий ужин в сопровождении освежающих замороженных фруктовых соков — они не прикасаются ни к чему, в чем есть спирт, и я даже не уверен, что они знакомы с его употреблением, кроме, может быть, вина. Но девушки все время молчали. Я заметил, что они сидели вдали друг от друга за столом, оба погруженные в свои мысли; вскоре после этого они удалились в свои комнаты с затуманенными глазами.

«Вы продолжаете писать свои книги и писать. Не утруждай себя их утешением, — с улыбкой прошептал мне Стефан. «Они будут в порядке... Никто никогда не знает, почему женщина плачет. Их разум захвачен воспоминаниями? Они

чувство неудовлетворенности, несмотря на все, что они видели сегодня? Это слезы радости? Или это слезы скуки из-за отсутствия работы, ведь все основные жизненные проблемы решены?»

Он был в несколько неуместно хорошем, по случаю, настроении, и хотя старался быть сдержанным, можно было подумать, что он издевается над их чрезмерной чувствительностью. Он напомнил мне, что одним из многих названий, используемых для описания Долины Роз, было «Царство человеческих страданий» , относящееся к тоске души и глубокому человеческому элементу внутренней боли, но я думаю, что это имя имеет более глубокий и исторический смысл; это дань кровавым векам предыстории.

Я не знал, что сказать, поэтому ничего не ответил и через несколько минут тоже удалился в свою комнату. Первые полчаса после ужина я пролистал два компактных путеводителя по Розерн-Даль, которые, честно говоря, были рассчитаны на детей, а потом принялся за написание.

В моей голове крутились всевозможные образы. В наши дни облик этого великого города полностью изменился. Вы сталкиваетесь с тысячами иностранных паломников, приехавших из разных уголков мира, повсюду на улицах и массивных автомагистралях. Они пришли на большую процессию, назначенную на послезавтра. Кажется, им очень комфортно в слааброках, обязательной униформе, которую я описал выше, которую они снимают, только когда ложатся спать в роскошных общежитиях, гесталадах и цивесхеймах, расположенных на окрестных склонах холмов.

В эти дни Долина полна тилтеев, илекторов и лорфов, а также представителей духовенства. Они ходят по городу так же, как и все, просто и скромно, заставляя людей чувствовать себя равными. Я никогда не видел, чтобы их было так много, собиравшихся в одном месте, но я также никогда не видел такого отсутствия интереса со стороны окружающих. Кажется, сосредоточенность, преданность и благоговейный настрой каждого посетителя не оставляют места для аплодисментов.

Или, лучше сказать, общее преклонение перед Нибельвирхом настолько доминирует в их сердцах, что не оставляет места для какого-либо другого энтузиазма.

На самом деле даже наряды этих великих людей мало чем отличаются от нарядов обычных кивеев. Меняется только цвет носков, палантина и пояса. И все же конечный визуальный эффект вовсе не однообразен, так как их знаки отличия завершают наряд — золотые цепи с изумрудами, жемчужные пояса — придавая бульварам очень причудливый и чарующий тон.

в основном в ночное время.

Стефан говорит мне, что участие в этом году беспрецедентно, и все же кажется, что все эти толпы были размещены должным образом и эффективно в кратчайшие сроки в бесконечной городской застройке, построенной на окружающих холмах. На самом деле, он говорит мне, что в кладовых, общежитиях и квартирах еще есть места. У них давняя традиция организаторских способностей, и, опять же, они проделали замечательную работу.

В 5:30 дня Джон Хамфри и Ульфинк Энемарк во плоти прошли мимо, в нескольких метрах от того места, где мы стояли. Стефан указал мне на них. Я почти не заметил знаменитого создателя Фабиолы и поэта «Сна на берегу реки» , «Забытого обещания» и «Иринея» . Мои глаза были прикованы к статуям. Меня меньше интересуют реальные люди. То же самое касается жриц. Мы встретили нескольких из них, одни постарше, другие помоложе, одетых в типичный белоснежный халат. Как я читал, покровителями и защитниками их веры являются сами Лорффы , хотя на практике они редко принимают участие в ритуалах. Величайшие из них обладают бесспорным социальным первенством в современной жизни. Даже в наши дни история, кажется, во многом повторяется. Например, нынешний социальный ранг напоминает Египет фараонов, но без насилия и выставления напоказ власти.

ПАНТЕОН

Я заметил, что нынешний язык богаче нашего. Вот пример: хотя у них всегда были отдельные слова для «пророк» и «поэт» , со времен Вольки у них есть еще и третье слово, означающее и то, и другое. То же самое происходит со словами «священник» , «мыслитель» и «философ» ; теперь у них есть слово, выражающее все три.

Я знал, что в Пантеоне найду тысячи произведений всех великих духовных людей, существовавших с моего времени и позже. Но площадь Пантеона чрезвычайно велика; это целый город сам по себе. Я провел там всего несколько часов, когда кому-то потребовались бы годы, чтобы изучить все это культурное и духовное наследие. Имена, размещенные там, можно найти в школьных учебниках и прочитать об их творчестве. Путеводители Долины помогут вам найти материалы определенного автора или точное местонахождение определенной книги на полке в этой обширной библиотеке. Поэты, философы, исследователи естественных наук, композиторы, мыслители, гуманитарии, общественные и политические деятели, мистики, художники, социальные реформаторы, просветители: все они здесь, поскольку их труд выдержал испытание временем. Эйнштейн, Ньютон, Пифагор, Гомер, Мильтон, Вергилий, Сократ, Платон, Конфуций, Вильгельм Телль, Гаутама Будда, Маттеотти, Бах, Гендель, Руссо, Толстой, Кьеркегор, Сенека, Паскаль, Бергсон и Рильке — вот лишь некоторые из исторических личностей из эпохи до моей, которые там размещены.

Их статуи из мрамора, латуни, меди и синтетической слоновой кости в натуральную величину, большинство из которых украшены сценами из их произведений, которые стоят на одинаково высоких пьедесталах, символизируют, по крайней мере, в моем понимании, триумфальное отстаивание культурного наследия « доисторические и нецивилизованные» , как они их называют, времена. Мне доставляло огромное удовольствие и удовлетворение видеть, как некоторые из наших великих людей оживают повсюду вокруг меня! Что меня действительно поразило, так это то, что я видел даже коронованных, таких как Кодр, Нума Помпилий и Марк Аврелий!

С самого начала Элдере и далее не существовало различия между нашими и их людьми ни в расположении статуй, ни в их размерах, ни в чем-либо еще. Единственное, что немного меняется, так это трактовка «Источника» мысли и вдохновения каждого из них, ведь сегодня нет противоречия между реальным и идеальным.

Все то, что прошлые поколения называли «духовными мирами и понятиями» , теперь считается реальным. Они утверждают, что источником всего

вдохновение и все проявления духа во множестве разных культурных сфер с начала времен едины: «бессознательная жажда души к самату и боль, вызванная отсутствием оной» . Мнимый конфликт и противопоставление реального и идеального есть в сущности не что иное, как «невероятный контраст и дистанция между этим земным миром, в котором мы живем, и Великой Реальностью» . Вот что вызывает и святую боль вдохновения, и тот конфликт.

Если бы наши люди все это услышали, они бы втайне над ними посмеялись, но они так гордятся своим «непосредственным восприятием» действительности и мира, так гордятся тем, что видели и во что так твердо верят и поддерживают, что им все равно...

Экспонаты здесь не классифицируются по происхождению, школе или эпохе их создателей. Все эти значимые фигуры происходят из великой родины, земли, и принадлежат великой эпохе, вечности, становясь таким образом бессмертными. Вы видите Шопена недалеко от Чайковского и Рахманинова, Гёте рядом с Гюго и Шиллера в одной комнате с Альфредом де Мюссе. На самом деле, молодая унге Лайла рассказала мне несколько дней назад, что несколько учеников, паломников из соседней средней школы, вилентенов, возложили на головы лавровые венки и живые цветы в честь них. Я думаю о том, сколько слез, должно быть, пролили эти великие художники во время создания и сколько слез они должны были принести своим бесчисленным чутким поклонникам, и меня невольно бросает в дрожь. По крайней мере, сегодня поэтов не считают сумасшедшими мечтателями...

Я только что понял, сколько благородных страданий заключено в мирской форме искупления, именуемой художественным творчеством. И когда вы видите, слышите или прикасаетесь к настоящему произведению искусства, это самое близкое к тому, что вы можете увидеть, услышать или прикоснуться к Великой Реальности; его память крепчает, как и жажда и ностальгия по Самиту , которая скрыта внутри каждого из нас. И именно счастье вызывает эту боль, полную душевной радости!

Я вспомнил кое-что, что Лейн повторял в своих лекциях: что с течением времени наш вид достиг стадии биологического и духовного развития, которая дала нам привилегию боли! Человек стал «чувствительным рецептором» . Все великие художники, такие как Ламартин, Пракситель, Лессинг, Клопшток, Шатобриан, Фидий, Рибера и Мендельсон, были одними из тех, кто увидел свет в смутные времена, когда никто другой не мог его увидеть. По сравнению со средними людьми того времени они, казалось, обладали сверхъестественными способностями.

психические наклонности.

«Чем больше художник, тем больше он неудовлетворен своей работой» , — сказал мне однажды Лейн. «Все художники знают, что искусство не имеет границ, пределов, конца» . Если я не ошибаюсь, Бетховен сказал нечто подобное задолго до Лэйна. И, как мне сообщили, они оба имели в виду, что то, что художники пытаются выразить, не может быть передано ни перьями, ни кистями, ни резцами, ни нотами... Сущность этого не может быть уловлена человеческим разумом и не может быть рационально объяснена.

В одной из своих статей о художниках и самом искусстве Тинерсен говорит: «Подобно порханию ласточек на зарешеченном стекле тюрьмы, их цель — напомнить нам, что снаружи весна, воздух благоухает и цветущие долины ждите нас. Мы принадлежим ярко-голубому небу так же, как оно принадлежит нам» .

Некоторое время назад Стефан сказал мне: «Я хочу, чтобы все эти великие люди древности могли присоединиться к нам здесь, чтобы испытать это спасение, испытать высшую форму духовного счастья» . Здесь его называют Ройсвирх . И сказал он это потому, что, по словам Тинерсена, «никто не знал тогда ответа на вопрос: «Почему мы страдаем?» » Вот почему все великие художники не могли найти счастья во внешнем мире. Они еще не знали об «отражениях Самита» .

ЛАТАРМИ

В 18:00 я бродил по городу, пытаясь найти статую Валманделя. Прошлой осенью у меня была возможность прослушать немало фрагментов из его оратории «Молитва среди звезд» «Золотые сферы» на многих уроках Лэйна.
Я знал из Swage и из моих осенних исследований в Маркфоре, что статуи Иисуса и Волки находились более или менее в одном и том же месте.

— Валмандель недалеко отсюда, — сказал Стефан. Однако мы все еще были внутри Пантеона, и нам нужно было отправиться в Голубые розы в Латарми.
Именно там находились Иисус, Волки, Ларсен, Доменикус Альбани — «Платон из Нохера» — и Аксель Дженефельт — ведущий мыслитель их 9 века.

Мы видели их только издалека. Я заметил, что в этой части города статуи были разбросаны более тонко, как будто великие люди, которых они изображали, имели право на большее пространство! Мы не подходили к ним близко, потому что десятки лекторов, жриц и других высокопоставленных лиц отдавали дань уважения, большинство из них стояли на коленях в молитве у пьедесталов статуй. На самом деле, у пьедестала статуи Валманделя я увидел пару лежащих тилтеев , мечтающих с открытыми глазами! Стефан не хотел приближаться к ним. Он сказал, что мы должны сначала дождаться, пока они закончат медитацию и молитву, но у нас не было достаточно времени, поэтому мы ушли.

Невозможно описать атмосферу, царившую на цветущих улицах Лагрелы. Я никак не мог передать на этой безжизненной бумаге те чувства, которые я испытал там, в недрах Пантеона, дыша этим воздухом глубокого благочестия. Это полностью отличалось от любой другой части Долины, в которой я был. Когда я был там, я почувствовал нечто большее: я почувствовал веру!

Я видел несколько «проводников» , одетых в серую форму и имеющих знаки отличия своего класса, в обязанности которых входило вести группы иностранных паломников. Они прошли мимо нас. Какое благоговение и торжественность! Я едва сдержался слезы...

Когда я услышала, как Стефан сказал, что мы направляемся к Голубым розам в Латарми, я ожидала увидеть что-то вроде розовых кустов пастельных тонов, которые я до сих пор встречала так много раз и во многих местах. Но приехав туда, я был ошеломлен, обнаружив вечнозеленые розовые кусты, отличные от остальных виденных мной, почти равные по размеру небольшим соснам!

Но что действительно лишает вас дара речи, так это невероятный цвет их лепестков роз. Это был не просто цвет; было светло! Словно лепестки были полотном художника, зеркало отражало цвет неба, изображение невероятной четкости!

Мы прошли мимо « Сидней Илекторов» . Теперь там был только один Илектор , но он не сидел; он стоял, устремив глаза на горизонт. Мы подошли ближе, настолько близко, насколько могли. Говорят, что когда-то здесь, занимая эти места, были величайшие Илекторы , те, кто когда-то нашел в себе силы высказать свое мнение «каждый в свою эпоху и на своем языке» , те, кто высказался яснее других, те, кто веками до первых Нибельвирхов, пытался подготовить людей к тому, что грядет.

Говорили, что они были получеловеками-полунебесными существами, сверхъестественными духами, очеловеченными в окружающей среде нашего мира. Они постоянно поражали человечество, и продолжают поражать. Они вызывают много конфликтов в свое время. Все они подняли духовность на другой уровень... Как именно? Никто никогда не знал; а может и не они...

— Пока мы остаемся людьми, мы не имеем права знать ни свое происхождение, ни место назначения, — сказал Стефан, не глядя на меня. «Смерть — это не настоящее забвение; жизнь это! Жизнь, которая ограничивает наше познание, речь и понимание, жизнь, которая ограничивает нас нашими чувствами... Так называемая смерть — это искупительный свет...» — добавил он. И он искренне верил в это.

Когда мы удалялись от статуи Христа в сторону Лабехоны и отечества Алексея Вольки, я видел, как с противоположной стороны шли процессии из сотен очень высоких и крепких юношей и девушек, все из близлежащих вилентенов, симметрично выстроившихся в ряд. вверх в октадах. Я прокомментировал Стефану их рост, и он улыбнулся и сказал, что после двух тысяч лет эволюции это нормально быть на несколько дюймов выше...

Маленькие белые свечи, которые многие дети держали в правой руке, освещали темноту. Неподалеку я увидела несколько рядов желтоватых банок, наполненных синими и белыми лепестками роз, тоже необъяснимо искрящимися и блестящими. Таким образом, я имел возможность впервые увидеть еще одно чудо современности: без использования фосфора или какого-либо подобного материала, как уверял меня Стефан, современные технологии способны создать несколько видов растительного мира и Царство цветов теперь кажется самосветящимся и даже сияет ярче, чем при дневном свете.

Внезапно из абсолютной тишины зазвучали гимны. Их мелодии божественны и, хотя и отчетливы, чем-то похожи на церковную музыку. Позже гимны стали чередоваться с призывами, и я имел удовольствие услышать немало фраз нашего времени.
Среди них древнелатинское «Gloria in excelsis Deo» и невероятно трогательное «Miserere» .

Нужно было иметь каменное сердце, чтобы удержаться от слез при виде этой почтенной многовековой традиции, оживающей здесь, сейчас, после того, как она коснулась душ многих поколений до нас.

Я не удержался и сказал Стефану, что все вокруг меня выглядят как христиане, намекнув на то, что он мне рассказывал о падшем догматизме, который начался в 20 веке вместе с прогрессом в научных исследованиях. — И этот догматизм продолжается до сих пор, — заметил я.

— Вы не совсем правы, — терпеливо ответил он. «Современная жизнь глубоко религиозна, гораздо больше, чем в ваше время» . Он сказал мне, что взрыв неверия, преобладавший в течение столетий, отмеченных экстенсивным и односторонним технологическим прогрессом, сменился глубокой верой Ноджере. "Бог существует; Только его сущность — кем он является и чем он не является — не в силах определить люди. И отношения между творцом и творением не могут быть поняты ни одной из биологических форм органической материи» .

Я обнаружил, что не могу уследить за всеми его мыслями. Иногда я даже не понимаю, что он имеет в виду, особенно когда говорит о «недиагностированном элементе ментальной сущности, которая приходит и вселяется в высшие органические формы жизни, не будучи самой жизнью» или когда он говорит, что «существует гораздо больше миров» . и измерения жизни, которые ускользают от нас, помимо трехмерного мира, в котором мы воспринимаем что-то как реальное» .

ФОЛКИ

История первых «двухсоток» и юных лет Алексея Волки

16-VII

Этим утром мы снова оказались в Наятане, а затем в Пантеоне, примерно в тех же местах, что и вчера. Пройдя по безымянной булыжной улице, мы оказались на длинных дорожках Лабехоны и оранжереи. Все сохранилось точно так же, как было 525 лет назад, в том же состоянии и в том же месте. Именно здесь Алексис Волки гуляла в детстве.

Первые Volkies были славянского происхождения. Фактически, их великий предок был среди «двух сотен» , основавших Долину. Гораздо позже, после 700 года, трое прямых предков Волки женились на француженках и скандинавках, отсюда и смешанное происхождение.

Первоначально эти первые польские и украинские семьи поселились в другом регионе, на северной окраине Долины, но, согласно историческим книгам, после 6 века (около 3000 г. н.э.) они переселились в эту местность. Это были благочестивые, бережливые, добрые и просвещенные люди, посвятившие себя в основном садоводству и ремеслам, а в свободное время жившие практически монашеской жизнью, а во многих случаях и аскетически, с сильной склонностью к духовным размышлениям и размышлениям. Так они жили сотни лет; их образ жизни стал семейной традицией, которая передавалась из поколения в поколение.

Гид Виктор Гормс ведет нас и десять паломников к простому трехэтажному дому-музею, смотрителем которого он является сорок лет. Однако Стефан сообщил мне, что Гормс не просто смотритель и страж этого дома; он также редкая духовная личность и ученый-исследователь.

В этом родовом доме, этой небольшой ферме и окрестных садах отец Алексея Волки, Евгений Волкий, провел почти всю свою жизнь. Сын смотрителя великой библиотеки того времени и прославившийся в свое время своими лучшими монографиями по эстетике, Евгений Волки был достойным мыслителем школы Шиллерен в течение их 10 века. Говорят, что он никогда не выезжал за пределы Долины. Он был преданным своему делу лектором. Он никогда не стремился стать знаменитым. Чем больше он чувствовал потребность в совершенствовании своего внутреннего «я» , тем более безразличным он становился к признанию своей работы и принятию со стороны других. Он также не заботился о строительстве

вверх по «карьере» или восхождению по социальной лестнице. Единственное, что имело для него значение, это зрелость и богатство его интеллекта и духа.

В возрасте тридцати двух лет он женился по любви на своей двадцатилетней ученице Инге Кейри, милой брюнетке с темно-серыми глазами. Ее генеалогическое древо имело незначительную историческую ценность, но ее родители были добродетельными людьми с духом самопожертвования, который они сумели передать дочери, наряду с прекрасным образованием и отличными манерами. «Она стоит того, чтобы рискнуть, — сказал смотритель библиотеки своему сыну до того, как было принято решение о свадьбе, — есть очень хорошие шансы, что она сделает тебя счастливым и подарит тебе прекрасную семью!»

Но Юджин женился бы на ней, даже если бы отец этого не одобрил; он действительно очень любил ее. Она была его бесценным помощником в работе и спутницей жизни; он был очень счастлив. К сожалению, его отец-библиотекарь и дед Алексея Вольки не дожили до того времени, чтобы стать свидетелями чуда жизни, когда она родила его внука, Алексея Вольки, на третьем этаже этого самого дома со светлыми комнатами и открытым видом, второй месяц 911 года, через год после свадьбы.

Теперь юные унгеи показывают посетителям то, что осталось от этого места, места, где провел свое детство этот всезнающий человек, пропагандист прямого знания. А почтенный старец и мудрец Виктор Горман всегда рад приветствовать вас, когда у него есть время.

Чтобы ступить на хорошо сохранившиеся деревянные полы, вам выдают тканевую обувь. Общая атмосфера тишины внутри дома вызывает желание понизить голос. Стефан не проронил ни слова с тех пор, как мы вошли, и унги начали говорить с нами о нескольких вещах, которые есть в доме, и о личных вещах Алексис Волки.

Здесь, в Долине, вы встретите много известных имен, которые восходят к 6 веку и имеют давние традиции в медитации и совершенствовании внутренней жизни, отсюда и династии Чиллеренов, Фольки, Роялсенов, Борхесов и многих других, которые прошли. через Институт Айдерсена.

Вероятно, их можно сравнить с нашими собственными династиями Кюри и исклю[illegible] получили

Штраусов в начале 20-х [illegible] 19-го века. И

Кейри-Волки была очень любящей, преданной, самоотверженной и в целом замечательной матерью для своего сына более двадцати лет. Когда «изысканная миссия» по воспитанию сына была наконец завершена, Инга увидела в зеркале совсем другого человека, но ничего не сделала, кроме улыбки перед лицом закона физического распада...

Однако вклад воспитания, наследственности и семейных традиций был менее значителен, чем врожденные ценности юного Алексея. Мальчик родился с умственными и духовными способностями и большим, чутким сердцем. Точно так же, как Моцарт был рожден с божественным даром гармонии, Алексис обладал врожденной и глубокой чувствительностью и большой привязанностью к людям, которую он, как говорят, приобрел в каком-то «предсуществовании» .

В школе этот ребенок с высоким лбом и черными задушевными глазами всегда знал немного больше, чем учили в каждом классе. В возрасте восьми-девяти лет, как ему потом рассказывали, у него бывали маленькие минуты бунта против несправедливости жизни, то есть против несправедливости человеческой судьбы, а не судьбы повседневной общественной жизни, хотя его даже немного не коснулись эта «несправедливая судьба» . Его сердце было полно сострадания. Он был предназначен для многих и великих дел, но счастье не было одним из них.

Были моменты, когда Инга боролся с этой сверхчувствительностью и призывал его вернуться на землю и перестать мучиться из-за чужих проблем. Его заботливая мать думала, что свеча ее ребенка в конце концов сгорит, если он продолжит делать «святые страдания народа» своими.

Но все прошло хорошо, и он оказался просто прекрасным. По словам его биографов, в шестнадцать лет у Алексея была несколько сильная тяга к уединению, но в то же время он был также радостен и увлечен жизнью и миром. Он любил природу и подолгу гулял по Долине. Одной смены времен года было достаточно, чтобы наполнить его невероятной радостью.

В подростковом возрасте Алексис сам выбирал книги для внеклассных занятий. Он был склонен к духовному общению; он искал своего рода «общение» с духовными сокровищами прошлого, которые предшествовали ему и, таким образом, ускользнули от него. Те мудрецы «говорили» с ним, но подросток очень тщательно взвешивал их слова; он не соглашался со всем, что они должны были сказать...

В 927 году, незадолго до полудня в канун Нового года, когда Алексей принимал

гуляли со своим отцом Евгением среди апельсиновых деревьев, и они подсчитывали свой год, молодой человек сказал, между прочим, что верит в «возможное отождествление пути познания и пути любви» и говорил о « точка, в которой они сходятся, точка, затерянная в абстракции природы и творения, нечто такое, чего человеческий разум не может постичь» . Гордый отец слушал с восторгом, и в нем возникало тайное предвкушение...

В свои двадцать лет молодой Алексей похудел, и его лицо было полно света. В физическом плане он чем-то напоминал Шопена, судя по некоторым фотографиям той эпохи. В то время у него были проблемы со здоровьем, и его мать снова беспокоилась. Она не могла отделаться от мысли, что ее сыну, возможно, не суждено прожить долгую жизнь, и эта мысль переполняла ее.

И правда в том, что в возрасте от 19 до 22 лет Алексис казался одной из тех прекрасных душ, которые слишком рано уходят из жизни, чтобы быстрее добраться туда, где им действительно место. И все же этого не произошло. Ему не суждено было умереть молодым. Ему суждено было состариться и поседеть и подарить людям, которых он так любил, величайший духовный дар в истории человечества!

«Он не был ни Богом, ни пророком, — сказал Стефан, — и все же он был избран, чтобы видеть божественные и вечные вещи и показывать их равным себе» .
И продолжал: «Он не предсказывал будущего, но видел и показывал то, что всегда было и всегда будет оставаться неизменным и нетронутым от начала времен, и доказал людям, насколько они переоценили не только открытия науки, но и духовный потенциал их «антенн» . Он видел не своими физическими глазами, а глазами своего сердца, и учил так, что никто никогда не спрашивал доказательств и не сомневался в нем. Потому что то, что он показывал людям, чему он их учил, было одной из тех вещей, которые нельзя доказать эмпирически, как Бог или любовь... Чтобы кто-то это понял, нужно пройти совершенно другой путь и совершенно другой уровень вера должна быть достигнута...»

Я вспоминаю, что однажды сказал мне Лейн: «Чем дальше люди удаляются от таких ценностей, тем труднее им становится однажды найти способ их постичь. Если ты его забудешь, он забудет тебя» .

Насколько я понял, путь, ведущий к пониманию этих вещей, связан с внутренней эволюцией нашего биологического вида. Это путь, которого совершенно не существовало в мою эпоху — эпоху односторонней науки и техники, — путь, который могли проложить только те проницательные и

дальновидные мужчины и женщины из Института Айдерсена, что и произошло, около 790 года их летосчисления.

ИСТОРИЯ КОСТИ РОДУЛОФ

17-VII

(Снова в Латарми)

Сегодня я больше никуда не ходил, и мне очень хотелось остаться здесь подольше, затеряться среди розовых кустов и найти укрытие в тени. Я один. Время от времени я вижу, как прохожие и иностранные паломники пробираются сквозь цветы в поисках уединения. Спешно записываю свои впечатления. Я вбираю в себя все: этот прекрасный вид, это удивительное чувство, этот волшебный цвет лепестков роз, этот чудесный аромат, так щедро доносящийся на ветру. Все это заставляет меня переживать моменты моей прошлой жизни, моей нормальной жизни...

Родители рассказывают своим детям историю 1086 года (3482 г. н.э.), историю старика Костии Родулофа и того весеннего утра, когда впервые раскрылись листья этого невероятного растения и человеческие глаза увидели, что лепестки роз отражают « бледно-голубое небо» .

Маленькая унге, Лелия, знает истинную историю Костии. По ее словам, семидесятилетний цветовод был святым человеком, обожавшим детей и цветы. Птицы садились ему на плечи и пили воду из его рук. Он потерял своего единственного ребенка, когда ему было всего пять лет. После того трагического случая он посвятил свою жизнь облегчению человеческих страданий. У зрелого теперь флориста когда-то было видение создать голубые розы, которые теперь украшают улицы Латарми, впервые в истории разведения роз.

На протяжении нескольких десятков лет, рассказывает Леля, этот святой человек собирал семена и сажал их, пробуя тысячи различных комбинаций, чтобы добиться желаемого результата. Годы и годы он сажал и пересаживал, менял почвы, менял страны, но напрасно! В конце концов, он отчаялся попробовать...

Прошло полвека, когда однажды два ярких бутона розы привлекли внимание троих прохожих в Генерали. — Кому принадлежит этот сад? – спрашивали прохожие у игравших там детей из Миндре сколе . Пара из них была поражена при виде цветущих роз. Весь день моросил дождь, и небо было затянуто тяжелыми черными тучами. Не успев опомниться, толпа людей, учителей, цветоводов, садовников, ремесленников, простых людей, случайно проходивших мимо сада, собралась вокруг розового куста и смотрела на его цветы. Дети прогуливали занятия, прохожие не обращали внимания на дождь; никто не мог перестать смотреть на

чудо. Словно свет, прятавшийся за грозными тучами, нашел приют в лепестках этих роз.

Некоторые люди пошли звонить Костии Родулофу. Толпа окружила розовый куст, но никто не приблизился к нему, пока не появился старый Костиа. Они показали ему бутоны роз. Он не сказал ни слова. Он протянул дрожащую правую руку и, как только коснулся их, залился слезами. Для флориста это была мечта всей жизни. Маленькая девочка сказала: «Мэри-Ли прислала их нам на 100- летие своей смерти!»

После этого дня все пытались сажать эти семена в разных комбинациях в своих садах по всему городу, но тщетно; они никогда не цвели. Через несколько месяцев такие же семена зацвели в случайном месте.

Легенда гласит, что эти розы могут расти только там, где жили великие духи и где расцвела великая любовь... Лепестки этих роз не раскрываются больше нигде, как бы ни благоприятствовали погодные условия и как бы ни старались. ; соблюдение всех правил, использование лучших материалов или ежедневный уход за ними ни к чему не приводят. Даже специалистам по цветоводству не удалось раскрыть «секрет» выращивания этих волшебных роз, отражающих дневной свет и цвет неба.

СТАТУИ БУДУЩЕГО

18-VII

Сегодня я ушел на рассвете и гулял один все утро. Большую часть времени я провел в Пантеоне, на этот раз разыскивая статуи «современников» .

Я до сих пор помню несколько имен из тех, с которыми я там столкнулся. В углах Пантеона я обнаружил значимых личностей 20[й] века, неизвестных в мое время. Я пытаюсь вспомнить, что сделал каждый из них, что сделало их знаменитыми, из рассказов Лайна, Аструччи и Корнелиуса.
Глядя на надписи на пьедесталах, я изо всех сил пытался найти недостающие части головоломки, которая сложилась в моем сознании из всех прочитанных мной книг и всех занятий, которые я посетил в столице сегодняшней Логговардии.

Каждый из этих мужчин и женщин должен был внести очень важный вклад в цивилизацию этого мира, чтобы они были удостоены такой чести: слова, которые не были услышаны, мелодии, которые не звучали, произведения искусства, не оцененные нами. тогда что-то достаточно важное, чтобы дать им статус, место в этом храме искусства и шанс перевоплотиться в бессмертных богов из бронзы, мрамора и синтетической слоновой кости!

«Кто знает, какими были бы сегодня человеческие общества, если бы не Алекс Дженефельт, ведущая фигура Прямого Знания и мыслитель их 9 века (около [й] 3200 г. н.э.), удивляются сегодня, подобно тому, что мы думали о Платоне, Сократе и, прежде всего, о Христе.

МУДРЕЦЫ ДВОРЦА УЛИЦЫ В КОНГЕБОРГЕ Лорффе Гуннар Хиллер мл.

Около полудня Сильд пришла в гости и часами сидела и болтала со Стефаном. Помимо того, что он был известным художником и человеком, которого все глубоко ценили, особенно Стефаном, он также был одним из самых старых друзей Стефана. Джагер сказал ему, что мы будем здесь, и он сам пришел нас найти. Среди прочего, о чем они говорили, Сильд предложила пойти на улицы nd этого месяца — только Хиллера-младшего, одного из двух ведущих Лорффе Гуннара. Палас-стрит, 22-й улице лекция, рассчитанная на широкий круг участников. «Возможно, ты даже сможешь встретиться с ним, поговорить с ним» , — сказала Сильд.

Стефан сказал ему, что к тому времени он, скорее всего, уже покинул Долину, но Сильд продолжил: «Он чрезвычайно простой человек, несмотря на ту самую «официальную» жизнь, которую ему приходится вести в последнее время. В глубине души ему это не очень нравится. Самое дорогое, что есть в его жизни, это его внучка. В прошлом году он попросил правление войти с ней на хрустальную площадь, держа ее за руку. Он возмущался тем, что ему не разрешают, утверждая, что подобное невозможно. Он такой простой: доброжелательный и с любящей душой. Конечно, ты не можешь просто пойти и сначала поговорить с ним... Он найдет, что тебе сказать , если не слишком устанет. Давай, присоединяйся ко мне, и с небольшим самообладанием все будет хорошо» .

Стефан поблагодарил его, но еще раз ответил, что, вероятно, уедет через четыре дня, и добавил, что ему достаточно хорошо видеть дворцы сверху, что мы уже сделали в первый день нашего прибытия.

Мы действительно полетели туда, за Фгелен, в Юго-восточную долину, и зависли над дворцовыми улицами в Конгеборге. Это бескрайнее государство с хрустальными бульварами в оттенках аметиста, целый город, состоящий из дворцов Лорфов и окруженный обширными парками, со знаменитыми пурпурными
розы.

Многие из великих духовных деятелей современности не были отправлены жить в Конгеборг, но это не значит, что публика меньше восхищается ими и уважает их; они боготворят их все равно! Их ценность определяется их вкладом, а не рангом. Просто другие, ежегодные или двухгодичные чиновники, существуют либо потому, что их предшественники назначили их в результате публичного признания их интеллектуального превосходства, либо

потому что они сами потребовали выборов. Иногда они делали это для того, чтобы дать людям понять, достигли ли они духовного прогресса за это время или потому, что их предшественники просто устали и хотели уйти в отставку, жить более уединенно или даже работать, особенно когда срок их полномочий во Дворцах истекал. продлен более чем на два года.

Если срок полномочий во Дворцах (Paladser , как их теперь называют) и в Конгеборге также дает какую-то власть обладателю титула и что это за власть, я так и не понял по-настоящему. То, что он, безусловно, дает человеку, — большие, но символические, почести, а также считается доказательством превосходства и благоразумия. Несмотря на то, что Лорффы и Илекторы находили все упорядоченным и организованным со старых времен Элдере, со времен правления великих техников, они никогда не хотели «нарушать протокол» . Ножере почему-то хотели сохранить старую иерархию и «звания» и выразить через них новые оценочные воззрения, совершенно не согласующиеся с воззрениями «старости» , гаммельской эпохи, т. е. времен технократия.

Во многих случаях эти временные чиновники на самом деле не отказываются от светских радостей и материальных благ, хотя и умеют это скрывать. Однако большинство из них, и особенно высшие руководители, не хотят иметь со всем этим ничего общего; дух - это все, что имеет для них значение.

Несколько месяцев назад Ария и Силд поговорили со Стефаном и Хильдой о Кнуте Ниверсане и о том, что он чувствовал в тот день, когда ему вручили бело-голубые ленты... Его беспокоило то, что кто-то лучше был обижен! «Если это правда, — сказал он, — у меня есть способ исправить это в следующем году» . И когда кто-то спросил его, что он будет делать, если выяснится, что это он был обижен, он ответил, что ему все равно ни на йоту и что кто-то рано или поздно исправит эту несправедливость. «Как вы думаете, когда детей любят, их нужно объявлять Лорффами , чтобы наслаждаться этой любовью?» — спросил он их. И мне рассказали, что он тогда намекнул о Ройсвирхе, сказав, что все прекрасное, что существует или происходит вокруг нас, мы должны сделать частью своей жизни: приход весны, далекие звуки детских песен, любовь к людям, природе и лес...»

То, как думают их мудрецы, очень... мудро! Несмотря на то, что они считаются выше всех духовных людей всех времен, они приходят, чтобы добавить к тому, что было сказано в прошлом, а не опровергнуть его... Никогда еще волки не пытались дискредитировать Христа. Никогда не было ни Валманделя (860 или 3256 г. н.э.) , ни Рутемира.

(1014 или 3410 г. н.э.) когда-либо пытались обесценить Баха или Бетховена. Они выступали за обогащение, а не за снос.

Нечто подобное сейчас происходит с Гуннаром Хиллером, говорит Сильд: самый высокий титул, который он когда-либо мог просить, был титулом дедушки. Самая большая радость, которую он когда-либо испытывал, была, когда его маленький ангел впервые назвал его «дедушкой» .

Некоторое время назад его спросили, мечтает ли он, чтобы его сын однажды занял его место. На самом деле его сын проявил очень значительную склонность к философии и написал также превосходный трехтомный труд по этике.

«Я не могу знать, что готовит будущее, — ответил Хиллер, — но скажу вам одну вещь: я сильно не решусь призывать его разоблачать себя, несмотря на его врожденный талант и плодовитое призвание... Скорее всего, на данный момент моим преемником будет совершенно незнакомый человек, сын другого совершенно незнакомого человека, один из тысячи студентов института Айдерсена. Я не мечтаю видеть своего сына на моем месте, да и не в этом дело. Я только мечтаю, чтобы и мой сын преклонился перед тем грядущим, неизвестным пока гением, кто бы он ни был...»

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ БУДУЩЕГО

О знаменитых женщинах того времени, то есть после 20й века, я мало что знала. Сейчас я могу вспомнить только три имени: Эрика, Анна-Флезия и Ариана. Я спросил Стефана, кому решать, кого превратить в скульптуру, а кого нет, и он туманно ответил, что ничего не происходит без ведома и согласия Илекторов. Я заметил, что даже грешные люди или несуществующие, фантастические персонажи из поэзии, литературы или музыки превращались в скульптуры. У меня сложилось мнение, что отбор был не таким тщательным... Стефан говорил об «элементе прекрасного» в этих больших сердцах, элементе, который, возможно, не ценился во всей его красе в прежние времена. Вот почему сейчас вы видите скульптуры рыбаков и разносчиков, депрессивных самоубийц и даже женщин, которых в наше время охарактеризовали бы как распущенных нравов. и все различные, а иногда и крайние проявления их внутреннего «я» ; никто не знал об общем Источнике всех этих выражений, — объяснил мне Стефан.

Я почти не помню имен ни одного из их художников, но во всех работах ясно видно, как гениальность слилась с вдохновением и породила утонченное выражение идеальной красоты и чистой, благородной любви.

Стефан также говорил со мной о Грасиеле Де Ламартина , чью статую мы наткнулись в какой-то момент среди розовых кустов Умлиани.

«Это был проблеск Самита , который заставил ее сердце трепетать. Она не могла этого вынести. Этого было достаточно, чтобы стать причиной ее смерти... Тогда никто и подумать не мог, что когда-нибудь в будущем ее памятник будет установлен в крупнейшем интеллектуальном центре мира. Должны были пройти века, чтобы люди поняли истинный смысл ее болезненной истории. «Даже сама Грасиела не поняла, что ее убило. Но такие смерти — это начало, а не конец» .

Действительно, он считает, что такие смерти имеют что-то общее со смертью Христа, Сократа и Джордано Бруно. «И я не хочу звучать неуважительно или кощунственно» , — он почувствовал необходимость объясниться. Он не игнорирует огромные различия между случаями. «Общим» для Стефана является то, что раньше такие смерти считались концом, «концом» либо через самоубийство, либо через казнь, либо через костер, болиголов, распятие или пытки, но теперь суд истории показал наоборот: те

древние «потери» обозначали новые начала, а не окончания. Они были началом чего-то более реального, чего-то божественного; они были проходом в вечность и бессмертие.

Перед статуей другой безвременно ушедшей из жизни молодой и прекрасной дамы, Ваны-Арегии работы Торальсена, Стефан декламировал стихи, выгравированные на пьедестале. Он несколько минут стоял неподвижно на одном месте, глядя на этот мраморный шедевр, погруженный в свои мысли.

«Посмотрите на выражение ее лица, — сказал он, — не нужно читать о Долине в учебниках истории и путеводителях: все, что вам нужно знать, находится здесь, пока ваши глаза и душа открыты» .

Затем он объяснил мне, что именно это произведение является одним из редких шедевров их 9-го века, которым они очень гордятся.
Сразу после этого он добавил: «Здесь, в Долине роз, впервые в истории все надежды, мечты и идеалы теперь имеют лицо, цель.
Они сбылись! У них есть вещество! На самом деле, теперь они более реальны и осязаемы, чем наши собственные жизни» .

Я не мог не поделиться своими мыслями со Стефаном: я сказал ему, что, возможно, им следует быть более осторожными, что, возможно, они приняли простой эволюционный прогресс человеческого рода за нечто возвышенное и трансцендентное. Он находил во мне умонастроение непросвещенного человека преклонного возраста, слабо верящего в чудеса жизни, постоянно подозрительного и лишенного эмоций. Не презирая меня, он сказал: «Настоящий Homo Occidentalis Novus никогда бы не выразил такого беспокойства, потому что он знает, что все понятия и инстинкты, существующие вне разума, такие как интуиция, вера, поэзия, философия или материнство, имеют общий источник: Самит. » .

Мы без устали гуляли по этим густонаселенным резиденциям статуй до позднего вечера, и, невольно, Стефан передал мне свое невиданное волнение. Эти огромные фигуры выглядели так, словно оживали, когда их никто не видел. Мы прошли мимо статуи Матери Ренар, Терезы Берен и прекрасной пластической композиции Бригитты Энемарк, работ Эрксена, Греневаля и Илеаны Вирмпах соответственно.

На лице Бригитты Энемарк работы Вирмпаха не было выражения привязанности или нежности, как можно было бы ожидать. Она изобразила ее как выносливую, крепкую женщину из рабочего класса, сильную, решительную и решительную. В ее

руках она держит маленького мальчика, который выглядит то ли больным, то ли измученным от бесконечной ходьбы. Один за другим километры, которые она прошла в изнеможении ради своего ребенка, выгравированы на ее лбу. Признаки беспокойства и бессонницы очевидны вокруг ее глаз. Но вы можете видеть преобладание материнского инстинкта; она всегда готова пожертвовать собой ради своего ребенка после того, как превзойдет все пределы человеческой выносливости.

— Так что нет, Великая Реальность не основана на древних инстинктах, развившихся во времени, — сказал Стефан. «Это не человеческое изобретение. Это тот божественный элемент, который лежит за пределами сферы разума, тот элемент, который философия, искусство и недогматическая религия подчеркивают уже тысячи лет. Но мы были слишком слепы, чтобы это увидеть. Мы должны были увидеть это до Нибельвирха. Даже люди вашего времени могли и должны были знать о его существовании.

На обратном пути я спросил его, являются ли христианская вера и непосредственное знание Волков почти одним и тем же, потому что сходства было много.

«В глубине души они проповедуют и стремятся к одному и тому же, за исключением того, что первое — это вера в религию, а второе — вера в знание» . Стефан объяснил, «и религия стала крайне догматичной и антропоморфной, стремясь решить все проблемы и ответить на все вопросы человеческими средствами и человеческими терминами, тем самым опровергая свою божественную природу. Религия потеряла связь с реальностью и отклонилась от своей первоначальной цели. Это давало право любому случайному материалисту утверждать, что научные исследования с каждым днем все больше и больше опровергают религию и Бога как концепцию. Религиозное чувство сейчас поднимается, потому что оно избавилось от своего догматизма, от Святых Синодов и Священного Писания. Нынешнее научное понимание мира далеко от материалистического» .

ХРАМ НЕВОСПЕЧЕННЫХ МУЧЕНИКОВ И ВЕЛИКИХ
ПАЛОМНИЧЕСТВО

20-VII

Вчера весь день мы посвятили посещению Храма Невоспетых мучеников. Все четверо побывали там дважды; первый раз рано утром, а потом еще раз ночью. Он расположен на западной стороне долины, в восьмидесяти километрах от нашего поселка. Мы прибыли туда за четыре минуты, конечно, благодаря их воздушному транспорту. Я много читал о вчерашнем священном дне и видел некоторые фрагменты этой грандиозной процессии этой осенью на Швадже. Это шествие проходит здесь и вокруг Долины в обширных садах Терринга один раз в год с участием миллионов паломников со всего мира. Испытать все это было одним из моих самых больших желаний. Прогуляться по вымощенной золотом площади, увидеть шедевр Керстен и вечернее шествие сверху, через огромные проемы возвышающейся крыши, всегда было моей мечтой, которая наконец-то сбылась! Если бы я не видел этого своими глазами, мое воображение не могло бы представить себе такого зрелища!

За последние шестьсот лет Лорффы достигли такой степени организованности, величия и богатства, как материального, так и духовного, что было невообразимо в древние времена.

В очередной раз девушки молча сидели в столовой одни, просматривая фотографии и видео с прошлой ночи. Стефан подошел ко мне с намеком на улыбку. — Так что ты думал о прошлой ночи? — спросил он меня, теперь широко улыбаясь. Я не знал, что ему сказать, и поэтому избегал его взгляда.
Все, что я видел прошлой ночью, было правдой? Я слышал, что для описания события прошлой ночи использовались слова «реки золота и света» , но я никогда не мечтал о таком величии; миллионы людей, бесчисленное количество зажженных белых свечей, такая невероятная организация, никакой суеты, никакого шума, ни малейшего шепота. И теперь у меня был Стефан, который, конечно же, предвидел мое удивление, стоя передо мной с этой ухмылкой удовлетворения, спрашивая меня, что я думаю о прошлой ночи! Что вы на это ответите?

СИМПТОМЫ АГОРАФОБИИ У ЗОЛОТОГО ХРАМА

Сегодня утром, в начале паломничества, у меня снова были явные симптомы агорафобии, как у меня в прошлом месяце в Бломстере, на Тёплицкой площади 1812 года. Это случилось, когда Сильвия предложила нам пересечь Золотую площадь. Маленькая Лася, вторая унге , присланная Егером, не отходила от нас все эти дни. Много раз она сидела и рассказывала мне истории о Долине в мельчайших подробностях, когда у Стефана не было на это времени. Мы хотели пойти посмотреть на статую Дэвиса « Христос с детьми» , которая была на противоположной стороне, и, по правде говоря, я предпочел бы добраться туда, обойдя площадь , а не через нее, но Стефан стоял рядом со мной и держал меня. рука, чтобы помочь мне управлять.

Золотая круглая площадь с замысловатыми украшениями на полу была размером примерно с половину нашего собора Святого Петра в Риме. Однако в нем не было часовен или кафедр, украшающих его. Огромные криволинейные пилястры из точеного мрамора, всего двенадцать, поддерживали толстую резную каменную крышу, построенную в форме монеты. Внутри пилястры были украшены искусными фресками знаменитого художника 9 века Фабия Зигры. Его конструкция не была металлической. Он был построен таким образом, что даже если убрать все металлические детали, двенадцать возвышающихся пилястр совершенно не пострадают; они по-прежнему будут стоять гордо и высоко.

«Пойдем ко Христу на противоположную сторону площади... Пойдем ко Христу...» Я продолжала шептать Стефану, почти умоляя его, отчаянно сжимая его руку. «Вот куда мы идем, — мягко ответил он, пытаясь меня успокоить, — но, к вашему большому разочарованию, мы идем коротким путем...»

Мой друг выглядел несколько смущенным, как будто ему доверили заботу о беззащитном ребенке, лишенном здравого смысла. «В использовании золота нет греха, — говорит он. «Почему ты считаешь это грехом? В наше время это бесполезно» . Я чувствовал себя виноватым за свое неразумное отношение. Несколько дней назад он сказал мне, что «храм» здесь также означает место поминовения. «Вам нужно научиться отличать места религиозной веры и поклонения от простых мемориалов. Сегодня золото даже не считается богатством. Наши glothners и наши учреждения - наше золото. Это истинное богатство сегодняшнего дня. Золото здесь, в храме, — это все количество оставшегося в мире золота, которое сейчас не несет никакой пользы для экономики, но которое в «черные годы» было главным источником человеческих страданий. Золото в этом храме — не что иное, как символ мира» .

Я спросил его, правда ли, что предки сегодняшнего правящего класса были промышленными рабочими. Он подтвердил это, сказав, что предки нынешних Илекторов и Лорффов работали в глотнерах того времени, как и все они.

Я оглядываюсь вокруг и вижу, что благодаря Керстин здесь сохранились и увековечены многочисленные настоящие трагедии «доисторических» для них лет. Как и в работе Thoralsen, Vana-Aregia, здесь искусным художникам удалось вдохнуть настоящую жизнь в синтетическую слоновую кость.

Вскоре нам пришлось уйти; пришла очередь других. Я едва успел увидеть несколько фрагментов фресок Фабия Зигры. Мне довелось увидеть немало сцен из нашей собственной «Девочки со спичками» Ганса Христиана Андерсена, прекрасно изображенных на изогнутых внутренних стенах. Текст был написан ниже мелкими золотыми буквами. Это был оригинальный текст на староскандинавском языке

ПРИСЯТА И БОЛЬШОЕ ПРОЦЕССCТВО

Мы пробыли два-три часа в гестеле днем, чтобы отдохнуть. Когда вечером мы прилетели обратно в храм, толпы в Розерн-Даль были беспрецедентными; люди заполнили обширные площади, широкие улицы и многочисленные парки.

Благодаря помощи Джагера, нам со Стефаном удалось подняться на периферийные наружные залы куполов, откуда открывается беспрепятственный обзор во всех направлениях. План состоял в том, чтобы остаться там примерно на полчаса, пока наши друзья осмотрят вход Lorffes внизу и освободят нам места на ярусах большого золотого квадрата.

Когда угасли последние лучи солнца, зазвучала клятва. Люди были собраны там и еще в трех местах по всей Долине. Большое количество лекторов вместе с высшими представителями министерства обратились к миллионам молодых людей, которым скоро предстояла двухгодичная служба. Они обращались к ним напрямую, но и к остальным людям тоже косвенно. Благодаря их невероятным звуковым системам каждая фраза клятвы разносилась по всей Долине, не задевая ушей. Клятва была прочитана на своеобразном старом языке Илекторов. Тем не менее, я понял несколько слов: «За Родину!» , «За душу нации» , «За гордость наших предков» , «За наши учреждения» , «За подъем человеческого духа» , «для нашей культуры» .

А юноши и девушки повторяли: «Клянусь!»

Мое безжизненное перо бессильно описать силу и энергию момента.
После клятвы дети запели: Любимые дети из

далекого прошлого, Из тех давних времен,
Присоединяйтесь к нам сегодня на весенних лугах,
Освободим вас от невыразимых болей...

Глубоко удовлетворенный и с какой-то тайной гордостью, я схватил Стефана за руку, стараясь скрыть свое волнение от окружающих. Они также спели два произведения Иоганнеса Брамса; «Колыбельная» и «Сестрички» ! Я тайно вытерла слезу, прежде чем она скатилась по моей щеке. Потом мы все спустились на холл первого этажа, оставив посреди этого великолепного зрелища.

Мы легко нашли друзей. Они смотрели выступление своих друзей, поэтесс из Бломстерфора, художницы Нишефельт, Силд и их

старый друг Ария, все из которых принимали участие в ритуале.

Великолепие всего ритуала превзошло все ожидания. Это было сказочное зрелище и переживание в целом не только по роскоши костюмов и невообразимому количеству драгоценных и полудрагоценных камней, украшавших каждый предмет и каждый уголок, но больше по той духовной традиции веков, которую чтили все эти почтенные люди. в знаменитых заведениях своей универсальной ныне столицы.

Все великие умы современности собрались в храме на юбилей.
Большинство из них прибыли из Норфора, Бломстерфора и других европейских регионов, особенно из Северной Европы. И там, в море драгоценных камней, украшавших мундиры Тилтеев, Лорффов и Илекторов , там, рядом с комплексом часовен, составляющих Храм Невоспетых Мучеников, Стефан показал мне двух старейшин, единственных без диадемы на седовласых головах.

«Смотрите, — сказал Стефан, указывая в их сторону, — это Николас Лаевски, а рядом с ним Гуннар Хиллер-младший!»

Я поймал себя на том, что смотрю на них; их тени были единственными, кто не сверкал в этом золотом собрании. Так это они тогда! Это те, о которых Стефан так много говорил этой осенью. Это те, чьей жизнью и творчеством он так восхищается и постоянно превозносит перед другими! Это поэт и философ, которые вот уже полтора года занимают верхние позиции в духе модерна. Они считаются величайшими среди ныне живущих. Маленькая Лася вывела меня из минутного транса, спросив, когда же будет слышно трепетание, и указав на неосвещенные сегодня внутренние купола.

«Раз в год, — сказала она, — вечером этой годовщины миллиарды маленьких душ приходят в храм, чтобы представить себя на поминках» . Чистым, избранным, тем, «чьи души имеют чувствительные антенны» , может посчастливиться даже услышать их трепет, когда они входят в храм.

Я спросила Стефана — тихо, чтобы никто меня не услышал, — кто рассказал такие сказки этому ребенку и почему у них есть привычка заставлять детей верить в то, что не соответствует действительности. Он небрежно, почти равнодушно ответил, что она, должно быть, читала это в какой-нибудь детской книжке. И правда в том, что я не был так уж удивлен. Кроме того, я не первый раз наблюдаю это. Я не в первый раз чувствую, что эти люди не особо заботятся о разуме и

критическое мышление и что они намеренно пересекают грань между реальностью и миром грез...

Тем временем первые сотни четырехчастной процессии, прибывающей в центр города в форме креста с четырех разных точек горизонта, начали подходить к четырем воротам, по одному с каждой из четырех сторон. храма. Но, как мне сообщили, вся эта гигантская процессия с факелами останется за пределами храма. Процессионные знамена и цветочные платформы будут входить только через западные ворота. Никто не произнес ни слова. Все они обратили внимание на шествие, с уважением и гордостью глядя, как девушки, которым предстояло в ближайшие дни приступить к службе, молча кладут под землю все старинные гербы профсоюзов, датируемые их 2-м веком. Пластическая композиция Керстен в «Золотом квадрате» . На них смотрели все, от самого престижного Lorffe до последнего Civis.

Песни все еще можно было услышать за пределами храма. А затем, шесть на шесть, цветочные поплавки начали въезжать в храм. Цветы, которые должны были покрыть эмблемы, были символически присланы со всего мира.

«Для детей, которые умирали каждый день» , — сказали девушки, кладя цветы. «За людей, которые умирали от голода, в то время как другие выбрасывали еду» , «за бездомных, которые дышали последним вздохом на обледенелых улицах» , «за больных, которые умерли, потому что у них не было денег, чтобы заплатить за их лечение» , « для детей-калек, детей, сожженных заживо, закопанных группами, умерших без причины» , — вот некоторые из вещей, которые люди восклицали, отдавая дань уважения.

По спине пробежали мурашки... Мы никогда не отдавали такой дани жертвам нашего образа жизни...

Возложение цветов — старых цветов, наших цветов, а не их современных цветоводческих достижений: гортензий, фиалок, бегоний, мимоз и гвоздик — продолжалось часами в той же торжественной обстановке. Церемония завершалась молитвами. Первый перерыв был после того, как вошла двенадцатая группа из шести человек с цветочными канистрами. Мы воспользовались возможностью и уехали, потому что Стефан тоже хотел посетить район Новой Карелии, пока не стало слишком поздно, и нам пришлось вернуться в гестел.

На обратном пути я думал о настенных росписях Фабия Зигры, этих шедеврах 9 века. Я вспомнил золотые буквы на стене, рассказывающие историю «Девочки со спичками» .

Интересно, все вы, великие художники, вы, «пророки» прошлого с сияющими лицами, знаете ли вы, откуда исходило все ваше вдохновение? Или вы думали, что ваш дух был источником всего? Вы верили, что делаете лучший мир из ничего? Да, это то, что вы думали; это то, что мы все думали в то время.

БЕЛОСНЕЖНО-БЕЛЫЙ СВЯТИТЕЛЬ

22-VII

Белоснежное святилище со стенами из синтетической слоновой кости, которое мне было велено посетить, все-таки было недалеко от Пантеона. Я пришел сюда сегодня, веря, что увижу пуп Долины, но здесь нет ни храмов, ни статуй. Они сохранили это место почти таким, каким оно было; они уважали очарование прошлого. За исключением сияющей чистоты лепестков роз, плодов недавно посаженных розовых кустов, окружающих территорию, выстроенных в линию знамен Розерна Даля и тысяч свечей, горящих на золотых подсвечниках, почти все остальное осталось в точности таким, каким оно было. был в день большого события, в своей прежней простоте. Время как будто остановилось в 986 году, давая возможность окунуться в атмосферу той эпохи.

В это время дня здесь бывает всего несколько паломников, а царящие тишина и покой бесценны. Здесь дышишь воздухом экстаза, молитвы и глубокой веры, воздухом, очищающим все окружающее.

Я не могу не думать о прошлом, о Вольки или о том, как я себе представлял Вольки из рассказов Аструччи и Лайна, и пришел к выводу, что чем больше временная и историческая дистанция, отделяющая нас от этой огромной фигуры, , тем больше мы его ценим и тем больше его проповедь, проповедь «величайшего героя в истории человеческого духа» , освещает все стороны умственного и духовного образа жизни нашего собственного человечества.

Вот уже более пятисот лет человек идет по пути, который он проложил. Через тысячи лет после создания концепции утонченной всечеловеческой любви Христовой, сформировавшей человечество, и последовавших за ней сокровищниц чувств, благодаря Вольки, наступил тот долгожданный момент, когда границы «существующего мира» наконец открылись до такой степени, что даже самые духовные и открытые
й
люди 20-го века не осмелились бы представить.

Эта духовная «революция» была чем-то несравненно более великим, чем то, что когда-либо осмеливалась проповедовать религиозная вера, даже когда она достигла своего наивысшего пика. Он показал людям действительно важные вещи в жизни; оно оправдывало идеи и ценности, которые слишком долго и незаслуженно становились предметом насмешек, и разъясняло важную роль, которую они играли в Великой Реальности, даже если мы и не подозревали об этом.

24-VII

(Вернувшись на наши виллы поздно ночью)

Мы прилетели сюда прямо из Долины. Мои глаза не могли насытиться прекрасным видом на сельскую местность. Сверху я мог различить некоторые из моих любимых мест из прошлогодних путешествий. Они вернули так много воспоминаний о наших встречах с группой и о первых днях моей любви к Сильвии... Как и каждую ночь десять месяцев назад, сегодня вечером я снова сидел и смотрел на красоту далекой сельской местности. Было ощущение, что вчера...

25-VII

Это дом, в котором выросла Сильвия, и мысль о том, как она бегала по этому дому в детстве, меня глубоко трогает. Я чувствую, что эта обстановка каким-то образом повысила мою ответственность за то, чтобы сделать ее счастливой, — чувство, которое охватило меня за последние несколько месяцев.

26-VII

(В сумерках)

Форма, которую приняла наша любовь, теперь совсем другая. Этот первый трепет и энтузиазм теперь уступили место чувствам безмерной привязанности.
Когда я с ней, я совершенно забываю о себе. Никогда в жизни я так не заботился о ком-то другом; дорогой друг, сосед или любимый человек. Я думаю, что чем бы я ни занимался в жизни, я никогда не перестану быть ее верным и преданным другом; Я никогда не мог перестать быть «ее» , готовым на любые жертвы, если потребуется. Я глубоко переживаю боль и заботы ее родителей, их страдания и их стремление к ее счастью. Я чувствую, что несу большую ответственность перед ними, как будто меня выбрали среди тысяч других, чтобы сделать ее счастливой...

НАЗАД НА СВОЮ РОДИНУ

30-VII

Дом, милый дом! Я снова прилетел к тебе! На этот раз мое пребывание здесь не приносит мне ни печали, ни сожалений, как в прошлый раз, когда я была здесь со Стефаном девять месяцев назад. Сегодня я прибыл сюда совершенно один, пролетая над старыми знакомыми пейзажами моего детства.

Кто сказал, что у меня нет ничего своего в этой новой жизни? Передо мной одна из богатейших галерей мира! Эти достопримечательности, эти невероятные образы больше принадлежат мне, чем кому-либо еще! Для остального мира это просто гармоничные линии и цвета.

О, дорогая моя родина... Завтра, когда я вернусь, будет для меня вдвойне радостью! Я попрошу Сильвию пойти со мной и разделить мою огромную радость, мир ярких жизненных воспоминаний и знакомых мест.

Они правы, когда говорят, что нет места лучше дома! Я часто виртуально возвращался в места, где я вырос, я часто позволял своим воспоминаниям поглотить меня и ненадолго вернуть меня назад во времени, но в мире нет такого ощущения, как когда ты на самом деле там, нет. неважно, сколько времени вам понадобилось, чтобы вернуться, и неважно, что вы оставили, даже если того, что вы оставили, больше нет... Я чувствую себя таким благословенным, таким привилегированным, что у меня есть шанс снова быть здесь, и я благодарю Господа за это. , ибо я никогда ничем не заслужил такую невероятную судьбу, такую удачу и такие божественные дары. Я чувствую себя принадлежащим к истинно просвещенной элите, как будто я один из избранных Розернов Даля.

ПРИЗНАВАЯСЬ ВО ВСЕМ СИЛЬВИИ

1-VIII

Я позволил своему энтузиазму и спонтанности взять верх, чего мне действительно не следовало. Это была не ее вина; моим долгом было сдерживать себя ради нее. Мне удавалось скрывать свою прежнюю жизнь и свою истинную сущность ото всех, включая Сильвию, мне удавалось скрывать это глубоко внутри себя целый год, и за десять минут я все разрушил! Мое сердце колотилось от радости, я потерял контроль и все сразу мне открылось… Она вздрогнула, и сразу все сомнения и колебания, которые у нее были до сих пор, превратились в уверенность… Она победила все свои страхи и подозрения, всегда была на моей стороне, верила в меня, доверяла мне. Ее вера и доверие были тем, что построило такой незыблемый нравственный фундамент нашей любви, и этот незыблемый фундамент мне удалось разрушить в мгновение ока, просто сказав ей правду… Тон искренности в моем голосе не оставил место для сомнений. Ее подозрения подтвердились…

Я знаю, что в какой-то момент это пройдет; она все забудет и мы вернемся к нормальной жизни. Люди могут привыкнуть ко всему. Я говорю из опыта. Я ее, а она моя, и это никогда не изменится! На самом деле, я поговорю с ней завтра. Со временем она смирится с тем, что ей суждено было соединиться с мужчиной, который является чужим в ее мире, ее эпохе и ее кругу, с человеком из ушедшей эпохи.

Когда я рассказал ей о своем полете над швейцарскими Альпами, она предложила отправиться туда на следующее утро вместе, только вдвоем…

Мы вылетели сегодня утром, с кристально чистым голубым небом, через два часа после восхода солнца. Она была невероятно веселой и яркой на протяжении всего пути, как будто наши отношения только начались. Она была игривая, как ребенок! Когда я спросил ее, чувствует ли она головокружение, она ответила: «Наоборот, у меня никогда в жизни не кружилась голова; Я даже не знаю, каково это!» Но я сделал вид, что не слышу этого, и сказал ей не смотреть вниз, а вместо этого смотреть на меня. Я хотел как-то помочь, позаботиться о ней. Она игриво ответила, что если бы она посмотрела на меня, то испытала бы головокружение другого рода . Я заметил, как она использовала для этого французское слово, просто чтобы добавить игривости своим словам. Она продолжала шутить, пока мы не приехали. Она была в очень приподнятом настроении.

По прибытии я был так горд, увидев, как она была в восторге от потрясающих видов, от чудес природы, которыми была благословлена моя родина. я

говорил с ней о повседневных вещах, о наших друзьях, о нашей жизни, пытаясь скрыть то, как я был переполнен эмоциями, снова увидев пейзажи моей прежней жизни.

Мы шли довольно долго, пока не решили остановиться на холме и прилечь отдохнуть среди полевых цветов. Должно быть, было около полудня.

«Вы правы, — сказала Сильвия после долгой паузы молчания, — это место волшебное; Я чувствую себя заново родившимся!»

Мы говорили о тысяче вещей, и она была очень весела. На самом деле, временами я ловил ее напевную, когда она обвязывала темно-зеленой шелковой нитью ветряные цветы, которые мы только что собрали. Она делала маленький венок. Затем я помню, как спросил ее, какая часть всего, что мы видели и пережили за последние несколько месяцев, ей понравилась больше всего. Слова, которые она произнесла затем, сделали меня еще счастливее, чем я был: «Везде красиво, пока мы вместе» . Потом она рассказала мне о своей любви к природе. «Я думаю, что это течет в моих венах» , — сказала она с улыбкой. И тут мне вспомнилось значение ее имени: оно означает «лесная» .

Я сидел и наслаждался светом, падающим на ее лоб, изгибом ее бровей и золотыми корнями ее волос, и я чувствовал огромное счастье, что моя возлюбленная моей юности была рядом со мной после стольких лет. Но в то же время я чувствовал, что серьезное значение этой беспредельности не ограничивается узкими рамками моего бедного сердца, рамками моего собственного индивидуального существования. Это превзошло меня и стало священным обещанием для любого человека, желающего быть достойным чего-то подобного — чего-то настолько уникального, что оно бросает вызов ограничениям времени, пространства и самого разума. Ибо увидеть ее воистину было божественным даром, облегчающим спасением от разрушительного действия времени. Она дает надежду на окончательное торжество жизни над судьбой смерти.

И подумать, что без этого осознания странности моей судьбы, без ярких воспоминаний моей прошлой жизни и той глубокой признательности, которую я испытываю к своей новой жизни, этим отношениям, наряду со всеми другими ситуациями, которые я пережил здесь, и всеми инциденты, свидетелем которых я был, могли казаться просто нормальными, осмелюсь сказать, даже обыденными, мне тоже, точно так же, как это кажется Сильвии: простое соединение двух душ, связанных тесной связью.

В следующий раз, когда она заговорила, она сказала что-то, что сделало меня неспособным больше сдерживаться, и тогда я все рассказал.

Она протянула руку, протягивая мне венок, который она закончила.

сделал и спросил меня: «Ты возложишь этот венок на мою голову? Думаю, нам пора домой. На сегодня хватит… Надень его на голову и пошли… Я хочу надеть его на обратную дорогу…» Эти слова могли быть для нее такими же простыми и неважными, как капля воды в океане, но она не представляю, какой эффект они произвели на меня!

Потерявшись среди беспрецедентного трепета и удивления, я огляделся и не мог в это поверить! Я только что сообразил, что все это время мы сидели на том самом месте, на том самом холме, где тысячи лет назад Анна рассказывала мне о венке из ветряных цветов. Я точно помню, что она сказала мне в тот день: «Хватит на сегодня… Пойдем обратно… Мне нужно быть дома рано. В следующий раз, когда мы будем здесь, я сделаю венок из ветровых цветов. Ты наденешь его мне на голову?» Она тогда обещала, клялась мне, что мы вернемся; и все же это был один из последних раз, когда я видел ее живой…

А потом я почувствовал, как искра внутри меня вспыхнула и взорвалась!

"Что случилось? Что я сделал тебе? Что я сказал?" — обеспокоенно спросила она меня, видя, как по моему бледному лицу текут потоки слез. Я прижал ее к себе, крепко сжал и начал целовать.

«О, моя дорогая Анна, моя прекрасная Анна! На сколько лет ты возвращаешь меня этими словами! Значит, это не было ложью! Мы сдержали свое обещание; мы вернулись!"

Я понял, что только что сказал, просто взглянув на реакцию Сильвии; выражение ее лица было просто неописуемо! Она побледнела и невольно — хочется верить — попыталась отдалиться от меня. Она выглядела так, словно испугалась меня! Сначала я ничего не делал и не говорил, потому что застыл на месте; ее спонтанная реакция лишила меня дара речи. Преодолев шок, я тщетно пытался убедить ее осмотреться. Напрасно я говорил с ней о ее матери, ее брате, ее подруге Амалии и обстановке ее дома, рассказывая столько фактов и подробностей, сколько я мог вспомнить из ее прошлой жизни, чтобы убедить ее…

— Разве ты не помнишь сад? Книга путешествий? Высокий тополь, под которым мы сидели часами? Разве ты не помнишь, как мы поднялись на Две вершины? Ничего такого?"

Я пробовал все; Я призвал все свои воспоминания и все свои силы, чтобы она мне поверила… В основном я говорил с ней о нашей последней встрече, когда я сидел

у ее постели, в ее комнате, за несколько дней до ее смерти... Я убеждал ее приложить все возможные усилия, чтобы вернуть те воспоминания, воспоминания, которые, как я был уверен, все еще существуют где-то глубоко внутри нее; но ничего... Она ничего не могла вспомнить. Она вообще не говорила. Она только смотрела на меня; это был встревоженный и испытующий взгляд, который она бросила на меня. Единственные слова, которые она успела произнести, были: «Мне холодно» . А потом мы уехали...

Используя всю свою веру в нее, я говорил с ней настолько логично, насколько мог, и пытался показать ей, что нет причин так пугаться, услышав эту правдивую историю. Я объяснил ей, что многие люди знали о моем положении и тщательно изучили мой случай, в том числе Стефан, Ягер, врач, профессор Молсен, люди из Норфора, такие как Вальдемар Эсклуд, мисс Койрал и многие другие, и даже больше людей из Розернес Дал. Поэтому причин для страха не было. Я даже посоветовал ей найти Джагера и самой спросить его, сошел ли я с ума...

«Тогда это было правдой... Я знал это! Я чувствовала это... Но опять же я так старалась не верить этому... — прошептала она.

Постепенно мы оба успокоились. Она подошла ко мне, погладила меня по волосам и вытерла мне глаза, совсем как мать своему ребенку, когда он расстроен. Но потом она снова отстранилась и села одна, погруженная в свои мысли. Прошло некоторое время с тех пор, как кто-то говорил, когда она прошептала: «Похоже, Бог не желает, чтобы люди помнили» . И она заплакала. Переполненные эмоциями, мы оба замолчали. Я встал первым и помог ей встать на ноги.

— Пошли, — сказал я. Когда мы уходили, она сказала мне, что поверила мне, а затем заверила меня в своей любви ко мне.

«Только не ждите от меня ощущения, будто я из другой эпохи, как вы, — сказала она, — я полностью верю и уважаю все, что вы мне рассказали о своей жизни, но я не такая, как вы. Я женщина своей эпохи; Я такой же, как все» .

Всю обратную дорогу мы почти не разговаривали. Веселье утра было совершенно омрачено происшествием с венком из ветряных цветов. На голове у Сильвии был венок, который я туда положил, и она была закутана в обычное одеяло из синтетического меха, чтобы защититься от ветра. Она больше не казалась встревоженной или взволнованной; только что переехала... Время от времени она говорила пару слов. И я заметил, что она больше никогда не произносила имя «Андреас» с того момента, когда

hill…

НАЗАД В ПРОШЛОЕ

1– VIII Снова

(Поздно ночью)

Недавно я усадила Стефана и рассказала ему всю правду о моей давней истории любви с Анной, а потом я рассказала ему о сегодняшнем происшествии с ветряными цветами. Его реакция не была похожа на реакцию Сильвии: ни удивления, ни ужаса, ни испуганного взгляда. Он мне сразу поверил, ни секунды не усомнился во мне! Возбужденный духовной силой великой любви, победившей время, он сжал мои руки и улыбнулся мне. Он не нашел в моем рассказе ничего необычного, ничего, что нарушало бы границы или законы жизни.

— Я уже говорил тебе раньше, — сказал Стефан, — человеческое восприятие времени и пространства не безошибочно. Возможно, то, что наш разум воспринимает как вчера, сегодня и завтра в Великой Реальности и считает, что они отличаются друг от друга, есть не что иное, как вечное настоящее, которое не соответствует стандартному человеческому представлению о времени» .

Так вот почему ты заставил меня пройти через всю эту боль, мой дорогой Бог? Может быть, Стефан прав; эта трансцендентная любовь между двумя людьми, любовь, прошедшая через огонь и воду, теперь почти освящена. Судьба отвела для такой любви особое место в этом мире даже спустя тысячи лет. И эта чудесная работа судьбы выходит за узкие рамки моего личного случая. Это чудо достойно места в числе самых высоких и святых достижений человеческой души! Это воплощение настоящей любви!

Это действительно стоит того, чтобы прийти в этот мир как человек и прожить эту жизнь. Если вещи так отличаются от того, как их представляют наши глаза и разум, если такая божественная судьба может быть зарезервирована для человека в этом мире, это действительно то, ради чего стоит жить. Мы не знаем точно, что такое жизнь, как она разворачивается и что в ней содержится, но тех, кто достоин узнать, ждет чудесный сюрприз! Это реальность, которую невозможно понять нашим умом и выразить словами.

Что это за чувство сейчас? Мои веки становятся все тяжелее и тяжелее! Я чувствую сонливость? Да, да, это сон тяготит мои веки! Это первый раз, когда это происходит со мной в моей новой жизни! О, это такое сладкое чувство!
Значит ли это, что теперь я смогу спать по ночам? О, я пропустил это... Я начинаю чувствовать себя таким расслабленным...

КОНЕЦ

(В этот момент Андреас Нортам впервые за целый год засыпает. Как только Нортэм засыпает, сознание Пауля Амадея Динаха возвращается в его естественное тело еще в Швейцарии в 1922 году, и он выходит из комы.)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ (1972) ДОЛИНЫ РОЗ (Предварительное и критическое примечание, своего рода предисловие к опубликованным остаткам Диенаха. Оно было написано за шесть лет до первого издания «Долины роз» [1972]).

«Хроники из будущего» Динаха («Страницы дневника» — так называлось первое издание) раскрывают суть культурного развития западноевропейцев в далеком будущем. Точнее, здесь, сразу после «Первого» и «Второго дневника» Динаха, проиллюстрировано продолжение истории западной цивилизации, начиная с 21 века, на протяжении ул. длительного периода времени. Однако в целом эти пророческие рукописи очень просты по форме: они кажутся отрывками из путевых заметок, путешествием во времени в страны нашего континента, в то далекое будущее, панорамой общественной и духовной жизни, внутри этого далекого будущего. будущее культурное развитие — кусочки яркой и реальной жизни, увиденной и известной автору, который при этом повествует ее как путешественник-рассказчик. Он говорит, что его собственная судьба была связана, как он пишет, с одним из редчайших метапсихических и спиритуалистических явлений. Именно благодаря этому ему удалось испытать все, что он описывает.

Пауль Амадей Динах не оставил ни имени, ни, скорее всего, ни малейшей публикации на родине. Осенью 1922 года он прибыл из Центральной Европы в Афины и позднее, зимой, за небольшую плату начал обучать малообеспеченных студентов иностранным языкам, а именно французскому и немецком Проведя, по его словам, детство в одном из районов Цюриха, где его родители поселились после его рождения, юность он провел в деревне недалеко от этого крупного культурного центра германоязычных стран. После этого он занимался гуманитарными исследованиями, особенно склоняясь к истории цивилизации и классическим исследованиям.

В 1906 году он некоторое время работал учителем, скорее всего, в частной школе, возможно, в одном из городов, окружающих Цюрих. Будучи слабого и нежного телосложения, — он имел вид интеллигента, — он путешествовал, хотя и редко и сколько мог, на Запад и Юг. О своих путешествиях в Париж и Рим, как я понимаю, он написал где-то в своих рукописях.

Я помню его глубокую привязанность к матери, которая, судя по всему, что он мне рассказывал, была святой женщиной и, главное, прекрасной матерью. Когда я встретил его, она уже умерла.

Оставляя рукописи на мое попечение, он назвал меня «своим самым ценным человеком в своем узком кругу учеников» , и я помню, как он использовал фразу «мой юный друг» . Совершенно очевидно, что чувство одиночества и запустения переполняло его душу в момент написания записки. Никого из его семьи не осталось. В какой-то другой момент он сказал мне: «Тот, кто не испытал одиночества, не может знать его значения» .

Он скончался, насколько я понимаю, в афинском предместье Маруси или, может быть, на обратном пути на родину, через Италию, в каком-нибудь городке на соседнем с нами полуострове, скорее всего, в первые шесть месяцев 1924 года, после перенесённого приступа туберкулёза. , который проявился в Афинах и длился всего несколько месяцев. В ходе моих двенадцати недавних летних поездок в Цюрих, с 1952 по 1966 год, мне не удалось найти его родственников или другие следы семьи Динахов. Может быть, однако, у него есть дальние родственники нового поколения на окраинах. Возможно, тем не менее, молодой антигитлеровский офицер запаса немецкой оккупационной армии был прав — его версию я напишу ниже, в конце этой предвступительной заметки, — что мой учитель «страдал комплексом своего вина народа» имперской эпохи. В этом последнем случае было бы напрасно искать его за пределами немецкой национальности, чтобы найти его по «заимствованной» фамилии.

Если бы Полу Амадею случилось родиться в Индии, он бы высказался, не задумываясь. Он бы еще в 1922 году говорил о двух своих жизнях, о самопознании Я, о воспоминаниях о несравненном богатстве, о своем ином существовании, сложившемся в такие разные периоды. Тем не менее, Динах родился европейцем, на самом деле выходцем из Центральной Европы, потомком высокообразованного немецкоязычного швейцарца и его исключительной матери из Зальцбурга. Он всегда был осторожен в своих словах, осторожен, чтобы не проговориться того, что выходит за рамки рациональности и научного, познавательного мышления. Он все же твердо верил в духовный элемент неопределенной природы в человеке, который ускользает от закона биологического распада, преодолевая преграды времени и пространства. Он полагал, что это верно не только для нашего собственного биологического вида, по крайней мере, в лучших случаях индивидуумов, но и для целого ряда высших видов существ, наделенных мышлением, языком и чувствами, эмо

то есть на миллионах планет, пока неизвестных нам. Именно благодаря этому, говорит Диенах, культурный человек, индивидуальность, обогащенная ценностями внутренней культуры, возвышается над замкнутой и жестокой биологической судьбой. Именно благодаря этому элементу, который может, по его словам, сильно отличаться от одностороннего взгляда на душевную единицу религиозной веры или других устоявшихся духовных проповедей и убеждений, свободный дух продолжает существовать, не скованный законом Биологическая эволюция и распад. Что касается течения духовного бытия человека, то пространственно-временной континуум не является препятствием — он видел его и жил им, — как он пишет в своих рукописях.

«Только в области небесной механики и вообще в исследованиях естественной вселенной нам, людям, удалось стать коперниканцами» , — помню, как он говорил мне, когда говорил со мной о движении человеческого духа на протяжении веков. «Вся наша философия и наше мировоззрение остаются птолемеевскими: геоцентрическими и антропоцентрическими» .

Он часто говорил о тройных шорах времени, пространства и биологических видов — конечных, то есть когнитивных сенсорах, врожденных духовных способностях и потенциале знаний человека-получателя, — которые мешают нам обрести превосходное восприятие и взгляд на мир. и жизнь. В то же время он верил — что весьма поразительно по тем временам — в возможность будущего расширения пределов миров сущего, миров Бытия.

Он часто говорил о большинстве духовных цивилизаций и параллельном восходящем движении мириадов биологических видов в космосе, о мириадах видов разумных существ, существующих на большом количестве золотых небесных сфер, о прогрессе и эволюции скорее нравственного, чем духовного. технологический характер. Он не признал бы, что наша планета — единственное обитаемое небесное тело или что наш биологический вид уникален, венец Творения. Он не одобрял чрезмерное технологическое развитие и формы технико-экономических обществ, считая их второстепенными, и считал, что то, что главным образом служит великим целям Творения, — это возвышение посредством благородной боли, отречения, доброты, любви, самопожертвования. — внутреннее совершенствование в целом.

Однако он никогда не говорил о редкой судьбе своей личной жизни, тем более редкой в нашей европейской, географической и интеллектуальной сфере. Не рассказал он мне много и о содержании своих рукописей, которые решил прислать мне при отъезде. Он дал мне довольно много страниц, и я прочитал

их еще при жизни, что вызвало у меня неописуемую жажду прочесть эти рукописи. Тем не менее, когда он говорил, многие замечательные вещи, о которых он говорил, казались его глубочайшими убеждениями, а не опытом, которым он действительно жил.

Вплоть до того дня, когда я потерял его из виду, я помню, что он не производил на меня впечатления какого-то мистика, наделенного элементами исключительного или сверхъестественного. Он оказался очень осторожным, осторожным и сдержанным западноевропейцем, неугомонным «Фаустом» следующего века, вроде «Философию духа XX» века, но без разносторонней образованности последнего; Динах казался простым педагогом, у которого, однако, были животрепещущие вопросы, с тем стремлением сердца, которое чтит человеческий род. Он обладал непреодолимой тягой к век материализма и прагматизма, который последние десятилетия 19-го века перешли в первые десятилетия 20-го. Возможно, именно в этом интеллектуальном климате, где он родился, вырос и стал человеком, именно в этом контексте интеллекта и научное восприятие мира, где лежало его образование. Быть может, именно этому он был обязан своей великой нерешительностью и осторожностью даже в намеках на что-либо, лежащее за пределами установленного, принятого на основании рациональности или фактов позитивных наук.

С того дня, как рукописный перевод его рукописей всплыл на поверхность, его далекое воспоминание непреднамеренно вернулось и настойчиво занимало мои мысли. На этот раз я принял окончательное решение опубликовать их, как только однажды утром увидел, как они вылезли из старого ящика в поисках чего-то другого. Среди них я также с некоторым волнением обнаружил любимые пожелтевшие буквы и тетрадку с заметками, когда учился вместе с другими учениками, которых вспоминаю с теплотой.

Странная вещь случилась со мной с Динахом: в те далекие времена он был для меня всего лишь знакомым на несколько месяцев. Мой тогдашний беззаботный нрав и, кроме того, большая разница в возрасте не позволяли установить между нами связь, достойную называться дружбой. Но чем больше проходило лет, тем больше я осознавал, что, уезжая в Италию в 1924 году — идя туда умирать, — Динах завещал мне огромную часть своей души. Таким образом, моя духовная связь с ним расцвела после его смерти. Простое раннее знакомство с этим человеком уникальной и невиданной в жизни личной судьбы постепенно переросло со временем в сострадание и дружбу.

Как я потом понял, у него сложилось впечатление, что из всей нашей

группа, бойкая кучка молодых студентов, я к нему как-то лучше относился. По правде говоря, он показался мне менее скучным, чем остальные, и, кроме того, в то время я решил выучить иностранный язык. Поэтому неудивительно, что нам случалось проводить целые вечера вместе, разговаривая о всяких вещах. Я всегда буду помнить ту осторожность в его словах, о которой я говорил выше, хотя он любил обмениваться мнениями со мной — больше, чем со всеми остальными — по разным философским и историческим вопросам.

В первые годы после его смерти, каждый раз, когда я читал его рукописи — с тех пор я начал переводить их, как мог, и так было с 1926 по 1940 год, — я всегда говорил себе: «Смотрите, Динах был настроен на писать литературу. Он пытался изобразить психически больного персонажа и, придумывая миф, сюжет, находил способ писать собственные идеи на самые разные вещи» .

В то время я был проникнут скептицизмом, что было очень характерно для студентов моего времени. Я отказывался верить во что-либо, противоречащее принятым законам природы. Я действительно помню, как находил религиозность, захлестнувшую мысли Динаха, очевидную на страницах его дневника, несколько преувеличенной. Со временем я понял, как мало мы, люди, знаем об этих законах и как бездумно было бы полностью исключать явления, касающиеся психологических функций, которые бросают вызов обычным, какими бы редкими они ни были.

Но тем более, чем больше проходило лет, тем лучше я вдумывался в некоторые случаи со времени моего знакомства с Динахом, в некоторые его сдержанные слова, которые только теперь мог верно истолковать. Таким образом, мое убеждение в том, что все эти рукописи, написанные мертвецом, грустным человеком с глубоко посаженными глазами, которые казались нам такими утомительными, как однажды не совсем несправедливо сказал один наш товарищ, на самом деле его дневник. Теперь я пришел к выводу, что этот человек, который, вероятно, не был высокообразованным или интеллигентным, этот практически безработный человек в последние годы своей жизни, который не был ни мастером языка, как видно из его рукописей (тщетными были усилия переводчика упростить стиль в некоторых случаях, не выдавая смысла; чтобы фраза представлялась менее самонадеянной и не такой ярко раскрашенной и богато украшенной всевозможными прилагательными, — как это часто делал Динах лирическим, что он действительно допускает где-то в своих рукописях), и не заявлял, что имеет на родине какую-либо другую работу, кроме учительской, не писал о плодах собственного воображения и не мог иметь в себе всего того, о чем писал. Он ничего не сделал,

рассказать о том, что произошло в его жизни и что означало для него увидеть и пережить странный поворот событий.

И еще: Динах не выдумывал душевнобольного персонажа, а сам был болен, то есть еще до приступа туберкулеза. Он был отчужденным и плаксивым ипохондриком, если не сказать больше — обратите внимание на его бесконечные жалобы в своих письмах — и сверхчувствительным почти до патологической степени. Он не хотел говорить о двух своих прошлых болезнях (в 1917 и 1921—1922 гг.). Тем не менее, я помню, как он неопределенно сказал мне в какой-то момент, что «летаргический сон больше не является загадкой для науки» и что «эта реакция нейропсихологической системы, этот защитный механизм могут быть полезными в моменты, когда нервные клетки перегружены. Это способствует регулированию их протекания переменного тока и предохраняет их от надвигающегося коллапса» . В любом случае, если бы не его болезнь, он не встретил бы в своей жизни такой участи, которая нас сейчас изумляет.

Кто, в самом деле, мог предвидеть, что болезнь этого человека примет такой невероятный и неповторимый оборот? Много сказано о неведомых силах, скрытых в человеческой душе. Это правда, что мы не осознаем тысячи вещей, которые существуют, и что вокруг нас происходят тысячи вещей, о которых мы ничего не знаем. Тем не менее, кто бы мог говорить о таком, похожем на чудо, потенциале психодинамики человека? Конечно, это не означает, что всякое эмоционально перегруженное психологическое состояние обладает таким невероятным потенциалом, как в случае с Дайнаком. Однако некоторые подобные состояния — немногие среди многих — могут привести к таким парапсихическим (или метапсихическим) блужданиям, как это было в случае с духом автора этих рукописей.

Я помню, что в 1923 году мы видели Динаха только как человека, чья жизнь была подавлена неизлечимой печалью. В те времена на наши улыбающиеся и немного саркастические уста легкомысленно сорвалась бы фраза «какой-то большой роман» . Действительно, записи в его «Первой тетради» показывают, что он был человеком, который потерпел неудачу в своей работе и в итоге ничего не смог в жизни из-за своей болезненной предрасположенности к неизлечимому романтику и неудачной любовной связи (см., например, дек. 6 января 1918 года [Первое издание]: Я говорил себе быть сильным, взять себя в руки и выйти — но не мог. 17 января 1919 года [Первое издание]: Я чувствую вину перед своей матерью и т. д.). Эта преувеличенно-багровая проза и эти кое-где повторения, при немалой избыточности, оставленной переводчиком, и та чрезмерная сентиментальность повсюду в его рукописях.

Правда, каждый раз, когда он не был рассеянным или погруженным в свои нескончаемые мечтания, с ним было интересно поговорить. Он часто хотел расспросить нас о нашей учебе. На самом деле, во время одной из наших бесед он рассказал нам, что в молодости он также занимался историей и классикой у себя на родине, но через несколько лет болезнь вынудила его навсегда оставить работу.

В другой раз, когда кто-то спросил его о его выборе приехать и жить в Греции, он сказал нам, пересматривая свой первый странный ответ, что он сделал это «из ностальгии» , что он приехал, как и многие другие, из любви к этой стране. известный город.

-- И кроме того, -- добавил он с той же неуверенностью в голосе -- тем же голосом, который он использовал всякий раз, когда сомневался, будут ли его слова казаться правильными и рациональными, -- у меня было желание увидеть место, где живут две жизни, разделенные целых двадцать столетий» .

Тот факт, что своего рода ностальгия снова преследовала его здесь, в Греции, был очевиден всем, кто проводил с ним время. Как всякий больной человек, он также винил бы место и климат. В самом деле, я полагаю, что этот человек, который временами чувствовал, как мы сказали бы о нем тогда, что «жизнь для него слишком коротка» , куда бы он ни шел, никак не мог выкинуть из головы эти мысли: «Где может быть выход? В конце концов, он перестал преподавать и провел, как мы узнали впоследствии, последние месяцы своей жизни в несколько плачевном финансовом положении.

Его не интересовали материальные потребности. Наоборот, его мучила мысль о том, что он умрет молодым, как это, наконец, случилось еще до того, как ему исполнилось тридцать восемь лет, и что у него не успеет написать, как только он умел, историю европейской культуры, которая была мечта всей его жизни. «В двух томах» , — горячо говорил он. Он был убежден, что сможет. Не хватало только времени. Когда я спросил его, как он будет делить исторические периоды, и он сказал мне, что первый том будет доходить до нашего великого XIX века, он почувствовал мое недоумение в тот момент. Он тут же намекнул, нерешительно и туманно, что у него есть свои личные методологические убеждения и что второй том будет скорее критической работой.

Однако было очевидно, что в этом есть нечто большее. Только когда Дневник попал ко мне в руки и я начал его читать, я понял, что Динах намеревался дойти до весны 3906 года во втором томе. Он скрывал это от меня во время наших разговоров. Каким светлым было его лицо,

Помню, как ярко… Каждый раз, когда я вспоминаю этот момент, я чувствую сильнее зажигавшую и вдохновлявшую его веру, убежденность, что он знал все, что было потом, и что он мог бы рассказать об этом, — если бы, — сказал он, — он здоровье и свободное время было дано судьбой. У него хватило мужества сделать это. «Бывают, — сказал он, — случаи, очень редкие, если честно, когда мы уже знаем, что готовит нам будущее. У нас так много случаев, когда ясно проявлялось передовое знание» .

Прошлой ночью («Вступительная и критическая заметка» была написана в 1966 году) я еще раз просматривал страницы переведенной версии « Дневника » и мысленно вернулся к нему. С тех пор многие старые вещи были утеряны, но я никогда не забывал, что у меня были эти рукописи. В самом деле, чем больше проходило лет и угасала беспечность юности, тем больше мысль о них преследовала меня с угрызениями вины.

Я долго думал над их публикацией. Не только из соображений естественного уважения со стороны ученика к памяти своего старого учителя, но и из-за очень редкого случая последнего. Именно благодаря беспрецедентной судьбе его личной жизни Динаху посчастливилось знать о многих вещах, которые произойдут через много лет, благодаря науке космической эры, доступной мудрым и, по сути, через методы научного исследования, которыми дорожат естественные науки.

Многие скажут: «Возможно ли, чтобы случаи таких подробных воспоминаний о предсуществовании происходили в центре Европы?» Однако следует задаться вопросом: «Почему люди с такими живыми воспоминаниями о прошлом существовании появились только в Ост-Индии?» Преобладание материализма в европейском образе жизни дошло до преувеличения, а позитивизм проник в дух европейского человека до невыносимой односторонности. Чем больше вы отпускаете эти вещи, тем больше они тоже.

В настоящее время имя Динах все еще неизвестно. Естественно отсутствовать во всех указателях писателей, во всех энциклопедиях. Однако наступит день, когда он будет почитаемым и прославленным именем. Дальние потомки современных западноевропейцев произнесут это с уважением. Придет время, когда все, что он так подробно описывает в своих текстах, станет реальностью в Европе. Он так живо их изображает, потому что видел их своими глазами. Он действительно прожил все, о чем рассказывает.

Как в ту ночь, когда мне принесли рукописи, так было два дня назад,

что я читал до ночи. Как и в тот раз, я не хотел включать свет. Точно так же, как тогда, я думал, что вдруг увижу фигуру моего далекого друга в ночной тишине, появившуюся между двумя оконными стеклами, которые сияли молочно-белым в темноте, таким молочно-белым, каким я помню цвет лица моего друга тех времен. старый...

Для всех тех, кто ничего не желает слышать о парапсихологии, сверхчувственном восприятии и случаях метапсихических явлений, для тех, кто не принимает ничего за пределы научного мышления и данных, Диенах не видел и не жил своих сочинений, а выдумывал их . . Он предвидел, т. е. ход будущего культурного развития нашего вида и, в частности, белой расы и, по сути дела, — дерзая смело и настойчиво обращаться — на довольно значительный период времени. Кроме того, он зафиксировал свои собственные убеждения в каждой области философского мышления (особенно моральные и познавательно-теоретические убеждения), свои собственные метафизические убеждения.

Согласно этой точке зрения, Динах вложил свои мысли в уста своих героев (Егеря, Сильвии, Лайна, Корнелиуса, Стефана, Аструччи, Хильды, Сильда и т. д.) довольно нового повествования. В это, однако, вряд ли верит тот, кто имел возможность лично встречаться с Динахом и знал, что он не был каким-то выдающимся гением и что его уровень образования не был таким уж уникальным. Этот центральный европеец, и только он один, придает миру и жизни такой возвышенный смысл и такое исключительное содержание, что не только украшает жизнь, но даже превосходит представления древнегреческого классического образования и гуманистической традиции, что, однако, не , соответствуют ничему небытию.

Если принять более рационалистическое из двух объяснений, то следует сказать, что тексты Динаха представляют собой страницы прикладной футуристической социологии и оптимистическую перспективу метафизики. Некоторые убеждения писателя весьма характерны. Мы представляем их непосредственно ниже.

Динах не способствует ни малейшей оценке человеческих когнитивных способностей. Он даже считает априорные восприятия разума, например, время, пространство и классификации, слишком узкочеловеческими. Он говорит, что очевидна последовательность периодов времени, вчера, сегодня, завтра и даже концепция пространства. В таком виде они предстают перед нами потому, что соответствуют сенсорам восприятия людей-воспринимателей, их умственным возможностям, то есть их познавательному потенциалу, интеллекту и рациональности.

объективная реальность времени ускользает от нас. Вполне может быть, что это не знакомое нам линейное время с той последовательностью, которую мы считаем рациональной, с ее рациональным течением, но в глубине души это вечное настоящее. Аналогично и с космосом. Человек не может воспринимать что-либо существующее за пределами трехмерного пространства. Однако есть огромные реалии, которые входят в это понятие.

Например, измерение глубины ускользает от нас. Согласно Динаху, в основе простых моральных требований Канта к практическому разуму лежат превосходные и невоспринимаемые реальности, вполне реальные, хотя и недоступные человеческому интеллекту. Новые способности, которые удалось приобрести Homo Occidentalis Novus , добавили, как говорил Стефан Динаху, бесконечную онтологическую глубину реальности, куда включены некогда моральные требования старой когнитивно-теоретической версии.

Объективная онтологическая реальность не терпит никакого вреда — просто мы не способны ее воспринять, — потому что сенсоры восприятия, ум, человеческий разум оказываются конечными и несовершенными. Объективное существо не терпит вреда, потому что вся познавательная и психическая структура человека, вся рациональная организация оказывается по своей природе слабой. Точно так же, например, ультрафиолетовые и инфракрасные лучи не причиняют вреда своему объективному существованию и реальности, потому что способности восприятия сенсоров человеческого зрения оказываются недостаточными.

Он не одобряет возвышение рациональности до всемогущей познавательной силы. Он не согласен с тем, что человеческий интеллект является единственным безопасным источником духовной жизни, или что познавательная функция является высшей, или что только то, что приемлемо посредством рационального доказательства, связано с онтологической реальностью.

Относительно всей науки, если исключить, как он говорит, математику, Динах сомневается в том, дает ли она нам реальную, объективную картину естественной вселенной. Он подчеркивает ее подвижный характер и говорит не об одном наиболее объективно значимом естествознании, как считалось в XIX веке, а о многих субъективных естествознаниях, по одному на каждый период. Он считает достижения физики весьма полезными для нашего эмпирического познания, их технических приложений в различных областях естествознания и для прогресса материальной культуры, но не для познания истинной природы сущего. Судьба не дала нам ключа к постижению их объективности. Наши знания обо всем этом слишком человечны по определению. Надлежащее знание актуального Бытия выходит за пределы нашего потенциала. Как и в упомянутом выше случае с цветными лучами в солнечном спектре, такова

Здесь также обстоит дело с восприятием естественной вселенной: для живых существ, которыми являются люди, чувства являются инструментами в природе, но также и барьерами. Наши умственные способности, наш познавательный потенциал, интеллект, рациональность являются инструментами в мирах существующих вещей для биологических видов разумных существ, к которым мы принадлежим, но они же и препятствия.

Диенах считает даже различие между физикой и метафизикой вполне человеческим. Именно сенсорное восприятие этого конкретного биологического вида и его конечный когнитивный потенциал ограничивают их. Мы уже не живем, говорит он, во времена Аристотеля, Декарта или Канта, во времена поклонения человеческому интеллекту и разуму, как если бы они были чем-то недосягаемым, единственным и несравненным. Различие, проведенное человеческим интеллектом между физикой и метафизикой, субъективно (для людей), но не объективно. Невозможно, говорит он, постичь, сколько реальности (реальности невероятного величия и превосходной красоты), сколько онтологической обоснованности может лежать в основе всего того, что мы уже давно привыкли называть «духовными мирами» . Правильное определение этого термина, по Диенаху, не то, что не имеет реальной онтологической субстанции, и не то, что существует только в нашем духе, а то, объективное существование и природу которого люди-восприниматели не в состоянии воспринять.

Тысячи лет мы считали людей единственным видом живых существ, имеющим более высокую духовную жизнь, внутреннее совершенствование, внутреннюю культуру и свободную духовную личность. Эта ошибочная концепция нашей уникальности является, согласно Динаху, главной причиной, по которой мы считаем человеческие познавательные способности, такие как интеллект и разум, столь удовлетворительными — почти безошибочными, по мнению интеллектуалов и позитивистов. Он говорит, что это главная причина, по которой мы считаем человеческий разум всеведущим, а рационализм абсолютно верным, и мы говорим, что если что-то действительно существует, то наш интеллект не может этого не воспринимать.

Уровень, который занимает человек среди мириадов видов разумных и разумных существ, по словам Динаха, весьма выше. Однако человек не является Венцом Творения, если, конечно, мы не ограничиваемся духовной и интеллектуальной жизнью нашей планеты. Вся гуманистическая традиция, религиозная вера, греко-римский дух и Ренессанс, говорит наш автор, передали нашей западной цивилизации непоколебимую убежденность в том, что человек является духовным центром вселенной. Все наше мышление эгоцентрично, антропоморфно и геоцентрично.
Мириады различных биологических видов выше нашего уровня и мириады

других ниже. В самом деле, высказывание «небеса возвещают славу Божию» имеет, говорит он, смысл и содержание несравненно более широкое и высокое, чем то, что подразумевалось выразившими его и вообще тем, что думали люди в те времена. Он говорит, что позитивисты, интеллектуалы, эмпирики, рационалисты и критические философы ошибаются, считая датчики человеческого восприятия с несовершенным и ограниченным потенциалом непогрешимыми. Они также ошибаются, считая, что ничего не существует помимо того, что дано и проверено интеллектом, рациональностью и опытом. Более высокий, действительно более высокий взгляд на мир и жизнь невозможен, пишет Динах, пока мы продолжаем смотреть на вещи исключительно с человеческой точки зрения, нашей собственной точки зрения и в свете наших собственных умственных способностей.

Еще один момент, на который стоит обратить внимание в работах Динаха, — это его убеждение (он видел, как он говорит, и знает) , что когнитивные способности многих других биологических видов дают столь же субъективный образ всего сущего — хотя и гораздо более совершенный и полный, чем наш, — даже если эти виды находятся на более высокой ступени, чем мы, по шкале мириадов видов разумных существ. Конечный элемент, говорит он, присущ неизбежной судьбе органической материи, как бы последняя ни была наделена божественной искрой за пределами определенных стадий своего духовного развития и биологической эволюции. Когда дух приходит, чтобы охватить материю, вы никогда не сможете, говорит он, обрести совершенство. Нет совершенства ни в одном из тех существ, которые выше нас, ни в одной из их функций, соответствующих тому, что мы привыкли называть «умом» , «разумом» и психически-интеллектуальными функциями. Они также обременены судьбой понимания только видимых граней реальности, говорит он. Иными словами, у них тоже есть свое мировоззрение, которое они якобы считают реальным в силу своей ограниченной способности к онтологическому восприятию; точно так же у нас есть собственное физико-научное мировоззрение, которым мы обязаны Копернику, Кеплеру, Ньютону, Эйнштейну, Максу Планку, Вернеру Гейзенбергу и остальным нашим мудрецам.

Самое удивительное, о чем он пишет, это то, что существует действительное Бытие, более глубокая сущность Бытия, то есть объективная, а не кажущаяся реальность. Это Бытие существует за пределами тысяч субъективных образов в области онтологии и вообще в сфере познания и за пределами всех видов восприятий, которые невероятно различаются на тех мириадах обитаемых сфер и в невероятной широте временных отрезков, охватывающих миллионы столетий. Они различаются, говорит он, в зависимости от уровня видов логического

существ и даже на определенной стадии их биологического и духовного развития вместе с различными стадиями развития их психических духовных функций. Человеческий язык, конечно, не может выразить эту непостижимо большую онтологическую реальность. Диенах, однако, использует термин: Самит. Он действительно считает, что этот термин не условен, а является специфическим словом особого языка мудрецов того далекого будущего, о котором он говорит.

Предположим, что один из высших видов разумных живых существ где-то в космическом пространстве мог бы когда-нибудь постигнуть всю истинную природу этой объективной онтологической реальности, ее сущность, ее структуру, все ее онтологическое содержание. Тогда, говорит он, мы немедленно разрешили бы все большие и неизвестные проблемы мира, малая часть которых составляет и здесь, на нашей Земле, предмет нашей метафизической боли, предмет, то есть нестерпимой духовной жажды, непреодолимой ностальгии духа и души. Этими проблемами являются природная вселенная в ее объективной природе, существование Бога, начало и конец сущего, глубокая тайна жизни и ее цели, всевозможные телеологические мнения, вечность и бесконечность. Более того, тысячи вопросов в метафизике, о происхождении и предназначении людей, а также об их месте в целом Бытии, все, что мы безнадежно стремимся понять, все непостижимое, но существующее, онтологической субстанции, как бы оно ни ускользало от способности человеческого интеллекта и сенсоры восприятия рационализма.

Динах полагает, что высшие живые существа могут иметь знание, не о сущности Самита , конечно, что невозможно, но, по крайней мере, о его очевидном существовании. Он даже говорит, что это может быть осуществимо людьми, хотя и в очень отдаленном будущем, при длительном саморазвитии психических и духовных способностей нашего вида и эволюционном курсе более нравственного характера.

По словам Динаха, этого знания о существовании Самита было бы достаточно, чтобы положить конец метафизической тревоге человека и спасти человеческий дух от вечной участи боли и сомнения. Несмотря на свою недоступную сущность, столь ясное знание о существовании той большой онтологической реальности, которая объективно существует, не могло прийти к избранным среди нас, к тем, кому судьба даровала бы божественную милость фактического засвидетельствования ее существования. Оно не могло прийти иначе, как в связи с этим смыслом невероятного и непостижимого величия и с ощущением гиперкосмиче

красота, которую он заключает в себе.

«Не принимайте эти последние слова в их человеческом значении» , — пишет Динах в некоторых сносках. «Увы, — говорит он, — при слове «величие» мы думаем о пространстве, о размахе. То же самое относится и к гиперкосмической красоте, которая есть нечто за пределами человеческой психической терпимости к великой эстетической радости и высшему духовному счастью и, кроме того, нечто совершенно недоступное для скудных и ограниченных перцептивных возможностей человеческого эстетического сознания. Может быть, однако, это непреднамеренное предсказание. Может быть, это отдаленное отражение того, что когда-то слабо светилось в мечтах Гёте или Бетховена и других мастеров художественного творчества и философской мысли в период расцвета европейской цивилизации.

Помнится, Диенах писал где-то еще в своих рукописях, впоследствии утерянных, о кантовском различении прекрасного (например, в великих и бессмертных произведениях художественного творчества и восприятии красоты образованным любителем искусств) и возвышенного . (например, при виде звездного купола и при восприятии возвышенного чутким религиозным человеком высокой внутренней культивации и богатой духовной культуры). Я также помню, как Диенах далее писал о наблюдении Канта о том, что первое вызывает глубокое эстетическое возбуждение, тогда как второе вызывает чувство удивления и глубокой религиозности, а также чувство благоговения и благоговения.

Помнится, Диенах не допускал такого различия, а, напротив, давал всему этому единое объяснение: он где-то пишет, что к этим понятиям нас толкает невыносимая жажда души. Самит , однако, в глубине души является объектом нашей ностальгии. Не имея его, мы прибегаем ко всему тому, что придает нашему духовному миру впечатление его мирских форм. Каким-то образом они дают нам — хотя и временно — некоторое спасение от неутолимой жажды Самита в нашей собственной жизненной среде. Это все, что у нас есть в жестокой судьбе нашего мира.

Кроме того, продолжает Динах, именно эта потребность в спасении и есть причина возникновения религий. Люди чувствуют, что жизнь невозможна без религиозного чувства. Этого спасения преследует и художественное и вообще творчество в различных его формах (сочинение симфонической музыки, лирическая поэзия, изобразительное искусство, вообще сокровища духа). Та же причина привела к строительству на протяжении тысячелетий целого духовного здания меритократических убеждений и высоких идеалов (таких, как гуманизм, любовь, справедливость, альтруизм, свобода, образование и духовное стремление к нравственности).

завершение). Эта потребность в спасении и стала причиной того, что люди стали способны предъявлять к своему Творцу высокие нравственные требования и страдать, бороться, жертвовать собой, умирать — без задней мысли, в духе добровольной жертвы — за высокие эмоциональные и нравственные ценности. Все это для того, чтобы по возможности утолить — хотя бы на время — ту неутолимую, священную жажду духа и души. Глубочайшая причина, истинные истоки всей цивилизации на протяжении всей истории — это неумолимая духовная тенденция, это стремление к спасению от боли из-за отсутствия Самита, хотя мы и не осознаем его.

Согласно Динаху, просвещенный и достойный мыслитель должен, таким образом, фактически обратиться к проблеме происхождения цивилизации. Все, чему когда-либо учили по этому поводу, как он пишет, поверхностно. Вместо того, чтобы считать постоянно развивающийся ход цивилизации выражением борьбы и стремления людей вернуться к Богу, от которого они были отделены грехом (Джанбаттиста Вико), сущностью общественной жизни людей (Огюст Конт), итогом конкуренция между социальными классами конфликтующих финансовых интересов (Карл Маркс), проявление биологической эволюции посредством юности и упадка (Освальд Шпенглер), плод старых подавленных и вытесненных сексуальных желаний, которые возвращаются преобразованными и идеализированными и экстернализируются в безразличных формах на длительная неосознанная переработка в глубинах подсознания (Зигмунд Фрейд) или, наконец, проявление тенденции к доминированию, превосходству и различению, ради реагирования на чувство неполноценности и слабости в детстве (Адлер и др. сторонники индивидуальной психологии), лучше, говорит он, признать более глубокую, истинную причину. Даже если Карл Юнг, пишет в другом месте Диенах, ищет истоки и причину произведений цивилизации в огромном богатстве благородных и высоких склонностей и тенденций, заключенных в этой скрытой области психического организма, в подсознании человека, это не дает достаточного объяснения относительно истоки этого богатства. Это не только наследственные черты и утонченные инстинкты. Это тоже может быть, но эти признаки «абсолютно второстепенны» . Этой интерпретации не хватает глубины. Без Самита, без священной жажды духа и души и нашей ностальгии по нему, не могло бы быть благородных побуждений души человека к желанному, неоткрытому, невозможному и несуществующему — несуществующему и невозможному в нашей скудной среде жизни. — к вечности, бесконечности, божественному, совершенству и идеальной красоте. Не существовало бы ни великих поступков нравственной красоты, ни влечения к жертве или

прекрасное, возвышенное, невыразимое и божественное.

Далее Динах говорит о грядущих усилиях человека совершить скачок вперед в процессе эволюции, приобретение тысячелетий в длительной психо-духовной и нравственной зрелости, чтобы максимально ускорить способность к непосредственному знанию. Люди смогут сделать это, когда они преодолеют эту ступень технико-экономической цивилизации и, удовлетворившись и насытившись ее культурными достижениями, обратятся к занятиям более духовным. Диенах пишет, что, если он правильно понял, эволюция интуиции и второго видения старых времен из их прошлого эмбрионального состояния приведет к приобретению этой новой человеческой духовной способности. Новый познавательный потенциал, новый опыт, который сделает знание Самита кристально ясным, несмотря на недоступность его сущности, а также даст то ощущение невероятного и непостижимого величия и гиперкосмической превосходной красоты, которое связано с Ним. .

Этот проницательный вид беспокоен, пишет он где-то. После своих безумных достижений в технической вселенной он неожиданно вступает на новые пути. Оно прикладывает руку к искусственному развитию, усилению и активизации чрезвычайно старых способностей, дремлющих в самых глубинных частях психического организма. Оно стремится к тому, чтобы этот неуловимый тайный свет отсутствия когнитивных процессов стал очевидным, стабильным и сознательным. То, что когда-то считалось трансцендентным (Во всех своих текстах Диенах использует слово трансцендентное в значении метафизического и гиперкосмического. Во всех своих рукописях Диенах называет трансцендентными высокие реальности, которые стоят выше человеческих

сенсоры восприятия, а знать о них человеку судьба не дала. 18-й и 19-й века сомневались, соответствуют ли они чему-то существующему. Динах думал о них как о реальности в связи с великими метафизическими проблемами. Он подчеркивает значимость их онтологической субстанции.), то, что было истинным, но непостижимым, реальным (существующим), но немыслимым и невыразимым, наш род хочет сделать их объектом очевидного знания здесь и сейчас. Поскольку интеллект и разум оказались непригодными (он хочет сказать недостаточными) для этого, этот новый, проницательный вид приобретает новый познавательный потенциал (он имеет в виду новые сенсоры восприятия).

Одной из главных причин, по которой Диенах так не решался открыться хотя бы своим друзьям и не желал, пока он жив, публикации своих рукописей, были новые термины, неологизмы, которые он должен был использовать во время своего правления. письма. (Вообще, новые слова — одно из самых больших препятствий для Динаха в

выражая себя. Он оказался, говорит он, перед тысячами новых терминов другой эпохи высшей духовной жизни, перед тысячами новых словесных выражений более богатого языка, который был языковым инструментом цивилизации, превосходящей нашу цивилизацию XX века. Во многих случаях ему приходилось использовать эти новые слова в их первоначальной форме. Однако он предпочитает использовать иносказательную формулировку с помощью наших слов, где это возможно. Так, например, большие комнаты учения [5 из VI], союзы волевых компетенций [30 из VI], конторские товарищи [14 из VI], товарищи стад, служба, бульвары слободы [26 of VI] и т. д. представляют собой немецкую перифрастическую интерпретацию исходного однословного термина. То же самое относится и к атмосфере этой жизни, которая призвана выразить противоположность концепции жизни после смерти или противоположность трансцендирующего течения индивидуальной духовной сущности после биологической смерти. То же самое относится к периферийным дальним комнатам куполов [20 из VII] и установленным чиновникам [Gretwirchaarsdag от 6 сентября для нас] и многим другим.) Нибельвирх , который приписывает приобретение человеком этой новой высшей духовной способности, выше интеллекта и рационализма Этот новый сенсор восприятия (потенциал знания) не может, говорит он, быть выражен ни в одном из наших языков никаким термином.

Интуиция и второе зрение упрощены по сравнению с ней. Кроме того, гиперзрение очень напоминает нам одно из наших собственных материальных (опытных) чувств. Тем не менее, тот далекий будущий век, к которому относятся рукописи Диенаха, часто использует термин Оверсин или Суперсин как близкие синонимы к Нибельвирху или фактически как его результат. В других местах термины «прямое знание» , «прямой взгляд» и «опыт за пределами разума» взаимозаменяемы.

Напрасны были попытки одного его знакомого сказать ему, что он не прав, что так колеблется. Кроме того, понятие как словесный термин было неизвестно до Сократа, а идея никогда не произносилась как слово до Платона. Напрасно. По его словам, ему невыносима мысль сравнивать себя с людьми такого гигантского рост.

В любом случае, Динах пишет, что Нибельвирх открывает совершенно новый этап в эволюции духовной жизни человечества. Эта новая высшая духовная способность и потенциал знания являются, по его словам, границей, пределом, отделяющим жизнь Homo sapiens , длившуюся тысячелетия, от зари новой жизни для просвещенного человека, Homo Occidentalis Novus. Кроме того, он пишет, что слышал, что впоследствии в главных соединительных центрах мозга наблюдались анатомические изменения.

Весь многотысячелетний век членораздельной речи, интеллекта, способности к рефлексии, всех этих познавательных функций, с переходом от наивной веры к знанию и позитивным наукам и даже со всем содержанием аффекта, эмоциональных и родственных побуждений и с все это психическое богатство, по словам Диенаха, представляет собой одну эпоху: Стадия Б. Что касается Стадии А, он говорит, что конкретная стадия предназначена для раннего, первобытного человека, чьи чувства и инстинкты были единственным содержанием его психической жизни). Начиная с Нибельвирха , наступает этап С. Это элемент, добавленный к до сих пор психодуховным функциям, который является не только новым, но и превосходящим по достоинству. Ни одно из предыдущих не может сравниться с этим, с непосредственным просветлением, хотя они и были непременным условием последнего с точки зрения преемственности. Этот новый элемент — возможность прямого наблюдения благодаря Нибельвирху — не разрушил, не уменьшил или не ослабил старые психические функции. Пришло добавить к ним. Оно пришло, чтобы дополнить всю когнитивную человеческую структуру чем-то другим, чем-то более мощным.

Одним из наиболее характерных наблюдений Динаха было то, что только после того, как наступила стадия С, правильное объяснение и более глубокий смысл тысяч вещей на предыдущей стадии стали очевидными, и только таким образом они получили правильное толкование. На стадии С человек осознал более глубокий смысл всех этих более ранних вещей. Это были благородные эмоциональные побуждения, высокие идеалы, религиозный трепет, невыносимая потребность души великих в художественном творчестве в ее высшем выражении, внутренняя потребность в справедливости, хотя бы она касалась других, а не себя. Другими благородными чувствами были глубокая и истинная любовь и влечение к добровольной жертве, жажда окончательного оправдания добродетели и возвышенное стремление к бессмертию, вечно непонятая — как низменная забота о смерти — духовная склонность к аренде жизни, которая стремление к преодолению барьеров нашей биологической судьбы и вообще целой вселенной высоких нравственных и духовных ценностей. Одним словом, это были самые торжественные и священные идеалы человеческой души. Выяснилось, что все это есть не что иное, как разнообразные проявления неведомой жажды духа и души, вечно неутоляемой ностальгии. Только благодаря Нибельвирху людям стало возможным увидеть его глубочайший предмет (самит), обрести, то есть знание того, что лежит за мирскими проявлениями его видимых направлений (апостериорная интерпретация, как пишет).

Эта жажда духа и души является источником всей цивилизации. Он

говорит, что чем выше уровень нравственной и психодуховной цивилизации на данной сфере (обитаемой планете) в конкретную эпоху, тем сильнее и благороднее будет жажда души. Другими словами, это неведомая душевная и нравственная боль за колоссальную разницу — в красоте и величии — между атмосферой жизни и самифом; между видимым, то есть, и большой онтологической реальностью, многомерной и объективно существующей.

Одной из основных общих черт и точек соприкосновения между нашим биологическим видом и тысячами других видов разумных живых существ на мириадах небесных сфер является, согласно Динаху, эта общая глубочайшая причина всякого возвышенного духовного приношения и вообще всякого творческого вдохновения для культурные достижения. Такова неутолимая жажда духа и души, ностальгия по Самиту , даже если мы ее не всегда чувствуем, даже если это несознательная тоска.

После определенной стадии эволюции «психической и духовной жизни» эта глубочайшая причина начинает, говорит он, казаться императивной, непобедимой и неутолимой. Формы органического вещества могут сильно различаться по сравнению с нашими в зависимости от условий возникновения и восхождения жизни в эти очень отдаленные сферы. Если же эти термины действительно встретились с «божественной искрой» , если они заключают в себе нечто, чему мы обязаны своим интеллектом, рационализмом и эмоциями, то они не могут не сближаться с нашим родом во всем, что относится к высшим духовным сферам. Что-то подобное нашей собственной неутолимой жажде исследования и познания должно существовать, что-то подобное нашим собственным «трепетам сердечным» , что-то подобное нашей невыносимой тяге к нерушимому и вечному, присущему теплому эмоциональному влечению к высшему существованию неведомой природы. и с нашей честной верой в «высшие силы» , чем-то похожим на повелительный внутренний голос нашего великого художника, с неизбежным психическим стремлением придать идеалу красоты зримую форму, дать произведению жизнь напрокат, за пределами биологического разложения модели. , чтобы победить время и закон распада. Динах заключает, что глубочайшая, коренная причина всех этих цивилизаций и их исторических реализаций является общей; это жажда духа и души Самит.

Для Динаха эта общая черта имеет, помимо первостепенной важности общей причины, а также общей цели, важность длительности времени и даже достоверности (Geltung) в огромном космосе. Он пишет, что миссия каждого вида на каждой обитаемой сфере и задача, поставленная судьбой, состоит в том, чтобы

возвести духовную структуру своей цивилизации настолько красиво, совершенно, высоко и совершенно, насколько это возможно. Эта общая черта имеет большее значение, чем сами историко-культурные достижения. Цивилизации, говорит он, приходят и уходят. Однако их глубочайшие истоки остаются вечными и неизменными.

Великая эстетическая цивилизация классической древности, тысячи статуй и храмов в Афинах и Коринфе, высокий уровень обыденного эстетического сознания того времени в Древней Греции, породившие внутреннюю потребность человека жить в такой атмосфере красоты, пришли и ушли. . Однако причина остается. Жажда этой души, ностальгия по Самиту должны создать, говорит он, что-то новое — никогда не повторяющееся, что-то новое с оригинальными элементами. Собственно так обстоит дело и с новым великим чудом

создание симфонических музыкальных композиций в Центральной Европе в 19 веке, что й
является достойным эквивалентом греческого чуда классической эпохи.

Открытия, касающиеся законов, управляющих естественной вселенной, происходят одно за другим, и постоянно новая небесная механика доказывает ошибочность учений каждой предыдущей версии. Однако причина остается. Это жажда духа и души, ностальгия по Самиту, которая проявляется в этой области в форме той тяги к исследованиям, которая делает честь нашему роду. Это духовное стремление и непреодолимая склонность каждый раз узнавать что-то новое и открывать что-то более правильное относительно великой тайны, которая нас окружает, добывать тайны природы, диагностировать законы, управляющие природными явлениями.

Религии с их доктринами, историями их священной истории, их учениями и их ритуалами поклонения приходят, уходят и меняются в зависимости от места, сферы и времени. Однако их глубочайшая причина остается. В этой области рассматриваемая причина проявляется через чувство религиозности. Это невыносимая потребность души как для нашего человечества, так и для каждого достойного вида разумных и эмоциональных живых существ на других обитаемых планетах.

Приходят и уходят специфические формы, часто принимаемые высокими идеалами, вечными нравственными ценностями и ценностями духовной жизни. Однако их глубочайшая причина остается. Их воздействие на наш духовный мир не зависит от каждой эфемерной формы.
Причина никогда не меняется. Внутренняя потребность всегда столь же интенсивна, чувство поклонения, неистовство и склонность к соперничеству всегда столь же интенсивны, и то же самое относится к силе духовного стремления и необузданного энтузиазма.
Ни одна цена не кажется достаточно высокой ради них, независимо от конкретной формы.

каждый из этих великих идеалов принимает каждый раз.

Эта глубокая причина — единственное, что не меняется, — есть, согласно Диенаху, жажда духа и души к Самиту. Последнее он считает похожим на кантианское «das Ding an sich» как словесное выражение.
Что касается его сущности, то он считает его объективным Существующим во всей его полноте, всем Бытием в его глубочайшей сущности, вне зависимости от конечных познавательных способностей, познавательного потенциала, которым делятся различные виды биологических существ на миллионах небесных обитаемых сфер. Иными словами, он считает ее всесущей онтологической реальностью, которая многомерна и объективно субстанциональна.

Укрепление и активизация всех этих присущих человеку духовных способностей, однажды осуществленная обширно и на достаточное время (верное и настойчивое самосовершенствование в течение тысячелетий), могло бы, по мнению Диенаха, оказать решающее влияние на формы духовной жизни и вообще культурной жизни в течение очень длительного периода времени.
Она могла бы также постепенно образовать своеобразную цивилизацию, которая оставила бы, так сказать, свой особый след. Тот далекий будущий век цивилизации, о котором он рассказывает, — который он видел и прожил для тех из нас, кто ему верит, — имеет свой индивидуальный оттенок из-за очень глубокого влияния Института Айдерсена, Нибельвирха и духовной проповеди Волков, Волковского учения. , как он рассказывает в своих рукописях, наряду с множеством других факторов, о которых он сообщает как очевидец в своем дневнике. То же самое относится и к годам, предшествовавшим нашему существованию, начиная с древней истории: каждая отдельная эпоха цивилизации имеет свой характер, соответствующий ее культурной самобытности. Во многом это также связано с очень интенсивным и глубоким культивированием определенных духовных и интеллектуальных способностей человека.

Например, древняя китайская цивилизация, монолитная и изолированная, в основном характеризовалась чрезмерной преданностью традиции. Египетская цивилизация времен фараонов и верховных жрецов была сосредоточена на жизни после смерти. Древняя еврейская цивилизация, как и более поздняя исламская, носила ярко выраженный религиозный характер. Греческая цивилизация классической античности была сосредоточена на поклонении природной красоте и была наполнена беспрецедентными духовными элементами благодаря сократовскому учению о самодисциплине, морали, добродетели, взаимном уважении и несравненными принципами и убеждениями Платоновского идеала. Это была цивилизация с чувством меры и красоты, прежде всего художественная и эстетическая цивилизация.

Цивилизация итальянского Возрождения имела определенные характерные черты.

такие как возрождение классических текстов, жажда свободомыслия, возвышение эстетического сознания и художественного творчества с использованием тем, преимущественно взятых из христианской традиции. Немецкая цивилизация XIX века создала целую вселенную гармонии и, кроме того, принесла Европе беспрецедентное развитие и вершину научной мысли и философского мышления.

Вообще, внутри тысячелетних поворотов колеса истории преобладают различные тенденции. Иногда это рационализм, материалистические идеи и менталитет исследований, наблюдений и экспериментов от имени естественных наук — всемогущество лаборатории. У других это эстетическое сознание, чувство прекрасного, развитие, то есть чувства хорошего вкуса. В другие моменты истории это завоевания технической вселенной, удобств и массового производства стандартизированных промышленных продуктов (популяризация применения изобретений, материальное изобилие средств и демократизация удобств). Затем, в некоторых других случаях, это фанатизм, нетерпимость и идеологическое предубеждение против духовных или политических проповедей или даже религиозных прошлых. Наконец, бывают времена, когда это интеллектуализм в мышлении и во всяком другом выражении общественной жизни.

Возможное одностороннее усиление когнитивных функций — только разума, а не эмоций — могло бы, как где-то говорит Динах, создать в течение тысячелетий материально всемогущую расу невероятных технических достижений, замечательного прогресса в естественных науках. и их технические приложения. Однако такой односторонний прогресс породил бы расу варваров с точки зрения внутреннего совершенствования, без мягкости нравов, без внутренней культуры, с огромной пустотой в отношении души, моральных ценностей и эмоций.

Противоположные пути ведут в другое место: например, эпоха романтизма в Западной Европе дала сильный голос эмоциям в течение первых трех-четырех десятилетия 19 й столетий. Они были основным мотивом творческого вдохновения не только в литературе, лирике, живописи или скульптуре, но и в музыкальном сочинении, философском мышлении и метафизике.
Более того, они мотивировали ход политической жизни, основанные на заслугах убеждения, направления идей, начало социальных реформ, энтузиазм, высокие идеалы, нравы и в общественной жизни, вообще, почти во всех сферах культурной деятельности. Спонтанность и сентиментальность заставляли творцов и поэтов создавать произведения беспрецедентного эстетического вдохновения, с элементами чудесного и мифического, а также вызывали у них неодобрение и потрясение.

от старых «правил техники» . По сравнению с установленными логическими формами во всех областях творчества в те времена преобладал аффект. Окружающая материальная реальность откладывалась и игнорировалась, уступая эмоциям и воображению. Восприятие жизни и мира за пределами разума господствовало везде, во всех сферах познанного и во всех областях достижений.

Динах также приводит пример других духовных курсов и направлений. Например, западный человек выказал полное презрение к глубокому мистицизму Востока. На основе последнего у индусов, например,
развивали свою своеобразную первобытную духовную цивилизацию вплоть до й
19 века. В жизни, которая была материально скромной и строго сельскохозяйственной экономикой, осуждая любые попытки социального восхождения и игнорируя все достижения науки и техники, эти глубоко философские религиозные племена сосредоточили свое внимание на Брахме и его учениях. В то же время они стремились охватить и осуществить слияние индивидуальности человека с духом всего, отождествление души человеческой с Единым и всем.

Он также говорит, что интенсивное и в некотором роде одностороннее развитие человеческой психодинамики, когда-то проводившееся экстенсивно и в течение значительного периода времени, может сформировать целую цивилизацию другой формы своего собственного индивидуального знака. Это развитие может осуществляться посредством телепатии, чтения и передачи мыслей, предвидения и предсказания будущих событий, восприятия за пределами чувств, вызова духов и т. д. в духовной среде, которая сильно отличается от нашей, в благодатной среде. социального сосуществования. Здесь можно было бы наблюдать заметное падение положительных наук и рациональности, а также прагматического суждения и материалистической жизни вообще, наряду с верой в данные, воспринимаемые пятью чувствами, в опыт окружающей нас материальной и реальной жизни.

В любом случае, Динах не одобряет любую односторонность в ходе цивилизации. Он осуждает, т. е. всякое преувеличение в каком-либо исключительном и одностороннем направлении, которое привело бы к ослаблению определенных областей человеческих способностей. Согласно этой версии, истинно высокие цели культуры, наиболее ценные телеологические мнения связаны с параллельным, уравновешенным, гармоничным и почти равносторонним культивированием и развитием лучших человеческих способностей и наиболее достойных склонностей. Его точка зрения охватывает, насколько это возможно, господство высших идеалов,

опыт беспримерных духовных и эмоциональных сокровищ, заключенных в подлинном и более глубоком духе христианства и реализации гуманизма и свободы в общественной жизни, среди народов мира. На самом деле Динах считает эти два последних идеала, гуманизм и свободу, высшими из тех, что можно было найти в системе нравственных ценностей, сформированных внутри нашей западной цивилизации классическим образованием, гуманизмом и христианской традицией в их чудесном союзе, в их несравненном браке.

За четыре года немецкой оккупации в Греции — все рукописи Диенаха были доступны вплоть до событий декабря 1944 года и тех дней, когда я нашел убежище в доме друга на улице Тисеос в канун Рождества 1944 года — четыре человека прочитали книгу. первоначальные два «Дневника» и « Дневник с хрониками из будущего» : это был респектабельный греко-македонский друг и коллега, высокообразованный, чьим любимым занятием, насколько я помню с тех пор, было его участие в масонском и теософском движении — он занимает высокое место в масонстве; профессор богословия с греческого острова Тинос, весьма известный в свое время; и два немецких друга последнего, отец и сын. Отец был профессором истории и придерживался либеральных идей, а сын был молодым офицером запаса оккупационной армии, питавшим большое отвращение к гитлеровцам, которым он не постеснялся поделиться со мной.

Каждый из них хранил настоящие рукописи Динаха в течение нескольких недель и месяцев и прочитал их до конца. Однако их впечатления от рукописей разнились.

Немецкий профессор истории сказал мне, возвращая рукописи, что Динах не был простым профессором с посредственным образованием, как я думал в то время. Он был, по его словам, великой личностью западноевропейского духа, истинным духовным лидером белой расы, пророком, вдохновленным Богом, вдохновленным любовью и жаждой внести свой вклад в выживание западной цивилизации. Он также добавил, что Динах предсказывает Желтую опасность и ужасные войны 23-го века.[рд] столетие и призывает европейцев проникнуться потребностью единого национального самосознания и общеевропейской политической общности. В случае с Динахом, сказал мне немецкий историк, повторяется временная преемственность между теоретиками и прагматиками, как это происходило в обеих великих революциях: французской 1789 года и русской 1917 года. Динах двадцатого века стоит, говорит он, перед великими бойцами следующих веков, до того, как европейские политические лидеры и военачальники 23[рд]

века как их идейная и теоретическая предшественница. Другими словами, он есть то, чем более или менее были Вольтер, Руссо, Монтескье, энциклопедисты и другие мыслители XVIII века перед ораторами учредительных национальных собраний и военачальниками буржуазии в последние десять лет XVIII века. термин «учитель нации» , — сказал века «Ио Ф. Динах» был истинным учителем нации, но с иным, чем у вас, значением, гораздо более широким: значением, касающимся этнологического, территориального и главным образом культурного охвата западноевропейского духа» .

Однако я помню, как в другой день немецкий профессор размышлял о другом: «В текстах Динаха можно различить две противоположные идеологические тенденции.

С одной стороны, голос 19 века и далее, веков материалистического взгляда на мир и жизнь, веков технократии. С другой стороны, есть голос Нохере , как назвал бы его Динах (3382 г. н.э.). Девиз этого первого состоит в том, что на смену незрелому периоду наивной веры пришло правильное прагматическое видение жизни, мира и научное мышление. Наш XIX век, — говорит он, — познакомил нас с наукой и положил конец «богословским предрассудкам» прошлых времен. Методы исследования в естественных науках привели нас к познанию вещей такими, какие они есть на самом деле. Он также показал истинную природу человека (биохимическая лаборатория чудесных наследственных умственных способностей) и мира (природная вселенная с ее материальными элементами, с материей-энергией и силами, которые они заключают, а также законы небесной механики). Стало также очевидным, что люди, движимые страхом смерти и горьким осознанием своей эфемерной биологической судьбы, создали религии, Бога, Потустороннее, различие между злом и добром, а также жизнь после смерти как оправдание добродетели.

Nojere (986 г. «новой хронологии») доказывает ошибочность этих вещей .
Они, говорит он, всего лишь в человеческом масштабе. Это только то, что способен воспринять конечный когнитивный потенциал людей-реципиентов. Это только то, что воспринимается данным конкретным биологическим видом на этой песчинке божественной нити, охватывающей бесчисленные обитаемые сферы. Убеждение этого «нового века» состоит в том, что онтологическая реальность, как объективно существующая, совершенно иная. Он обладает такой гиперкосмической и величественной красотой и таким познавательно непроницаемым и «невероятным» величием, что обнаруживает перед собой нечто совершенно иное — другую «сторону» себя; только

есть природная вселенная и жизнь в целом вместе со всем, что подпадает под наши познавательные способности: чувства, интеллект, разум и т. д. До нее все, что было сказано величайшими религиями в их догмах, самые «несомненные» Науки — методом «научного» исследования — и высшие космо-теоретические концепции, и самые ценные выражения в метафизической вере — все это кажется наивным и ребяческим. Эта реальность — «нечто непостижимо большое» .

Сын немецкого историка был другого мнения: «Основной идеей Динаха было продолжение истории любви с его умершей возлюбленной, — сказал он мне. «Эта сильная жажда его души и заставила его написать « Дневник» . Это тайное стремление к такой возможности, его глубоко человеческая жгучая душевная боль вдохнули в него желание рассказать обо всем этом. Используя перо, он дал своей ограниченной человеческой биологической судьбе такое продление времени, в котором реальная жизнь отказалась бы. Все это произошло для того, чтобы написать продолжение непрекращающейся истории большой любви, которая была преждевременно прервана, и продолжать ее. На самом деле он не жил своими произведениями. Все это «самим выдумано» , искусственно и воображаемо. Диенах — «неизлечимый романтик» , «поэт с большим количеством иллюзий» и фактически «психически больной человек, живущий внутри «своей» реальности» .

Молодой антигитлеровский офицер запаса немецкой оккупационной армии позже попросил меня поклясться, что эти рукописи подлинные и что Динах действительно существовал. Я сделал это с удовольствием, так как знал это достаточно хорошо, чтобы быть правдой. Я пытался разобраться в его характере: содержание « Дневника » его взволновало, буквально захлестнуло. С ним мог свободно говорить любой желающий. Он был честным гуманистом и не так далёк идеологически от нас, греков.

«Его больше нет, — сказал он мне позже в разговоре, — но как прекрасно, что его образ мыслей сохранился в этих рукописях...»

Он признался мне, что многие разделы дневника вызвали у него слезы.

— Вы уверены, что только его мать была австрийкой? — спросил он меня позже. «Мое личное мнение, что его отец тоже был австрийцем и что он участвовал в Первой мировой войне. Он не имел никакого отношения к Цюриху, и вам будет бессмысленно искать там, когда в Европе мир. Он был австрийцем и католиком и пережил ужас войны 1914 года» .

Сначала он показал мне в «Первой тетради» слова, написанные об отце Иакове, что он «вышел гулять с тремя протестантскими священниками 14 августа 1922 года» . Затем он показал мне другую фразу из дневниковых страниц конца 12 -го — VII: «Как бы я был счастлив, если бы избавился от всякого чувства отвращения и стыда, подальше от запаха иприта» , — говорит он там, где Теперь я поместил заголовок на страницах «Долина роз» (первоначальное название первого издания) в моем переводе.

«Он был католиком, а его отец был немцем или австрийцем» , — продолжил мой собеседник. У него был комплекс вины, который не мог быть оправдан в его индивидуальном случае. Скорее всего, он участвовал в войне. Он был гиперчувствительным. Он страдал «комплексом вины своего народа» имперской эпохи. Он буквально пишет антивоенную литературу во многих частях своих тек Он не был швейцарцем. Он скрывал от вас свое настоящее «я» и, скорее всего, свое настоящее имя. Он сделал это, пытаясь «найти учеников» , потому что знал, что половина афинян того времени — в 1922 и 1923 годах — были сторонниками держав Антанты» .

Профессор университета с греческого острова Тинос и выдающийся интеллектуал того времени нашел центральный смысл Дневника в другом месте.

«Самое главное в рукописях Динаха, — сказал он, — это его взгляд на то, что невероятно великое и прекрасное решение великих метафизических проблем будет найдено через долгое, долгое время. Эти проблемы суть проблемы мира, Бога, истоков, пути и цели людей, начала и конца существ. Это будет невероятная интерпретация глубокой тайны жизни, блестящий ответ на все те великие вопросы, которые дразнили человека как мыслителя в самых благородных и ценных индивидуальных и групповых случаях. Это было бы настолько прекрасным объяснением, что человеческий разум «пока не может воспринять его величие и утонченную красоту» . Он полагает, что придет время, когда то, что произошло с областью небесной механики и естественной вселенной в целом в начале XX века, произойдет и в области более универсального мировоззрения. Ибо может появиться невероятная теологическая превосходящей самые высокие мечты человеческого духа и самые смелые ожидания человеческого сердца. Динах предвидит, что то, что люди когда-то узнают об этих проблемах, будет превосходить с точки зрения величия и красоты то, что мы знаем сегодня, даже больше, чем научные знания начала 20-го века о проблемах человечества.

й

естественной вселенной по сравнению со временем до Евдокса, Аристотеля, Аристарха, Гиппарха и Архимеда» .

Помню, как он сказал мне в другой день:

«Диенах напоминает мне Уильяма Джеймса (Уильям Джеймс, американский мыслитель, 1842–1910), Ренана, Гексли и других мыслителей центральной и западной Европы начала 20-х [illegible] XIX века, опасавшихся, что христианство уже не удовлетворяло [illegible] догматизме — все возрастающее число современных образованных людей западного мира.
Христианским учениям все труднее, говорят упомянутые мыслители, оставаться в связи с тем, что уже известно о бытии, как это открывается нам ходом мира и развитием знания в течение этих последних двух столетий. С этого момента их дороги расходятся.
Эти криптоматериалистические мыслители склонны заменять религию бесконечным восхищением наукой и даже эволюционным гуманизмом. Они также считают, что религии, ставящие себя «выше мирских дел» , говорят о вещах, которых не существует, и что Западу давно пора принять религию, взявшую курс и направление на возможно более полное развитие духовных и нравственных способностей человека, на гармоничное и наиболее полное осуществление самых высоких и прекрасных задатков и достойных наклонностей.
Динах придерживается противоположного мнения. Он не только верит, что существуют реальности, которые человек характеризует как «метафизические» и «потусторонние» . Он также считает, что то, что «объективно существует» , обладает величием и красотой, непостижимыми для людей-получателей. Оно также стоит выше и ускользает («превосходит») все, что было сказано до сих пор величайшими религиями, самыми ценными философскими учениями, самыми амбициозными космо-теоретическими концепциями и вообще самыми высокими духовными проповедями на этой планете на протяжении всей истории человечест
Динах предвидит великую новую духовную проповедь, народное знание, как он ее называет. Последнее должно быть духовным учением небывалого уровня, прекрасным и дивным, стремящимся заменить уже известные общепризнанные догматы христианства и его богословскую основу в онтологическом поле более широким, высшим и всеобщим взглядом на мир, жизнь и всякое сфера существования. Это должно быть сделано, ни в малейшей степени не нарушая устоявшихся ценностей христианской традиции и ее несравненных нравственных учений» .

Мой образованный греко-македонский теософ и почтенный друг был другого, совершенно иного мнения.

«Я полностью убежден, — сказал он мне, возвращая мне рукописи, — что « Дневник » не был написан Динахом в Афинах в 1923–1924 годах. Он был написан в северной Италии и других регионах Европы в 3905 и 3906 годах Андреасом Нортамом. Он был ее настоящим автором. Личность и жизнь Динаха — это простое «сильное воспоминание о предсуществовании» , которое занимало в течение многих месяцев, почти года мысли, эмоциональный мир Андреаса Нортама и вообще его дух и все его мышление. Динах — «простой переписчик по памяти» . Он только и делал, что писал «во второй раз» в 1923–1924 годах то, что Андреас Нортам написал «впервые» в 3905 году и в следующем году. Темпоральная антиномия явно задана в человеческом масштабе, поэтому вся эта история с самого начала кажется невероятной. Можно сказать, что я иррационален. Однако эта антиномия в течении времени существует только для человеческих эталонов, для человеческого потенциала восприятия, только для человеческих эталонов, которые могут понять только смысл совмещения времени со вчерашним, сегодняшним и завтрашним днем. Крайне редки случаи, когда человеческий дух преодолевает препятствия, выходит за пределы человеческих стандартов и овладевает средствами восприятия за пределами чувств, телепатией, ясновидением и множеством вещей, выходящих за рамки «установленных» видов психического потенциала. Время вполне может быть — по своей объективной природе — отличным от нашего собственного человеческого восприятия его, кот

Греко-македонский теософ, очевидно, сформулировал вышеприведенные мысли на безупречном чистом греческом языке (поскольку он проникся этой лингвистической традицией). Я, однако, привожу их здесь на просторечии, так как это вариант всей этой вводной и критической заметки. В чтении рукописей ему помогал молодой немецкоязычный читатель, его родственник или друг — студент педагогической академии или археолог, если я правильно помню. Он был единственным из четырех, кто не владел родным языком Динаха. Он сказал, что не читал всю рукопись. Тем не менее, он говорил со мной о них. Он считал, что только «Первый дневник» и «Второй дневник» на самом деле были написаны самим Динахом. Он приписывает « Дневник с хрониками из будущего» Нортаму. Что касается Нортэма, то он также считал, что в возрасте двадцати восьми лет ему суждено стать — после какой-то очень серьезной травмы, временно приведшей к его клинической смерти — реинкарнацией Пола Динаха, что, по его словам, является «совершенно редким случаем» . реинкарнации, поскольку она произошла в европейском регионе нашей собственной сферы» .

Я помню, что на одной из наших встреч этот теософ и масон и почтенный друг сформулировал мысль, которую высказали бы все те, кому довелось встретиться с Диенаком лично и затем прочитать его Дневник . Мысль о том, что автор этих текстов имел в виду те же факты, те же вещи, те же случаи, тот же «материал» , одним словом, над которым будут работать будущие историки спустя очень долгое время. Разница в том, что последние должны придавать этому материалу форму исторического исследования и историографии, и их методология должна быть совершенно иной. Здесь Динах обращается с тем же материалом, как с рассказчиком-путешественником, и придает ему внешнюю форму «путевого вымысла» несколько литературного характера в формулировках текста и с тем приукрашиванием, которое было так привычно его мировосприятию и не вписывалось в его мировоззрение. обычный стиль нашего времени. Помнится, мой уважаемый друг добавил, что самым интересным элементом, лежащим в основе этих текстов, является ретроградная перспектива времен, -не слишком далеких (21-22 века), кем-то, кто может быть записывающим исторические впечатления в те очень далекие годы в будущем.

Джордж М. Папачатзис,

август 1966 г.

СПИСОК ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

ИМЕНА ЛЮДЕЙ

ЭСТЕТЫ И ФИЛОСОФЫ ИСКУССТВА

ЛЮДИ

Закрывать

Лестрем

Люцифер

Нимотти

ЖЕНЩИНЫ

Леля Нопоткин

АКАДЕМИИ

ЛЮДИ

Волки

Милиоки

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ И ПОЛИТИКИ

ЛЮДИ

Бальдини

Верхин

Грюберг

Камень

Веха

Франклин Монтегю

Рикенмат

Густав Сиогоя

Джон Терринг

Торхильд

Вера

Фольбах

ФЛОРИСТЫ

ЛЮДИ

Костя Родулоф

ЛОРФЕС (руководители интеллигенции)

НО

Ялмар

Ульфинк Энемарк

Николас Лаевски

Кнут Ниверсан

Ринаршильд Джон

Хамфри Гуннар

Хиллер мл.

ИЛЕКТОРЫ (высокопоставленные деятели интеллигенции)

ЛЮДИ

Бурен

Джагер

ЖЕНЩИНЫ

Татьяна Баклин

ВЕЛИКИЕ ДУХОВНЫЕ ЛИДЕРЫ

Алексис Волки

АРХИТЕКТОРЫ

ЛЮДИ

Олаф Кирл

Кеконен

Игорь Бодуров

Ниморсунт

Торопиться

Хеймерстам

ЖЕНЩИНЫ

Перейти Ластрем

Алисия Невилл

Хильда Норманден

Астрономы – естествоиспытатели

ЛЮДИ

Стриберг

Рисовать

Фериди, отец и сын

БИОЛОГОВ

ЛЮДИ

Якобсен

Янсен

СКУЛЬПТОРЫ

ЛЮДИ

Греневаль

Эриксен

Дин Керстин

Альберт Кингсман

Суини Конимарк

Левертин

Аральд Майен

Мелсам

Мондштайн

Гуторп Нильсен

Дэвис

Нюрберг

Корзины для выдр

Праделли

Фейнрих

ЖЕНЩИНЫ

Илеанна Вирбах

ВЕЛИКИЕ МЫСЛИ (без конкретной цели или специальности)

ЛЮДИ

в течение

Олаф исключен

Эстерлинг

Залмар

Миллякоф

Рациски

Рунерборг

Матей Сванол

Виктор Гормс

ВЕЛИКИЕ МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКИ АНДРЕАСА НОРТАМА

Аксель Дженефельт

МЫСЛИТЕЛИ АЙДЕРСЕНА

ЛЮДИ

Лещ

Спонсоры

Здоровая пища

Роялсен

Чиллер

МЫСЛИТЕЛИ, БЫВШИЕ ПЕДАГОГОВ

ЛЮДИ

Йохан Гейер

МЫСЛИ-АССЕТЫ

ЛЮДИ

Алоизиус Нильсон

АНХОРИТСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

Джоэл Летонен

Милиоткин

Гуннар Нелбарн

ДРАМАТИСТЫ

ЛЮДИ

Эвелин Корнсен

Бьорнсен

Борудин

Игнатий Уолмин

ИЗДАТЕЛИ

Дюпон

ПЕРЕВОДЧИКИ МЫСЛИ ИНСТИТУТА АЙДЕРСЕНА

ЛЮДИ

тоньше

ПЕДАГОГОВ

ЛЮДИ

Аструччи

Корнелиус

Другие

Гуннар Бьерлин

ИНТУИТИВНЫЕ ДУХИ

ЛЮДИ

Аттерман

Гиблинг

Эрик Горд

Карстенс

Колумбайн

Флетчиус

ЖЕНЩИНЫ

Мэри-Ли

Вера Брандес

Тарвальсен

ИНТУИТИВЫ ИЗ ДОЛИНЫ РОЗ (РОЗЕРН ДАЛЬ) И АЙДЕРСЕН ИНСТИТУТ

ЛЮДИ

Аральд

Густавсен

Полоткин

Расмати

УЧЕНЫЕ

ЛЮДИ

Астром

Вилински

ярл

в Джерджесе

Карл Хорнсен

Бойер

Сиоберлеф

Эйленслейер

Эрладер

Вальдемар исключен

Эстерлинг

суббота

Стерлинг

Хольберг

ЖЕНЩИНЫ

Коиральный

ХУДОЖНИКИ

ЛЮДИ

Кнут Вальдемар

Хвост

Нишевое поле

Фабиус Сигра
Штернстед
Силд
ЖЕНЩИНЫ
Дора Вилен

ВРАЧИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ
ЛЮДИ
Молсен
дизайн
Кирхоф
Флессинг

ПРОПОВЕДНИКИ
ЛЮДИ
Кнут Дитер

ИСТОРИКИ НАУКИ
ЛЮДИ
Шайбы

ЖЕНЩИНЫ
Бриджит Луни

ИСКУССТВОВЕДНИКИ
ЛЮДИ
Нюмарк
Пьер
ЖЕНЩИНЫ
Инга Пирсон
Людмила Сикорский

ИСТОРИКИ МУЗЫКИ
ЖЕНЩИНЫ
Далия Китли

ФИЛОЛОГИ И КРИТИКИ
ЛЮДИ
коралловый
Дуилио Маркматт
Феликс Димсен
Окен

КРИТИКИ И ФИЛОСОФЫ КУЛЬТУРЫ
ЛЮДИ
Анерхольм
Kershey

ВЕЛИКИЕ КОМПОЗИТОРЫ
ЛЮДИ

китовый миндаль
Рутемир

ДРУГИЕ КОМПОЗИТОРЫ
ЛЮДИ
Хольгер Нильсен
Уэсли
Припухлость

МУЗЫКАНТЫ
ЛЮДИ
Олаф Ледестрем

ПОЭТЫ
ЛЮДИ
Йонас Герлуд
Торальсен
Корона
Кирстен Ларсен
Мансвен
Алексис Роген
Праделли
Селиус
Сульсник

ХУДШИЕ ПОЛИТИКИ
ЛЮДИ
Тебриф
ЖЕНЩИНЫ
Кларисса Лейтон

СКАНДИНАВСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ
ЛЮДИ
Грофель
Леннон
Гуннар Моргенсен
Динойер
Сиоберг

ФИЛОСОФЫ
ЛЮДИ
Доменикус Альбани
Аксель Энгельмайер
королевский
ЖЕНЩИНЫ
Роза Вернли

МЕСТНЫЕ НАЗВАНИЯ

Дения Валлия

Диана

Дориани

А ТАКЖЕ

Эгерия

Эястрем

Элики

почетный

Эрика

Героический

Ф

Фата Азура

Федкирхе

фгелен

Пламя

Фьямаззура

Фьямметта

Филиатура

Флавия

Флора Марис

Флоренция

Цветочное гнездо

Фойя

грамм

Галларате

Общий

Женева

Генуя

Гетеборг

Джанна Терринга

поскользнулся

Божья благодать

Грац

Гримбол

ЧАС

Харьков

Гейдельберг

я

Иберия

Игмор

Иркутск

Искья

Дж

Девственник

К

Карлсруэ

Кобленц

Кёльн

Королевский замок

Кенигскинд

л
Лабарен
они умирали
Лагерла
Ларилуд
Ласса
Латарми
Широкий
Лаури
Лига-Од
Леньяно
Лесли Гейт
Либах
Лигонт
Лилиенборг
Маленькая Функа
Локарно
Логговардия
Лоикито
Лондон
Лугано
Не он
Лисборг
Светло-синий
Лисикома
М
Пурпурный
Майорка
Мальта
Мангейм
Маргеллина
Марибор
Мариенборг
Маркфор
лицо Уралии
Майентия
Майерлинк
Мекка
Медина
в Милане
Менаджо
Мендризио
Мерано
Полуночный алмазный камень
Менорка
Монтрё
Монца
Н
Милосердие
Наятана

Новая Христиания
Нью-Йорк
Новый Гетеборг
Новый Хельсинбург
Новая Карелия
Новая Лория
Новый Марниано
Новая Нарвика
Жители Нового Орлеана
Новый Ретвик
Новый Римальджи
Новая Сабина
Новая Скальдия
Новая лепешка
Новая Тарракона
Новый Ташкент
Новый турнир
Нью-Тродхейм
Новая Уппсала
Нью-Йорк
Новый Youthsmile
Ниелюд
Ногера
Норфор
Ноштадт
Нотибург
Новая Тугуска
Нюборг
Нидельфия
Нифор
Нигуска
Нилиенборг
Нималмоэ
Новый соболь
Низальборг
Новая Финляндия
Нивин
О
Оджфорд
Существа
Обрезание
Середина
Быки
п
Париж
Париж
Парма
Претория
Прочида
р

Рагрилия
Смола цветная
Ро
Риген
Риялта
Родопы
Рим
Роза Азура
Русенборг
Розелюк тоже
Долина роз
Розенхольм
С
Салерно
В Самарканде
Скаген
Скания
Мусорщик
Море радости
Шестой горячий
Сгелен
принуждение
Шлезвиг Гольштейн
Маленькая Анолия
Кормушка для маленьких цветов
Маленькая Скания
Малая Терринга
Мирный
Сорренто
Социана
бодрый
Звезда рассвета
Звезда Востока
Стелла Марис
Страсбург
стресс
Сванелуд
Распродать
Лебединый выбор
Сидней
Сиракузы
Т
Столы
Терранова
Террингтаун
Тескера
Толос
Тобольск
Теплиц
Турнир (аналогично Большому турниру)

Трасилея

Туплин

В

Лев

В

валеариды

Вальхейм

Варенн

Варезе

Вербания

Версаль

Выборг

Одинокий

Викигрудер

утка викингов

Искра викинга

Вилиана Виллафранка

Филлах

вина

висит

Vokamvyl

В

Мы

Варшава

Вашингтон

Веймаэ

Икс

Ксанти Федриада

Д

Youthsmile

из

Это сложно

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

2204 год нашей эры: Колонизация Марса (колония процветала в течение шестидесяти лет, прежде чем была полностью уничтожена, убив двадцать миллионов человек)

2309 год нашей эры: Ядерная война среднего масштаба уничтожила большую часть Европы, кроме Скандинавские и Прибалтийские страны

2320-2350 гг. н.э.: заселение Европы. Мирное заселение северного населения в Средиземное море

2394 г. н.э.: Заключительное Учредительное собрание Европы.

2395 г. н.э.: Последнее Всемирное Учредительное Собрание

2396 г. н.э. (ГОД 1): Официальное учреждение «Рецстата» (мировой нации с законом и порядком). Конец «предыстории» и начало «исторической эпохи» .
Год ПЕРВЫЙ по новой хронологии. Первые 986 лет (2396 г. н.э.-3382 г. н.э.) были древним периодом истории (эпоке гаммеля). С 3382 г. н.э., когда проповедь Волков достигла глобального консенсуса, начинается новая эра, и новый человек, «Homo Occidentalis Novus» , приходит на смену Homo Sapiens.

2596 год нашей эры (ГОД 200): Ведущие ученые со всего мира теперь являются новыми мировыми лидерами, ответственными за все глобальные действия правительства. Вначале им отдавали приказ политики с глобальным влиянием, вроде Джона Терринга.

2823 год н.э. (427 ГОД): Лидер Торхильд символически спрашивает, есть ли адекватность (фактически, общая глобальная адекватность) в «распределении» каждого промышленного товара. Есть адекватность, теперь у каждого человека есть то, что ему нужно.

2846 г. н.э. (450-й ГОД): город Норфор начинает функционировать как глобальный Центр духовной жизни

2894 г. н.э. (ГОД 498): «Начало 200-х сотен» и строительство Розернес Дал (Долина роз)

3000 г. н.э. (7 век): Новое Возрождение духовных ценностей.

3100 г. н.э. (8 век): Ренессанс продолжается.

3126 г. н.э. (730 ГОД): Основание Института Айдерсена в Розерне.

От

3200 г. н.э. (9 век): «Золотой век» искусства и духовных достижений.

3226 г. н.э. (830 ГОД): Алоизий Нильсон предсказывает грядущий подъем «Духовная цивилизация»

3253 г. н.э. (857 ГОД): Величайший поэт Ларсен умирает и уходит в бессмертие...

3256 г. н.э. (860 г.): впервые звучит ораториум Вальманделя «Молитва между золотыми сферами звезд» . Это лучшее произведение из когда-либо написанных.

3273 год нашей эры (876 год): Архитектор Алисия Невилл заканчивает свой шедевр: «Храм мира и любви» в Долине роз

3307 г. н.э. (911 ГОД): Рождение Алексея Волки.

3382 г. н.э. (986 ГОД): 6 сентября Алексис Волки попадает под удар «Нибельвирха» и выживает. Мгновенное просветление. Благодаря Нибельвирху в мозг человека добавляется новая «антенна» восприятия. Называется: «Оверсынссанс» (надзор). Этот день (наше 6 сентября) позже был объявлен первым днем НОВОЙ ЭРЫ (Ny Epoke).

3392 год нашей эры (996 год): Алексис Волки умирает в возрасте 86 лет.

3396 г. н.э. (1000 ГОД): Кризис народной проповеди

3410 г. н.э. (1014 ГОД): Шедевр Рутемира «Служение прославления» исполняется впервые.

3546 г. н.э. (1050 ГОД): Окончательное преобладание Волковского Идеала как «консенсус родов» .

3482 год нашей эры (1086 год): первые Голубые розы (розы, которые физически излучают синий свет). Шедевр садоводства Костии Родулоф.

3600 г. н.э. (13 век): Тинерсен и его «притчи» .

3905 г. н.э. - 3906 г. н.э. (1509 и 1510 ГОД): Андреас Нортам пишет свои «Страницы дневника» . У него будут яркие воспоминания о предшествующем существовании в течение периода

двенадцать месяцев, прежде чем он умрет в возрасте 29 лет.

КАЛЕНДАРНЫЕ ДОСКИ

Календари были составлены Джорджем Папачатзисом, единственным и неповторимым переводчик рукописей Пола Амадея Динаха. «Новый календарь» был установлен во 2й столетие их хронологии (первый год = 2396 г. н.э.) и хранился до 40й век. Их создателями были лучшие ученые мира, ответственного за мировое правительство в то время. Долина роз (Розерн Даль) придерживался одного и того же календаря, несмотря на то, что многие астрономы утверждали, что это не было на 100% точным.

Новый год (вставка) ... 23 сентября

МЕСЯЦ I

....	24 сентября
1 2	25 сентября
3	26 сентября
4	27 сентября
5	28 сентября
6	29 сентября
7	30 сентября
8	1 октября
9	2 октября
10	3 октября
11	4 октября
12	5 октября
13	6 октября
14	7 октября
15	8 октября
16	9 октября
17	10 октября
18	11 октября
19	12 октября
20	13 октября
21	14 октября
22	15 октября
23	16 октября
24	17 октября
25	18 октября
26	19 октября
27	20 октября
28	21 октября
29	22 октября
30	23 октября

МЕСЯЦ II

1 .... 24 октября
2 .... 25 октября
3 .... 26 октября
4 .... 27 октября
5 .... 28 октября
6 .... 29 октября
7 .... 30 октября
8 .... 31 октября
9 .... 1 ноября
10 .... 2 ноября
11 .... 3 ноября
12 .... 4 ноября
13 .... 5 ноября
14 .... 6 ноября
15 .... 7 ноября
16 .... 8 ноября
17 .... 9 ноября
18 .... 10 ноября
19 .... 11 ноября
20 .... 12 ноября
21 .... 13 ноября
22 .... 14 ноября
23 .... 15 ноября
24 .... 16 ноября
25 .... 17 ноября
26 .... 18 ноября
27 .... 19 ноября
28 .... 20 ноября
29 .... 21 ноября
30 .... 22 ноября

МЕСЯЦ III

.... 23 ноября
1 2 .... 24 ноября
3 .... 25 ноября
4 .... 26 ноября
5 .... 27 ноября
6 .... 28 ноября
7 .... 29 ноября
8 .... 30 ноября
9 .... 1 декабря
10 .... 2 декабря
11 .... 3 декабря
12 .... 4 декабря
13 .... 5 декабря
14 .... 6 декабря
15 .... 7 декабря
16 .... 8 декабря
17 .... 9 декабря
18 .... 10 декабря

19 .... 11 декабря
20 .... 12 декабря
21 .... 13 декабря
22 .... 14 декабря
23 .... 15 декабря
24 .... 16 декабря
25 .... 17 декабря
26 .... 18 декабря
27 .... 19 декабря
28 .... 20 декабря
29 .... 21 декабря
30 .... 22 декабря

МЕСЯЦ IV

.... 23 декабря
.... 24 декабря
1 2 Рождество (вставка) ...... 25 декабря
3 .... 26 декабря
4 .... 27 декабря
5 .... 28 декабря
6 .... 29 декабря
7 .... 30 декабря
8 .... 31 декабря
9 .... 1 января
10 .... 2 января
11 .... 3 января
12 .... 4 января
13 .... 5 января
14 .... 6 января
15 .... 7 января
16 .... 8 января
17 .... 9 января
18 .... 10 января
19 .... 11 января
20 .... 12 января
21 .... 13 января
22 .... 14 января
23 .... 15 января
24 .... 16 января
25 .... 17 января
26 .... 18 января
27 .... 19 января
28 .... 20 января
29 .... 21 января
30 .... 22 января

МЕСЯЦ V

1 .... 23 января
2 .... 24 января
3 .... 25 января
4 .... 26 января

МЕСЯЦ VI

21 .... 15 марта
22 .... 16 марта
23 .... 17 марта
24 .... 18 марта
25 .... 19 марта
26 .... 20 марта
27 .... двадцать первое марта
28 .... 22 марта
29 .... 23 марта
30 .... 24 марта

МЕСЯЦ VII

.... 25 марта
1 2 .... 26 марта
3 .... 27 марта
4 .... 28 марта
5 .... 29 марта
6 .... 30 марта
7 .... 31 марта
8 .... 1 апреля
9 .... 2 апреля
10 .... 3 апреля
11 .... 4 апреля
12 .... 5 апреля
13 .... 6 апреля
14 .... 7 апреля
15 .... 8 апреля
16 .... 9 апреля
17 .... 10 апреля
18 .... 11 апреля
19 .... 12 апреля
20 .... 13 апреля
21 .... 14 апреля
22 .... 15 апреля
23 .... 16 апреля
24 .... 17 апреля
25 .... 18 апреля
26 .... 19 апреля
27 .... 20 апреля
28 .... 21 апреля
29 .... 22 апреля
30 .... 23 апреля

МЕСЯЦ VIII

.... 24 апреля
.... 25 апреля
.... 26 апреля
1 .... 27 апреля
2 3 4 День Вселенского Альтруизма
(вставка) .... 28 апреля
5 29 апреля ....

6		30 апреля
7		1 мая
8		2 мая
9		3 мая
10		4 мая
11		5 мая
12		6 мая
13		7 мая
14		8 мая
15		9 мая
16		10 мая
17		11 мая
18		12 мая
19		13 мая
20		14 мая
21		15 мая
22		16 мая
23		17 мая
24		18 мая
25		19 мая
26		20 мая
27		21 мая
28		22 мая
29		23 мая
30		24 мая

МЕСЯЦ IX

1		25 мая
2		26 мая
3		27 мая
4		28 мая
5		29 мая
6		30 мая
7		31 мая
8		1 июня
9		2 июня
10		3 июня
11		4 июня
12		5 июня
13		6 июня
14		7 июня
15		8 июня
16		9 июня
17		10 июня
18		11 июня
19		12 июня
20		13 июня
21		14 июня
22		15 июня
23		16 июня

24	17 июня
25	18 июня
26	19 июня
27	20 июня
28	21 июня
29	22 июня
30	23 июня

МЕСЯЦ X

1	24 июня
2	25 июня
3	26 июня
4	27 июня
5	28 июня
6	29 июня
7	30 июня
8	1 июля
9	2 июля
10	3 июля
11	4 июля
12	5 июля
13	6 июля
14	7 июля
15	8 июля
16	9 июля
17	10 июля
18	11 июля
19	12 июля
20	13 июля
21	14 июля
22	15 июля
23	16 июля
24	17 июля
25	18 июля
26	19 июля
27	20 июля
28	21 июля
29	22 июля
30	23 июля

МЕСЯЦ XI

	24 июля
1 2	25 июля
3	26 июля
4	27 июля
5	28 июля
6	29 июля
7	30 июля
8	31 июля
9	1 августа
10	2 августа

11	3 августа
12	4 августа
13	5 августа
14	6 августа
15	7 августа
16	8 августа
17	9 августа
18	10 августа
19	11 августа
20	12 августа
21	13 августа
22	14 августа
23	15 августа
24	16 августа
25	17 августа
26	18 августа
27	19 августа
28	20 августа
29	21 августа
30	22 августа

МЕСЯЦ XII

1	23 августа
2	24 августа
3	25 августа
4	26 августа
5	27 августа
6	28 августа
7	29 августа
8	30 августа
9	31 августа
10	1 сентября
11	2 сентября
12	3 сентября
13	4 сентября
14	5 сентября
Гретвирх Арсдаг [Юбилей Нимпельвирха] (вставочный)	6 сентября
15	7 сентября
16	8 сентября
17	9 сентября
18	10 сентября
19	11 сентября
20	12 сентября
21	13 сентября
22	14 сентября
23	15 сентября
24	16 сентября
25	17 сентября
26	18 сентября

2 7 .... 1 9 сентября
2 8 .... 2 0 сентября
2 9 .... 2 1 сентября
3 0 .... 2 2 сентября (Новый год с Е и)

ГЛОССАРИЙ

День Земли: Юбилей.

Биглис: Великий Свет.

Партнеры Biltur: Работники туристических агентств.

Билвей: Колоссальная автомагистраль, проходящая через Евразию.

Бигвирч: Великий Вирч.

Civesheim: Роскошная гостиница или постоянное место жительства для горожан (Cives).

Civeshostels: см . Civesheim.

Цивис: [мн. Cives] Гражданин, прошедший двухлетнюю службу.

Цивесгард: Багровый дворец.

Потребительский коллектив : Потребительский коллектив.

Данер: Огромные продолговатые летательные аппараты, названные в честь человека, который их изобрел.

Старейшина: Старые времена.

Forening: Коллектив или союз. В Северной Европе их называют Brugsforening.

Furgos: Специально спроектированные автостоянки.

Старая эпоха: см . Элдере.

Гесталад: Роскошный отель.

Gestel: роскошная гостиница, похожая на гесталад.

Глотнер: Огромные государственные промышленные города.

Гретлис: Великий Свет.

Гретвирх: Великий Вирх (см. Вирх).

Илектор: Высокопоставленные представители интеллигенции, занимающие особое положение в обществе.

Киркетарнс: круглые или эллипсовидные храмы с белыми круглыми колоннадами.

Платье: Ритуальное одеяние.

Лансби: сельская местность.

Ларинтер: Спортивные центры.

Маленькая школа: Начальная школа.

Линсен: летательный аппарат для частного использования, названный в честь его изобретателя.

Липвирх: Настоящая любовь, имеющая много общего с юношеской любовью. Это считается проблеском Самита.

Лорффе: Высокопоставленные деятели интеллигенции, лидеры общества.

Лис: Свет.

Меньшая школа: Меньшая школа начального образования.

Нибельвирх: термин, введенный Институтом Айдерсена неизвестной этимологии, означающий новую когнитивную способность, обретаемую людьми, новую антенну понимания. Благодаря Нибельвирху человеческий мозг получил возможность воспринимать новые области реальности.

Ножере: Новые времена.

Oversyn: Просветление благодаря Нибельвирху, новая динамика в познании.

Осмотр : см . Набережная Оверсин:

взлетно- посадочная полоса аэропорта.

Ragioza: [мн.] Трансконтинентальные, многоэтажные, сочлененные транспортные средства, используемые в качестве общественного транспорта.

Reigen: см. Reigen-Swage.

Reigen-Swage: проекционное устройство, названное в честь двух его изобретателей, сочетающее звук и изображение в различных размерах, от небольших персональных устройств до настенного экрана. Что-то вроде нашего телевидения.

Рецстат: Создание Всемирного Содружества с законом и порядком.

Ройсвирх: Духовное счастье более высокого уровня, очень сильная эмоция, похожая на экстаз, часто выше того, что человек может вынести. В последнем случае это может привести к самоубийству.

Самит: Термин неизвестной этимологии, придуманный Институтом Эйдерсена, означающий все сущее в целом. Сущность его непостижима для ограниченных человеческих возможностей Слааброк: Униформа из коротких штанов темного цвета с черными

полосами, заканчивающимися чуть ниже колен, зеленых шелковых высоких носков, белого двубортного жилета с белыми лацканами, зеленого палантина-пояса и специального пояса. белые сапоги.

Обжимка: см. Reigen-Swage.

Сторлис: Великий свет.

Тилтеи: [мн.] Чиновники интеллигенции, но не самые высокопоставленные.

Troende: Термин, используемый для обозначения человека эпохи Нортама, гражданина будущего.

Трое: Рабочая форма.

Унге: юноша до 17 лет, который добровольно участвует в «следовании» за великими интеллигентами.

Vigioza: Частные летательные аппараты.

Виндеброс: мосты, предназначенные для легких пеших прогулок.

Вилентен: Средняя школа.

Вирч: термин, введенный Институтом Айдерсена с неизвестной этимологией, означающий новые ценные интеллектуальные и духовные способности, добавленные к человеческому познанию и психике после появления нового вида Homo Occidentalis Novus в 3382 году нашей эры.

Веркстед: Фабрика

Благодарности

Особая благодарность моей жене Тони Цуми, моему брату Джону Сиригосу и его жене Джо Гиллан, владельцам Ancient-Origins.net. Без их поддержки эта публикация была бы невозможна.

Кроме того, я хотел бы от всего сердца поблагодарить Грега Пападоянниса за его мудрые комментарии, Василиса Цакироглу за его незамедлительный ответ на мои просьбы, Элеонору Кунени, Талию Бистикас и Матину Хацигианни за их неоценимую помощь в переводе Дневника и Радамантис Анастасакис, без которого эта книга, изменившая жизнь, не выжила бы.

Ахиллеас Сиригос